

А Н А Р

Литература

Искусство

Культура

Азербайджана

I
ТОМ

БАКУ – 2010

НАЗИМ ИБРАГИМОВ

Составитель, ответственный за издание

Анар

Литература, искусство, культура Азербайджана. Баку — 2010. -868 стр.

Представленная широкому кругу читателей книга состоит из двух томов и призвана осветить разные сферы многовековой азербайджанской литературы, искусства и культуры от истоков до наших дней. Это - не хрестоматия, не история, а размышления об особенностях духовной жизни Азербайджана в форме обобщающих статей и портретов - эссе классиков и современников. Это не строго научное исследование, а писательское слово, обращенное к многочисленной читательской аудитории с целью ознакомить ее с ценностями национальной культуры, с ее известными деятелями. Большая часть этих материалов была в свое время опубликована в Москве — на страницах “Литературной газеты”, “Советской культуры”, журналов “Новый мир”, “Дружба народов”, “Театр”, “Советская музыка”, “Музыкальная академия”, а также в республиканской прессе.

*Книга посвящается светлой памяти
ГЕЙДАРА АЛИЕВА,
истинного ценителя
литературы, искусства, культуры
Азербайджана*

Портрет Гейдара Алиева. Художник Таир Салахов

Содержание

Духовное богатство страны огней	7
Начало всех начал	43
“Где Низами?” - “он здесь!” - ответит каждый стих	54
Подвиг поэта	63
Победа поэта	75
Печаль поэта	104
Певец радостей, певец горестей	134
Человек утра	145
“Обманутые звезды”	152
Воспоминания о сеятеле	159
Раненый памятник, раненая память	170
Уроки мастера	176
Большое время - понимать	178
Сабировские дни календаря	209
Долг братства	214
Поэт, считавший мир мишурой	224
Слово о Юсифе Везире	228
Трагедия автора трагедий	233
Горькие судьбы двух поэтов	246
“Вольной птицей я был...”	254
Достоинство критика	263
Счастливый человек	268
Голоса с юга	277
“Жить вечно - жить в бессмертии народа...”	290
С Сулейманом без Сулеймана	303
Поэт, давший имя озеру	312
Чужбина во мне	318
Кто тебя забудет?	334
Хранитель сокровищницы литературы	343
О вехах большого пути и об одном маленьком рассказе	349
Размышляя о Мехти Гусейне	355
Путник тернистой дороги	365
Меридианы творчества	377
Борьба вершится и сегодня... ..	387
Невозможность стать журавлем	425
“Боже, как понять сей мир, начисто про нас забывший?”	442
“Жизнь болит...”	449
Ностальгия по дням минувшим	465
Подвижник служения муз	473
Талант быть человеком	486
Девятый портрет	493
Аксакал нашей поэзии по оба берега	500
Азиза Джафарзаде - писатель, ученый	503
Народному писателю Гусейну Аббасзаде	506
Народному поэту Азербайджана Наби Хазри	509
Приблизивший пришествие весны	512
Габила очень люблю	522

Народному поэту Сохрабу Таиру	524
Удивительный человек удивительного мира	528
Ученый	541
Гюльрух ханум Алибейли	544
Нам предстоит еще немало сделать из намеченного	546
Улыбка Али Керима	550
Мир один на всех	556
Борьба Халила, борьба за Халила	562
Достоинство поэта	570
Громкая и тихая поэзия (Тофига Байрама)	574
Поэт - сын страны поэтов	578
Мужество	579
Пространство прозы	591
Первый роман писателя	640
Разговор с Богом	654
Человек, которому море по колено	673
Восставшая человечность	678
Бакинское время	686
Строитель литературных мостов	689
Остались без Араза	691
Свет в окне	695
Редкий дар критика	703
Надежность	706
Нежность духа	709
Рыцарь слова	711
“Край отчий обретается во мне...”	715
Дочь двух поэзий	719
Верный друг	725
Шестидесятый май	728
“Как хорошо, что существует небо...”	730
Сходство и различие	733
Шестидесятипятилетний “шестидесятник”	742
С чего начинается жизнь... ..	744
Волшебство мира	751
Образ Айдына	761
Примириться с миром	765
Поэт любви в эпоху безлюбия	773
Ответственность перед народом и историей	778
Две статьи из прошлого	783
Телеграмма в будущее	786
С болью за утерянную личность	798
Вагифу Баятлы Одеру	802
Дорогами страданий	804
Грустное и светлое	808
Верность времени	818
Истинный интеллигент	823
Раздумья о времени и судьбе	826
Меж четырех стен	833
Чингиз Абдуллаев. Мой молодой старый друг	839
Что на роду написано, что на бумаге сказано... ..	844
Ни разлуки бы, ни смерти... ..	851
О Решаде Меджиде и об одном его рассказе	856
Поэт смутного времени	859
Возвращение к газели	861
За горизонтом горизонт	864
Предисловие к книге Гюнель Анаргызы “Твой сын Карабах”	866
Каменные гости	873
Гости Союза писателей	875

Духовное богатство страны огней

Азербайджан - моя Родина - расположен на Кавказе, у Каспийского моря, на перекрестке исторических и географических дорог, на стыке Севера и Юга, Востока и Запада. Величавая гряда Большого Кавказского хребта - граница Азии и Европы - северные пределы Азербайджана. Его восточное побережье омывается волнами Каспия - Хазара. Хазар чаще всего называют морем, но это и самое большое озеро в мире. На Западе Азербайджан граничит с Грузией и Арменией, по реке Аракс проходит южная граница страны. Там, за Араксом, другая держава - Иран, но более четырех пятых нашего народа проживает в Южном Азербайджане, на своих исконных землях. Волею исторических судеб в XIX веке Азербайджан был разделен между Российской империей и Ираном, но, как сказал поэт, по реке провели лишь государственную границу между двумя частями единой когда-то Родины, а под водами Аракса - никогда не рвущиеся корни одного народа, корни общего языка, общей истории, общей культуры, общей духовности.

Азербайджан, 28 мая 1918 года провозгласив свою независимость, первым в тюркском и во всем мусульманском мире установил республиканский, демократический строй, но его жизнь продлилась - день в день - всего 23 месяца. 28 апреля 1920 года XI Красная армия, свергнув национальное правительство, установила в Азербайджане советскую власть. Просуществовав в составе СССР в качестве Советской Социалистической Республики около семидесяти лет, в 1991 году, после распада Советского Союза, Азербайджан восстановил свою государственную независимость.

В состав независимого Северного Азербайджана входит его столица Баку - самый крупный город на Кавказе - и много других городов, таких как древние Гянджа, Шемаха, Шеки, Нахчыван, Ордубад, Шуша, Лянкяран, Губа, Барда, основанные много веков назад, а некоторые - и до нашей эры, и молодые, созданные в наше время, в наши дни, - Сумгайыт, Мингячевир, Дашкесан, Алибайрамлы (ныне Ширван).

В состав Азербайджана входят острова на Каспии, созданные природой, и стальной остров на эстакаде - легендарные Нефтяные Камни, созданный людьми. На территории Азербайджана 9 из 11 климатических поясов планеты. Азербайджан - это богатства щедрой земли и неисчерпаемые подземные и подводные сокровища.

Это хлопковые поля, фруктовые сады, белоснежные вершины гор, реликтовые леса, бурные горные реки и горные же озера изумительной красоты, целебные источники и суровая поэзия продуваемой всеми ветрами абшеронской земли.

В составе Азербайджана - облака, солнце, луна и звезды. *Наши* реки утекают в море, чтобы затем стать облаками. Горы и деревья остаются. Облака проливаются дождями, пропитывают *нашу* землю, давая жизнь новым всходам и новым родникам. Солн-

Могила Ноя в Нахчыване. Рисунок Бахруза Кянгерли

це, луна, звезды - всеобщие, но лунный свет, проложивший ровную серебристую дорожку в море у Загульбинского побережья в летнюю ночь, - штрих азербайджанского пейзажа. Как и звезды, которые кажутся ближе, когда смотришь на них с горы Илан-Даг в Нахчывани или когда видишь их отражение на ультрамариновой глади озера Гей-Гель. И солнце, оставившее свой раскаленный след на спелых гранатах и гроздьях винограда, на бронзовых лицах морских нефтяников и хлопкоробов равнинного Карабаха, запечатленное на полотнах наших живописцев, это как бы “наше”, “свое”, “домашнее” солнце.

Территория Азербайджана - 86,6 тысячи квадратных километров. Плюс небольшой участок земли в сирийском городе Алеппо, где похоронен великий азербайджанский поэт XIV века Насими. И еще земля, где находится могила другого великого нашего поэта XIV века - Физули - в иракском городе Кербала. И могила Мирзы Фатали Ахундова в Тбилиси.

И затерянные в холодных просторах Сибири безвестные могилы жертв сталинского произвола.

И сотни тысяч солдатских могил в разных странах Европы - могилы участников Второй мировой войны. Часть нашего народа, став частью чужой земли, как бы связывает нас со всем миром глубокими корнями, политыми праведной кровью.

Нет и не может быть земли, нет и не может быть народа, замкнувшихся в самих себе. Чем больше людей приобщается к судьбе и образам Азербайджана, к краскам и ритмам нашей жизни, тем шире и глубже связываемся мы со всей планетой, со всем человечеством.

Издревле по азербайджанской земле проходили караванные дороги, в том числе и знаменитый Шелковый путь из Азии в Европу. Испокон веков те, кто побывал в нашем краю, описывали чудо природы - горящую землю. То давало о себе знать неукротимое богатство нашего “подземелья” - сокровищницы нефти и газа. Этому огню поклонялись, Азербайджан называли Страной огней, и к Храму огнепоклонников, расположенному недалеко от Баку, тянулись паломники аж из далекой Индии. И сегодня еще - опять же недалеко от Баку - днем и ночью полыхают вечные, негасимые огни Янар-Дага - Горящей горы. Путешественники видели на Абшере не только горящую землю. Они не верили своим глазам, когда смотрели на горящую поверхность Хазара - Каспийского моря. В XIX веке горящее море увидел и описал французский писатель Александр Дюма-отец.

Вечные огни - это нефтяные и газовые богатства Азербайджана. Уже в начале XX века Баку называли нефтяной столицей мира. К нефти алчно тянулись любители чужого добра - от средневековых завоевателей до западных магнатов и русских большевиков. Знаменитые братья Нобель свою финансовую империю воздвигли на доходах от бакинской нефти. Бакинская нефть была вожаемой мечтой бесноватого фюрера.

Но нефть умела себя защищать. Пропитанные нефтью подоженные стрелы летели со стен Бакинской крепости на головы средневековых захватчиков. Уже в наше время, в годы Второй мировой войны, три из четырех советских самолетов, танков и боевых машин заправлялись горючим, выработанным из бакинской нефти.

Недаром на гербе Баку изображено три факела - три огня, символизирующих нашу героическую историю, природные богатства и устремленность в будущее.

Огни Азербайджана - это прежде всего светочи его высокой духовности, культуры, те светильники, которые народ бережно и самоотверженно пронес через лихолетья, мрачные века и годы. Вечный огонь в Аллее шехидов напоминает нам о том, какие жертвы принес наш народ для сохранения своего достоинства, самобытности и самого существования.

Азербайджан - один из древнейших очагов цивилизации. На территории исконного азербайджанского края - Карабаха - обнаружена Азыхская пещера, один из самых ранних очагов человеческого пристанища. В 40 километрах от Баку расположен Гобустан с его известными всему миру наскальными изображениями, самым ранним из которых более 10 000 лет. Знаменитый норвежский путешественник и ученый Тур Хейердал, побывав в Гобустане, обнаружил сходство изображенных на скалах лодок

Гобустанские наскальные изображения

Ковер “Шейх Сафи”

с древними ладьями викингов и выдвинул гипотезу об общности предков азербайджанцев и норвежцев.

Очень интересные наскальные изображения обнаружены также на Абшеронском полуострове, в Мардакянах, и в Нахчыване, на горе Геми-Гая (Скала-корабль). Любопытно само название этой горы, которое легенда связывает с Ноевым ковчегом. На территории Нахчывани находится и предполагаемая могила самого пророка Ноя, над которой сейчас воздвиг-

Девичья башня

нута гробница. Расщелина-пещера в горах Нахчывани - Асхаби Каф - упоминается в священном Коране.

Вообще, Азербайджан богат историческими и архитектурными памятниками. Легендарная Девичья башня в Баку, Комплекс Дворца Ширваншахов в Бакинской крепости, башни Абшерона, Дворец Шекинских ханов в красивейшем городе среди живописных отрогов Кавказских гор, с изумительной росписью батальных сцен, с красочными витражами-шебеке; уникальные творения архитектора XII века Абу Бекра Аджеми в Нахчыване - гробницы Момине хатун и Атабека - восхитили крупнейшего русского искусствоведа, академика Алпатова, написавшего о них проникновенные строки в своем капитальном труде "Всеобщая история искусства". Формы и украшения этих гробниц, по мнению специалистов, оказали влияние на развитие зодчества Востока и Запада - от мечети Биби ханум в Самарканде до собора Мария дель Фиоре во Флоренции. Кстати, в числе строителей не только самаркандских зданий в эпоху Тимура, но и знаменитого Тадж-Махала в Индии, в городе Агра, также были мастера из Азербайджана.

Такую же древнюю и богатую историю имеет искусство ковроткачества Азербайджана. Самый старый из обнаруженных ковров - пазырыхский, датируемый VI-V столетиями до нашей эры и найденный во время археологических раскопок на Горном Алтае, по авторитетному мнению его первооткрывателя и исследователя С.И.Руденко,

Храм огнепоклонников в Сураханах

Крепость Базз - цитадели Бабека в Южном Азербайджане

имеет мидийские истоки, то есть связан с государством на территории Азербайджана. А самый большой в мире ковер - "Шейх Сафи" - был создан в 1539 году в Тебризе, столице азербайджанского государства Сефевидов, по заказу шаха Тахмасиба для ардебильской мечети. Его общая площадь 56 квадратных метров. В 1893 году он попал к англичанам и ныне хранится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Азербайджанские ковры, названные по именам тех регионов, где были сотканы, - карабахские, тебризские, ширванские, кубинские - украшают многие музеи мира.

В течение многих веков в историческом существовании нашего народа важное место занимали как оседлый, так и кочевой образ жизни. Азербайджанский народ - сложный и органический сплав оседлого, местного, автохтонного населения, обитающего на этих землях испокон веков, и динамичной кочевнической стихии, волнами накатывавшей и оседавшей здесь. Оба этих начала, если прибегнуть к метафоре, - материнское и отцовское - существенны в этногенезе нашего народа. Органический синтез двух укладов жизни, двух культурных традиций воплотился в едином национально-специфическом облике. Однако оттенки, особенности этих двух первоначал ясно прослеживаются в течение длительного исторического периода.

Издrevле на азербайджанской территории сменяли друг друга разные религии. В течение долгих веков протоазербайджанцы были огнепоклонниками, и одной из причин этого была, видимо, сама природная сущность Азербайджана - страны вечных огней. Основатель этой религии пророк Зардушт (Зороастр), по некоторым версиям, родился в Азербайджане. Созданная им или приписываемая ему священная книга "Авеста" имела влияние на культуру, обряды и обычаи, ритуалы и праздники (в частности Праздник весны - Новруз байрам) азербайджанского народа.

В пору существования азербайджанского государства Албания господствующей в стране религией стало христианство. Ислам, появившийся на арене истории в VII веке в Аравии, не сразу привился в Азербайджане. Крупнейшее восстание против арабского халифата под предводительством Бабека - приверженца политико-религиозного

учения хуррамитов (религии счастья) - продолжалось 22 года. Но Бабека предали и подвергли мучительной казни в Багдаде.

В конце концов ислам окончательно утвердился в Азербайджане, и в течение тысячелетия с лишним его ценности оказывали решающее влияние на духовность и культуру нашего народа, на его нравственные и философские убеждения. Необходимо отметить, что в канву этой религии в Азербайджане вплелись и доисламские верования тюркских народов, в том числе азербайджанцев.

Быть может, наиболее ярким примером такого органического слияния ислама и доисламского мировоззрения является бессмертный эпос “Китаби Деде Горгуд” (“Книга моего Деда Горгуда”).

В эпоху расцвета средневековых азербайджанских государств Атабеков и Ширваншахов творили многие известные поэты и ученые. Недалеко от столицы Ширванского царства - Шемахи, в селе-

Бабек

Албанский царь Джаванишир. Государственный Эрмитаж в Санкт Петербурге

нии Мельхем родился выда-

ющийся поэт XII века Хагани Ширвани, автор поэм, касид и газелей. Вначале он был обласкан царским двором, но, впав в немилость, оказался в темнице, где и написал “Хебсие” (“Тюремную поэму”). Забегая вперед, можно сказать, что судьбы многих азербайджанских поэтов сложились трагически. В XIV веке был жестоко казнен Насими, в XVIII веке такая же участь постигла М.П.Вагифа, в XIX веке царским режимом был сослан Г.Закир, в XX веке советским режимом - Г.Джавид. В 1937 году были расстреляны поэты Ахмед Джавад, Микаил Мушфик и многие другие писатели, ученые, актеры - цвет интеллигенции Азербайджана.

Великий азербайджанский поэт XII века Низами Гянджеви прожил относительно спокойную жизнь в своем родном городе Гянджа, там же он и похоронен.

* Более подробно об этом эпосе, как и о классиках и современниках азербайджанской литературы, искусства, говорится в соответствующих эссе, посвященных им.

Современницей Низами была поэтесса Мехсети, тоже родом из Гянджи, автор изящных рубаи-четверостиший, которые сравнивают со стихами великого Омара Хайяма, также созданными в этой форме.

В творчестве азербайджанских поэтов Низами, Хагани, Мехсети и поэтов последующих периодов восточного средневековья, как и в произведениях большинства иранских, арабских, турецких, узбекских художников пера, очень сильно влияние идей суфизма, или, как часто его определяют, восточного пантеизма. По весьма далекой аналогии их можно было бы сравнить с идеями Реформации, протестантизма в Европе, в смысле противопоставления консервативному католическому мировоззрению в христианском мире и ортодоксальным религиозным догмам в мире мусульманском. Пантеистический суфизм утверждает, что Бог и природа тождественны и все в мире есть лишь эманация Бога. Человек, отторгнутый от первоначальной субстанции (природы-Бога), должен вновь соединиться с ним в любви, во имя чего он отрекается от всего земного. Логическим философским выводом из общей концепции суфизма был знаменитый тезис “Ан-ал-хак!” - “Я есть Бог (истина)”, провозглашенный поэтом-суфием X века Мансуром Халладжем (казнен в 922 году за столь вольную мысль). Но уже в XI-XII веках суфизм усилиями крупнейшего исламского ученого-богослова Аль-Газали был принят в лоно официальной ортодоксии и в последующие века из двенадцати течений суфизма десять были признаны лояльными. Два же считались еретическими и жестоко преследовались. Хуруфизм был одним из этих двух течений. Основателем хуруфизма являлся азербайджанский ученый-философ Фазлуллах Наими, а одним из его последователей стал великий поэт и мыслитель Имадеддин Насими. Грандиозной заслугой Насими перед нашей национальной литературой является то, что он стал первым большим поэтом, оставившим богатое поэтическое наследие на родном азербайджанско-тюркском языке (его предшественники - Низами, Хагани, Мехсети, согласно канонам того времени, писали на фарси).

Помимо Наими и Насими, эта эпоха выдвинула и других крупных ученых в Азербайджане - философов Сухраверди, Шабустари, богослова Сеида Яхью Бакуви... Астроном Насиреддин Туси, основавший в южно-азербайджанском городе Марага знаменитую обсерваторию, был также автором ценных трактатов по этике, математике, физике, минералогии, философии, богословию, истории, географии, поэтике... Недаром этого энциклопедически образованного ученого называли Третьим учителем (после первых двух - древнегреческого философа Аристотеля и тюрка Аль-Фараби). Народная молва связывает имя Насиреддина с легендарным персонажем фольклора тюркских народов Ходжой Насреддином - острословом и балагуром, известным на огромной территории от Центральной Азии до Балкан своими анекдотами и забавными похождениями. Ходжа Насреддин - Молла Насреддин в азербайджанском варианте, современник Тамерлана, один из популярных образов и нашего народного творчества.

К этой же эпохе относится деятельность двух выдающихся музыкантов - Сефиаддина из южно-азербайджанского города Урмия и Абдулькадира из той же Мараги.

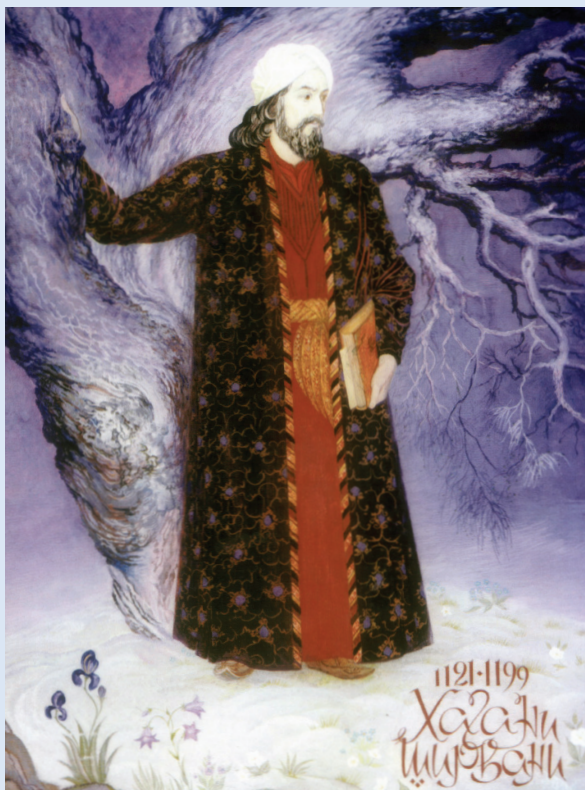
Сефиаддин Урмеви и Абдулькадир Марагаи были не только крупными исследователями особенностей восточной музыки, но и ее творцами, создателями музыкальных произведений и их исполнителями.

Литература и искусство Азербайджана переживали время расцвета и в годы правления Шаха Исмаила - первого властителя азербайджанского государства Сефевидов, писавшего стихи под псевдонимом Хатаи. И если в анналах истории Востока значительное место занимает Шах Исмаил, то в сокровищнице азербайджанской классической поэзии не менее почетное - у поэта Хатаи. Свою раннюю поэму “Бангу баде” (“Ташиш и вино”) посвятил Шаху Исмаилу и молодой Мухаммед Физули, живший и творивший в XVI веке.

Физули также писал свои произведения на трех основных языках исламского Востока - фарси, арабском и тюркском. Но лучшие свои стихи, а также гениальную поэму “Лейли и Меджнун” он создал на своем родном языке, особо оговорив необходимость воплощения этой темы на азербайджанско-тюркском.

Порой сюжет “Лейли и Меджнун” сравнивают с фабулой “Ромео и Джульетты” Шекспира, но это лишь внешняя схожесть ситуаций. Счастью Ромео и Джульетты препятствует вражда между их семьями - Монтекки и Капулетти. Никакой вражды между семьями Гейса-Меджнуна и Лейли нет. Трагизм поэмы заключен в самом характере Гейса, в философии меджнунства, когда для влюбленного существует лишь образ возлюбленной в его душе. Именно на этой почве совершаются Гейсом поступки, которые оцениваются окружающими как безумие, а самого Гейса нарекают Меджнуном - безумцем. Отец везет Меджнуна в Мекку, где, по верованиям, он исцелится от своего недуга, если помолится в святыне Каабе. И Меджнун молится, но молится за то, чтобы никогда не избавиться от этой болезни - любви к Лейли. Эта сцена - вершина не только поэмы Физули, но и одно из самых выразительных художественных воплощений меджнунства, и еще шире - идей суфизма, ставящего истину чувств выше истины разума. Пафос поэмы Физули - стремление, но не достижение, страдания любви, что, по Физули и Меджнуну, выше счастья любви. И в своей бессмертной поэме, и в газелях из азербайджанско-тюркского “Дивана” Физули задолго до Байрона, европейских романтиков заговорил о “мировой скорби” - “гями алям”, объявив себя ее приверженцем и жертвой.

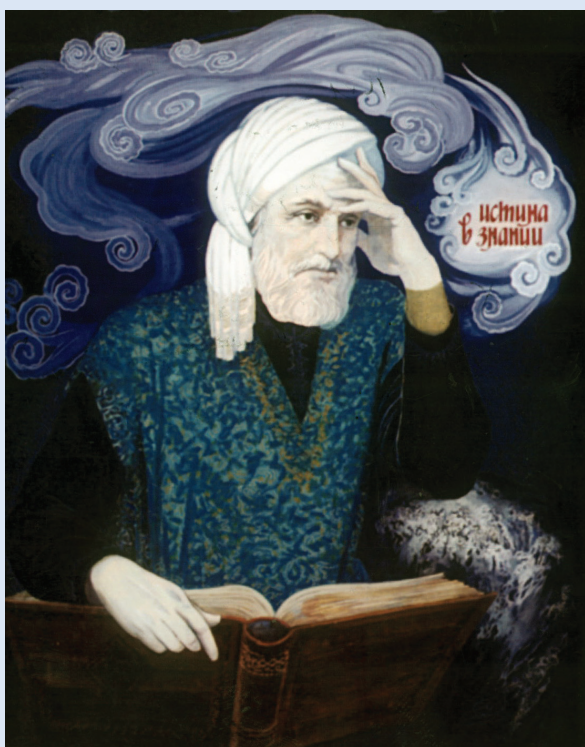
Элитарным, тонко чувствующим, страдающим героям Физули как бы противостоят лирические образы ашугской поэзии, герои любовных дастанов “Ашуг Гариб”, “Асли и Керем”, которые сталкиваются с реальными, а не философски-отвлеченными проблемами. Вершиной дастанного творчества азербайджанского, и не только азербайджанского, народа в этот период является героический эпос XVII века “Кероглы”. Оговорка не случайна. Кероглы - любимый герой и турецкого, и туркменского фольклора, он известен и в Узбекистане, и в Таджикистане, и в балканских странах. Кероглы - бесстрашный рыцарь, борец за справедливость, за права обездоленных - доживает до глубокой старости и впервые видит ружье - изобретение, способное убивать врага на расстоянии, не вступая с ним в рукопашный бой. “Пришло ружье, и исчезли храбрость, благородство”, - грустно констатирует Кероглы, и этими его словами, выраженными замечательными стихами, знаменуется как бы конец одной эпохи и начало другой. Закат эпохи рыцарей без страха и упрека, сражавшихся с открытым забралом, и наступление времени других персонажей - хитрых, коварных, вероломных, таких как конокрад и предатель Кечал Хамза (Лысый Хамза) - еще один персонаж эпоса “Кероглы”.

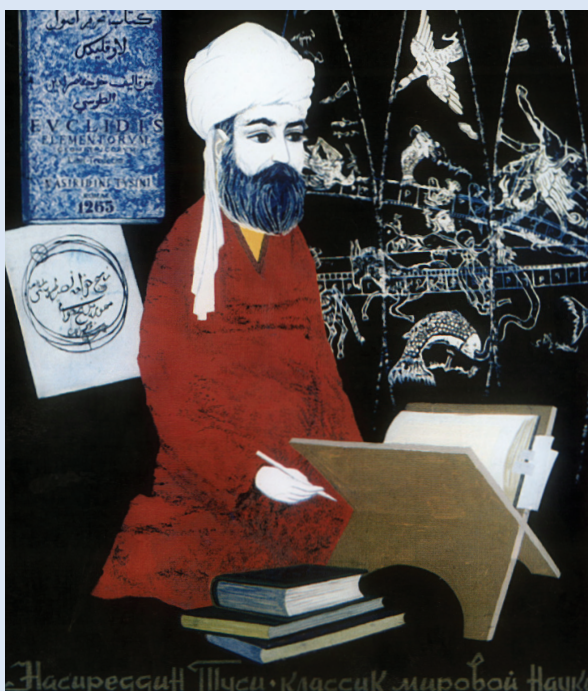
Хагани Ширвани

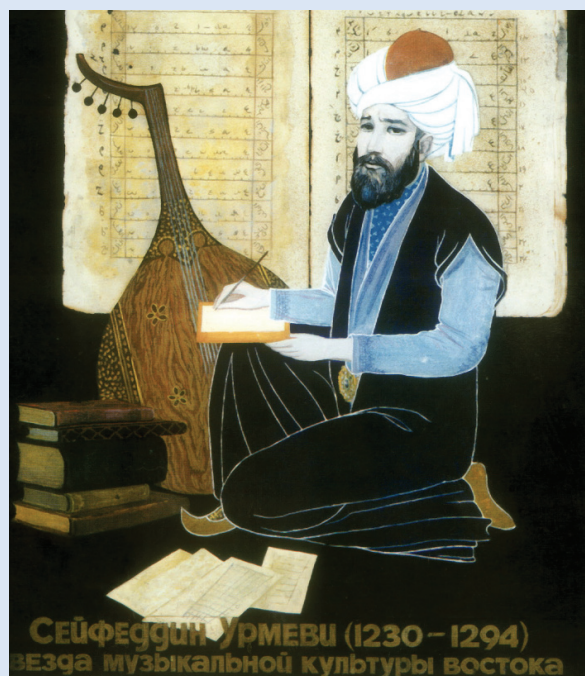
Мехсети Гянджеви

Бахманяр Азербайджани

Насиреддин Туси

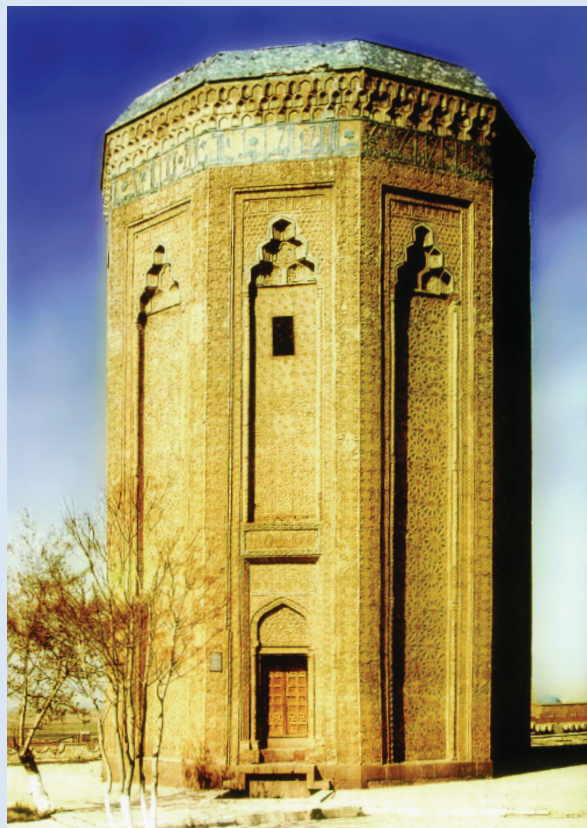
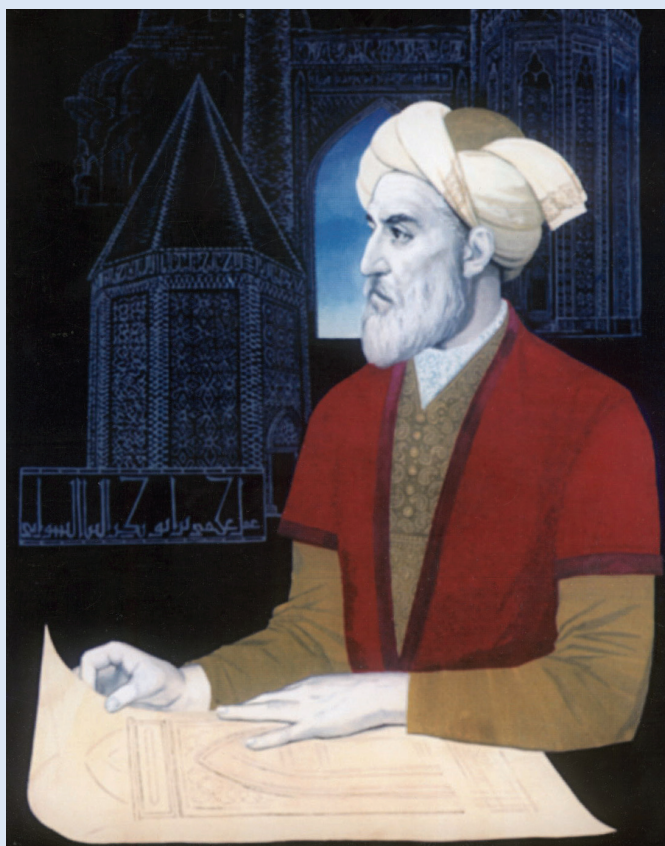

Сейфеддин Урмеви

Абдулгадир Марагаи

Абу-Бекр Аджеми Нахичевани

*Мавзолей Момина Хатун
в Нахчыване*

Султан Мухаммед

*Миниатюра Султан Мухаммеда к поэме
“Хосров и Ширин” Низами XVI век*

Дворец Ширванишахов в Баку

*Мавзолей в
Султание
в Южном
Азербайджане*

*Интерьер Дворца
Шекинских ханов*

Дворец Шекинских ханов

Новый этап азербайджанской поэзии связан с именами поэтов XVIII века - Моллы Панаха Вагифа и Моллы Вели Веди.

Двумя договорами - Гюлистанским в 1813 году, и Туркманчайским в 1828-м - завершились русско-персидские войны, Азербайджан был разделен между двумя этими государствами. Упорное сопротивление русским завоеваниям оказали некоторые из азербайджанских ханств, особо героической страницей вписана в нашу историю битва за Гянджу.

Царский генерал Цицианов заносчиво предложил правителю Гянджи Джавад хану, чтобы тот сдал город-крепость без боя. Джавад хан гордо ответил: "В город ты войдешь только через мой труп". Так и оказалось: Джавад хан и его сын погибли на крепостных стенах, с оружием в руках защищая свой город, а Цицианов, войдя в Гянджу, переименовал его в Елизаветполь. (Продолжая эту "славную" феодальную традицию, большевики нарекли древнюю Гянджу Кировабадом.) А Цицианов лишился своей буйной головы уже в Баку, у крепостных ворот. Видимо, в этом еще один из горьких уроков истории. По крайней мере три захватчика: сын Тамерлана - Миран шах, Агамухаммед шах Каджар и генерал Цицианов, - вступив на азербайджанскую землю как завоеватели, нашли здесь свою погибель.

Колонизация Азербайджана Россией, как и всякая колонизаторская политика, принесла неисчислимые беды азербайджанскому народу. Но не надо умалчивать и о том, что при всех эксцессах имперского режима в составе России Северный Азербайджан получил больше благ, чем Азербайджан Южный в составе Ирана. Достаточно сравнить общественно-культурную жизнь, реалии печати и образования, состояние родного языка, уровень национального самосознания этих двух частей одного народа. И в этом смысле более высокий уровень Северного Азербайджана прежде всего связан с деятельностью нашей интеллигенции XIX и XX веков. Уже в первой половине XIX столетия, вступив в контакт с передовыми представителями русской общественной и литературной мысли, - а это прежде всего сосланные на Кавказ декабристы, - наши литераторы, ученые приобщились к ценностям мировой, европейской культуры. Аббаскули ага Бакиханов, поэт, прозаик, ученый, автор "Гюлистаны - Ирем" - истории Азербайджана - был близок к семье Пушкина. Мирза Кязим бек и Мирза Джафар

Кероглы

Топчибашев, профессора Петербургского и Казанского университетов, заложили основу востоковедения в России. Стихи Мирзы Шафи Вазеха с его слов записал Фридрих Боденштедт, который перевел их на немецкий язык, издал в Европе и, увидев их необычайную популярность у читателей, выдал за свои. На эти стихи русский композитор Антон Рубинштейн написал романсы, восхитившие Льва Толстого. Кстати, азербайджанские музыкальные мотивы звучат и в произведениях Глинки, Балакирева, других русских композиторов. К этой плеяде азербайджанской интеллигенции начала и середины XIX века принадлежит и Исмаил бек Куткашенский, написавший рассказ “Рашид бек и Саадат ханум” на французском языке. Но самой яркой фигурой этой эпохи, масштабной личностью переломной эры, так сказать, программной личностью стал Мирза Фатали Ахундов - драматург, прозаик, поэт, критик, философ, историк, переводчик, общественный деятель, реформатор алфавита.

Следует отметить, что горько высмеивая в своих шести комедиях и рассказе “Обманутые звезды” восточное невежество, косность, отсталость и наживающихся на этом шарлатанов вроде дервиша Мастали шаха или героя первой его пьесы - Моллы Ибрагима Халила, Ахундов отнюдь не испытывает эйфории по поводу европейского образа жизни. Полное авторского сарказма сравнение восточных и западных обычаев в устах Гатамхан-аги, персонажа комедии “Мусье Жордан и Дервиш Мастали шах”, - яркий пример трезвого отношения писателя к этой проблеме. Да и представитель западной науки, французский ботаник мусье Жордан, выглядит скорее чужаком, чем символом просвещения и света.

Старшим современником Ахундова, с которым он переписывался в стихах, был поэт-реалист и сатирик Гасым бек Закир, его младшей современницей - поэтесса и художница Хуршид Бану Натаван - дочь последнего карабахского хана - Мехтикули хана.

Создав первые на Востоке драматические произведения, Ахундов стимулировал и появление первого театра в этом регионе - Азербайджанского театра, созданного в 1873 году Гасанбеком Зардаби и его учениками - будущим известным драматургом Наджаф беком Везировым и Адыгезал беком Горани.

До этой даты в Азербайджане, как и во многих других странах исламского Востока, в течение многих веков существовали различные формы зрелищ - состязания ашугов, сказителей дастанов и сказок, различные жанры площадного театра - “Кара-

Джавад хан

велли” (непереводимое название жанра комических анекдотов), “Орта Оюну” (“Игра в середине” - представление в центре зрелищной площадки), “Кечал и Кеса” (“Лысый и Безбородый”) - своеобразные юмористические скетчи с постоянными персонажами-масками, а также своеобразные кукольные представления “Килимарасы” (“Посреди ковра”), когда кукловод, прикрытый килимом - ковром, дергает марионеток за нитки. Еще одной - трагической - формой зрелищного искусства были представления “Шебих”, религиозные мистерии, в которых воссоздавались сцены мученической смерти исламских шехидов.

Но театр в европейском смысле этого понятия, сцена в форме так называемой “итальянской коробки”, возник, как было уже сказано выше, усилиями Зардаби и его учеников на почве драматургии Ахундова. В дальнейшем - в последней четверти XIX века и в начале XX - появились первые последователи М.Ф.Ахундова в области драматургии. Это уже упомянутый Н.Везиров, а также писатель и политический деятель Нариман Нариманов, драматурги и прозаики Абдуррагим бек Ахвердов, Сулейман Сани Ахундов, Мирза Джалил Мамедкулизаде. Соответственно окрепли профессиональные основы азербайджанского театра, появились первые профессиональные актеры, они же и осваивали начала режиссуры. Еще в досоветские годы театр блистал их именами - это комический актер Джахангир Зейналов и его ученик Мирза ага Алиев, трагики Гусейн Араблинский и Аббас Мирза Шарифзаде, выступавшие одновременно и в качестве режиссеров. Судьба обоих трагиков также сложилась трагически. В 1919 году фанатиком был убит Гусейн Араблинский, в 37-м году как “враг народа” был расстрелян А.М.Шарифзаде.

В первые же десятилетия своего существования репертуар нашего театра украшали пьесы не только азербайджанских авторов, но и Шекспира, Шиллера, Мольера, Островского, турецкого драматурга Шамсадина Сами и др.

Но вернемся на несколько лет назад. Если в 1873 году Гасанбек Зардаби заложил основы азербайджанского театра, то двумя годами позже - в 1875 году - он создал первую во всей мусульманской России газету “Экинчи”. Гасанбек Зардаби заложил такой прогрессивный фундамент азербайджанской национальной журналистики, что все последующие издатели газет и журналов, придерживаясь порой весьма отличных друг от друга убеждений, сходились в одном - они признавали заслуги Зардаби в служении родному народу, развитии культуры, литературы, национального самосознания.

В конце XIX века братья Унсизаде начали выпускать газеты “Зия”, “Зияи Гафгаз” (“Свет Кавказа”) и “Кешкюль”, а выпускник Сорбонны, ученый, публицист, общественный деятель Магомед ага Шахтахтинский в начале XX века стал издавать в Тифлисе газету “Шарги Рус” (“Русский Восток”). Выпускники русских и европейских университетов - юрист Алимардан бек Топчибашев, врач и художник Али бек Гусейнзаде, публицист Ахмед бек Агаев стали издавать в Баку на азербайджанско-тюркском языке газету “Хаят” (Жизнь”) и на русском - газету “Каспий”. В 1906 году появился первый номер журнала “Фьюзат” (“Благо”), главным редактором которого был Али бек Гусейнзаде.

Али бек Гусейнзаде - врач-дерматолог, учившийся в Петербургском университете, был близок к группе Александра Ульянова - старшего брата В.И.Ленина. После поку-

шения на царя и ареста А.Ульянова из университета был исключен и А.Гусейнзаде - как неблагонадежный студент. Знаток восточных и западных языков, А.Гусейнзаде писал стихи и статьи, перевел отрывок из Фауста. Он - один из первых художников-живописцев Азербайджана, две его работы - "Биби-Эйбатская мечеть" и портрет его деда, шейх уль-ислама Кавказа, хранятся в Государственном музее искусств. Эмигрировав в начале века в Турцию, он, как и его друг и сподвижник Ахмед бек Агаев (Ахмед Агаоглы), стал активным участником движения младотурок, а затем - освободительной войны под руководством Мустафы Кемаля. Али бек Гусейнзаде первым выдвинул лозунг-триаду как цель: "Тюркизм, исламизм, современность". Эта формула позже была подхвачена идеологом пантюркизма Зией Гекальпом в несколько измененной форме - тюркизм, исламизм, европеизм.

Ахмед Агаоглы, один из ближайших соратников Мустафы Кемаля, был депутатом Миллет Меджлиси (парламента республиканской Турции), много сделал для установления дружественных контактов между кемалистской Турцией и большевистской Россией. Об этом пишет в своей книге "Записки дипломата" русский посол в Турции Аралов.

Изданию газет "Каспий", "Хаят", журнала "Фьюзат" материально помогал бакинский миллионер и меценат Гаджи Зейналабдин Тагиев. Этот внезапно разбогатевший на нефтяных доходах почти безграмотный человек больше многих образованных понимал и ценил просвещение, культуру. И не только ценил - активно помогал их развитию материально. Он подарил здание драматическому театру, построил школу для девушек-мусульманок, посылал юношей учиться в Россию и Европу и совершил много других весьма полезных дел. Его примеру порой следовали и другие богатеи тех лет - Шамси Асадуллаев, Муса Нагиев, Муртуза Мухтаров, построившие в Баку такие замечательные здания, в которых ныне располагаются Президиум Академии наук, Дворец бракосочетаний, мечеть Тезе-пир, ими возведены также здания в Москве и во Владикавказе.

Трагически сложилась судьба Муртузы Мухтарова. Когда красноармейцы ворвались в его дом, он отстреливался до конца, а последнюю пулю пустил себе в лоб. Мухтаров основал также уникальный парк в Мардакянах, куда на кораблях привозил землю из дальних стран, и сажал там самые экзотические деревья. В этом парке уже в советское время побывал Сергей Есенин, написавший здесь знаменитый цикл "Персидские мотивы". Академик Н.Вавилов, тоже, естественно в советское время, создал здесь дендрарий. И вот что поразительно: жизнь троих людей, которые, возможно, были счастливы в этом изумительном уголке природы, - Муртузы Мухтарова, Сергея Есенина, Николая Вавилова - закончилась трагически: застрелился Мухтаров, повесился Есенин, погиб в тюрьме Вавилов.

Вернемся, однако, к началу XX века. 7 апреля 1906 года вышел в свет первый номер "Моллы Насреддина" - журнала, сыгравшего колоссальную роль в истории азербайджанской литературы, культуры, общественной мысли. В отличие от "Фьюзата", также вышедшего в 1906 году и просуществовавшего лишь несколько месяцев, "Молла Насреддин" с некоторыми интервалами продержался 25 лет. Основав журнал вместе со своим другом и единомышленником Омаром Фаиком, великий азербайджан-

Гаджи Зейналабдин Тагиев

он образно отметил, что Сабир создал такую пропасть между старой восточной поэзией и своими стихами, что никто после него не рискнул перепрыгнуть обратно через эту пропасть.

Древняя столица Ширвана - Шемаха - родина многих прославленных поэтов, ученых, музыкантов, актеров. Только в XIX и в начале XX века в Шемахе родились такие яркие художники пера, как педагог, поэт сатирик и лирик Сеид Азим Ширвани (кстати, учитель Сабира), врач, поэт и переводчик, блестящий знаток восточных языков, а также русского и французского Аббас Сиххат. После смерти своего друга Сабира он собрал и издал книгу его стихов "Хоп-хопнаме". Уроженцем Шемахи является и поэт-романтик Мухаммед Хади, жизнь которого окончилась в одиночестве и нищете. И Мирза Алекпер Сабир хлебнул немало горя. Преследуемый фанатиками, он вынужден был варить мыло, чтобы содержать свою многочисленную семью. Не обладая особыми знаниями европейских языков, Сабир в своем провинциальном городе смог дать в своих стихах глубочайший анализ событий мировой политики, пророчески предсказал исторический ход процессов, происходящих в Османской империи, в Иране, России, европейских и азиатских странах, зорко видел и вскрывал все пороки современной восточной действительности. Конечно, Сабир, по-видимому, не состоял-

ский писатель-драматург, прозаик, публицист Мирза Джалил Мамедкулизаде объединил вокруг издания лучших представителей азербайджанской культуры начала XX века. В журнале сотрудничали писатели Ахвердов, Ордубади, художник-карикатурист Азим Азимзаде, композитор Узеир Гаджибейли. Но сердцем журнала были фельетоны и рассказы самого Мирзы Джалила и поэзия Мирзы Алекпера Сабира. Если справедливо говорят о "Школе Моллы Насреддина" в азербайджанской литературе, то в ней особое место занимает класс М.А.Сабира, из которого вышли такие поэты-сатирики, как Али Назми, Аликули Гамгюсар, Салман Мумтаз, Самед Мансур - в Северном Азербайджане, Мирза Али Моджуз Шабустари - в Азербайджане Южном. Друг и младший современник Сабира, поэт и переводчик Аббас Сиххат писал, что стихи Сабира сослужили иранской революции большую службу, чем целая армия. И еще

ся бы как поэт-новатор, совершивший подлинную революцию в восточной поэзии, без журнала “Молла Насреддин”, но и журнал “Молла Насреддин” без стихов Сабира не имел бы столь привлекательного лица для простого люда. Они дополняли друг друга - перо Мирзы Джагила и перо Сабира.

Начало XX века было отмечено еще одним важным событием в культурной жизни Азербайджана. Двадцатидвухлетний композитор, выпускник Горийской семинарии и уроженец Шуши - “Консерватории Кавказа”, Узеир Гаджибейли написал первую оперу на Востоке - “Лейли и Меджнун” на сюжет поэмы Физули. Премьера состоялась в Баку в январе 1908 года. Партию Меджнуна исполнял ставший впоследствии популярным оперным певцом Гусейнкули Сарабский, режиссером спектакля был Гусейн Араблинский, художником - Али бек Гусейнзаде, дирижером первого спектакля, как ни странно, - драматург Абдуррагим бек Ахвердов, кстати, тоже уроженец Шуши. Сам Узеир бек и его сокурсники по Горийской семинарии играли на скрипках. Спектакль имел грандиозный успех, он и по сегодняшний день не сходит со сцены.

“Аршин мал алан” - музыкальная комедия Гаджибейли, завоевавшая огромную популярность на Кавказе, в Турции, Иране, России, благодаря удачному фильму, снятому в Баку в 1945 году, получила еще большую известность во всем мире. Ни в одном произведении досоветского азербайджанского искусства не выражено столько оптимизма, веры в светлое будущее, как в музыке “Аршин мал алан”. Это произведение молодого таланта, верящего в свою счастливую судьбу, это музыка народа, ожидающего грядущих счастливых перемен, - в ней так много света, солнца, весны.

И в самом деле, спустя несколько лет произошло событие, во имя которого жили и творили многие азербайджанские поэты, писатели, журналисты, музыканты, художники, актеры и, конечно, политики, ради которого работало не одно поколение национальной интеллигенции. 28 мая 1918 года Азербайджан, провозгласив свою независимость, стал суверенным, самостоятельным государством, причем первой страной с республиканским строем во всем мусульманском и тюркском мире, первой демократической республикой на Востоке с многопартийным парламентом. За два неполных года своего существования страна многое сделала для становления национального духа, национального самосознания, для развития культуры, образования, литературы. Поэзия этого периода - стихи Мухаммеда Хади, Гусейна Джавида, Абдуллы Шаика, Ахмеда Джавада, Джафара Джаббарлы, М.А.Музниба, Эмина Абида, Уммугюлсум, самого идеолога независимости, руководителя партии “Мусават” Мамеда Эмина Расулзаде, ранние пьесы Джафара Джаббарлы, рассказы Сеида Гусейна, публицистические статьи, фельетоны Узеира Гаджибейли и произведения в разных жанрах других авторов - богаты патриотическими мотивами (Гусейн Джавид, Ахмед Джавад, Музниб, Э.Абид, Уммугюлсум стали жертвами репрессий 1937 года, М.Э.Расулзаде, вынужденный покинуть родину, окончил жизнь в эмиграции).

Узеир Гаджибейли вместе со своим младшим братом Джейхуном редактировал в те годы первую газету независимой страны - “Азербайджан”. Узеир бек стал также автором гимна Республики (на слова поэта Ахмеда Джавада). После восстановления независимости в 1991 году он вновь стал гимном Азербайджана.

Очень популярной в Турции стала и песня Узеира Гаджибейли на слова Ахмеда Джавада “Волновалось Черное море”. Не только все эти “грехи молодости” припомнили А.Джаваду во время “разоблачительных” писательских сборищ в середине 30-х годов. Контрреволюционные, тюркофильские идеи были “обнаружены” даже в образцах тонкой лирики Джавада, в частности в замечательных стихах об озере Гей-Гель.

Увы, счастливая пора независимого существования Азербайджана ровно через 23 месяца была безжалостно и жестоко растоптана сапогами солдат XI Красной армии, вошедшей в Баку как бы во имя пролетарской солидарности, а на самом деле для того, чтобы прибрать к рукам вожделенную нефть.

Начался советский период истории Азербайджана.

Сейчас, видимо, еще не настало время дать окончательную оценку советской эры не только в истории Азербайджана, но и Советского Союза, да и всего мира. Опасны ностальгические воспоминания о якобы спокойных и гарантированных советских годах, особенно если сравнивать их с сегодняшним беспределом в прессе, на радио и ТВ, разгулом бесовщины в Интернете. Но не менее опасно и тотальное отрицание всего того периода, в котором якобы не было ни одного позитивного момента. Все еще трудно ответить на вопрос: чем была советская эпоха - благом, несмотря на отдельные ошибки, просчеты, даже преступления, или чудовищным кошмаром, несмотря на отдельные просветы. Ответ, видимо, где-то посередине. Никто не может отрицать, что по сравнению с соседними мусульманскими странами - и не только с безбожно отставшим Афганистаном, не только с погрузившимся в средневековый религиозный сон Ираном, со многими арабскими странами, но даже с наиболее передовой, европеизированной Турцией - азербайджанская культура советского периода имеет немало преимуществ. Именно в советский период, несмотря на все идеологические и цензурные запреты, азербайджанская поэзия и проза обогатились классическими произведениями. В 20-30-х годах еще творили Гусейн Джавид - автор первых стихотворных исторических драм в азербайджанской литературе и Джафар Джаббарлы, писавший пьесы на самые жгучие, актуальные темы современной действительности. На пьесах этих двух выдающихся драматургов в основном строился репертуар азербайджанских драматических театров, в котором блистательно проявились таланты таких артистов, как Аббас Мирза Шарифзаде, Ульви Раджаб, Мирзаага Алиев, Сидги Рухул-ла, Марзия Давудова, Исмаил Идаятзаде, Рза Тахмасиб, позже - Алескер Алекперов, Окюма Курбанова и др.

Исмаил Идаятзаде, Рза Тахмасиб, а позже Адил Искандеров, Мехти Мамедов, Тофик Кязимов, Шамси Бадалбейли, Магеррам Ашумов, Зафар Нейматов стали и первыми профессиональными режиссерами наших театров, и не следует забывать заслуг режиссера, педагога Александра Туганова, сыгравшего огромную роль в становлении актерской и режиссерской школы в Азербайджане.

В конце двадцатых - начале тридцатых годов еще работали не только Гусейн Джавид и Джафар Джаббарлы, но и другие представители старшего поколения - Дж.Мамедкулизаде, А.Ахвердов, Абдулла Шаиг, М.С.Ордубади... Но тон в литературе уже стали задавать поэты новой эпохи - Сулейман Рустам, Самед Вургун, Микаил Муш-

фик, Расул Рза, чуть позже - поэтессы Мирварид Дильбази, Нигяр Рафибейли... Вышли первые крупные романы, написанные молодыми в ту пору прозаиками Абульгасаном, Мехти Гусейном, Мир Джалалом, Сулейманом Рагимовым, Али Велиевым, Мирзой Ибрагимовым. С первыми лирическими рассказами выступили Энвер Мамедханлы, Ильяс Эфендиев. Традиции стихотворной драмы, заложенные Гусейном Джавидом, продолжил Самед Вургун - автор пьес "Вагиф", "Фархад и Ширин", "Инсан", "Ханлар". Первые комедии в советское время написал Сабит Рахман, пришли в драматургию Мирза Ибрагимов, Мехти Гусейн, Энвер Мамедханлы, позже репертуар азербайджанского театра в основном составляли пьесы Ильяса Эфендиева.

Азербайджанское игровое кино, история которого исчисляется с 1916 года, когда была снята картина "В царстве нефти и миллионов" по повести И.Мусабекова, где сыграл Г.Араблинский, получило дальнейшее развитие в тридцатые и сороковые годы в фильмах Самеда Марданова, Микаила Микаилова, Агарзы Кулиева, Габиба Исмаилова, Гусейна Сеидзаде, Алисаттара Атакишиева, Исмаила Эфендиева, документалиста Мухтара Дадашева, а в послевоенные годы - Лятифа Сафарова, Гасана Сеидбейли, Тофика Тагизаде, Аждара Ибрагимова, Шамиля Махмудбекова.

Знамя прославленной композиторской школы Азербайджана после смерти Узеира Гаджибейли несли его достойные ученики и последователи - Кара Караев, Фикрет Амиров, Джевдет Гаджиев, Солтан Гаджибеков, Тофик Кулиев, Джангир Джангиров, Афрасияб Бадалбейли, Сеид Рустамов, Рауф Гаджиев, Сулейман Алескеров и другие.

Первый балет на Востоке - "Девичья башня" - написал композитор и дирижер Афрасияб Бадалбейли, в нем блистала наша первая балерина Гамер Алмасзаде. Оперное искусство обогатилось оперой "Наргиз" Муслима Магомаева, "Шах Сенем" Р.М.Глиера, "Вэтэн" Кара Караева и Джевдета Гаджиева, "Севиль" Фикрета Амирова. Народ любил замечательные песни и романсы Асафа Зейналлы, Сеида Рустамова, Тофика Кулиева, Рауфа Гаджиева, Джахангира Джахангирова. Всемирную славу азербайджанской музыке помимо творений Уз.Гаджибейли принесли балеты "Семь красавиц" и "Тропою грома", симфоническая поэма "Лейли и Меджнун", "Албанская рапсодия", симфонические гравюры "Дон-Кихот", "Третья симфония" и Скрипичный концерт Кара Караева, балеты "Сказание о Насими", "Тысяча и одна ночь", симфонические мугамы "Шур", "Курд Овшары", "Гюлистан", "Баяты Шираз", симфония "Низами" Фикрета Амирова, симфонии Джевдета Гаджиева, "Караван" Султана Гаджибекова, балет "Легенда о любви" и симфонии Арифа Меликова, симфонический мугам "Раст" и дирижерское мастерство Ниязи. В самое последнее время, уже в XXI веке, наша музыка обогатилась рядом значительных произведений. В их числе - 8-я симфония Арифа Меликова, посвященная памяти Гейдара Алиева, оперы "Натаван" Васифа Адыгезалова, "Интизар" ("Ожидание") Фирангиз Ализаде, балет "Любовь и смерть" Полада Бюльбюльоглы.

Имена основоположника современной вокальной школы Азербайджана, успешно соединившего традиции восточных ханенде с принципами итальянского бельканто, народного артиста СССР Бюльбюля, первой азербайджанской оперной певицы, народной артистки СССР Шевкет Мамедовой, одной из лучших Кармен - Фатьмы Мухтаровой, популярнейшего эстрадного и оперного певца, народного артиста СССР Рашида Бей-

бутова, исполнителей классических опер А.Буниятзаде, Франгиз Ахмедовой, Лютфияра Иманова, мугамных опер Хагигат Рзаевой, Г.Гаджибабабекова - составляют славную страницу национального вокального искусства.

За годы советской власти в Азербайджане зародились и окрепли традиции станковой живописи, монументальной скульптуры. Стоит назвать имена живописцев и графиков старшего поколения - Газанфара Халыгова, Исмаила Ахундова, Кязима Кязимзаде, Алекпера Рзакулиева, Марал Рахманзаде, Бекюаги Мирзазаде, Таги Тагиева, Ваджии Самедовой, Эльмиры Шахтахтинской, Октяя Садыхзаде, Эльбека Рзакулиева, Надира Абдуррахманова, Асафа Джафарова, карикатуристов Гасана Ахвердова, Наджафкули, театральных художников Рустама Мустафаева, Иззет Сеидовой, Нусрета Фатуллаева, художников по коврам Лятифа Керимова, Кямиля Алиева, скульпторов Фуада Абдуррахманова, П.Сабсая, Дж.Карягды, А.Миргасимова, О.Эльдарова, Т.Мамедова, Э.Шамилова, - как раскрывается панорама поистине многокрасочного мира изобразительного искусства Азербайджана в советские годы. Особо следует отметить таких художников старшего поколения, как признанный мастер Михаил Абдуллаев, не оцененные по достоинству при жизни замечательные живописцы Мирджавад Джавадов, Тофик Джавадов, Ашраф Мурад и стоявший выше всех признаний, званий и наград певец азербайджанской природы Саттар Бахлулзаде.

В советские годы Баку украсили монументальные строения, созданные по совместным проектам Садыха Дадашева и Михаила Усейнова, а после ранней смерти Дадашева - здания, построенные по проектам Усейнова.

Все это так, и этих фактов никто не может отрицать. С формальной точки зрения даже следует отметить, что ни в одной республике бывшего Советского Союза, за исключением России, не удостоены высших наград страны столько деятелей литературы и искусства, как в Азербайджане. Благодаря личной инициативе и воле Гейдара Алиева - руководителя партийной организации Азербайджана в те годы - звания "Герой Социалистического Труда" были удостоены поэты Сулейман Рустам и Расул Рза, прозаики Сулейман Рагимов и Мирза Ибрагимов, композиторы Кара Караев и Фикрет Амиров, дирижер Ниязи, певец Рашид Бейбутов, архитектор Михаил Усейнов, живописец Таир Салахов. Дважды лауреатами Сталинской (Государственной) премии СССР были поэт Самед Вургун, композиторы Узеир Гаджибейли, Кара Караев, Фикрет Амиров, Джемдет Гаджиев, актер Мирзаага Алиев. Высшую награду - Ленинскую премию - получил Кара Караев.

Но было бы нечестно умолчать и о тех мрачных страницах, преступлениях и трагедиях, которые сопровождали историю нашего народа в советские годы. Именно в советское время - в 1926 году - в Баку был проведен Первый тюркологический съезд, принявший историческое решение о переводе письменности тюркских народов с арабской графики на латиницу. Но из 27 участников съезда от Азербайджана 26 впоследствии были сосланы или расстреляны, как и многие представители других народов. А через десять лет после принятия латиницы азербайджанцы, по воле Сталина, вынуждены были перейти на кириллицу. Наверное, ни один народ (впрочем, кроме тюркских народов СССР) за двадцать лет не менял дважды свой алфавит, отсекая таким образом этап за этапом свое прошлое.

1937 год нанес сокрушительный удар по духовной жизни Азербайджана. Нацию обескровили, уничтожив достойных ее сынов и дочерей. В здании Союза писателей Азербайджана мы повесили памятную мемориальную доску - одну из первых, если не единственную, на пространстве бывшего СССР, посвященную репрессированным писателям. На доске 27 имен - это почти половина состава тогдашнего Союза писателей Азербайджана. Были репрессированы классик нашей литературы, драматург и поэт Гусейн Джавид и совсем молодой, 29-летний поэт Микаил Мушфик, поэты Ахмед Джавад, Санылы, Музниб, Эмин Абид, прозаики Сеид Гусейн, Ю.В.Чеменземинли, Кантемир, Т.Шахбази, ученый-языковед Б.Чобанзаде, критики-литературоведы Али Назим, Кязим Алекперли, Мустафа Кулиев, Ханафи Зейналлы и многие другие.

Уже в послевоенные годы за одно только сочувственное упоминание имени Шейха Шамиля был подвергнут обструкции, снят со всех постов и доведен до самоубийства философ, академик Гейдар Гусейнов. По обвинениям в нигилизме и космополитизме были исключены из Союза писателей ученые и критики Микаил Рафили и Джафар Джафаров.

Антинародным, пантюркистским, реакционным был объявлен и запрещен эпос “Китаби Деде Горгуд”. В немилости у властей оказался и радостный весенний празд-

Мемориальная доска в честь репрессированных писателей в Союзе писателей

ник народа - Новруз байрам, который тихо и почти тайком отмечался только в домах. Была уничтожена Биби-Эйбатская мечеть. История Азербайджана толковалась превратно, в удобном Сталину аспекте, то есть в резком отрыве от общетюркских корней. Вообще, упоминание о тюркстве, Турции считалось самым большим криминалом. Дамоклов меч висел над головой тех, кто имел даже очень дальних родственников в Турции.

Азербайджанцы, писавшие до 1936 года в паспортах свою национальность как тюрк, волевым решением Сталина вынуждены были называть себя только азербайджанцами. Все это так, и тут, как говорится, “ни убавить, ни прибавить”.

Окидывая мысленным взором советский период истории литературы и искусства Азербайджана, прежде всего необходимо коснуться некоторых проблем, связанных с самой оценкой этих лет. Причем за время, прошедшее со дня провозглашения независимости Азербайджана, а точнее - восстановления этой независимости, эта острая и во многом болезненная проблема порой становилась темой политических и исторических спекуляций.

Некоторые были готовы огульно обвинить всех поэтов советской эпохи в сервильности, в лояльности к власти, более того - в одном лишь восхвалении ее идей и вождей. Таким образом, пытались перечеркнуть целую эру в развитии азербайджанской литературы, как, впрочем, и всю советскую многонациональную литературу. В подобном подходе к достаточно серьезной проблеме начисто отсутствовали историзм и объективный анализ. Парадокс заключался в том, что люди, на словах отвергающие принципы большевизма, действовали сообразно чисто коммунистическим постулатам, наиболее лапидарно выраженным в знаменитом “Интернационале”. Великая музыка этого коммунистического гимна, долгое время бывшего и гимном СССР, озвучивала категорический императив: “Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...”. Как показал горький опыт последующих лет, “затем” после тотального разрушения не бывает, насилие нельзя разрушить новым насилием, и цепная реакция взаимной ненависти способна размыть все нравственные устои общества. Еще более зловеще звучали слова из того же гимна: “Кто был ничем, тот станет всем”. Увы, уже в наши дни, в конце XX и в начале XXI века, мы часто сталкиваемся с осуществлением именно этого рокового предсказания.

Исторический же и объективный подход к этой эпохе, на мой взгляд, заключается в том, что нельзя однозначно определить весь семидесятилетний период советского режима. 20-е годы - это один общественный настрой, по крайней мере - в литературе и искусстве. Середина тридцатых, со страшным 37-м - другой этап тотального подавления. В годы Второй мировой войны - временная всеобщность патриотических чувств, ненависти к врагу и воли к победе. Послевоенная эпоха, новая сталинская стужа, затем так называемая “оттепель” во второй половине 50-х - начале 60-х - небольшой по времени “культпросвет”, по определению остряков: просвет между двумя культами - Сталина и Хрущева. Далее - брежневский застой и благие по провозглашенным целям “перестройка” и “гласность”, которые в конце концов привели к распаду СССР.

Так вот, когда в конце 20-х - в начале 30-х годов в нашу поэзию бурно ворвались Сулейман Рустам и Самед Вургун, Микаил Мушфик и Расул Рза, пафос революцион-

ной романтики, строительства нового мира вдохновляли не только азербайджанских поэтов, но и Александра Блока - автора “Двенадцати”, Владимира Маяковского, Сергея Есенина и Бориса Пастернака - создателя поэмы о лейтенанте Шмидте. В те же годы через Азербайджан вошел в поэзию турецкий поэт-революционер Назым Хикмет, чья первая книга - “Песнь пьющих солнце” - была опубликована именно в Баку. Назым Хикмет оказал большое влияние на азербайджанскую поэзию двадцатых - начала тридцатых годов и сам воспринимался литературной критикой как азербайджанско-туркский поэт.

Революция в глазах поэтов и писателей, живописцев, театральных, кинематографических реформаторов - и не только в пределах СССР, но и во всем “левом” мире - выглядела романтическим и прекрасным образом, как на картине Делакруа “Свобода на баррикадах”. Увы, некоторые из них дожили до того времени, когда эта юная Муза превратилась в злую, жестокую, страшную старуху.

В 20-м году, когда в Азербайджане была установлена советская власть, Самеду Вургуну и Сулейману Рустаму было по 14 лет, Мушфику - 13, Расулу Рзе - 10. Что могли знать эти подростки о периоде независимого существования Азербайджана, о целях и задачах той власти? И как было им не попасть под очарование великих лозунгов о равноправии наций и людей, о мире без эксплуатации, произвола, колонизаторского гнета?

Да, у Самеда Вургуну есть множество стихов о Сталине, поэма “Знаменосец века”, посвященная Коммунистической партии. Сулейман Рустам утверждал, что солнце восходит не на Востоке, а на Севере, поскольку Ленин - это солнце, родившееся на Севере. Он же называл самого себя “сыном революции и самой революцией” (именно революцией, а не просто революционером). Мушфик написал поэму о Ста-

Композиция. Репрессированные писатели

лине, что, впрочем, не уберегло этого талантливейшего поэта от репрессий. Расул Рза - автор поэмы “Ленин”. Но если даже не учитывать определенные и весьма немаловажные художественные достоинства подобных произведений, то не этими - порой искренними, порой вынужденными текстами вошли и навсегда останутся в литературе эти поэты, как и некоторые другие поэты, прозаики, драматурги этого поколения.

1937 год нанес сокрушительный удар по литературе и искусству Азербайджана, как и всей страны в целом. В один и тот же роковой день были арестованы три выдающихся художника слова - Гусейн Джавид, Ахмед Джавад и Микаил Мушфик, и в разные дни того же года - 27 членов Союза писателей Азербайджана. Причем среди репрессированных было немало коммунистов, были литературные критики, писатели, поэты, сурово боровшиеся с националистическими, буржуазными, пантюркистскими тенденциями в произведениях своих коллег. Одна и та же участь постигла и тех, кто критиковал, и тех, кого критиковали. В том-то и заключался метод репрессий, что они зачастую носили чисто случайный, произвольный характер: кто-то на кого-то донес, кто-то неосторожно высказался, в чьих-то текстах нашли скрытую крамолу. С одной стороны, это выглядит как игра в так называемую “русскую рулетку” - неизвестно, что тебе выпадет - смерть или жизнь. Случайно могли репрессировать, и так же случайно можно было уцелеть.

Конечно, была некая тотальная задача - запугать, заставить всех без исключения дрожать, молчать и ждать любой участи. Но в претворении этой “сверхзадачи” искать какую-либо логику - бесплодная затея. Репрессировали и Гусейна Джавида, и крайне недовольных его творениями партийных вельмож, Ахмеда Джавада и травивших его пролеткультовских критиков, Мушфика - автора страстного стихотворения “Звени, тар”, написанного в защиту национального музыкального инструмента, - и наркома, запретившего преподавание этого самого инструмента в консерватории”.

В наши дни появилась крайне несправедливая тенденция считать всех репрессированных борцами за свободу, героями и бесстрашными противниками режима, а всех остальных - виновными в том, что их не репрессировали. Забывают о том, что и среди репрессированных были и палачи, душители и доносчики, а среди случайно выживших - немало достойных людей, не поступившихся ни честью, ни совестью, вынужденных хотя бы молчать, дабы не потакать злу и не бросать камень в бывших коллег.

Наиболее точную и глубокую характеристику этому явлению дал наш ныне покойный Президент Гейдар Алиев в речи на юбилейном вечере С.Рустама 26 марта 1998 года:

“В течение десятков лет мы с душевной болью говорим о Гусейне Джавиде, Микаиле Мушфике и других наших выдающихся личностях, ставших жертвами репрессий. Сейчас кто-то считает, что в те времена должны были арестовать и Самеда Вургуну, убить Расула Рзу, Сулеймана Рустама. Тогда сказали бы, что они были героями, и мы еще десятки лет оплакивали бы их. Мы должны быть благодарны Богу, что беды тех лет обошли стороной этих людей. Если в 30-е годы наряду с теми потерями мы лишились бы Самеда Вургуну, Расула Рзы, Сулеймана Рустама и других наших поэтов того

поколения, если бы они не продолжали жить и творить, если бы не было их произведений, тогда из чего состояла бы наша литература, нравственность, культура того исторического периода? Я не могу представить нашу литературу без Самеда Вургун, Расула Рзы, Сулеймана Рустама”.

По всей вероятности, многих из тех, кто уцелел, спасло то, что в годы, непосредственно предшествующии 37-му, они, в том числе Самед Вургун, Расул Рза, Мехти Гусейн, Сабит Рахман, Энвер Мамедханлы, Нигяр Рафибейли, учились в Москве и не принимали участия в собраниях писателей, которые “разоблачали” друг друга. Такие поэты первого “советского” поколения, как Алмас Ильдырым и Максуд Шейхзаде, очевидно, предчувствуя грядущую волну репрессий и спасаясь от уже задействованной зубодробительной критики, еще в начале тридцатых годов вынуждены были покинуть родину.

Уехавшему из Азербайджана Максуду Шейхзаде удалось обустроиться в Узбекистане, освоить в совершенстве братский язык и стать одним из крупных представителей узбекской литературы. Хотя и здесь в определенные сталинские годы он не избежал обвинений в национализме, теперь уже узбекском. Получивший заслуженное признание в последующие годы, поэт двух народов М.Шейхзаде активно переводил азербайджанскую поэзию на узбекский язык.

Определенный вклад в современную литературу Азербайджана еще в довоенные годы внесли поэты Алиага Вахид, Мамед Рагим, Осман Сарывелли, Ахмед Джамиль, романисты Абульгасан, Сулейман Рагимов, Мир Джалал, Али Велиев, прозаики и драматурги Мирза Ибрагимов, Сабит Рахман, Мехти Гусейн, Энвер Мамедханлы, Ильяс Эфендиев.

Многие азербайджанские писатели были участниками Великой Отечественной войны в качестве военных корреспондентов, а в ряде случаев и непосредственно в рядах действующей армии. Офицерами и рядовыми солдатами прошли всю войну Абульгасан - автор романа “Бастионы дружбы”, Исмаил Шихлы - автор фронтовых дневников, Гусейн Аббасзаде - автор романа “Генерал” о дважды Герое Советского Союза Ази Асланове, поэты Зейнал Джабарзаде, Энвер Алибейли, Беюкага Касумзаде. Не вернулись с войны прозаик Мамед Аранлы, поэты Гусейн Натик, Абдулла Фарук. Талантливый поэт А.Фарук, осужденный в довоенные годы и исключенный из Союза писателей за письмо против перевода азербайджанской письменности с латиницы на кириллицу, добровольцем пошел на фронт и погиб в бою.

Драматически сложилась судьба другого поэта - Мазаира Дашкына, попавшего в немецкий плен, оказавшегося в концлагере, чудом выжившего и вернувшегося после войны на родину и тут же сосланного уже в бериевский “ГУЛАг”. Точно такая же участь постигла и писателя Сулеймана Велиева, художников Гасана Ахвердова, Абиля Алиева.

Годы войны ознаменовались еще одним очень важным и судьбоносным событием для азербайджанского народа. Согласно договору с союзниками советские войска вошли в Северный Иран, то есть на территорию Южного Азербайджана. Это послужило небывалому подъему патриотических настроений на Юге, где азербайджанцы были лишены самых элементарных прав культурного существования.

Крепость Эрк в Тебризе

В Южный Азербайджан была направлена большая группа партийных и государственных работников, чекистов и военных из Баку. Однако главное в этой акции заключалось в том, что писатели, журналисты, деятели науки и искусства Советского Азербайджана приняли самое активное участие в культурном строительстве Южного Азербайджана, в организации системы образования, печати, изданий на родном азербайджанско-тюркском языке.

За короткое время открылись школа и высшее учебное заведение, был создан театр, стали выходить газеты и журналы на родном языке. Интересно, что, выдвигая и воспевая идеи национальной независимости, свободы в связи с событиями в Южном Азербайджане, советские писатели Азербайджана Северного приобрели уникальную возможность выражать свои подлинные патриотические чувства, не

опасаясь обвинений в национализме, высказываться о национальной гордости, национальном самосознании без оглядки на цензурные запреты. Это была относительно счастливая, хотя и недолгая пора всеобщего душевного подъема по обе стороны Аракса. Тогда же был снят документальный фильм “По ту сторону Аракса”, под таким же названием композитор Джахангир Джахангиров создал ораторию. В те же и последующие годы тема Южного Азербайджана нашла яркое отражение в цикле стихов Сулеймана Рустама и Расула Рзы, в романе Мирзы Ибрагимова “Наступит день”, в пьесах Энвера Мамедханлы и Ильяса Эфендиева.

Литература Южного Азербайджана, славная именами поэтов начала XX века - Моджуза, Лали, Сеида Салмаси, в эти годы приобрела особую общественную значимость. Вместе с поэтом старшего поколения - Хабибом Сахиром, получившим в свое время образование в Стамбуле и внесшим значительный вклад в обновление южно-азербайджанской поэзии, в эти годы национального и культурного возрождения выдвинулись поэты Али Фитрет, Этимад, Севфет, Мухаммед Бирия.

В декабре 1945 года в Тебризе было создано правительство Южного Азербайджана во главе с Сеидом Джафаром Пишевари, провозгласившее автономию в составе Ирана. Но счастье полунезависимого существования продлилось еще более короткое время, чем независимость Северного Азербайджана в 1918-1920 годах. После ухода советских воинских частей в декабре следующего, 1946 года, шахские войска, нарушив до-

говор, вошли в Тебриз и утопили в крови стремление народа к достойному существованию, его желание учиться, писать, издаваться на родном языке. Многие видные деятели Южного Азербайджана были повешены, расстреляны, сосланы. Некоторым удалось перебраться в Советский Азербайджан. Уже в Баку достойный вклад в азербайджанскую литературу внесли представители Юга - поэты Балаш Азероглы, Али Туде, Сохраб Таир, Окюма Биллури, Медина Гюльгюн, Исмаил Джафарпур, прозаики - Панахи, Ф.Хошкинаби. После разгрома южно-азербайджанской автономии покончил жизнь самоубийством оставшийся там старейший поэт Хабиб Сахир, но и в наши дни продолжает существовать и развиваться литература Юга - усилиями поэтов Сахенда, Савалана, Сонмеза, Шейды, Хашима Тарлана, широко известного прозаика Самеда Бехренги, трагически погибшей Марзии Ускуи.

Особое место в поэзии Южного Азербайджана и Ирана в целом занимает творчество Мамедгусейна Шахрияра. Коренной азербайджанский тюрк, Шахрияр долгие годы жил в Тегеране, писал стихи на фарси и достиг наивысшего признания как самый выдающийся поэт страны, и лишь вняв словам своей матери о том, что она не понимает стихов своего сына, написанных на чужом языке, поэт как бы прозрел и в дальнейшем стал создавать поэзию и на азербайджанско-тюркском. Правда, не следует забывать, что и в стихах, написанных на фарси, явственно ощущается патриотический настрой автора. Это в частности чувствуется в стихах, посвященных Азербайджану, горечи разлуки и других. Вершиной творчества Шахрияра на родном языке стала поэма "Гейдар баба". Гейдар баба - гора близ родных мест поэта, и, обращаясь к заветной горе, Шахрияр как на киноленте просматривает всю свою жизнь, особенно ее счастливую детскую пору. Произведение изобилует фольклорными, этнографическими подробностями, деталями народной жизни, пейзажами, огромным количеством портретных зарисовок знакомых лиц из прошлого. Написанная в традиционном размере "хеджа" простым, доступным, чистым азербайджанско-тюркским языком, поэма "Гейдар баба" в условиях ассимиляторской панфарсидской политики шахского режима вместе с литературным, чисто эстетическим значением несет и важнейшую общественно-политическую функцию - как высокохудожественное утверждение незыблемых, вечных ценностей народного существования, национальных особенностей бытия, как яркое доказательство неисчерпаемых возможностей богатого азербайджанско-тюркского языка.

Неоценимы заслуги журнала "Варлыг", издаваемого в Тегеране видным хирургом и историком литературы Джавадом Хеййатом на двух языках - азербайджанско-тюркском и фарси. Совершенно новым явлением в поэзии Южного Азербайджана стало творчество поэта и ученого Гаида Нитги, проживающего в последние годы в Англии, как и другой его соотечественник из Тебриза - Гулам Рза Тебризи. Приверженец верлибра, Гамид Нитги, по собственному признанию, испытал большое влияние современных поэтов Северного Азербайджана, пишущих свободным размером.

В послевоенные годы в литературе Азербайджана громко прозвучали имена целого ряда талантливых поэтов и прозаиков, таких как Ислам Сафарли, Гусейн Ариф, Касум Касумзаде, Наби Хазри, Бахтияр Вагабзаде, Габиль, Алиага Курчайлы, прозаиков, драматургов, сценаристов Имрана Касумова, Гасана Сеидбейли, Байрама Байрамова, Гылмана Илькина, Азизы Джафарзаде, Гюльгусейна Гусейноглы. Гюльгусейн Гусейног-

лы был репрессирован уже в послевоенные годы за антисоветскую деятельность и приговорен к смерти, но с отменой смертной казни - к 25 годам тюремного заключения. Отсидев десять лет, он после смерти Сталина вышел на свободу.

В последние годы послевоенного сталинского правления, по всей вероятности, готовилась новая волна политических репрессий - не даром М.Дж.Багиров, первый секретарь ЦК КП Азербайджана, угрожал писателям “устроить им такое, что мало не покажется по сравнению с 37-м годом”. Но в марте 1953 года умер Сталин, был арестован Берия, и многое изменилось.

В 1956 году застрелился А.А.Фадеев, произошли венгерские события, состоялся XX съезд с осуждением культа личности Сталина. Закончилась целая эпоха, и с ней ушла некоторая честь творческого наследия поэтов той поры.

После разоблачения сталинского произвола небольшой глоток свободы породил целое явление во всей советской литературе, во всем советском искусстве и, разумеется, в литературе и искусстве Азербайджана. Большим событием в духовной жизни Азербайджана было включение в Конституцию республики пункта об азербайджанском языке как государственном. За это поплатился своей должностью председателя Президиума Верховного Совета республики писатель Мирза Ибрагимов. Как явствует из документов, обнародованных в наши дни видным историком Джамилем Гасанлы, Мирза Ибрагимов был подвергнут самой суровой критике, обвинен в национализме и даже фашизме тогдашним руководителем страны Н.Хрущевым. Писатель повел себя самым достойным образом.

В Азербайджане во второй половине 50-х - начале 60-х годов появились произведения, разительно отличающиеся от предшествующей литературы. В самые последние годы своей жизни, в предчувствии неизбежного конца Самед Вургун создал три шедевра, известных русскому читателю в замечательных переводах его друга Константина Симонова - “Телогрейка”, “Поэт, как рано постарел ты”, “Я не спешу”. В эти же годы появились поэма “О, если б не было бы роз” (посвященная памяти Мушфика - одно из первых произведений на тему репрессий в советской литературе) и цикл “Краски” Расула Рзы, чуть позже - поэма “Гюлистан” и многие стихи Бахтияра Вагабзаде, некоторые стихи Габилы, романы “Подземные реки текут в море” Мехти Гусейна, “Буйная Кура” Исмаила Шихлы, повести “Саз”, “Звук свирели”, “Телеграмма” Исы Гусейнова, комедии Сабита Рахмана, роман “Не оглядывайся, старик!” и пьесы Ильеса Эфендиева, повесть “На дальних берегах” Имрана Касумова и Гасана Сеидбейли о легендарном партизане Мехти Гусейнзаде (Михайло), сражавшемся в Югославии и посмертно удостоенном звания Героя Советского Союза.

Некоторые из этих произведений были новыми по своей тематике, доселе не дозволенной цензурой, некоторые - необычной формы, а в некоторых был найден удачный синтез нового содержания и новой формы.

Но при всем уважении к заслугам писателей старшего поколения, как бы заново родившимся в эти годы, основную ношу обновления несли на своих плечах “шестидесятники” - поэты Али Керим, Мамед Араз, Халил Рза, Джабир Новруз, Тофик Байрам, Фикрет Садых, Фикрет Годжа, Муса Ягуб, Эйваз Борчалы и вступившие в литературу позже Вагиф Самедоглы, Алла Ахундова, Мансур Векилов, Ариф Абдулла-

заде, Иса Исмаилзаде, Алекпер Салахзаде, Аббас Абдулла, Мамед Аслан, Рамиз Ровшан, Вагиф Джабраилзаде, Мамед Исмаил, Нусрат Кесеменли, Сабир Рустамханлы, Чингиз Алиоглы, Вахид Азиз, Зелимхан Ягуб, Рустам Бехруди, Фируза Мамедли и другие, а также прозаики Сабир Ахмедли, Чингиз Гусейнов, Юсиф Самедоглы, Иса Меликзаде, Фарман Керимзаде, Максуд Ибрагимбеков, Рустам Ибрагимбеков, Акрам Айлисли, Эльчин, Мовлуд Сулейманлы, Сейран Сахават, Сабир Азери, Сара Огуз, Натик Расулзаде, в более поздние годы - Афаг Месуд, Кямал Абдулла, Чингиз Абдуллаев.

В шестидесятые годы широкое мировое признание завоевали полотна художников Таира Салахова, Тогрула Нариманбекова, Расима Бабаева, как интересные мастера заявили о себе художники Фархад Халилов, Сакит Мамедов, Эльчин Асланов, Эльчин Мамедов, Санан Курбанов, Муслим Аббасов, Кямал Ахмедов, скульпторы Фуад Бакиханов, Эльмира Гусейнова, Эльджан Шамилов, Эльхан Асланов, Фазиль Наджафов, Фуад Салаев, архитекторы Расим Алиев, Фуад Сеидзаде.

Яркую страницу в историю азербайджанской музыки вписали композиторы Васиф Адыгезалов, Эмин Сабитоглы, Хайям Мирзаде, Акшин Ализаде, Вагиф Мустафазаде, Полад Бюльбюльоглы, Фарадж Караев, Джаваншир Кулиев, дирижеры Назим Рзаев, Кямал Абдуллаев, Рауф Абдуллаев, пианисты Тамилла Махмудова, Фархад Бадалбейли, вокалисты Муслим Магомаев, Фидан и Хураман Касимовы, исполнители народной музыки Зейнаб Ханларова, Кадир Рустамов, кеманчист Абиь Алиев, тарист Рамиз Кулиев, ашуг Адалят... В самые последние годы всемирное признание получила музыка Фирангиз Ализаде, джазовое сочинительство и исполнение (вокал и пиано) Азизы Мустафазаде, мугамное пение Алима Гасимова.

На театральных подмостках заблистали имена Гасана Турабова, Самандара Рзаева, Микаила Мирзы, Гасана Мамедова, Шафиги Мамедовой, Амалии Панаховой, Фуада Поладова, Расима Балаева, Яшара Нури, Насибы Зейналовой, Сиявуша Аслана, Гаджибабы Багирова. Яркими театральными постановками и снятыми фильмами прославились кинорежиссеры Ариф Бабаев, Расим Оджагов, Эльдар Кулиев, Октай Миркасимов, Расим Исмаилов, Тофик Исмаилов, Гюльбенлиз Азимзаде, Гусейн Мехтиев, Аяз Салаев, Джангир Зейналов, Джахангир Новрузов, Джейхун Мирзоев, лауреат многих международных фестивалей Вагиф Мустафаев, театральные режиссеры Вагиф Аббасов, Гусейнага Атакишиев, Агакиши Кязимов, Азерпаша Нейматов, Тамилла Магеррамова, художественный руководитель Аздрамы Марахим Фарзалибеков, Театра русской драмы - Александр Шаровский, Муниципального театра - Амалия Панахова, Молодежного театра - Джаннет Селимова, постановщик популярных телевизионных фильмов Рамиз Гасаноглы. Все большее внимание привлекают камерные театры, созданные в последние годы - театр "Юх" Вагифа Ибрагимоглы, "Ибрус" Рустама Ибрагимбекова, "Ирс" Наргиз Пашаевой, Театр пантомимы Бахтияра Ханызаде.

Завершая обзор азербайджанской литературы, искусства и прежде чем обратиться к новым поколениям наших писателей и поэтов, чувствую необходимость сказать несколько слов о тех событиях последних двух десятилетий, которые коренным образом изменили жизнь нашей страны и не могли не отразиться так или иначе на ее культуре.

Как известно, с распадом СССР в 1991 году Азербайджан, как и все другие советские республики объявивший о своей независимости, столкнулся с теми же проблемами, что и другие республики бывшего Союза. Переход от статуса фактической провинции единой империи к статусу самостоятельного, суверенного существования, шаги по строительству демократической системы - многопартийной, бесцензурной, со свободой печати - после долгих мрачных лет тоталитарного подавления всякой неортодоксальной мысли, освоение рыночной экономики взамен планового хозяйства - все это общие проблемы республик всего постсоветского пространства, включая и саму Российскую Федерацию. И всем странам СНГ, как, впрочем, и странам Балтии, пришлось за короткий исторический период преодолевать эти трудные процессы, через которые европейские народы проходили в течение десятилетий, если не столетий.

Но в отличие от всех других постсоветских стран, Азербайджан вынужден был пройти через эти невероятно трудные испытания в условиях войны с Арменией. Армения под фальшивым предлогом волеизъявления армянской общины Нагорного Карабаха, пользуясь военной помощью России и экономической подпиткой, как ни странно, и США, и Ирана, при мощной пропагандистской, вернее, дезинформационной поддержке своей диаспоры в России, США и Европе, оккупировала 20 процентов территории Азербайджана, изгнав не только все азербайджанское население из самой Армении, но и с территории Нагорного Карабаха и прилегающих к нему других районов. В итоге - один миллион беженцев, чудом выживших, ужасы геноцида в Ходжалы, когда был уничтожен целый азербайджанский город со всеми жителями, массовые убийства азербайджанцев в Гукарском районе Армении и в селении Баганис-Айрум в Азербайджане...

Все эти страшные события, включая и кровавую январскую ночь 1990 года, не могли не отразиться в нашей литературе, став стимулом не только для произведений патристических, но и проникнутых отчаянием, болью, безнадежностью... В последнем десятилетии XX - начале XXI века в нашу литературу вошел отряд одаренных поэтов и прозаиков, стремящихся сказать свое веское слово на современном этапе. Это писатели века Интернета и виртуального мира, которые пристально следят за мировой литературой наших дней, иногда творчески, иногда не совсем творчески пытаются перенять ее достижения. В то же время они проявляют большой интерес к прошлому азербайджанского и вообще тюркских народов, к их мифологии, истории, легендам и верованиям.

Назову имена прозаиков Эльчина Гусейнбейли, Рафика Таги, Яшара, Ильгара Фахми, Орхана Фикретоглы, Фахри Угурлу, поэтов Адиля Мирсеида, Нисабейим, Адалята Аскероглы, Гашама Наджафзаде, Эльчина Искендерзаде, Салама, Этимада Башкечида, Эльхана Зала, Гулу Аксеса, Салима Бабуллаоглы, Акшина, критиков Низами Джафарова, Рахида Улусела, Рустама Кямала, Техрана Алышаноглы, Азера Турана, Асада Джахангира, Бести Алибейли, Наргиз Джабаровою.

Хочется назвать имена и трех совсем молодых поэтов, которые, увы, останутся навечно молодыми. Они - мученики-шехиды, жертвы событий последних лет. Низами Айдын погиб в ходе войны с Арменией. Ульви Буниятзаде был убит в кровавую ночь

с 19 на 20 января 1990 года. Алы Мустафаоглы сгорел в вертолете вместе с видными государственными деятелями и журналистами в небе над Карабахом. И, может быть, наиболее четкой формулой для целого поколения послужат бесхитростные, но оправданные и доказанные собственной праведно пролитой кровью строки Ульви Буниятзаде:

*Мы были рождены для жизни
Но должны умереть за Родину.*

Памятник Шехидам в Баку. Аллея Шехидов

Азербайджан - страна, за которую отдали жизнь неисчислимое количество людей разных поколений в течение многих веков. Они жертвовали жизнью во имя свободы и достоинства своей Родины, за дары ее земли, моря, ее недр, за чистоту ее горного воздуха и родниковых вод, за неописуемую красоту ее природы, за честь ее женщин и будущее детей, за свой народ - добрый, талантливый, гостеприимный и трудолюбивый. И еще - за ее духовное богатство.

Духовное богатство - самое большое достояние Страны огней. Литература, Искусство, Культура - Азербайджана, его неповторимое, светлое и прекрасное Лицо.

2008-2009 гг.

(Все тексты, где не указан переводчик, написаны автором на русском языке или переведены им самим)

Мир литературы

Начало всех начал

Каждый народ, каким бы богатым литературным наследием он ни обладал, имеет одну или две главные, изначальные книги. Эти книги наиболее цельно и емко отражают всю полноту народного существования, все его оттенки и подробности, систему этических и эстетических ценностей, психологические особенности, образ жизни, приметы географического ландшафта, краски и запахи родной земли, глубинную суть национального характера и духа. У древних греков такими книгами были “Илиада” и “Одиссея”, у индийцев - “Махабхарата” и “Рамаяна”, у иранцев - “Шахнаме”, у русских - “Слово о полку Игореве”, у испанцев - “Дон-Кихот”, у киргизов - “Манас”, у грузин - “Витязь в тигровой шкуре”, у армян - “Давид Сасунский”, у итальянцев - “Божественная комедия”.

Главной, изначальной книгой азербайджанского народа является великая “Книга моего деда Горгуда” (“Китаби Деде Горгуд”).

Подобные книги на все времена создаются одной яркой индивидуальностью - Гомером, Фирдоуси, Данте, Шекспиром, Пушкиным. Или они могут быть плодом творчества многих поколений; имена их творцов нам неизвестны, но сами произведения изустно передаются из века в век, совершенствуясь, шлифуясь. В последнем случае их относят к памятникам фольклора. Но дело не в этом. Не важно, принадлежат ли они перу конкретного гения или порождены коллективным устным сотворчеством, относятся ли к далеким тысячелетиям или созданы в веке минувшем, принадлежат ли к поэтическому, прозаическому, драматическому жанру или являются образцами мифологии. Важно, что они наиболее всеобъемлюще воплощают историческую, духовную, эстетическую сущность определенной нации. И более того, такие великие, изначальные книги способствуют как бы формированию облика определенного народа, направляют его по специфическому нравственному, психологическому, художественному руслу, лепят конкретный национальный характер со всеми его достоинствами и недостатками. Без каждого из вышеперечисленных и многих других великих творений немыслима литература народа, которому они принадлежат, как немыслима и вся общечеловеческая культура в целом. Но можно быть абсолютно уверенным в том, что без этих духовных сокровищниц сами народы, счастливо обладающие ими, были бы другими, как несколько иным было бы и все человечество. Без Низами и Навои, Ли Бо и Басе, Толстого и Достоевского, Гете и Хайяма мир непредставим.

Следует отметить один существенный феномен, связанный с “Книгой моего деда Горгуда”. Несмотря на ясные и весьма определенные указания в самом тексте эпоса о том, что он был создан Деде Горгудом, традиционное литературоведение отказывается признать его историческим лицом, конкретным поэтом, сказителем, художником-творцом - бесспорным автором великой Книги. История литературы имеет такие примеры, когда грандиозные произведения как бы затмевают славу их создателя или, во всяком

“Деде Горгуд”. Художник Таир Салахов

случае, ставят под сомнение его авторство. Вспомним неутихающие до сих пор споры вокруг авторства Шекспира.

На самом же деле Деде Горгуд обладает такими же правами на авторство этого эпоса, как Гомер на “Одиссею” и “Илиаду”. Мы же не говорим, что автором дастана “Кероглы” является его герой, хотя, как известно, Кероглы был также ашугом и многие гошма (стихи-песни) в эпосе поются от его имени. И героев дастанов “Ашуг Гариб”, “Асли и Керем” никто не называет их создателями. Ашуги уже после этих персонажей и коллизий их судеб сложили сказания о них.

Другое дело Деде Горгуд. В концовке каждой главы четко говорится: пришел Деде Горгуд, сложил эту былинку-огузнаме и посвятил ее такому-то герою. Пора признать, что в нашей литературе есть такое гениальное произведение, как “Книга моего Деда Горгуда” и такой бессмертный поэт-сказитель, как Деде Горгуд. Мы с полным правом можем считать Деде Горгуда первым по времени великим поэтом нашей литературы, к тому же творившим на родном азербайджанско-тюркском языке.

После того как исламская религия окончательно утвердилась в Азербайджане, в течение тысячелетия с лишним его ценности оказывали огромное влияние на духовность и культуру нашего народа, на его нравственные и философские убеждения. Необходимо отметить и то, что в канву этой религии в Азербайджане вплелись и доисламские верования тюркских народов, в том числе азербайджанцев. Кстати, вопреки традиционным представлениям о том, что только три мировые религии - иудаизм, христианство и ислам - придерживаются принципа единобожия, следует помнить, что и в домусульманских верованиях древних тюрков признавался единый Бог - “Бир Танры”.

Наиболее ярким примером такого органического слияния ислама и доисламского мировоззрения является именно эпос “Китаби Деде Горгуд”. Английский горгудовед Джофрей Льюис справедливо отмечает, что у этого эпоса очень древняя история: “Созданные задолго до исламской истории, эти дастаны соединяют огузский уклад жизни с исламской культурой”.

Исследовательница Орхонских текстов VII-VIII веков, высеченных на камне древнетюркскими буквами, И.Стеблева утверждает, что эти тексты и по языку, и по стилистике очень близки к “Книге Деда Горгуда”.

В самом тексте эпоса говорится, что автор и участник этих сказаний - великий Горгуд был современником пророка Мухаммеда, то есть жил в VII веке.

Деде Горгуд в Байбурде (Турция)

Средневековая миниатюра. Деде Горгуд у хана

Этот довод послужил отправной точкой для определения юбилея - 1300-летия “Деде Горгуда”, который в 1999 году был отмечен во всем мире по линии ЮНЕСКО, и особенно широко в Азербайджане, благодаря личной инициативе и активному участию нашего общенационального лидера Гейдара Алиева. Дата - 1300 - была принята и зарубежными, в том числе турецкими горгудоведами.

О глубокой древности эпоса свидетельствует и сам его текст. Если в знаменитом тюркско-арабском словаре (его можно назвать также и энциклопедией, и антологией) “Дивани лугат-ит тюрк”, составленном ученым-филологом XI века Махмудом Кашкари, приведены образцы тюркской поэзии с определенным размером - хеджа, с определенной системой рифмовки, наличествующими в литературе азербайджанского народа и других тюркских народов и по сей день с тем же размером и с той же рифмовкой, если в том же XI веке Юсиф Баласагунлу создал свою поэму “Кудатгу билик” (“Знание о счастье”) на тюркском языке в размере “аруз”, то стихотворные образцы в “Книге моего Деда Горгуда”, кстати, выделенные в рукописи красным цветом, - более ранняя форма тюркского стихосложения - без определенного размера и без рифмовки. Эта форма, как отмечают многие исследователи, близка к современному свободному стиху - верлибру.

Академик Д.С.Лихачев отмечает, что “Слово о полку Игореве” является общим достоянием трех братских славянских народов - русских, украинцев, белорусов - как незаменимый источник для изучения их истории, литературы, языка. Точно такое же значение для тюркских народов, особенно огузской языковой группы - турок, азербайджанцев и туркмен, имеет “Книга моего деда Горгуда”.

В то же время крупнейшие русские тюркологи В.В.Бартольд, А.Ю.Якубовский, турецкие ученые О.Ш.Гекйай, М.Эркин, Ф.Кепрулю и, разумеется, азербайджанские горгудоведы отмечают, что и по языковым особенностям, и по упоминаемым в тексте географическим названиям (Дербент, Гянджа, Барда, Алинджа-кала) эпос более всего связан с Азербайджаном, хотя им по праву, как своим национальным достоянием, гордятся и турки, и туркмены, и другие тюркские народы. Огромное значение для истории Азербайджана “Книги Деда Горгуда”, по непонятным причинам игнорируемой нашими историками в качестве незаменимого источника, имеет то, что этот памятник огузов - предков азербайджанцев, связанный с географической средой Кавказа, подтверждает древность обитания на этой территории тюркоязычного этноса.

Видный исследователь огузского героического эпоса, московский ученый, азербайджанец Халык Кероглы, ссылаясь на разные источники, подтверждающие пребывание огузов в Азербайджане еще в VII веке, справедливо заключает, что эта дата определяет не само заселение огузами этих территорий, а указывает лишь на первые источники, в которых говорится об этом.

Многие мотивы, сюжеты “Деда Горгуда” восходят к столетиям до нашей эры. Один из первых исследователей эпоса, немецкий ориенталист фон Дитц, проводя параллели между образом одноглазого Полифема из “Одиссеи” и персонажем “Деда Горгуда” Тепегезом (Темяглазым) и отмечая разительное сходство в сюжетах, утверждал, что тюркский эпос более древний, чем гомеровская поэма.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, зарождение, историю и оформление в качестве рукописи эпоса “Деда Горгуд” можно разделить на четыре этапа.

Первый этап - возникновение наиболее древних мотивов эпоса в глубине веков, возможно, тысячелетий до нашей эры (в качестве наиболее убедительного примера можно привести параллель Полифем - Тепегез).

Второй этап - примерно VII век нашей эры, когда современник пророка Мухаммеда, вещий Горгуд, используя легенды и мифы, бытующие до него, своим собственным гением создал былины о событиях уже своего времени - 12 “огузнаме”, в которых воспеваются подвиги и мытарства огузских богатырей. Судя по ссылкам в тексте на события, не отраженные в канонических сводах рукописей, видимо, их - былин-огузнаме - было больше.

Обложка книги

Гейдар Алиев выступает на юбилее Деда Горгуда

Третий этап - период исполнения былин-огузнаме, созданных Деде Горгудом, его последователями - озанами (предтечей современных ашугов). Именно в это время, очевидно, устные сказания были зафиксированы в рукописях. Таким образом Эпос стал Книгой.

Этап Книги также, на мой взгляд, делится на два периода. В первом писцы, слегка добавив в текст исламскую окраску, с удивительной бережностью сохранили его дух, стилистические особенности. Причем это, полагаю, произошло до XI века, ибо, как было сказано выше, в XI веке мы имеем уже более канонизированные формы тюркского стихосложения с определенным размером хеджа и системой рифмовки. То есть писцы, фиксирующие текст эпоса, в том числе его стихотворные фрагменты, не освоили еще ставших впоследствии традиционными законов тюркского стихосложения.

И, наконец, второй период книжного этапа “Деде Горгуда” - это когда Книга была переписана с более древнего манускрипта. Сегодня на руках мы имеем именно две эти рукописи - дрезденскую, состоящую из 12 глав - былин-огузнаме, и ватиканскую, состоящую из 6 глав.

Это, по-видимому, последний этап создания, исполнения и фиксации огузского эпоса на бумаге в Азербайджане. В Туркменистане этот процесс продолжался до XVIII века, когда Абульгази хан на основе разных огузнаме, бытующих в устной традиции, записал свою “Родословную туркмен”. Хотя автор отмечает, что он знаком со многими огузнаме, видимо, события канонического текста “Книги моего Деда Горгуда” остались ему неизвестными. Его изложение событий, с персонажами, носящими те же имена, что и в Книге, в основном не пересекается с сюжетами “Китаби Деде Горгуд”.

Как известно, у тюркских народов нет драматурга, равного Шекспиру, романистов, равных Сервантесу, Бальзаку, Толстому или Достоевскому. Но ни у англичан, ни у французов, ни у русских, ни у испанцев нет эпоса, равного по мощи, по объему, по своим высоким литературно-художественным достоинствам “Книге моего деда Горгуда”.

“Китаби Деде Горгуд” - основа основ, начало начал азербайджанской литературы, азербайджанской культуры, духовного и творческого развития нашего народа. “Китаби Деде Горгуд” - поразительная по обилию сведений, подробностей энциклопедия первозданной жизни, своего рода кодекс понятий национальной чести, норм и правил поведения. Мир неумейной фантазии, пантеистического восприятия бытия, языческого буйства страстей и поступков, стихия жизни и любви в полный накал.

*Кадр из фильма “Свет погасших костров”,
в роли Деде Горгуда Гасан Мамедов*

*Кадр из фильма “Свет погасших костров”,
в роли Бейрека Расим Балаев*

“Китаби Деде Горгуд” - это незамутненный источник родниково-прозрачного, чистого и подлинного азербайджанского языка.

Всеми своими мощными корнями эта книга связана с национальным укладом жизни, с формами национального бытия азербайджанского народа, с его этическим и географическим пространством. “Прохладные утренние ветры”, дующие на страницах этого бессмертного эпоса, летят с зеленых отрогов Кавказских гор. С их снежных вершин берут начало истоки бурных рек, через которые приходится переправляться персонажам дас-тана. В лесах и долинах Азербайджана скачут, охотятся, празднуют огузские богатыри, герои двенадцати былин, и эту землю защищают они с оружием в руках, на быстроногих кавказских скакунах. У этих голубых

родников слагают они песни в честь любимых, аккомпанируя себе на гопузе - древнем предшественнике современного трехструнного саза.

Чувство сыновней преданности родине и благородное, рыцарское отношение к матери, отцу, любимой, пафос мужской отваги и женского достоинства, сокровеннейшие лирические эпизоды и сцены высокого трагизма, сочный юмор и обожествление природы, напряженные сюжетные коллизии и широкое степное дыхание, естественная человеческая тревога перед загадкой смерти и величавые философские раздумья о бренности жизни, глубочайшая, жизнеутверждающая мудрость, вера в вечность земли, текущей воды, тенистого дерева, горящего очага - все это и многое другое вмещает в себя неисчерпаемый, необъятный, яростный и гармонично-завершенный мир “Деде Горгуда”. Мир на конкретном историческом отрезке и мир вне времени. Мир в определенных географических границах и мир, не имеющий пределов в пространстве.

Все причудливо-гениально смешалось в этом эпосе - величественное и обыденное, ритуальное и богоборческое, реальное и фантастическое, тончайшая психологическая достоверность в описании интимнейших движений души и гиперболически неправдоподобный размах батальных, сказочно-мифических эпизодов. Здесь можно найти все: строгое бытовистическое описание обрядов, обычаев, нарядов, игр, яств, развлечений и в то же время образ одноглазого великана Тепегеза - злодея, подобного гомеровскому Полифему. Ажурные, изысканные метафоры: “щеки любимой - как снег, который окроплен кровью, а рот ее изящен до того, что в нем не поместятся две миндалины”. И скульптурно-выпуклый, яркозримый, грандиозный образ Гараджа-Чобана - пастуха-великана, вырывающего с корнем огромное дерево, к которому его намертво привязали. Человек, идущий с огромным ветвистым деревом за спиной на врагов, - образ шекспировской мощи, шекспировской наглядной метафоричности; вспомним идущий на врагов бирнамский лес в “Макбете”.

“Песня об удахом Домруле” - гимн торжествующей любви, побеждающей смерть. Плач Бурлы-хатун по сыну - один из самых эмоциональных текстов в мировой литературе. И вообще, эпизод пленения жены Газана, рослой Бурлы-хатун, и их сына Уруза - по накалу ситуации стоит вровень с античными трагедиями.

Глава о Бамсы Бейреке и Бану Чичек - глубоко современный психологический роман XX века. Трепетно-поэтическая атмосфера первой встречи двух юных людей - Бейрека и Бану Чичек, зарубки в памяти, связанные с первым знакомством, противоборством и возникновением робкого чувства, недолгое счастье обрученных, неожиданный жестокий удар судьбы, их разлучивший, казалось бы, навсегда, пленение Бейрека врагами, суровые испытания на чужбине, ностальгия по родным местам, позднее горькое возвращение, предательство друга и забывчивость родных - вся эта гамма человеческих чувств, переживаний, ощущений, поступков, отношений, все оттенки характеров - фактура, материал, плоть современного многопланового романа о сложностях судьбы, о проблеме выбора, о перипетиях жизни, раздумья о природе любви и мужества, измены и верности, забвения и памяти, зла и возмездия.

Или другая глава, другая былина, другой сюжет. Раненый Басат лежит где-то в поле, за горами. Обезумевшая от горя мать ищет его в степи и вдруг замечает: там, за горой, в ущелье садятся, а затем взлетают вороны и коршуны. Садятся - взлетают. Мать догадывается: там, за горой, лежит ее раненый сын. Это к нему, чувствуя добычу, слетаются коршуны и вороны. Так это же кино, чистое кино! Чисто кинематографическое видение и чисто кинематографическая подача эпизода. Или вот такое, например, место: “Дирсе хан взял грубый лук Горгуда в свои руки, поднявшись на стремени, натянул тетиву, прицелился, пустил стрелу в спину сына. Обхватив шею своего коня, он медленно соскальзывал на землю”. Это же сценарная запись или, даже вернее, режиссерская разбивка на планы - крупные, средние, общие, с монтажным чередованием.

А создано это тысячу лет назад!

В этом нет ничего удивительного. Книги, подобные “Китаби Деде Горгуд”, неподвластны хронологической последовательности годов и веков. Трудно представить, что они были когда-то созданы, то есть трудно представить время, когда их не было. Кажется, что они существовали извечно - как горы, море, небо, луна. Трудно представить, что “Китаби Деде Горгуд” может когда-то состариться и, если не исчезнуть, то хотя бы перестать волновать, перестать вызывать интерес. Разве могут наскучить звезды, шуршание листвы, запах травы? Я в самом деле не могу себе этого представить, ибо для меня “Деде Горгуд”, как всякая великая книга, принадлежит не только всем векам всего человечества, но она как бы приурочена и ко всем возрастам человеческой жизни.

Кадр из фильма “Свет погасших костров”

Иллюстрация Тогрула Нариманбекова к книге “Деде Горгуд”

Я впервые прочел этот эпос в возрасте 14-15 лет, был потрясен и, наверное, тогда предполагал (хотя и не представлял себе четко), что это книга моего тогдашнего - подросткового возраста. Через несколько лет я перечитал эту книгу и опять был ошеломлен, но уже какими-то другими достоинствами, другими пластами. Через каждые пять-десять лет я перечитываю “Китаби Деде Горгуд”, очаровываясь снова и снова, находя все новые и новые, ранее не замеченные грани, глубины.

Оказывается, такие книги никогда не застывают в монументальной неподвижности, они меняются вместе с читающим, они растут от возраста к возрасту, они умеют говорить с ребенком на его языке, а со взрослым - беседуют о самых серьезных, важных, насущных проблемах.

С первого же прочтения эпос поразил меня зримыми образами, наглядными сценами, которые виделись словно на экране. Конечно, я тогда не мог и предположить, что когда-то мне удастся быть причастным к экранному воплощению этого великого памятника литературы. Первый азербайджанский двухсерийный фильм “Свет погасших костров” (в азербайджанском прокате - “Деде Горгуд”) был снят режиссером Тофиком Тагизаде по моему сценарию в советское время, разумеется, с преодолением определенных цензурных и “научных” препятствий.

По мотивам эпоса я написал также сценарий телевизионного сериала “Огузнаме Деде Горгуда”. Но, к сожалению, теперь, в годы нашей независимости, уже не из-за идеологических, а из-за финансовых проблем, режиссеру Рамизу Гасаноглы удалось осуществить постановку лишь первых двух серий. Мультипликационный фильм “Басат - победитель Тепегеза” и документальный фильм “Мир Деде Горгуда” также созданы по моим сценариям.

По мотивам эпоса я написал повесть “Деде Горгуд”, которая была издана несколько раз в Баку, а также в Турции, Иране и дважды в Москве большими тиражами. Предисловие к московскому изданию, с красочными иллюстрациями народного художника Тогрула Нариманбекова, написал доктор филологических наук, ныне покойный Халык Кероглы. В ней есть очень важные и ценные для меня слова:

“Повесть выстроена так, что здесь освещены, можно сказать, все сюжетные линии, эпизоды и даже отдельные мотивы древнего памятника. Вместе с тем повесть эта - совершенно оригинальное произведение. Создав повествование с целостной композицией из разносюжетных дастанов первоисточника, Анар проявил большое мастерство.

Фактически он обобщил историю огузов, художественно осмыслил то, что было пережито ими, как и какими идеалами они жили”.

Я написал также большое эссе “Мир Деде Горгуда”, в котором попытался выразить свои наблюдения и выводы в процессе многолетнего общения с эпосом, изучения его. Некоторые принципиальные тезисы этой работы читатель обнаружит и в этом эссе - “Начало всех начал”.

С чувством искренней благодарности я вспоминаю слова великого Гейдара Алиева, высоко оценившего мои скромные усилия в приобщении новых поколений к сокровищнице Деде Горгуда.

Выступая на заседании Комиссии по 1300-летию юбилею дастана, Гейдар Алиев говорил: “Хочу особо отметить заслуги Анара. Думаю, что сегодня, по прошествии определенного времени, мы должны дать более высокую оценку поискам, заслугам Анара в этой области. Возможно, когда Анар писал книгу о Деде Горгуде для детей или же другие свои книги, многие не могли осознать значимости этого в должной степени. Но сейчас, когда мы стараемся описывать наши национальные ценности, наши корни, нашу историю такими, какие они есть, мы осознаем, насколько ценны предпринятые в то время шаги. Я также ценю фильм Анара, созданный в связи с этим... Заслуживает одобрения, что идея создания энциклопедии “Китаби Деде Горгуд” принадлежит именно Анару”.

Я счастлив, что благодаря поддержке Гейдара Алиева удалось осуществить еще одно важное дело - впервые в мире создать и издать двухтомную “Энциклопедию Деде Горгуд”. Я стал автором предисловия к энциклопедии и председателем ее редакционного совета.

Если не самый активный, то самый уважаемый персонаж книги - сам Деде Горгуд - эпический сказитель, фиксатор событий и их предсказатель. Но он, опытный наставник народа, озан - предтеча ашугов, аксакал и мудрец, приходит и к финалу событий - радостных и горестных, торжественных и трагических. В конце концов, он всегда приходит. Можно сказать иначе: он всегда приходит, в конце концов. Приходит, чтобы отчеканить в вечном слове преходящие поступки, чтобы обессмертить все, что было, чтобы подтвердить словом то, что произошло на деле, и чтобы напомнить всем:

“Где те богатыри, о которых я рассказывал? Кто говорил: этот мир - мой? Смерть взяла, земля сокрыла, кому же остался этот бранный мир? Мир, в который приходят и уходят. Мир, в конце которого - смерть!”.

Кажется, что здесь много поживший, много повидавший на своем веку седой Горгуд оплакивает не героев, которых “смерть взяла, земля сокрыла”, а себя самого... Оплакивает горькую участь “мира Деде Горгуда”...

Но я бы не хотел завершать разговор о самом, быть может, оптимистическом творении азербайджанской литературы этими скорбными словами. Ибо есть и другие слова Деда моего Горгуда, обращенные к грядущим поколениям, к нам и детям нашим, и этим словам жить, покуда живет наша родная речь и наш народ:

“Да не рухнут высокие снежные горы твои! Да не падут тенистые могучие деревья твои! Да не иссохнут реки твои лучистые, текущие! Да не оступится пегий конь твой на скаку! Да не разлучишься ты с сыном своим и братом своим! Да не угаснет надежда твоя! Да не обломятся крылья твои! А и да светится вечно светильник твой!”.

1984 г.

“Где Низами?” - “он здесь!” - ответит каждый стих

В сложное и тревожное время мы отмечаем юбилей Низами Гянджеви - классика, который своим творчеством поднялся над временем. Над временем и пространством. Границы между государствами, народами воздвигают правители, поэты их разрушают. Сын Азербайджана, родившийся и всю жизнь проживший в Гяндже, Низами принадлежит всему человечеству. Литература не только Азербайджана, но и Ирана, других стран Востока непредставима без Низами. Мир культуры без него был бы неизмеримо бедней.

В эпоху Низами самыми могущественными азербайджанскими государственными образованиями были держава Атабеков и Ширванское государство. Представителям этих царствующих династий небезразлична была благосклонность такого прославленного поэта, как Низами. Феодалы соперничали не только за территории и города, но и за блеск поэтических имен в своем окружении. Эта мишура никогда не привлекала Низами, и ни дня своей жизни он не прожил в качестве обласканного дворцового поэта. Получив от ширванского шаха заказ на написание поэмы, Низами был крайне обижен пренебрежительными словами заказчика о тюркской особенности образов поэта. И думал было отказаться от заказа. Но пятнадцатилетний сын Низами произнес слова, оказавшиеся пророческими:

“Твои владения не Ширван, а мир”, - сказал он отцу.

И действительно, вот уже восемь столетий Низами владеет миром. Как владеют миром Гомер и Фирдоуси, Руставели и Навои, Пушкин и Шевченко.

Пять поэм Низами, объединенные в “Пятерицу” - “Хамсе”, стали источником вдохновения для сотен поэтов, очень крупных в том числе. Пятеричные циклы, совпадающие фабульно с “Хамсе” Низами, создали замечательные художники слова Амир Хосров Дехлеви, Джами, Навои. Сюжеты и мотивы Низами воплощены в творчестве многих мастеров слова Востока и Запада - от азербайджанца Физули до итальянца Гоцци и немца Шиллера. Современник Шиллера, другой гениальный немецкий поэт - Гете был восхищен поэзией Низами. В своем “Западно-Восточном диване” в главе “Низами” он анализирует образы азербайджанского поэта - Лейли, Меджнуна, Хосрова, Ширин, отмечает умение Низами выжать из своих притч нравственное наблюдение, способное изумлять и поучать. Автор “Фауста” был не только хорошо знаком с творчеством Низами, он был широко осведомлен о географии его родины - Северного и Южного Азербайджана, упоминал о “равнинах Азербайджана”. Касается немецкий поэт и биографических особенностей жизни Низами. “Он вел, соответственно своему спокойному занятию, спокойную жизнь, - пишет Гете, - и был похоронен в своем городе Гянджа”.

Низами Гянджеви. Художник Газанфар Халыков

Действительно, Низами прожил внешне очень обыденную, скромную и тихую жизнь. Но как говорил тот же Гете: “Только характер вырабатывается в борьбе, а талант зреет в тиши”.

Никогда не выезжая за пределы родной Гянджи, Низами своим гением объял весь мир - географическое пространство его творчества простирается от Китая на Востоке до пределов Античного мира на Западе, от Африки на Юге, до загадочной страны русов на Севере.

Несомненно, духовный и художественный опыт Низами, как отмечали исследователи его творчества Бертельс, Крымский, созрел на родной азербайджанской почве, в восточном и кавказском культурном ареале. Гянджа и Ширван, замечательные архитектурные памятники Нахчывана - мавзолей Момине-хатун и Юсифа ибн Гусеира, созданные современником Низами зодчим Абу Бекром Аджеми-Нахчывани, память о цветущих садах Барды, города царицы Нушабе, в самом сердце Карабаха - все эти реалии родной азербайджанской земли - ее легенды и были, ее музыка, архитектура, ее ковры и ремесла были художественно переосмыслены поэтом как в больших эпических поэмах, так и в образцах тончайшей лирики - газелях.

Законный наследник предшествующих достижений национальной культуры, Низами вместе с тем вобрал в свой духовный мир всю культурную сокровищницу человечества, созданную до XII века - его времени. Это и мудрость греческих философов, ученых - Архимеда, Фалеса, Платона, Сократа, Аристотеля. Это - мировоззренческая и этическая концепция огнепоклонства - зороастризма - с его священной книгой “Авеста”. Это - ценности ислама; правоверный мусульманин-шейх Низами, впитывающий весь комплекс философских, этических и правовых норм исламской религии, с пытливым интересом вглядывался также и в воззрения иудеев, христиан.

Низами воспринимал мир как целое во времени и пространстве. Исторические анахронизмы, скажем, в “Искендернаме” - это не случайные неувязки в раскладе эпох. Делая Искендера - Александра Македонского современником и египетских фараонов, и русских князей, отправляя его в мусульманскую Мекку и в далекий Китай, перетасовывая столетия и страны, Низами создает единую в мировоззренческом аспекте картину мира. Мира как целого - во всем разнообразии и многокрасочности проявлений. Из идеи единства мира возникает идея о единстве людей, об историческом общении народов.

Восемь веков назад осознавал Низами единство человечества, понимал, что своеобразие особенностей разных стран и народов не должно мешать их взаимопониманию на почве добра, согласия, мира. Мир поэта заселен представителями разных народов, и все они имеют одно общее гражданство - гражданство Низами; греческий полководец Александр Македонский - Искендер и азербайджанская правительница Барды - Нушабе, иранские цари Хосров, Бахрам и тюркский Султан Санджар, Меджнун и Лейли - арабские влюбленные, гибнущие в пучине своей трагической судьбы, китайский художник и славянская красавица - вот некоторые из героев Низами, яркими, зримыми, выпуклыми образами предстающие со страниц его поэм.

Мир Низами - это поистине необозримый космос, порой и его образы космичны - планеты, звезды, это богатейшая галерея характеров людей, каталог судеб, свод притч, это тончайший психологический узор человеческого поведения, проникновение в самые

глубокие недра человеческой души. Это серьезнейшие размышления о смысле бытия, о жизни и смерти, о крахе могущественных империй, о бренности славы, о блеске и нищете власти, о хрупкости любви. Лишь одна из поэм - “Лейли и Меджнун” - целиком посвящена теме любви, и только любви. Все же другие его произведения, включая даже поэму “Хосров и Ширин”, сюжет которой основывается на любовной истории, несмотря на то, что в них любовные коллизии занимают значительное место, посвящены в основном духовным поискам, попыткам осмыслить мироздание и место человека в нем. Поиски Низами при его несомненной тяге к метафизическим проблемам, при явной суфийско-мистической окраске (особенно в “Семи красавицах”) и даже - опережая времена, обратимся к современному термину, - при некоторой сюрреальности его поэтических приемов, все же напрямую связаны с реальными бедами и болями эпохи. Низами волнуют самые острые проблемы общества, он глубоко задумывается над соотношением справедливости и гнета, законности и произвола. В конечном счете это проблема правителя и народа, государства как такового и отдельной человеческой личности, существующей в определенных взаимоотношениях с этим государством. Почти во всех своих произведениях Низами апеллировал к современным правителям - большим и малым, призывая их к справедливости, к ненасилию, к заботе о народе, просвещению, добру. То наставлял, то убеждал, то увещевал, то предостерегал. Это были и советы в прямой, дидактической, назидательной форме, как в его первой поэме “Сокровищница тайн”. Но это было и воспитание путем эстетического воздействия. Духовная эволюция шаха Хосрова, как и нравственная метаморфоза другого шаха - Бахрама, героя “Семи красавиц”, - это путь от беспечного существования упоенного своей возможностью властвовать правителя до вершин понимания долга перед собственными подданными, ответственности за судьбы своего народа. Далекий от корыстной цели - добиться благорасположения власть имущих, Низами видел свою миссию в другом: будучи во много раз мудрее правителей своего времени, он пытался одарить их своим пониманием жизни.

И, надо отметить, среди правителей находились люди, осознающие это право поэта. Правитель, которому Низами отправил свою “Сокровищницу тайн”, проницательно отметил:

“Если бы было возможно, то целые казнохранилища и сокровищницы послал бы я в награду и дар за эту книгу, ибо имя мое благодаря ей сохранится в мире вечно. По-

*Средневековая миниатюра.
Низами среди великих поэтов*

*Автор ковров “Хемсе” (“Пятерица”)
художник Ляtif Керимов*

хвалы и порицания писателей и поэтов - единственное средство для сохранения доброй славы или позора в этом непрочном мире и предательском времени”.

Два начала - победоносность в битвах и мудрость, справедливость в повседневной жизни - воплощены в образе Искендера, героя последней поэмы Низами - “Искендернаме”. Блистательный, удачливый полководец, покоривший полмира в первой части поэмы - “Шерефнаме”, и царь-мыслитель, задумавшийся над неизбежной бездной небытия, во второй части - “Игбалнаме”, человек, подступивший к самой границе страны мрака и понявший бренность мира, славы, завоеваний. Именно в этой поэме круг размышлений Низами подводит его к мысли о некоей счастливой стране, справедливом обществе. Предвосхищая европейских гуманистов - автора “Утопии”, англичанина Томаса Мора - на четыре века и итальянца Кампанеллу, автора “Города солнца”, - на пять веков, Низами рисует свое видение идеального человеческого сообщества. И путь Искендера - завоевателя, прошедшего в ратных походах из одного конца земли до другого, осмысливается Низами как путь поисков истины, духовного совершенствования, приближения к идеалу правителя.

Узнав страну, в которой царят изобилие, дружба и счастье, и где изжиты гнев, алчность, зависть, Искендер восклицает:

*Полно по миру рыскать. Ведь нам не с руки
Лишь ловитвой гореть, всюду ставить силки.
Не довольно ли добыч? От соблазнов свободу
Получил я, внимая благому народу.
В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей.
Для того лишь прошел я по целому свету,
Чтоб войти напоследок в долину вот эту!
О звериный мой нрав! Был я в пламене весь.
Научусь ли тому, что увидел я здесь?
Если б ведать я мог о народе прекрасном,
Не кружил бы по миру в стремленье напрасном.*

В 40-е годы, когда в стране широко отмечался юбилей Низами, в многочисленных статьях, речах настойчиво и упорно проводилась мысль о том, что идеальное общество, о котором мечтал и писал Низами, нашло свое реальное воплощение в нашем советском социалистическом строе. Лишь через полвека, отмечая 850-летие Низами, мы осознаем, что сильно заблуждались и в этом. Аллюзии и аналогии с суровой современностью вызвали бы скорее другие бейты Низами:

*Князя слишком много чеканят монет.
В устах проповедника истины нет.
Сбавь плату им - слишком жаден их рот.
А ты беззаконьем царишь над страной.
Пред старым и младым, не зная стыда,
Ты грабишь деревни, сосеешь города.*

*Памятник Низами в Баку.
Скульптор Фуад Абдуррахманов*

Мавзолей Низами в Гяндже

Как хорошо понятна нам боль Низами, когда он горестно восклицает:

*Стол, что медом прельщал,
Ныне сделался ульем пчелиным.
Где ж теперь человечность,
Ужель удалилась навек?
Человека любого страшится любой человек.
Где познание то, что в сердцах человеческих блистало?
Человеческих свойств в человеке давно уж не стало.*

И удивительно современно звучат увещания Низами, как бы сквозь века обращенные к нам:

*Верь, руке лучше труд, какой он ни будь,
Чем за подаяньем ее протянуть.
И белый, и черный - все дети земли.
В ее мастерской себе дело нашли.
Не нищий - пред кем-нибудь кланчить дирхем.
Тружусь - и свой хлеб заработанный ем!*

Таково было нравственное кредо великого поэта. Гений от Бога и неутомимый труженик в силу своего характера, Низами в своем крайне стесненном материальном существовании не поддавался ни на один соблазн сытой жизни в качестве придворного прихлебателя. Вдали от иссушающих душу интриг, не стремясь к царским милостям, к месту по теплее и поближе к трону, к богатству и карьере, он в своем гянджинском уединении отстоял и сохранил собственное достоинство. Низами, конечно, знал, какую цену придется заплатить за свою независимость. Он был гордым человеком и заплатил за это одиночеством. Он был мудрым человеком и заплатил за это печалью. Он жил жизнью отшельника, но сама судьба безжалостно и грозно стучалась в двери его тихой обители. Гянджинское землетрясение, во время которого погибло 300 тысяч человек и в результате тектонических катаклизмов образовалась жемчужина природы - высокогорное озеро Гей-Гель - научила его тому, как из мук и страданий может родиться красота. Рождение сына и смерть любимой жены - кыпчакской красавицы Афэг - отразились в его душе отметиной: горе и радость неразделимы. Он, конечно, знал и радости, но больше - горечь утрат. Он познал зависть врагов и предательство друзей. За все утраты и страдания судьба одарила Низами утешением - бессмертием его творений, бессмертием, осознанным им самим.

Удивительным, чудотворным даром ясновидца рассматривая не только прошлое, но и предчувствуя будущее, Низами, наверное, догадывался и о сегодняшней нашей встрече с ним. Знал, что в самое суровое и трудное время его имя, его слова способны объединить людей на почве добра и красоты. И потому так ощутимо его присутствие среди нас и так точно звучат его строки:

*О друг стихов моих, чрез век спроси о них:
“Где Низами?” - “Он здесь!” - ответит каждый стих.*

1992 г.

Подвиг поэта

Поэзия - всегда подвиг. Естественно, речь идет об истинной поэзии. Неистинная же - не имеет права именоваться ни подвигом, ни поэзией.

В благодарной памяти человечества бессмертными героями живут не только Прометей и Спартак, Бабек и Пугачев, Ян Гус и Жанна д'Арк, но и Данте, и Гейне, и Байрон, и Пушкин, Лермонтов, Шевченко, Саят-Нова...

Великие поэты - те же герои, рыцари духа, несущие свет высоких идеалов добра, счастья, свободы во мрак жестоких веков, и за этот свой подвиг они расплачиваются сполна. Травля, "клевета молвы", гонения, ссылки и смерть становятся их уделом. Они познают и горький хлеб, тяжкие ступени чужбины, и надеются скрыться за высокими горами от всевидящих очей и всеслышащих ушей своих безжалостных преследователей. Но в веках они остаются нестигаемыми бунтарями духа, и их подвиги живут не только в трагических фактах биографий, но в первую очередь - в поэзии. Многие замечательные художники слова, которыми гордятся народы мира, жили и умирали как поэты, но прежде всего - творили как поэты. И Пушкин был героем не только тогда, когда он смело бросал в лицо самому царю слова о своем сочувствии декабристскому восстанию, не только тогда, когда стоял под дулом пистолета Дантеса, но прежде всего тогда, когда в тиши своей комнаты гусиным пером на белой бумаге выводил незатейливые буквы кириллицы: "Оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут".

Назым Хикмет был героем не только тогда, когда он, несломленный узник турецкой тюрьмы, объявил голодовку, но прежде всего тогда, когда написал бессмертные стихи "На пятый день голодовки".

Человеческий подвиг поэта придает немеркнущий ореол его личности в глазах современников и потомков, но в веках он жив прежде всего своим поэтическим подвигом.

Имадеддин Насими - гениальный азербайджанский поэт-бунтарь, мыслитель-вольнодумец, родившийся 600 лет тому назад, вот уже шесть веков живет в памяти людей великим подвигом своей жизни. Но еще более велик он своим поэтическим подвигом, своими замечательными стихами, обогатившими сокровищницу мировой философской и любовной лирики.

Судьбы большинства великих поэтов прошлого - трагические судьбы. Впрочем, и наш век не составляет исключения - Лорка, Нурдал Григ, Муса Джалиль, Микаил Мушфик... Этот горестный мартиролог можно продолжать еще долго.

Непонимание, забвение, духовная, если не физическая, изоляция, одиночество - вот худшее из того, что выпадает на их долю. А ведь была еще и физическая: пытки и тюрьмы, ссылки и изгнания, была инквизиция в Европе и на Востоке, где она называ-

Имадеддин Насими. Художник Микаил Абдуллаев

лась по-другому, но занималась тем же, чем и в Испании. Кстати, методы “святой инквизиции”, боровшейся с врагами христовой веры, и мусульманских судилищ, осуждающих врагов ислама, были поразительно идентичными по своей жестокости и лицемерию; обрекая на мучительную казнь обвиняемого, инквизиция выносила такую формулу постановления: “Мы должны отпустить и отпускаем такого-то и отдаем его в руки светского правосудия, такому-то, коррехидору сего города, или тому, кто исполняет его обязанности при названном трибунале, коих мы сердечно просим и молим милосердно обращаться с обвиняемыми”. Эта фарисейская формула означала аутодафе - смерть через сожжение. Точно так же был осужден мусульманским судилищем Насими. Религиозные деятели, обвинившие и осудившие его, тем не менее воздержались от окончательного приговора: окончательный приговор о мучительной казни был провозглашен султаном, то есть светской властью.

Думая о прошлом, сквозь даль веков мы порой видим минувшие эпохи выкрашенными в один цвет: “мрачная ночь средневековья”. Да, но у этой темной ночи были и великие зори духа - и Данте, и Низами, и Руставели. “Светлое утро Ренессанса”. Да, но у этого утра была и Варфоломеевская ночь, которая разразилась в год, когда Сервантесу было 25 лет, а Шекспиру - 8. Полные искристого жизнелюбия комедии Лопе де Вега создавались в стране жестокой инквизиции, и автор был современником аутодафе.

Имадеддин Насими творил в суровую эпоху, но и его поэзия полна ренессансного богатства красок, свободолюбивых идей, жизнеутверждающих мотивов. Уроки великих художников лишний раз подтверждают мысль о том, что самое злое мракобесие не в состоянии убить человеческое стремление к добру, свету и счастью. Ни одна обскурантистская религия, ни одна человеконенавистническая идеология не может поработить мысль. Человек становится рабом, лишь покоровшись навязанной ему идеологии, насильственно привитой ему религии, примирившись со злом, перестав мыслить и сказав “да”, думая в душе “нет!”.

Под угрозой духовной и физической расправы многие поэты, мыслители Запада и Востока действовали по-разному - большинство из них никогда не изменило своим убеждениям (речь идет о великих людях, а не о разных мелких приспособленцах). Порой они лжи предпочитали молчание. Порой соглашались говорить “да”, чтобы иметь возможность говорить “нет!” своим творчеством.

Насими - из тех поэтов, которые буквально до последнего вздоха говорили “нет!” господствующей идеологии, миропорядку, исламской ортодоксии. Насими говорил “нет!” и своим человеческим поведением, и своей поэзией, ибо последними его словами были стихи - строки непримиримости - завещание несломленного человека.

За свои вольнолюбивые, бунтарские стихи Насими был приговорен к казни в 1417 году в сирийском городе Алеппо, и с поэта содрали кожу. Легенда гласит, что один из религиозных деятелей, спровоцировавших его казнь, сказал, обращаясь к толпе: “Этот Насими такой безбожник и еретик, что если капля его крови попадет в какое-нибудь место, это место должно быть уничтожено”. Но, по легенде, капля крови Насими попала на палец этого самого захида (“захид” - буквально “аскет”, представитель одного из самых ненавистных Насими институтов исламской религии). И захид, боясь поте-

рять палец, отрекся от своих же слов. Тогда прозвучали строки истекающего кровью поэта:

*Из-за одного пальца захид готов отказаться от своей правды.
А с истинного влюбленного сдирают кожу с головы до ног -
и ему не больно.*

(Подстрочный перевод)

“Истинным влюбленным”, согласно суфийской терминологии, Насими называл себя. Ему, естественно, было больно, но правда этих строк в другом: поэт, умирая немислимо мучительной смертью, не отрекся от своей истины. Конечно, достоверный факт биографии Насими мог обрасти легендами, но неоспоримой очевидностью остался в веках факт мученической смерти поэта. Неоспоримы его гордые слова в конце жизненного пути. Неоспорим и исторический документ - арабский источник, из которого я процитирую несколько фраз:

“Насими был казнен во времена Яшбека... Пришло указание султана, чтобы с него содрали кожу и семь дней выставляли (труп) на обозрение в Алеппо... Так и было сделано. Этот человек был еретиком и безбожником. Да сохранил нас Бог от его слов и дел... Говорят, у него есть изящные стихи”.

Самое поразительное в этом документе - последняя фраза. Хронист, как видно, - правоверный мусульманин, добросовестно летописующий исторический факт. Более того, как человек благочестивый, он молит Бога о спасении от ереси казненного. Чудовищно жестокий приговор он принимает как должное, как заслуженную кару и... в этом сухом, официальном, сугубо лояльном документе он не может умолчать о славе “изящных стихов” Насими. Одна эта фраза говорит о непобедимости и неистребимости большой поэзии, о ее несокрушимой силе, о ее моральном превосходстве над теми, кто властен задушить творца, но не властен над его творением.

* * *

Сеид Имадеддин Насими родился приблизительно в 1369/70 гг. на земле Азербайджана, в Ширване. К последнему десятилетию XIV века относится его знакомство с учением хуруфитов и основателем этого учения Фазлуллахом Наими. Молодой Насими увлекается как учением хуруфитов, так и яркой личностью Наими, признает в нем своего учителя и духовного наставника. Как предполагают исследователи творчества поэта, он меняет свой ранний псевдоним “Тусейни” на “Насими” (как более созвучный псевдониму Фазлуллаха) в честь учителя.

Можно предположить, что глубокий ум и цельная личность Фазлуллаха Наими сыграли не последнюю роль в приобщении Насими к учению хуруфитов, ибо само это учение, в той форме, в какой оно сохранилось в научных трактатах его идеологов, гораздо менее интересно, чем богатая философскими откровениями поэзия Насими.

В чем же суть этого учения? Хуруфизм надо рассматривать в связи с более обширным философски-духовным явлением мусульманского Востока - суфизмом, или, как

его часто определяют, восточным пантеизмом. Мудрые слова Ф.Энгельса о том, что “всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение; направляться в первую очередь против церкви”, всецело можно отнести и к истории раннего суфизма, возникшего в недрах ислама как оппозиционное к господствующей религиозной ортодоксии, и следовательно - власти, течение. Пантеистический суфизм утверждает, что Бог и природа тождественны и все в мире есть лишь эманация Бога. Человек, отторгнутый от первоначальной субстанции (природы - Бога), должен вновь соединиться с ним в любви, во имя чего он отрекается от всего земного. Как видно, суфизм содержит в себе значительные элементы мистики и аскетизма. Логическим философским выводом из общей концепции суфизма был знаменитый тезис “Ан-ал-хак” - “Я есть Бог (истина)”, провозглашенный поэтом-суфием X века Мансуром Халладжем (казнен в 922 году за столь вольную мысль). Но уже в XI-XII веках суфизм усилиями крупнейшего исламского ученого-богослова ал-Газали был принят в лоно официальной ортодоксии и в последующие века из двенадцати течений суфизма десять были признаны лояльными. Два же считались еретическими и тяжело преследовались. Хуруфизм был одним из этих двух.

Хуруфизм (от слова “хуруф” - буквы) представляет собой несколько странное для сегодняшнего понимания учение о том, что в основе мироздания находятся буквы. Мысль еще более странная, чем библейское изречение “Вначале было Слово”. Хуруфиты объявили 28 букв арабского и 32 буквы персидского алфавита основой всего сущего, видели в этих буквах проявление божественного лика, искали комбинации этих букв даже в чертах человеческого лица. Сегодня все это может показаться нам и наивным, и странным, но разве не кажутся нам причудливыми математические предсказания поэта XX века - Велимира Хлебникова? А если вспомнить теорию чисел пифагорейцев и различные каббалистические учения? Конечно, все это явления разного порядка и масштаба. Роль школы Пифагора в истории познания человеком мира неизмеримо значительней каббалистических или хуруфитских учений, а хлебниковские построения были, скорее всего, причудами талантливого поэта и математика. Но если отнестись к хуруфизму не с нынешней нашей рационалистической вершины, а с учетом особенностей той исторической эпохи, то обнаружится, что за странной игрой буквами стоят гораздо более важные общественные, философские и политические идеи. Исходя из своих теорий, хуруфиты толковали Коран - священную книгу ислама - совсем иначе, по-другому, а это был самый настоящий вызов господствующей идеологии. “Хуруфиты в лице своего основоположника Фазлуллаха Наими и большинства известных истории крупных представителей стоят на позициях последовательного пантеизма с уклоном в сторону материализма, - пишет исследователь философии хуруфизма З.Кулизаде. - Бог отождествляется хуруфитами с миром, четырем материальными элементами, человеком, являющимся продуктом и высшей ступенью эволюционного развития мира, и его речью (буквой, звуком)... Мир, все его явления и процессы, по учению хуруфизма, находятся во взаимной связи, постоянном изменении и развитии. Неразрывно связаны содержание и форма, сущность и явление, изменение и изначальная сила, единое и множество, различные этапы развития мира (минералы, растения, животные и человек), человек и вселенная, название и названное, сон и явь и т.д. Признавая пер-

вичность названного (предметов и явлений реального мира), хуруфизм, выступив более открыто и решительно, оставил за собой номинализм средневекового Запада, который Маркс называл первым выражением материализма”.

Итак, за кажущейся отвлеченностью и абстрактностью учения о буквах стояли весьма серьезные и внушительные философские идеи, политические концепции, и они соответствующим образом оценивались господствующей ортодоксией и соответственным же образом преследовались. Фазлуллаха Наими постигла участь Мансура Халладжа - в 1394 году он был предан мучительной казни сыном Тамерлана - Мираншахом. Через 23 года тот же удел выпал на долю Насими.

На конец XIV и начало XV веков приходится одна из самых мрачных и кровавых страниц в истории народов Ближнего и Среднего Востока, Передней и Средней Азии, Кавказа и северных прикаспийских областей. Страны этого региона, и в их числе Азербайджан, еще не оправившиеся после опустошительных монгольских нашествий, стали ареной жесточайших схваток золотоордынского хана Тохтамыша, Тамерлана, турецкого султана Баязеда, других крупных и мелких феодальных владык Востока. Эта эпоха и личность самого Железного Хромца - Тимура отражены в многочисленных исторических летописях, в произведениях литературы и искусства. Причем эти последние созданы не только восточными авторами. Многие художники слова - от Кристофера Марло, английского драматурга, старшего современника Шекспира, автора трагедии “Тамерлан Великий”, до русского советского писателя Сергея Бородина, написавшего трилогию “Звезды над Самаркандом”, - пытались осмыслить как эпоху, так и личность самого завоевателя, сыгравшего столь важную и столь зловещую роль в судьбах многих народов. Конечно, трагедия К.Марло, где Тимур, по определению автора, “бывший скифский пастух”, сподручные которого поминутно клянутся Юпитером и Юноной, так и сыплют именами античных богов и образов, и строго реалистическая, исторически достоверная проза С.Бородина, как и романтическая драма азербайджанского драматурга Гусейна Джавида “Хромой Тимур”, - произведения разных жанров, разных эпох, мировоззрений, мироощущений. Но все эти произведения объединяет нечто общее - попытка определить меру человеческой жизни, критерии человеческих ценностей в эпоху их полного обесценивания. “Апофеоз” Верещагина - вот зримый образ той эпохи, эпохи сотен разрушенных городов, сравненных с землей селений, эпохи, когда человеческая жизнь - как завоеванных, так и завоевателей - ни во что не ставилась.

Как же эта эпоха отразилась в творчестве современника и очевидца событий - Имадеддина Насими? Здесь мы видим парадоксальное на первый взгляд, но только лишь на первый взгляд, явление. У Насими нет ни строчки, прямо связанной с тимуровским нашествием, с конкретными реалиями этой всепоглощающей лавины. В отличие от Фазлуллаха, Насими даже ни разу не упоминает имени Тимура. (Вспомним, что другой азербайджанский поэт и государственный деятель, старший современник Насими - Кази Бурханеддин, который был одним из самых непримиримых врагов Железного Хромца, - автор яростных строк, направленных против Тимура и Тохтамыша.)

В чем причины умолчания Насими об этих событиях - отрешенность от реальности жизни, осторожность или аполитичность, выражаясь современными понятиями?

Думается, ни то, ни другое, ни третье. Дело в том, что вся поэзия Насими отражает его эпоху и вызвана ею, но она, эта поэзия, отражает свое время не в прямой, хроникерской форме. Ответ Насими на вызов времени - это глубинное и глобальное обобщение нравственного, духовного и философского опыта эпохи. Во времена, когда человеческая жизнь была куда дешевле лошадиной, ответ Насими - это обожествление, возвеличивание человеческой личности, страстный гуманистический гимн в честь человека. Гуманизм как никогда действенен в те эпохи, когда он яростно оспаривается. И именно поэтому гуманистический пафос поэзии Насими отражает его острую тревогу за человека в мире, где он, человек, ни во что не ставился.

“Сын человека, вот кто есть Бог”, - провозглашает поэт кощунственную для ортодоксов формулу. “Воплощение Бога - в человеке, и человеку надо поклоняться”, - неустанно выражает поэт свое гуманистическое кредо.

*Ты Бога возлюбил, был праведен твой путь.
Но пусть возлюбит Бог тебя когда-нибудь.
Будь для огня огнем и стань для света светом,
Прозванья “Человек” всегда достоин будь.*

*Бог - человеческий сын, и человек велик,
Все создал человек и многое постиг.
Все в мире - человек, он свет и мирозданье.
И солнце в небесах есть человеческий лик.*

*Ты истине служи за совесть, не за страх.
Смотри не утопи ее ни в чьих кудрях.
Но истине служа, не забывай, что люди
Прекраснее всего, что сотворил Аллах.*

*Путь к правде Правда направляла строго,
И вот лицо открыла недодрога,
И я благую истину постиг:
“Лишь ты - мой Бог. Нет Бога кроме Бога”.*

(Перевод Н.Гребнева)

Одна из самых действенных форм утверждения попоранной человеческой личности в этом мире - любовь. Любовная лирика поэта полна тончайших наблюдений и открытий, в которых отразились все оттенки этого высокого человеческого чувства. Но и любовная лирика поэта философски-полемична, она направлена против религиозно-аскетического отрицания радостей жизни. Обращаясь все к тому же ненавистному захиду, поэт говорит:

*О грешник, объявивший любовь грешной,
знай, что я не отрекусь от этого греха.*

(Подстрочный перевод)

Лик и черты возлюбленной поэт сравнивает с Кыблой, с сурами Корана, со священными реликвиями ислама. Конечно, Насими не был атеистом в современном понимании этого слова (хотя хулители и называли его безбожником). И его богоборческие образы в какой-то мере соотносятся с общей суфийской традицией иносказаний и зашифрованных понятий. Но величие Насими в том, что он не вмещается не только в крустово ложе исламской ортодоксальной идеологии. Он не вмещался и в значительно более широкий духовный горизонт суфизма, не вмещался он и в учение хуруфизма. Как всякий большой поэт, он был гораздо богаче школы или течения, чьи манифесты провозглашал.

По богатству и разнообразию духовного мира Насими был поистине ренессансной личностью. Любовь к истине, и к ней одной, не превратила его в сухого догматика антидогматизма, узколобого фанатика антифанатизма. Он любил истину во всех ее проявлениях - строки, посвященные любимой женщине, радостям земной любви, весеннему пробуждению природы, даже если учитывать их символическую многозначность, дышат неподдельным, живым человеческим чувством, воспринимаются прежде всего как отражение ощущений реального человека, а не как суфийско-хуруфитская система иносказаний и метафор.

Но было бы неправильным считать Насими поэтом радостного мироощущения, воспевающим лишь величие человека, красоту его земных дел и помыслов, его любовные страсти и философские искания. Нет, как было сказано выше, эпоха дышит в каждой строке Насими, а эпоха была безжалостной и мрачной. И отсюда пессимистические, скорбные мотивы в лирике Насими, его проклятия "миру, который не есть место для человека и который надо покинуть". Отсюда осуждение "мира, у которого лишь одно достояние - печаль и от которого ничего другого нельзя ожидать". Конечно же, эти настроения противоречат другим строкам поэта, в которых он, отвергая посулы аскета - посулы потусторонних радостей, весело провозглашает, что ему и в этом мире достаточно хорошо со своей возлюбленной. Противоречия? Но никто их и не отрицает. Противоречивой была эпоха, противоречив мир и противоречива человеческая судьба. Но противоречия Насими - это грандиозное внутреннее боре-ние ренессансной личности, мучительно ищущей ответа на проклятые вопросы о мироздании и о месте всего сущего в нем. Что мы? Кто мы? Откуда мы? Зачем мы? Сама постановка этих вопросов была вызовом исламской религии, религии молчаливой покорности, выраженной уже в самом ее названии. Долготерпение, безропотное приятие судьбы, какой бы горькой и несправедливой она ни оказалась, - вот "мудрость" исламской религии, как, впрочем, и всех остальных религий. Обещание счастья в необозримом будущем, во всяком случае не в нашем мире, не в нашем или по пространственной, или по временной, неважно какой, причине - вот посулы всех религий. Но Насими не хочет покорно соглашаться, не хочет принимать любой догмат на веру, не усомнившись в нем, не хочет готовых ответов на дозволенные вопросы. Он ставит такие вопросы, на которые узкая ортодоксальная мысль не может отве-тить:

*День и ночь жаждал узнать я, что это за дело?
 Что это за циркуль, рисующий небесный круг,
 что такое свод небесный и круговорот,
 из чего составлены эти девять висячих кругов,
 что есть Луна и блуждающие звезды под небосводом,
 что такое мечеть и капище, рубище дервиша и кушак...
 Огонь, вода, земля и воздух - почему они названы человеком?*

(Подстрочный перевод)

Вопросы, вопросы, вопросы... Беспокойная, ищущая, пытливая человеческая мысль, задыхающаяся в узком и затхлом мире официальных догматов, регламентированных ответов. Сомнение - уже первый шаг к сопротивлению, и не случайно одна из главных установок ислама - проклятие сомневающемуся! Не случайно и то, что в стихах Насими, поэта-бунтаря, столько рефренов, выраженных вопросительными словами: "Что это?", "Где?", "Где ты?", - настойчиво повторяет поэт. Он ищет смысл и логику мироздания. В этом жестоком и непонятном мире он ищет утешение - свою возлюбленную:

*Где ты, желанная моя? Ты душу мне зажгла! Где ты?
 Ты свет очей, ты в двух мирах богатство мне дала! Где ты?
 Со всеми дивами вражду затеял я из-за тебя.
 Ты мне границей была, ты крепостью была. Где ты?
 Похмелье вечное мое, с тобой вдвоем на что нам рай?
 Ты мой нектар, ты вручена мне с райского стола! Где ты?*

(Перевод К.Симонова)

Он ищет, подобно Диогену, Человека. Верного, достойного, прекрасного и совершенного.

*Где тот муж истинный, который знает истину,
 и слова на его устах истинны?
 Где в этом мире Утверждающий,
 у которого в душе не было бы отрицания?
 Где тот постоянный в своем уговоре,
 чтобы я мог назвать его верным другом?*

(Подстрочный перевод)

Но ответ для Насими не в религиозных обещаниях рая и ада, потустороннего счастья, не в вере в ангелов и демонов, а в реальной жизни, в реальном величии человека. Да, Насими горько проклинал свой век, мучительно искал достойного, совершенного человека, сетовал на непостоянство жизни и мира, но он же провозгласил бессмертные слова, звучащие высоким гимном человеческому достоинству:

*В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь:
Я суть, я не имею места - и в бытие я не вмещусь.
Вселенная - мой предвозвестник, мое начало - жизнь твоя -
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.
Хоть я велик и необъятен, но Я Адам, Я человек,
Я сотворение вселенной, - но в сотворенье не вмещусь.*

(Перевод К.Симонова)

В своем гуманистическом пафосе Насими не остановился и перед последним шагом; он повторил формулу “Я есть Бог” Мансура Халладжа, зная о роковом конце ее провозгласившего. Формулу эту Насими неоднократно поэтически варьировал.

*Я нашел истину (Бога), провозглашаю “Я есть истина (Бог)”.
Я - истина (Бог), истина (Бог) во мне, я обнаружил истину (Бога).*

(Подстрочный перевод)

Более того, он воспевал и сам подвиг Мансура, восхищался героической смертью поэта-мученика, как бы предвосхищая свою собственную судьбу. Преследования хуруфитов, особенно усилившиеся после казни Фазлуллаха Наими, не сломили духа Насими, но, скрываясь от гонений, он вынужден был покинуть родину и в течение всей оставшейся жизни скитался по большим и малым городам Ближнего Востока. В Турции, арабских странах Насими продолжал проповедовать свои философские идеи и завоевывал сердца многих новых приверженцев. А судьба готовила ему новое, последнее испытание в Алеппо. Думая о жизненном пути Насими, поражаешься остродраматическим ситуациям его биографии, словно придуманным каким-нибудь современным писателем: судьба все время ставила его перед сложным нравственным выбором. В Алеппо был схвачен юноша, читавший стихи Насими. Он и под страхом смерти продолжал утверждать, что эти стихи - его собственные, и он готов понести за них любое наказание. Еще один - последний - выбор. Насими снова сделал его с честью и достоинством: явившись в судилище, он раскрыл свое имя, подтвердил свое авторство. Юноша был спасен. Была предreshена и судьба Насими.

Казнь Насими, его героическое поведение перед лицом палачей сделали его имя еще более популярным на Востоке. Отныне к трем ипостасям Насими - поэта, философа, активного пропагандиста хуруфитского учения - прибавилась и четвертая: мученика-героя. Хуруфизм как течение, возникшее в Азербайджане, очень скоро распространился по всему мусульманскому Востоку, и существенную роль в этом сыграли жизнь и смерть Насими. В течение шести веков имя Насими было символом бесстрашия перед религиозными обскурантами. Оно вошло в народную поэзию Азербайджана наряду с другими мифологическими и литературными образами как символ стойкости и негибаемости. Его человеческий подвиг, но прежде всего его великая поэзия оказали огромное влияние на развитие азербайджанской литературы, на творчество таких ее корифеев, как Хагиги, Хатаи, Хабиби, Кишвери, Физули, Видади, Вагиф и многие другие.

Грандиозная заслуга Насими перед нашей национальной литературой в том, что он был первым большим поэтом, оставившим богатое поэтическое наследие на родном азербайджанском языке. Но Насими был знатоком и двух других традиционно литературных языков Ближнего Востока - арабского и персидского. Он автор “Дивана” - поэтического сборника на персидском языке и стихов на арабском. Как поэт и как личность Насими оказал заметное влияние на развитие различных литератур ближневосточных народов.

Современник Насими, турецкий поэт Рифаи, посвятил ему восторженные строки. Слава Насими давно перешагнула не только географические пределы его родины, но и временные границы его века. В XV веке о Насими с любовью говорит гениальный сын узбекского народа Алишер Навои. В XVIII веке его с почтением вспоминает классик туркменской литературы Махтумкули. Любовь к поэтическому слову Насими ломала географические и хронологические барьеры, она рушила и религиозные стены. Широко были распространены стихи Насими в христианской Армении. Ортодоксальное духовенство, в данном случае уже христианское, предало сожжению Будаха Амтеци за “чтение стихов Насими и взбудораживание народа”. В XVII веке другой талантливый поэт Армении - Хачатур Дигранагерци ходил по улицам города и громко распевал стихи Насими. Его постигла участь азербайджанского поэта.

Во многих своих стихах Насими утверждает, что он стал “ламекан”, это можно перевести как “не имеющий места”, “находящийся вне пространства”. Поэт употребляет это понятие в суфийско-хуруфитском значении, но, сопоставленное с его собственной судьбой, оно приобретает дополнительный, многозначный смысл. Сын Азербайджана, уроженец Ширвана, Насими вынужден был скитаться по многим странам и нашел свой конец на арабской земле. Его преследовали тимуриды и казнили по указу мамлюкского султана Египта. Слава его перешагнула границы исламского мира.

*Все времена и все века - я. Душа и мир - все это я!
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?
Старик - я в то же время молод, я лук с тугою тетивой,
Я власть, я вечное богатство, - но сам в века я не вмещусь.*

Пророческие слова! Он не вместился ни в свою страну, ни в свою религию, ни в свой век. Не вместился он и в рамки хуруфитского учения, за идеи которого отдал жизнь. Он и в смерть свою не вместился, перешагнув ее непоколебимым упорством предсмертных строк. Поистине “не имеющий места”, “находящийся вне пространства”! И времени, добавим мы.

Незадолго до своей смерти учитель Насими, Фазлуллах Наими, советовал своему последователю покинуть Баку, ибо оставаться там было опасно из-за преследования хуруфитов. Насими последовал совету своего учителя, покинул Баку и вернулся через шесть столетий уже в столицу Советского Азербайджана. Вернулся своими прекрасными творениями, величием своего человеческого подвига, вернулся тем гранитным памятником, который установлен в Баку. Поэт, провозгласивший себя “не имеющим места”, стал родным и близким миллионам людей, стал гордостью многонациональной семьи советских народов, всего прогрессивного человечества.

*Памятник Насими в г. Баку.
Скульптор Ибрагим Зейналов*

*Могила Насими
в г. Алеппо (Сирия)*

И сейчас, в преддверии грандиозных космических маршрутов, мы гордимся тем, что творческое наследие великого азербайджанского поэта в числе других ценностей мировой сокровищницы культуры станет частью духовного багажа человечества, уносимого им в чуждальные миры. И да будет нам дозволено повторить от имени Насими его строки в том понимании, которого он не имел, но на которое имеем право мы, люди космической эры:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь...

1973 г.

Победа поэта

Поэт и государь. Поэт и царь. Поэт и шах.

Во всех исторических эпохах, резко различающихся общественных устройствах взаимоотношение правителя и художника содержало в себе серьезнейшую нравственную, философскую, собственно человеческую проблему. Абсолютный монарх властно сжимает бразды правления в бестрепетной руке; вся мощь государства - армия, оружие, казна, земля, плоды и богатства недр ее - в его владении. Чем владеет поэт - всего лишь словом...

Да что там положение, благополучие, условия существования, порой сама жизнь его целиком и полностью зависима от воли, желания, минутного каприза властелина.

Вместе с тем даже самые могучие, “достославные” государи испытывали нужду в поэтах. Даже неограниченно самодержавный властелин ощущал, что вся власть его все-таки ограничена отпущенным ему определенным периодом времени правления; поэтическая держава, “султанат поэзии” творца - вне разрушительной власти времени. Шах правит в пространстве, очерченном границами определенного государства; слово границ не знает. Полководец покоряет земли, художник - души и умы... Поэт - посланник вечности, полпред всего мира в своей стране и своей страны во всем мире. Да, в земной юдоли судьба поэта в руках шаха, но имя покинувшего мир властелина, его достоинство для потомков во многом зависит от оценки, данной ему поэтом. Способность правителя ценить подлинное искусство - непереносимое условие оценки его самого на скрижалях истории. Покровительство царствующего двора являлось для целого ряда талантливых творцов едва ли не единственной возможностью творческого созидания. В равной мере это приложимо и к живописцам европейского Ренессанса, и к поэтам Востока, и к великому испанскому художнику Веласкесу, и к узбекскому гению Навои.

Истины ради заметим, немало было и бездарей, творчески несостоятельных дворцовых низкопоклонных прихлебателей, кои кормились и “возвышались”, строча панегирики (“мадхия”) в честь и во славу власть предержащих (“сахиби-ихтияр”). Однако наиболее мудрые государи даже в эйфории от славословий понимали все же, что степень искренности меркантильных дифирамбов ничуть не выше их поэтичности. Ну как поверить - равно в искусстве и любви - в истинность купленного чувства?..

Но порой эта проблема - “поэт и шах” - преломляется не только во взаимоотношениях двух людей, случается, что она выступает и в виде внутреннего разлада, раздвоения одной личности, то есть поэт и шах сосуществуют в едином лице. И Восток, и Запад знали государственных деятелей, профессионально занимавшихся искусством и даже более прославившихся именно на этом поприще.

Поэтическое творчество шахов и султанов - явление на Востоке достаточно широко распространенное. Даже поверхностный взгляд только на XIV-XVI века обнаружи-

Шах Исмаил Хатаи. Музей Уффици во Флоренции

вает множество имен поэтов - правителей различных государств Ближнего и Среднего Востока. Азербайджанский поэт Гази Бурханеддин был правителем Сиваса. Потомок Тимурленга (Хромого Тимура) Султан Гусейн-Байгара сочинял стихи под тахаллусом¹ "Гусейни", занимался поэзией и его сын, шахзаде² Бедиуззаман. Стихи Джаханшаха, правителя из династии Карагоюнлу, писавшего под тахаллусом "Хагиги" (Истинный), высоко ценились Абдуррахманом Джами. Султан Ягуб из династии Акгоюнлу тоже занимался сочинительством, но не на родном ему азербайджанском, а на фарсидском языке. Два заклятых врага Шаха Исмаила - Шейбани хан и Султан Селим - тоже писали стихи. Примечательно, однако, что оба они - и Шейбани, и Селим, несмотря на свое тюркское происхождение, стихи писали исключительно на фарси.

Шах Исмаил также был поэтом: стихи и поэмы он писал под тахаллусом "Хатаи" на своем родном языке³.

*Внук Джунейда и сын Гейдара из рода Сефевидов,
Потомок Али аль-Муртазаи⁴ Хатаи...
Имя мое - Шах Исмаил,
Но тахаллус мой Хатаи, да - Хатаи.*

И если в анналах истории Востока значительное положение занимает Шах Исмаил, то в сокровищнице азербайджанской классической поэзии не менее почетное место обрел поэт Хатаи.

Фундаментальным признаком феномена Шаха Исмаила Хатаи является то, что поэзия, творчество не были забавой, игрушкой, неким побочным занятием государя, напротив: она - поэзия - выступала способом более действенной, убедительной пропаганды политических идей, средством распространения и толкования своего учения, мировоззрения, идеалов, целей и задач. Как справедливо отмечает авторитетный исследователь эпохи Сефевидов В.Минорский, только "Диван"⁵ Хатаи дает ключ к пониманию тайных замыслов и намерений первосефевидов. Внешне мистические и сугубо религиозные, эти динамичные идеи с легкостью необыкновенной находят свое выражение применительно к конкретным, непосредственно практическим делам. Идеи эти - суть политическая платформа, организующая все составляющие движущей силы шиизма⁶ в единую систему.

Действительно, в "Диване" Хатаи со всей определенностью выражены политические идеи, заявлена суть борьбы.

¹ Тахаллус - поэтический псевдоним.

² Шахзаде - наследный принц.

³ Здесь и далее перевод стихов дословный, ритмизированный, и взяты они из двухтомника поэзии Хатаи, составленного А.Мамедовым (Баку, 1975).

⁴ Али аль-Муртазаи - одно из имен святого Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, халифа.

⁵ Диван - свод поэтических произведений, каноническая форма классической восточной поэзии.

⁶ Шиизм - от "шиа", букв. "сторонники" семьи пророка, признающие другие авторитеты; основной элемент шиизма - идея искупления; по шиизму, Али и его потомки олицетворяют принцип наследственной власти и принцип пророчества; халифы жестоко преследовали шиитов, что придало шиизму облик "гонимой религии" (См. А.Массэ. Ислам. Очерк истории. М., 1962).

Определяя свой жизненный путь в строках:

*Наш путь изощрен, изощренной изощренного,
И нам достойно головы сложить на том пути, -*

поэт-шах уточняет и свою личную историческую миссию:

*Лишь я Султан Хатаи Гейдар оглы,
Во имя меня быть должно много битв.*

Так оно и было: с самого младенчества “во имя его” произошло много битв, много жертв принесено было ради Исмаила.

Идея, живущая в душах всех сефевидских шейхов⁷ и их мюридов⁸, заявленная прадедом, Шейхом Сефиэдином, подхваченная дедом - Джунейдом и отцом - Гейдаром, как невоплощенная мечта, передаваемая из поколения в поколение, дошла и до Шаха Исмаила; поэт Хатаи эту идею, ставшую смыслом его жизни, выразил следующим образом:

*Двигайся в путь, восстань, не сиди, Хатаи,
Ведь в Ардебиле-граде есть (некий) ханедан.*

Идея наследования “ханедану” - священной гробнице ардебильских шейхов⁹, страстное стремление добиться торжества своего учения, возникшего именно в этом городе за двести лет до рождения Исмаила, внушалась ему с самого раннего детства и стала глубочайшим внутренним убеждением.

Путь жизни и борьбы Шаха Исмаила наводит на размышления о месте Человека в Истории, о роковых перекрестках Истории и Судьбы и на многие другие непростые мысли. Кажется, будто эта великая личность явилась в мир задолго до своего реального рождения. Ведь Шах Исмаил не только конкретная данность - человек, государь, поэт - он в то же время носитель некоей исторической задачи и идеала, а сами задача и идеал зародились, развились и сформировались гораздо раньше его собственного физического рождения.

Грани мировоззрения Хатаи - неприятие общественно-политического духа существующего строя, протест против неравенства, непримиримость к несправедливости - заворачивали и в его поэзии.

Обобщая до концентрированной точности суть великих исторических движений Запада и Востока, Ф.Энгельс писал: “Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде аттики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания” (Ф.Энгельс. “Крестьянская война в Германии”).

⁷ Шейх - духовный вождь шиитов, старейшина, глава мусульманского ордена, дервишской общины, наставник.

⁸ Мюрид - ученик и последователь шейха, вручающий ему свою волю, букв. “желающий”.

⁹ Здесь похоронен прадед Шаха Исмаила, канонизированный шиитами Шейх Сефиэдин.

На примере Востока это замечание Энгельса полностью приложимо и к вооруженным восстаниям маздакидов и хуррамитов, и к воззрениям близкого Низами “Братства ахи”¹⁰, и связанных с Насими хуруфитов. В сфере мысли Энгельса расположены и тезис Халладжа Мансура “Ан-аль-хаг” - “Аз есмь Бог”¹¹, и мистические концепции Шамса Тебризи и Джалаледдина Руми, и вооруженная борьба Бадреддина Симави.

И судьба великих бунтарей - Бабека, Халладжа Мансура, Фазлуллаха Наими, Имадеддина Насими, Бадреддина Симави, словом и деянием, мечом и пером поднимавшихся против правящего режима, ортодоксального ислама, была единой: мученическая смерть, жестокая казнь, топор, виселица.

Говоря словами Хатаи, называющего мир в традициях суфистской¹² символики, “дуكان”¹³ -

*Дукан этот - сотысячный дукан, дукан Бога-истины, но
Город един, дело едино и древо удушения одно.*

Однако эти многочисленные “деревья удушения” - виселицы - не могли задуть мысль человеческую, не в состоянии были погасить пламенную страсть души человеческой - призыв и порыв к свободе.

Вполне естественно, что протестующая мысль, революционная оппозиция, инакомыслие могли возникнуть только в недрах существующей религии, только в рамках самого ислама. Когда основоположники сефевидского святилища - первые ардебильские шейхи - выдвинули идею шиизма, она - эта идея - в скрытом, зашифрованном виде под чисто религиозными покровами уже содержала в себе более широкие, даже в некотором смысле прямо противоположные значения и намерения¹⁴. Генетические корни шиизма питались чаяниями побежденных, а не победителей, угнетаемых, а не угнетателей, мучеников, а не власть предержащих, и именно в силу этих качеств шиизм привлекал в свое лоно всех униженных, попранных, влачащих дни свои в беспросветных муках и бедах - словом, широкие народные массы. (Осмысливая события, происходящие 500 лет спустя в современном Иране, не следует игнорировать и этот немаловажный фактор.) Героями шиитов, субъектами их поклонения были шахиды - невинно убиенные, принявшие мученическую смерть, оросившие своей пролитой кровью идею, мусульманские “великомученики” - Али, Гусейн и другие. В течение многих веков и по сей день оплакивая страсти Кербалы, справляя траур по давней трагедии¹⁵, люди, сами того не ведая, оплакивают свои горести, переживают свои потери, справляют траур по своим родным и близким. И еще: идея шиизма, сгушавшая и без того трагичные краски мира, оставляла людям и великую надежду на избавление - пришествие мессии, вознесшегося

¹⁰ “Ахи” - военно-религиозное мусульманское братство, распространенное в средние века на Ближнем и Среднем Востоке. Объединяло, главным образом, городских ремесленников и торговцев.

¹¹ Последующие мистики осмысливали и переживали этот тезис и как “Я - есть Творческая Истина”, “Я - Абсолют”.

¹² Суфи - от “суф” - “белая шерсть”; плащи из этой шерсти носили мусульманские аскеты-мистики, стремящиеся к экстатическому, интуитивному постижению абсолютной истины. В итоге “пути”, ряда состояний души, по суфизму, встречала высшее существо.

¹³ Дукан - лавка, мастерская.

¹⁴ “По сути, эта тенденция (“Такыйя или китман” - “мысленная оговорка”) была свойственна не только шиитам: мы находим ее следы уже в Коране” (А.Массэ. Указ. произв., с.142).

¹⁵ Вероломное и жестокое убийство (гатл) имама Гусейна Иезидом, оплакиваемое шиитами в т.н. “день ашуры”.

некогда двенадцатого имама Мехти Сахиб-аз-замана¹⁶, который восстановит в мире попранные справедливость, истину, благо. Надежда эта, вера в это были сильны настолько, что на рыночной площади в Сабзаваре постоянно держали наготове оседланного коня, дабы, явившись внезапно, Мехти Сахиб-аз-заман мог тотчас же взлететь в седло. Одну из дворцовых шахзаде-принцесс не выдавали замуж, лелеяли ее для Мехти...

С целью еще более тесной увязки с могучей в те времена идеей шиизма ардебильские шейхи возводили своих предков (безо всякого на то реального исторического основания) от Али и его супруги, связывали свою родословную с Фатимой - дочерью пророка Мухаммеда, претендовали на родство с генеалогической ветвью имама Мусы Казыма.

Однако и кровное родство с пророком и родом Али, и борьба за утверждение шиизма как самостоятельного вероучения не преследовало, как уже отмечалось выше, сугубо религиозных целей; наряду с религиозными элементами оно вынашивало замыслы гораздо более широкие, а именно: создание в окружении мусульманских держав суннитского толка нового государства, с отличными от них идеологией и мировоззрением. Ведь будь сефевидские шейхи всего лишь узкими шиитскими фанатиками, шейх Джунейд не женился бы на Хадидже бейим - сестре суннита Узун Гасана, падишаха Акгююну; сын Джунейда - Гейдар не вступил бы в брак с Аламшах бейим (Мартой) - дочерью суннита Узун Гасана и Деспине-хатун, сестры христианского правителя Трабзона (Трапезунда).

Цели и шейха Джунейда, и шейха Гейдара были иными. Видный советский ученый И.П.Петрушевский, разъясняя эти задачи, со всей определенностью заявляет: "В деятельности шейхов Джунейда и Гейдара политические интересы решительно преобладали над религиозными. Не приходится сомневаться в том, что оба эти шейха стремились к политическому объединению Азербайджана под своей властью и в шиизме видели идеологическое орудие для достижения своей цели" (И.П.Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в. (Сборник статей по истории Азербайджана), Вып. I, Баку, 1949 г., с. 207).

Гибнет на берегах реки Самур в битве с Ширваншахом Халилуллахом шейх Джунейд - в священный мартиролог, историю сефевидов вписывается первый великий мученик, ардебильский ханедан - гробница принимает первую великую жертву. Для сефевидов, причисляющих себя к роду пророка, Али, Фатимы, великая цель могла быть передана лишь кровному наследнику - и потому наследовать дело шейха Джунейда мог только шейх Гейдар... Несмотря на близкое родство - двоюродные братья по отцовской и материнской линиям, а также матримониальные связи (шурин - зять), шейх Гейдар вступает в борьбу с Акгююну Султаном Ягубом; в одной из битв шейх Гейдар гибнет. История обретает второго великомученика сефевидов. У шейха Гейдара осталось три сына: Султанали, Ибрагим и Исмаил - последнему на момент гибели отца от рода всего один год. (В последней книге О.Эфендиева день рождения Исмаила датируется 17 июля 1487 года.)¹⁷

¹⁶ Букв. - "Господин времени".

¹⁷ Описывая политическую деятельность Шаха Исмаила, мы опирались в основном на указанное произведение И.П.Петрушевского и книгу историка О.Эфендиева "Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века" и "Азербайджанское государство Сефевидов" (Баку, 1981).

Трое сыновей шейха Гейдара - это не три малолетних ребенка, а носители более чем двухсотлетнего, крепнущего день ото дня, превращающегося в реальную силу учения; они - воплощение активного мировоззрения с весьма определенной конечной целью. И потому Султан Ягуб, захватив Ардебиль, без промедления бросает всех троих в темницу. Жизнь детей висит на волоске. По сугубо политическим соображениям все трое могут быть уничтожены, и таким образом одним махом может быть положен конец сефевидской династии, основанной на принципе только кровного наследования. Однако, по другим междоусобным политическим расчетам, наследники шейха Гейдара могут быть использованы и в иных целях. Вот так буквально с первых жизненных шагов над головами Исмаила и его братьев был занесен обоюдоострый меч судьбы.

После смерти Султана Ягуба власть переходит не к сыну его Байсунгуру, а к племяннику Рустаму. Байсунгур вынужден искать покровительства у Ширваншаха Фарруха Ясара. Теперь уже жизнь и смерть наследников шейха Гейдара в полной зависимости от воли Рустама. По совету сефевидских суфиев Рустам освобождает сыновей шейха Гейдара, возвращает их в Ардебиль, а старшего из братьев - Султанали - провозглашает шахом. Сделано это с расчетом: в борьбе с Ширваншахом и Байсунгуром Рустам обретает такого надежного союзника, как мюршид - духовный вождь кызылбашей - Султанали. Но у того своя цель - отомстить Ширваншаху и Байсунгуру за кровь отца и деда. Победив Байсунгура, Султанали торжественно возвращается в Тебриз. К унаследованному от отцов и дедов "династическому" авторитету Султанали присовокупляется его личная слава, мужество, победоносность, мощь, и эта огромная, растущая к тому же с каждым днем сила в перспективе может стать реальной угрозой и самому правителю Акгоюнлу - Рустаму. Возникает необходимость уничтожения возвысившегося в славе и могуществе сына шейха. По вероломному замыслу Рустама сыновья шейха Гейдара должны быть истреблены в пути, не достигнув отеческого очага - Ардебилля. Султанали вынужден вступить в бой с новым противником. Неумолимая власть судьбы, исторического предопределения сильнее воли отдельных людей; на пути возвышения крохи-Исмаила до уровня великого государя, основателя могучей Сефевидской державы - Шаха Исмаила, предопределено было еще много битв, еще много жертв ждали своего часа на этом пути. И одна из тех жертв - Султанали. Накануне сражения с войском Рустама, ставшего его последней битвой, Султанали объявляет эмиром кызылбашей своего наследника - Исмаила и отправляет семилетнего брата в безопасное место, в Ардебиль. А сам, как говорится, бестрепетно принимает свою Судьбу: вступает в бой и гибнет...

Теперь уже для разрушения собственно сефевидской идеи дело за малым - необходимо убить малолетнего Исмаила. И вот, для отслеживания, захвата и убийства ребенка, превратившегося в мишень судьбы, на охоту выходит целая держава - государство Акгоюнлу. Верные мюриды-кызылбаши укрывают Исмаила в надежном убежище. Даже матери Исмаила - Аламшах бейим неизвестно местонахождение сына. Женщину могут схватить; мать может не выдержать пыток, выдать сына, так пусть остается в неведении. Разные люди прячут, спасают Исмаила. Одна из них, сыгравшая большую роль в спасении и сохранении Исмаила для главных дел, женщина по имени Уба, попав в руки врагов и не выдержав истязаний, выдает его тайное местонахождение. Но

верные мюриды успевают незаметно вывезти Исмаила из Ардебилля и укрыть его в Гиляне. Уба повешена на базарной площади. Еще одна жертва судьбы, ведущей Исмаила к великой цели...

Исмаил содержится в Лагиджане - в своем дворце его прячет верный сефевидам Мирза Али. Рустам настоятельно требует выдачи Исмаила, шлет угрожающие письма и, убедившись в их безрезультатности, посылает три сотни всадников.

Исторические бытности, факты с течением времени превращаются в легендарные предания, приукрашиваются народной молвой. Согласно одному такому преданию Мирза Али укладывает Исмаила в колыбель, подвешивает ее к ветке дерева, а людям Рустама клянется на Коране в том, что Исмаила нет на земле Гиляна.

Таким образом, и эта попытка задушить еще в колыбели Исмаила и воплощенную в нем цель не удастся...

Весной 1499 года двенадцатилетний Исмаил уже как зрелый игит¹⁸ покидает Лагиджан и направляется на родину отцов и дедов - в Ардебиль. Сопровождают его семейство самых надежных людей. По пути к их отряду присоединяются 1500 кызылбашей, а через некоторое время число воинов достигает семи тысяч. Этот первый выход Исмаила на историческую арену чем-то напоминает известные "100 дней" Наполеона. Однако до "Ватерлоо" Исмаила - битвы при Чалдыране - срок исчисляется не ста короткими днями, а долгими пятнадцатью годами. А пока этот рано возмужавший мальчик сталкивается лицом к лицу с самыми мощными государями своего времени и побеждает их. Оставим в стороне судьбу, рок, предопределение, ведь в сердце и самого Исмаила почти с младенческих пор стучит порожденное и возвращенное годами заключений, темниц, мытарств, преследований и потерь великое стремление; быть может, это еще не есть осознанная политическая цель, возможно, это еще не прочувствованный религиозный идеал. Можно допустить, что это, скорее всего, жажда мести, горящая в душе сына, рано осиротевшего, страстное желание расплатиться за гибель деда, отца и старшего брата. Но наиболее вероятно предположить, что внутренний мир Исмаила того периода - это сложный сплав противоречивых, смешанных, путаных ощущений, внушенных ему с детства чувств и убеждений, веры и идеалов. В еще неустоявшемся сознании Исмаила Ширваншах являлся и воплощением реального врага деда и отца, и условным, обобщенным, персонифицированным образом, символом убийцы имамов исторического Йезида. Не будем забывать, что в это время Исмаилу было всего-навсего 12-13 лет, и пусть не удивляет нас путаница полудетского сознания, причудливая смесь в нем давних религиозных страстей и недавних семейных трагедий. В силу этого мученически погибший шейх Гейдар был для Исмаила и родным отцом, и одним из воплощений унаследованного из далекого исторического прошлого Хазрата (Святого) Али. Главное, цель была ясна: победить, уничтожить Ширваншаха, низложить Йезида, отомстить тем самым за кровь и своих предков, и святых имамов.

Исмаил достигает желанной цели. Он покоряет Ширван, входит в неприступную Бакинскую крепость, извлекает из могилы и сжигает труп Ширваншаха Халилуллаха

¹⁸ Игит - воин, герой.

- убийцы деда - Джунейда. К его ногам скатывается и голова Ширваншаха Фарруха Ясара.

*Лишь я, Шах Исмаил, я - тайна Бога,
Коль повелитель стольких я гази¹⁹.
...За кровь отца я отомстил Иезиду,
Так знайте все: воистину я сын Гейдара.*

Крылатые слова Исмаила - их приводит средневековый ученый историк Гасан бек Румлу - изреченные им во время ширванской военной кампании, необычайно важны как для понимания одной из глобальных проблем истории Азербайджана, так и для осмысления политической зрелости юного вождя.

Осадив одно из неприступнейших укреплений Ширвана - крепость Гюлистан, Исмаил призывает к себе столпов своего клана, виднейших кызылбашских вождей и задает им вопрос: "Что вам желанно более: трон Азербайджана или крепость Гюлистан?"

Сама постановка вопроса диктует однозначный ответ: конечно же, трон Азербайджана - цель несоизмеримо величественнее, чем взятие крепости Гюлистан.

Этот исторический диалог примечателен в нескольких смыслах: во-первых, независимо от того, что с юных лет питало страсть Исмаила к военным походам, - жажда мести или шиитские установления, в этот период свою высшую цель, сверхзадачу он видел именно в создании нового могучего государства. Во-вторых, Исмаил мыслил и провозглашал это государство именно как Азербайджан. (Чуть позже мы обстоятельно остановимся на этой важной проблеме.) И, в-третьих, если в 1499 году, двигаясь во главе семи всадников из Гиляна в Ардебиль, Исмаил еще действовал по советам и указаниям воспитателей - родичей, почтенных старцев и опекунов, то у стен крепости Гюлистан он - уже самостоятельная личность, государственный деятель, ставящий перед приближенными и эмирами величественную историческую задачу. У стен крепости Гюлистан все услышали речь не мальчика, но мужа.

Претворяя в жизнь историческое решение, уже в 1501-м году (год взятия Баку) - Исмаил торжественно вступает в другой крупный город Азербайджана - Тебриз и в древней нашей столице провозглашает себя шахом. Начинается эпоха правления династии Сефевидов. Создается реальная предпосылка для объединения Ширвана и Южного Азербайджана в составе единого суверенного государства.

*Народ Ширвана весь в Тебриз стечется,
Страна Аджем²⁰ задаст вопрос: когда же грянет гийамет?²¹*

И действительно, для остальных правителей того периода возникновение столь мощного государства было событием, сравнимым разве что со светопреставлением. В свое время именно эта перспектива так страшила Султана Ягуба из династии Аккоюнлу. По

¹⁹ Гази - здесь: участник священной войны против немусульман, герой; одно из самоназваний членов дервишской секты воинов.

²⁰ Аджем, аджеми - здесь: иранцы.

²¹ Гийамет - здесь: светопреставление.

Карта Сефевидского государства при Шахе Исмаиле

сообщению Гасан бека Румлу, Султан Ягуб предостерегал, что если во главе неодолимого воинства кызылбашей Исмаил вторгнется и покорит Ширван, то он непременно “возжелает прибрать к рукам и всю страну Азербайджан” (т.е. государство Акгоюнлу - А.).

Цель, во имя которой погиб шейх Гейдар, была достигнута его сыном, и Исмаил, победив Алванда Мирзу и Султана Мурада, представляющих две ветви государства Акгоюнлу, объединяет значительную часть земель Азербайджана под эгидой единого государства кызылбашей.

Страх перед мощью этого вдруг возникшего государства принуждал соседних правителей облекать, вуалировать свою зависть, смятение и злобу в религиозные лозунги. Объявляя их напастью, страшнее “разрушителей ислама”, “куфвари Ифрандж”²² (европейских еретиков-христиан), они выносили фитву²³ на борьбу с кызылбашами, призывали к джихаду²⁴ против них. От Мавереннахра²⁵ до Стамбула, до Мекки и Медины пылали враждой сильные и непримиримые враги кызылбашей. С востока Шаху Исмаилу угрожал Шейбани хан, с запада - османские султаны. Чтобы хоть чем-то прикрыть свою тревогу, враждебные правители не гнушались и оскорблений, пытались унижить Исмаила его предками-дервишами²⁶. Султан Селим слал сефевидскому шаху дервишские одеяния, символы и атрибуты дервиша. Смысл был оскорбительно прост: где уж тебе быть шахом, удел твой, как и предков твоих, - нищенство. Подобные же намеки глумливо делал Исмаилу и Шейбани хан. Но Шах Исмаил был невозмутим:

*Когда меня клянет противник, не печалюсь,
Проклятие врага равно благословенью.*

“Не печалюсь” проклятьями врагов, Исмаил, тем не менее, не отказывает себе в удовольствии отвечать им тем же. В ответ на “дары” Султана Селима он посылает ему тирьяк²⁷. Мол, желанного достигнешь, лишь одурманившись, и только в призрачном мире грез. А Шейбани хану отвечал таким простачком: да, я действительно собираюсь в качестве дервиша явиться на поклонение гробнице имама в Мешхеде. Учитывая, что Мешхед находился в границах владений Шейбанидов, а Исмаил намеревался осуществить “паломничество” во главе своего грозного воинства, можно представить состояние Шейбани хана. Намерение было претворено в жизнь: набитая соломой отрубленная голова Шейбани хана была отправлена в дар османскому султану.

Так Шах Исмаил шествовал от победы к победе, от торжества к торжеству. Говоря словами Маркса, “за четырнадцать лет своего царствования он покорил четырнадцать областей” и не знал поражений до злосчастной битвы на Чалдыранском поле.

Несмотря на удачливость, счастливое стечение обстоятельств, наконец, свою молодость, он был шахом, наделенным политической мудростью, расчетом. Выдержав тяжкие испытания судьбы, он стал ее баловнем.

²² “Куфвари Ифрандж” - общее определение европейцев-католиков у мусульман.

²³ Фитва - юридическое постановление, вынесенное мусульманским духовным лицом на основе мусульманского права.

²⁴ Джихад - священная война против немусульман; т.е. кызылбашам отказывалось в праве называться, быть мусульманами.

²⁵ Мавереннахр (арабск.) - букв. “Заречье”, земли между реками Сырдарья и Амударья.

²⁶ Дервиш - нищий мусульманский подвижник, питающийся подающим, член суфийского ордена.

²⁷ Тирьяк - наркотическое зелье, вырабатываемое из конопли.

Но под шахским одеянием билось чуткое, нежное сердце поэта. В личине Шаха Исмаила тосковал поэт Хатаи:

*Когда душа резвилась на просторах,
Явился шах, уселся во дворце.*

В то время как поэтическая душа Хатаи мечтала о просторе, ей приходилось восседать на троне Шаха Исмаила и горько признаваться:

Везири мои - грусть, тоска - сидят по обе стороны мои.

Шах Исмаил был полностью охвачен заботами о политических отношениях, военных походах, делах государственной важности; юноша Исмаил, поэт Хатаи, которому за всю его многотрудную жизнь ни дня не привелось пожить чувствами молодого человека, любящего и любимого, был целиком охвачен муками любви. Власть свою он утверждал мечом воителя, любовь свою воспевал пером поэта.

“Любовь - одна опора неба и земли, лишь у влюбленного горит светильник”, - приглашал он; “прошедший испытание любовью, пройдет и испытания Бога-истины”, - утверждал он, обожествляя любовь-истину. Любовь - сила, уравнивающая людей, даже всемогущего шаха, обладающего правом “на сто всевозможных велений”, обращает в слугу у порога возлюбленной.

*Будучи шахом с правом на сто всевозможных велений,
Любовью обращен в бесправного слугу любимой
Хатаи!*

Единственно великое право повелевать - это быть повелителем в мире любви.

*Кто в этом мире лик узрел твой, тот владыка мира,
Твое лицо увидел я, воистину сегодня я султан.*

Поразительно, что строки эти вышли из-под пера человека, который в действительности, а не в воображаемом мире поэзии был султаном, всемогущим шахом.

Однако любовь - это одна сторона жизни Исмаила, власть - другая. Языком любви ашуг²⁸ живописует свое состояние в самых уничижительных выражениях:

*Во имя танры²⁹, идя по дороге, нежнее ступай,
Ведь прах под ногою твоей - душа моя больная.*

Поэт-ашуг готов принести жизнь свою в жертву пыли с ног возлюбленной.

²⁸ Ашуг - букв. “влюбленный”. Суфии подразумевали под этим словом влюбленного в Бога-истину подвижника. Позднее так именовались все странствующие и оседлые поэты.

²⁹ Танры (общетюркск.) - божество, небо.

*Все слезы глаз моих пролью к ногам твоим,
Воистину, подножье тополя нуждается во влаге³⁰,*

и потому:

*То не вода струится подле тополя, то слезы глаз моих,
То не башмак ты топчешь, топчешь голову мою³¹.*

Конечно же, не стоит забывать, что понятие любви в лирике Хатаи в определенном смысле выступает также и выражением религиозно-философских аллегорий, символов тасаввуфа³². В его понимании, как и в представлении многих суфийских поэтов, любовь не была лишь стремлением к женщине, возлюбленной, красавице; в не меньшей степени она являлась и выражением мечты о постижении, о слиянии с Богом-истиной. В строках о любовном пламени в одном ряду с такими традиционными для этого вида поэзии ашугами-влюбленными, как Меджнун, Фархад, Шейх Санан, Зулейха, поэт Хатаи упоминает и имена автора формулы “Ан-аль-хаг” Халладжа Мансура, пророков Ягуба, Эюба и трактует их как жертвенников любовного огня, в одной плоскости живописует и любовь к Богу-истине, и религиозный экстаз, и естественные человеческие любовные взаимоотношения... Все это заключено в поэме “Дехнаме”, вышедшей из-под пера двадцатилетнего молодого человека.

В азербайджанской литературе “Дехнаме” - едва ли не самое интимно-лирическое произведение, это дастан о любви - утонченный, изящный, магический, как картины средневековых художников-миниатюристов, нагашей³³.

*Ушла зима, и вновь весна явилась.
Цветы взошли, и вновь краса явилась.
Все птицы разом вдруг в волнение впали,
В огне любви сердца и души снова запылали.*

Открывающаяся этим поэтичным в оригинале описанием весны - “Бахария”, поэма “Дехнаме” наряду с естественностью, поэтической простотой восхищает читателя и несомненным самобытным мастерством ее автора. И если в лексике авторских мес-

³⁰ Эта метафора встречается и у Физули:

*“К ногам твоим пролили влагу очей моих зеницы,
Ибо подножье тополя необходимо орошать всечасно”.*

³¹ В оригинале изящная игра слов: “башмак” и “баш” - голова.

³² Тасаввуф - мистицизм, суфизм.

³³ Нагаш - художник-орнаменталист, декоратор.

неви³⁴ еще встречаются сложные поэтические и языковые конструкции, то речь персонажей, особенно язык Садовника, прозрачна и безыскусна, как народные сказы и прибаутки:

*Безумец ты или дурак безмозглый,
Уйди, не то вкусишь полсотни розог.
Лазутчик ты, грабитель или вор,
Ты криводушен или прям твой взор?*

Свои письма-послания - наме - ашуг шлет возлюбленной, пользуясь услугами Себа (Утреннего Ветерка), их доставляет ей и посланец Ах (Вздых), они достигают адресата и с помощью потока слез. Всякий раз используя столь условные, аллегорические образы, автор наполняет их таким живым содержанием, что символы становятся наглядно-зримыми, одушевленными. “Трепещущий в ветвях”, “рождающий дрожь листьев”, “светильник, и свечу принудивший дрожать” (в оригинале букв.: “делать пуф-пуф”) - одновременно и условный знак, и реалистически исполненное художественное изображение утреннего ветерка...

Неожидан финал поэмы. В то время как традиционные восточные сюжеты: Лейли - Меджнун, Фархад - Ширин, Шейх Санан и другие - завершаются, как правило, трагически, в “Дехнаме” влюбленные в конце концов обретают друг друга. Но и эта неожиданная картина счастья кончается разлукой. После желанного слияния друг с другом возлюбленная внезапно покидает любимого.

В эпилоге автор указывает на три причины, побудившие его к написанию поэмы: раз уж эта неверная жизнь преходяща в этом бренном мире, так пусть хоть какой-то след ее запечатлится на бумаге; лишь тот истинно счастлив, кто оставит после себя след в этом мире; читатели и слушатели поэмы в грядущем помянут ее автора добрым словом, и для тоскующих сердец это произведение “будет милым”...

И если, как отмечал В.Минорский, “Диван” Хатаи является ключом к политическим, религиозным воззрениям и идеалам Шаха Исмаила, то лирика поэта - блистательное художественное отображение его духовного мира.

За короткий срок жизни, пройдя сквозь тьму злоключений, битв и противостояний и в какой-то миг словно бы вдруг, сразу осознав неумолимую быстротечность жизни, тщетность земных благ, поэт-шах вопиет:

*Что только не пришло и что еще придет, о пощади!
Весь люд земной в конце концов умрет, о пощади!*

³⁴ Месневи - двустихия: поэма, написанная двустихиями.

Радость любви, часы счастья, мгновения прелести и улады безостановочно идут и уходят в никуда. Эти трагические ощущения Хатаи передает в выразительном столкновении вечных противоречий:

*С каждым годом, с каждым часом блаженнее проходят
дни с любимой,
С каждой неделей, каждым днем то благо из рук
ускользает,
Усладам прелестей любви, душа моя, ты радуйся
всечасно,
Улада невидимкою приходит и явно из рук
ускользает.*

Эти строки - исповедальное признание души, трепещущей между Подвигом и Печалью, в этом - весь Хатаи.

В истории нашей поэзии Хатаи - ярчайшая литературная фигура, занимающая место между двумя гигантами - Насими и Физули, причем промежуточность ее определяется не только одной лишь хронологичностью исторической датировки. Хатаи - и по своей поэтике, и способу мышления, мироощущения - своеобразный мост от Насими к Физули. На все его творчество несомненное влияние оказали человеческий и поэтический подвиг, мужество Насими, но и в великой печали Физули явственно слышны ноты "грусти-тоски" Хатаи.

Утверждая, что

*Кожу сейида³⁵ Насими содрали захиды³⁶,
Но не взроптал он против божьей муки, -*

Хатаи восхваляет выдержку, духовный подвиг своего предшественника, и в этом зримо проглядываются мотивы пантеизма, концепции "единосущного" Насими.

*Зачем пришли, что принесли в подлунный мир,
Что новое внесем мы в вечный мир иной?
Чем был ты в мире сущного, ответствуй,
И как попал ты в сей ущербный дом (т.е. в этот мир)?
В отсутствие земли, в отсутствие небес был изначально я,
И до единосущной той жемчужины был изначально я.*

В этих строках зашифрованы термины и понятия суфизма.

Поэтика суфизма сближает целый ряд стихотворений Хатаи с произведениями других поэтов восточного тасаввуфа. И если в бейте-двустистишье -

³⁵ Сейид - потомок пророка Мухаммеда.

³⁶ Захид - мусульманский аскет-отшельник; здесь - фарисей.

*Ты во мне, я в тебе,
И нет тогда ни “ты”, ни “я”,*

ощущается способ мышления Джелаледдина Руми, то уже строки -

*Шариат³⁷, таригат³⁸, марифат³⁹ от Бога-истины,
Но пламень истины есть и внутри него, -*

формой выражения напоминают известные стихи Юнуса Эмрэ:

*Не спрашивай меня во мне - я не в себе,
Есть “я” еще одно - внутри меня.*

Многому научившись, многое переняв у своих предшественников, Хатаи оказал огромное влияние на своих последователей, в том числе и в первую очередь на такого гениального поэта, как Физули. Порой это влияние прослеживается в интонациях, словосочетаниях:

*Любимая, жизнь моя, мой повелитель, о цветок,
о мед мой!*

(Хатаи)

*Око души моей, жизнь моя, мой повелитель,
любимая, могучий мой султан!*

(Физули)

Порой эта схожесть проступает почти цитатно:

Где же наши клятвы и обеты, о жестокая?

(Хатаи)

*Где ж клятвы и обеты, данные друг другу,
жестокая?*

(Физули)

Порой же влияние Хатаи на поэзию Физули проявляется более скрытно, опосредованно. К примеру, зарисовка Хатаи (“Воспоминанье о губах твоих наполнило кровью глаза”) и картина, нарисованная Физули (“Навстречу лику-цветку твоему из глаз моих прольется кровь потоком”), построены на одной и той же метафоре: алые губы и лик возлюбленной, отражаясь в глазах влюбленного, окрашивают слезы в цвет крови. Однако у Хатаи эта метафора заявлена более условно, умозрительно - в форме воспоминания алых губ, источающего кровь из глаз ашуга, у Физули же метафора обретает черты зримого, визуального образа.

³⁷ Шариат - мусульманское религиозное право.

³⁸ Таригат - букв. “путь”; разработанный поколениями аскетов, подвижников и суфиев, путь нравственного самосовершенствования.

³⁹ Марифат - высшая духовная мудрость, функция таригата.

Одна из многих заслуг Хатаи на пути движения нашей поэзии от Насими к Физули - в демократизации, упрощении азербайджанского литературного языка. В гораздо большей мере, чем даже Насими и Физули, увлекающийся народными стихотворными формами, Хатаи создал огромное число гошма, баяты, герайлы, варсаги⁴⁰, но в то же время им написано и множество газелей⁴¹, в которых предпринята попытка в максимально возможной степени азербайджанизировать аруз⁴², приблизить его к простому, понятному всем народному языку:

*О мой цветник из алых роз, что скажешь ты?
Пусть будет жертвою тебе душа моя, что скажешь ты?
Пусть пролежу я много тысяч лет в земле,
Все так же искренен мой клятвенный обет, что
скажешь ты?*

Или же:

*Я душу отдал, грядущих мук того не ведая,
Сказал я “да” - яда несчастья того не ведая,
Назвал я губы твои жизнью своей, не проливай же
кровь мою,
Тебя я целовал, цены того не ведая.*

Оригиналы этих газелей позволяют с уверенностью заявить, что более ясных, простых, музыкальных примеров азербайджанского аруза привести практически невозможно. Приспособив чуждую метрику аруза к материалу, возможностям, потребностям и способам стихосложения азербайджанского языка, смягчив аруз, словно воск, упростив его произношение и сделав его удобным, доступным, Хатаи создал почву, благодатную настолько, что на ней мог взрасти великий Физули, выразивший на этом языке свои гениальные мысли, утонченнейшие чувства и переживания.

Только подлинники стихов Хатаи способны передать всю колоссальную сложность переноса аруза на тюркскую языковую почву, где нет деления слогов на долгие и краткие, свойственного арабскому языку. Сложность эта во много раз возрастает, когда поэт стремится использовать народно-разговорный азербайджанский язык.

В этом смысле весьма трудно отличить созданные Хатаи фрагменты некоторых стихов на родном слоговом метре от народных песен и стихов:

*Встретишь любовника, будь осторожен,
Укор твой к тебе возвратится, возможно,
Камень дорожный в птиц придорожных,
Брат, не кидай, милосердствуй.*

⁴⁰ Варсаги - виды азербайджанской устной народной поэзии.

⁴¹ Газель - лирическое стихотворение, написанное стилем аруз.

⁴² Аруз - классическая система стихосложения восточной поэзии, основанная на метрике арабского языка с каноническими основными метрами (бахр), стопами (тафаил), строфами (бейт) и их разновидностями (вазн).

*Гляди на проделки красотки,
Грех свой признавшей кротко.
С утра в объятиях ашуга прыткой
Прелестницы невольник я.*

К сожалению, даже самый точный, бережный перевод не способен передать чистоту, ясность, простодушную наивность и нижеследующего отрывка:

*Ведь не охотник я, чтобы искать твой след,
Бежишь, бежишь, вся кровь стекла к коленям.
Сурьмой подводишь карие глаза всечасно,
Не избегай меня, не убегай, ведь не охотник я.*

Теснейшая связь языка Хатаи с народной речью, с мудростью народного речения видна и в отдельных словах, присказках: “Не ступай на мост предателей, пусть лучше воды унесут тебя”, “О тот, кто с верностью душевной спутником был шаху, лица не должен отвращать, коль станет каменистым путь” (здесь поэтически обыграны слова “йолдаш” - спутник и “йол даш” - каменистый путь), “Откуда твой приход сюда”, “В одной руке арбузов пару не удержишь”, “Создание не ведает, узнает создатель” (первая часть этого выражения - “твори добро”), “Замесил и вылепил”, “Навестил любимую”, “Бегущие ручьи, бегущие арыки, родники”, “Не кусай сырой кусок, оставишь зубы в нем”... Много еще подобных выражений, пословиц и поговорок, составляющих поэтический словарь Хатаи. Все эти крылатые слова, афоризмы, идиоматические выражения поныне живут в народе в неизменном виде и в том же смысле. А ведь прошло-то с тех пор 500 лет! Когда поэт говорит: “Шах Хатаи, горе твое не прорвется, не лопнет”, далее без использования пояснения “как нарыв” ясно, что горе здесь уподобляется болезненному нарыву, опухоли, и автор сетует на неизлечимость своей душевной раны, неизбежность горя. Современный азербайджанский читатель не нуждается в дополнительном разъяснении и в комментариях к стихам поэта. Потому что с самого рождения Исмаил жил в стихии азербайджанского языка, вырос среди своего народа, знал, ощущал все тонкости родного языка и писал для тех, кто так же чувствовал все его нюансы и оттенки.

Близость Хатаи к устному народному творчеству проявилась и в другом плане. Народ слагает о нем дастаны (хотя между героем дастана Шахом Исмаилом и реальным Исмаилом Сефевидом нет ничего общего, кроме имени), Ашуг⁴³ Гурбани посвящает ему свои песни. Личность Шаха Исмаила, его судьба, жизненный путь, все творческое наследие Хатаи оказали бесспорное влияние на народную литературу, музыку. По сообщению М.М.Навваба, еще в XIX веке в Азербайджане был широко известен мугам⁴⁴ под названием “Шах Исмаил”.

*Здесь привлекла меня красавица одна,
И захотелось остаться здесь.*

⁴³ Ашуг - народный поэт-певец, импровизирующий под аккомпанемент саза - струнного щипкового инструмента.

⁴⁴ Мугам - классический музыкальный лад ряда народов Востока, вокально-инструментальное сочинение, исполняемое по слуховой традиции народными музыкантами.

*Снегов яйлагов⁴⁵ белоснежной грудь ее,
И захотелось, принав к ней, умереть.*

В этих строках Караджаоглана живо чувствуется дыхание Хатаи, стиль Хатаи. (Вспомним его строки: “Течь подобно водам текучим не хочется, /Войдя в твой град, его покинуть не хочется”).

Пристрастные, недобросовестные и спесивые иранские шовинисты, пытаясь поставить под сомнение национальную принадлежность Шаха Исмаила Хатаи, претендуют на признание Сефевидского государства, вошедшего в историю именно как КЫЗЫЛБАШСКОЕ⁴⁶, но не СУРХСАРСКОЕ¹, собственно иранским государством. Если в свое время такие видные востоковеды, как А.Мюллер, В.Бартольд, безоговорочно признавали сефевидов ветвью тюркских (азербайджанских) династий, то и видный советский историк И.Петрушевский, другие ученые, в их числе и ученик Петрушевского О.Эфендиев, глубоко аргументированно, с привлечением богатейшего фактографического материала и подлинных источников обосновали доказательство того, что Сефевидское государство было сугубо азербайджанским. И.Петрушевский отмечает, что “целью сефевидского движения, развивающегося под знаменем шиизма, было политическое единение Азербайджана”. Исследователь указывает и на то, что Шах Исмаил достиг поставленной цели и уже на первоначальном этапе своей борьбы создал государство, вошедшее в себя исконно азербайджанские земли. Впоследствии, уступая настояниям своих мюридов и побеждая в смертельных схватках враждебных ему государей, он включает в состав своего государства и ряд других территорий. В многочисленных источниках, археографических материалах, приводимых нашими учеными, сплошь и рядом встречаются определения: “Азербайджанская держава”, “столица Азербайджана”, “шах Азербайджана”, “трон и корона Азербайджана”. Сам Шах Исмаил, по сообщениям летописцев, не только употреблял выражение “трон Азербайджана”, но и в знак особого уважения присвоил одному из своих эмиров титул “килиди-Азербайджан” (букв. - “ключ Азербайджана”). И враги, и друзья Сефевидов осознавали и воспринимали их государство как Азербайджанское, и не иначе. Султан Ягуб в свое время страшился перспективы того, что Сефевиды вырвут из рук Акгюнюлу именно АЗЕРБАЙДЖАН. Шейбани хан в послании Исмаилу грозился двинуть войска “к границам Ирака и Азербайджана” и захватить “эти земли”.

Перечитывая “Бабурнаме” выдающегося государственного деятеля, основателя империи Великих Моголов Захид-эд-дина Бабура, я находил в этом труде массу указаний на Шаха Исмаила, кызылбашей, Азербайджан. Бабур с уважением отзывается о Сефевиде и сообщает, что “Шах Исмаил занял Ирак и Азербайджан” (“Бабурнаме”, Ташкент, 1958 г., с.204). В другом месте автор совершенно ясно дает понять, что он воспринимает определение “Азербайджан” не только как географический, территориальный термин, но и как название суверенного государства: “...Из Азербайджана, Персии, Хиндустана и других государств” (там же, с.336).

⁴⁵ Яйлаги - высокогорные альпийские луга.

⁴⁶ Кызылбаш - красноголовый (на азерб. яз.), сурхсар - красноголовый (на фарси); сефевидов называли кызылбашами из-за красной чалмы, которой они обматывали голову.

Противники признания кызылбашского государства как Азербайджана выдвигают такой аргумент: встречающееся в исторических источниках определение “Азербайджан” является всего лишь географическим термином, обозначающим территорию, но не государство. Что ж, если даже принять это утверждение, то, следуя логике, необходимо согласиться, что и народ, проживающий на территории Азербайджана, был азербайджанским народом (пусть в те времена народ и не назывался так). Следовательно, с самых древнейших времен, включая и эпоху Сефевидов, на земле Азербайджана жил народ, чей язык - наш язык, кровь - наша кровь, корни - наши корни, и народ этот - наш народ. Вышедшие из этого народа Сефевиды в итоге многолетней борьбы создали самостоятельное государство, и называлось оно, само собой разумеется, Азербайджан. Основную политическую и военную силу этого государства составляли тюркоязычные племена и племенные объединения - Байат, Румлу, Устаджлу, Гаджар, Варсаги, Гараманлы, Байбуртлу, Афшар, Текели и др. Дворцовым и военным, войсковым языком был азербайджанский язык (В.Бартольд). Столицей государства был азербайджанский город Тебриз. Несмотря на то, что на Востоке в течение веков фарси был языком официальных канцелярий, чиновничества, именно в эпоху Сефевидов на межгосударственную арену выходят составленные на азербайджанском языке политические послания, дипломатическая переписка, указы, официальные документы. Боевой клич кызылбашей, их девиз раздавался на родном языке: “Во имя святого вождя - да буду жертвой (его), да будет подношением (ему) жизнь моя!”. Среди широко используемых в то время государственных и военных терминов привлекают внимание исконно азербайджанские слова.

“Мелик-уш-шуара”, глава поэтов сефевидского двора Хабиби писал на азербайджанском языке. И, наконец, сам глава государства Шах Исмаил был азербайджанским поэтом Хатаи, сочинявшим на прекрасном, простом и ясном азербайджанском языке стихи, близкие по духу и форме к народной поэзии. Его заклятый враг - османский султан Селим Явуз, писавший исключительно на фарси, сравнивал себя с мифическими царями Ирана Фирудином, Кейхосровом, Дарием; Шаха Исмаила же он уподоблял легендарному государю Турана Афрасиябу (эпическому герою тюркоязычных народов Алпэр-Тонга).

Другого врага Шаха Исмаила - Ширваншахов - средневековые летописи называют “Иезиды из колена Сасанидов”, хотя увязывание Ширваншахами своей родословной с Сасанидами, подобно “родству” Сефевидов с пророком, - не более чем необоснованная претензия. Во дворце Ширваншахов тоже говорили на азербайджанском языке. В период правления шаха Тахмасиба в Ширванском дворце (в то время уже во дворце вассала Сефевидов Ширванского бейлярбея⁴⁷ Устаджлу Абдулла хана), английского путешественника Дженгинсона Абдулла хан встречал словами: “Хош гялдин” (“Добро пожаловать”).

Вне всякого сомнения, общественное сознание того периода еще не могло воспринимать государство кызылбашей как национальное азербайджанское государство. Ислам всячески отрицал, игнорировал национальную самобытность, национальные разли-

⁴⁷ Бейлярбей - букв. “бей над беями”, правитель области.

чия. Но если идея азербайджанского национального государства для тех времен может считаться анахронизмом, то как в таком случае могла иметь место идея иранского национального государства? Государство, созданное Исмаилом, было страной шиитского вероисповедания, включавшей в свой состав Азербайджан и некоторые населенные преимущественно азербайджанцами сопредельные земли. По сути же своей это была держава, созданная и управляемая азербайджанцами. Так какой же из приведенных нами фактов и аргументов может быть оспорен и опровергнут? Но если и этого недостаточно, как можно наравне со всеми другими историческими документами и доказательствами игнорировать национальный дух, интонацию, речевые обороты, живущие в каждой строке Шаха Исмаила Хатаи?!

*Сегодня в руки я не брал мой саз,
Колоннами в небо вознесся мой глас.
Четыре сути, брат, необходимы без прикрас:
Наука, слово, дыханье и сладкозвучный саз.*

Там, где можно привести одну только эту строфу Хатаи, ни к чему всякие другие доказательства и аргументы.

Шах Исмаил был сыном своего века, порождением феодального общества. И потому был личностью, олицетворяющей собой все противоречия восточного феодализма и его идеологии - ислама. Он, по словам Маркса, “был завоевателем”. В его политической практике имели место и коварство, и нетерпимость, и жестокость. Вместе с тем, как особо отмечает И.Петрушевский, Исмаил был жесток и непримирим только к врагам своего государства.

В сравнении с Султаном Селимом, убившим ради трона отца и брата, Шейбани ханом, погубившим Султана Махмуд хана вместе с его пятью малолетними детьми, в сопоставлении с другими государями, в том числе и последующими сефевидскими шахами, во имя власти уничтожавшими родителей, братьев, сестер и своих собственных детей, политический и человеческий путь Шаха Исмаила чист, благороден и не запятан преступлениями. Современник Шаха Исмаила Захид-эд-дин Бабур особо отмечает благородство его поступков: “Во время безвластия Ханзаде биким (старшая на пять лет, родная сестра Бабура - А.) досталась Мухаммеду Шейбани хану.

Когда Шах Исмаил разбил узбеков (Шейбанидов - А.) под Мервом, Ханзаде биким была в Мерве. Ради меня с ней обошлись хорошо и отправили ее ко мне, как и следовало” (“Бабурнаме”, с.19).

“В обращении не только с высокородными сановниками, но и с подданными “низкого” происхождения Шах Исмаил был ласков и справедлив. И “во время походов Исмаил не допускал насилия воинов над мирными жителями и приказывал платить за все взятые у них продукты”, - подчеркивал И.Петрушевский. Именно поэтому Шах Исмаил пользовался огромным уважением и непререкаемым авторитетом. В своих путевых заметках европейцы-путешественники фиксировали поразивший их факт: по всей стране имя Аллаха почти забыто, ибо у всех на устах звучит лишь имя Шаха Исмаила. Поход Исмаила на помощь грузинским царям, предпринятый по их просьбе, его ве-

ротерпимость, особенно по отношению к христианам внутри своей страны, а также широкие дипломатические отношения, тесные связи с христианскими странами Европы убедительно доказывают, что он отнюдь не был религиозным фанатиком; напротив, вся его деятельность характеризует Исмаила как мудрого правителя, пекущегося о мире, благополучии, процветании своей страны, предприимчивого дипломата, ищущего и обретающего надежных союзников в борьбе против враждебных ему государств.

И личная жизнь Исмаила протекала скромно, без роскоши и излишеств, в отличие от многих государей Востока, он чурался, избегал извращений и распутства. Внешне же он был привлекательным, ладно сложенным человеком. И на портрете итальянского художника, выполненном в реалистической манере, и на условных миниатюрах восточных художников выразительно запечатлены привлекательные черты лица и стройный, гибкий стан Шаха Исмаила. Отметим, кстати, что один из ярчайших пиков развития восточного искусства миниатюры приходится на эпоху Сефевидов; при дворе просвещенного Хатаи в благоприятных для творчества условиях, окруженный вниманием, заботой, почитанием жил и работал великий художник Бехзад, а также большое число других талантливых наггашей, каллиграфов, музыкантов. Даже накануне рокового Чалдыранского сражения Шах Исмаил проявляет заботу в первую очередь о талантливых художниках и ученых, приказывает увести, укрыть и оберегать их в безопасном месте.

В своих письмах дочери о “всемирной истории” выдающийся государственный деятель Джавахарлал Неру отмечает, что эпоха Сефевидов была “золотым веком” восточного искусства, особенно изобразительного. Кстати, заслуживает внимания и упоминание в этих же письмах Дж.Неру тебризца Устада (мастера) Исы в качестве главного зодчего всемирно известного Тадж-Махала, а также Байрам хана (Хан Баба) - выходца из Азербайджана, поэта, пишущего на азербайджанском языке, государственного деятеля, полководца, сподвижника прославленных императоров династии Великих Моголов - Бабура, Хумаюна и Акбара (см.: Дж.Неру. Взгляд на всемирную историю. М., 1975).

Изображаемый на миниатюрах в образе стройного, изящного юноши, будучи и в действительности человеком среднего роста и поджарым, Шах Исмаил вместе с тем был и весьма сильным атлетом, в различных состязаниях он не раз укладывал на лопатки могучих и опытных борцов. В ходе Чалдыранского сражения в единоборстве он вдребезги разбивает меч богатыря османского войска - исполина Малчуг оглы. И эта сцена также запечатлена в миниатюрах.

Чалдыранская битва, произошедшая 23 августа 1514 года, - поворотный момент как в истории Ближнего Востока, так и в личной судьбе Шаха Исмала. Битва эта - при анализе ее последствий, потерь и обретений - не дает однозначного ответа на вопрос: кто же победил, а кто потерпел поражение? Само сражение закончилось победой Османов, но и Шах Исмаил остался, как говорится, при своем: государства не потерял, трон и корону сохранил... Средневековые сефевидские летописцы относят Чалдыранское побоище к числу одной из пяти великих военных побед Шаха Исмала.

В этом случае определение Чалдырана как “Ватерлоо” Шаха Исмала, данное нами выше, кажется не совсем точным. Если в очередной раз обратиться к исторической аналогии, то Чалдыран схож больше с Бородинским сражением, и прежде всего

тем, что военная тактика Шаха Исмаила при Чалдыране имеет много общего с тактикой Кутузова при Бородино. Султан Селим атаковал - сефевидское войско отступало. Взбешенный Султан Селим обвинял Исмаила в безволии, трусости, клялся преследовать его, если понадобится, до самого дна преисподней. Но Исмаил знал, что в итоге этой тщательно продуманной тактики наступит день, когда по тем же дорогам, по которым оно ныне наступает, османскому войску придется бесславно отступать. (Подобно Наполеону из России.)

Шах Исмаил был талантливым полководцем, умелым военным стратегом. Внезапная переправа через Куру, взятие Баку, удачная хитроумная уловка, с помощью которой был выманен Шейбани хан из своей неприступной крепости, победа во время Ширванской кампании - блистательные доказательства его полководческого таланта. Победы, одержанные с ранних лет, породили в нем самом, его полководцах и во всем кызылбашском войстве определенное чувство самоуспокоенности, убежденность в своей непобедимости, неодолимости. В этом - одна из причин поражения при Чалдыране. Многие историки объясняют исход Чалдыранской битвы следствием самоуверенности Исмаила.

Однако исторические данные о поведении, поступках и высказываниях Шаха Исмаила накануне и в ходе Чалдыранской битвы ярко высвечивают не одну только гордыню; здесь проступают и его поэтическая природа, и рыцарское благородство.

Чалдыран словно бы сфокусировал в себе все грани характера Шаха Исмаила, все сложные, противоречивые, неоднозначные черты облика поэта-царя.

В то время как все предшествующие сражения были вызваны жадой мести, благородным намерением воссоединить земли Азербайджана, создать единое государство и оборонить его от врагов, то сражение с Султаном Селимом не отвечало ни целям, ни желаниям Шаха Исмаила. Эту войну он начал, понуждаемый обстоятельствами. Оскорбительные письма Султана Селима, его демонстративно вызывающее поведение и глумливое высокомерие не могли остаться безнаказанными.

В любом сражении допустимы всякого рода тактические хитрости и уловки. Шах Исмаил, именно хитростью победивший Шейбани хана, знал это очень даже хорошо. Вот и в ходе военного совета накануне Чалдыранского сражения встал вопрос о применении военного обмана, уловки. Стоило предварительно вывести из строя самое грозное оружие султанского войска - пушки, и победа сама шла в руки к Исмаилу. Против этого предложения возразил один из авторитетных эмиров - Шамлу Дурмуш хан, назвавший ночной набег на пушки трусливым и недостойным. (Пройдет много лет после этого совета, самой Чалдыранской битвы, и взойшедший на престол после смерти Шаха Исмаила сын его - Тахмасиб будет сокрушенно вспоминать слова Дурмуш хана и, считая сражение Шаха Исмаила с Султаном Селимом необдуманным шагом, напишет: "С того самого дня и до сих пор при одном упоминании Чалдыранского сражения я проклинаю Дурмуш хана. Это он увлек Шаха Исмаила и вынудил сражаться таким образом".)

Никому и никуда не удавалось увлечь Шаха Исмаила против его воли, которая, как известно, была закалена и самостоятельна с самых ранних лет. Последнее слово всегда оставалось за ним, окончательное решение выносил он и только он сам. Он сам от-

*Шах Исмаил Хатаи
в миниатюрах
средневековых художников*

вергает предложение о ночной вылазке: “Я не презренный грабитель караванов на большой дороге...”

Кто же произнес эти слова - Шах Исмаил или поэт Хатаи?

Накануне смертельной битвы с могучим противником и эмиры, и все войско всю ночь предаются винопитию и веселятся до самого утра.

Кто допускает это немыслимое на войне дело - полководец Исмаил или поэт Хатаи?

Согласно некоторым историческим источникам, шах с группой телохранителей перед самым началом Чалдыранской битвы выезжает на охоту. Охота в утро важнейшей битвы - что это: преступная халатность, небрежность, несерьезность полководца или причуда, “сумасбродство”, прихоть поэта?

Как уже было сказано, на время битвы наиболее ценные ученые и художники (в том числе и Бехзад) были надежно укрыты в пещере. А жены шаха - Бахруза ханум и Таджлы ханум, облачившись в воинские доспехи, сражались на поле боя. Как к этому отнесся шах, как воспринял это поэт?

Так кем же он был тогда, когда вместо того, чтобы с удаленного безопасного места направлять движение войск, в самый разгар боя на бешеном коне бросился в самую гущу схватки, своим разящим мечом перерубил цепи вражеских пушек, являясь в эти мгновения удобной и доступной мишенью для вражеских пуль, стрел и сабель; когда, рискуя каждый миг попасть в плен, пробился сквозь вражеское войско, рассек его и невредимым вернулся в свою ставку, кем он был - расчетливым, властным шахом, пылким поэтом или буйным молодым воином, чья кровь вскипела в огне битвы? А был он и тем, и другим, и третьим, и все они в причудливом единстве составляли сложную, многогранную личность Шаха Исмаила Хатаи.

При Чалдыране обе противоборствующие стороны понесли большие потери. Была среди них и одна особая: жертва эта - Султанали Мирза Афшар, один из многих людей, ценой своей жизни, своей крови оберегающих, хранивших и сохранивших Шаха Исмаила на всем его жизненном пути.

В самый разгар боя конь под Шахом Исмаилом внезапно спотыкается и вместе со всадником падает наземь. Враги бросаются к поверженному Исмаилу. В этот миг с возгласом: “Шах я!” - навстречу им бросается схожий с Исмаилом обликом и одеянием Султанали Мирза и отвлекает янычар на себя. Шах Исмаил спасен. Султанали Мирза попадает в плен.

По преданию, его допрашивал лично Султан Селим и, наверняка зная, что перед ним не Исмаил, тем не менее, обращался к нему как к шаху. Разглагольствуя о многократном превосходстве своего войска над кызылбашами, непобедимости янычар и, наконец, о мощи своих пушек, он надменно вопрошает: “Разве все это не было тебе ведомо, что ты вступил со мной в сражение, погубил своих людей, а сам попал в плен?”.

По-видимому, Султанали не только внешне походил на Шаха Исмаила - они были близки и по своей природе, своему пониманию рыцарской чести. Ответ Султанали Мирза Афшара Султану Селиму Явузу мог быть и ответом самого Шаха Исмаила: “Я не думал, что ты обстреляешь нас из пушек и тем самым опозоришь себя перед всем миром”.

И у кызылбашей было огнестрельное оружие: пищали, ружья и даже пушки, но поражать врагов не в единоборстве, а издали, исподтишка и из безопасного для себя места было ниже достоинства Шаха Исмаила.

Следы этого характерного психологического явления нравственного порядка встречаются и в эпосе “Кероглы”. Узнав об изобретении нового оружия под названием “ружье” и буквально сраженный силой его, уравнивающей мужество и подлость, необоримый в единоборстве, постаревший Кероглы не в состоянии выразить свои чувства простыми словами, страстно-горько поет он под звон струн саза:

*В конце концов судьба меня настигла, ай, арай!
Пришли к концу мои все битвы, ай, арай!*

*Ружье явилось, мужество исчезло, ай, арай!
Я ль постарел, иль мир состарился?*

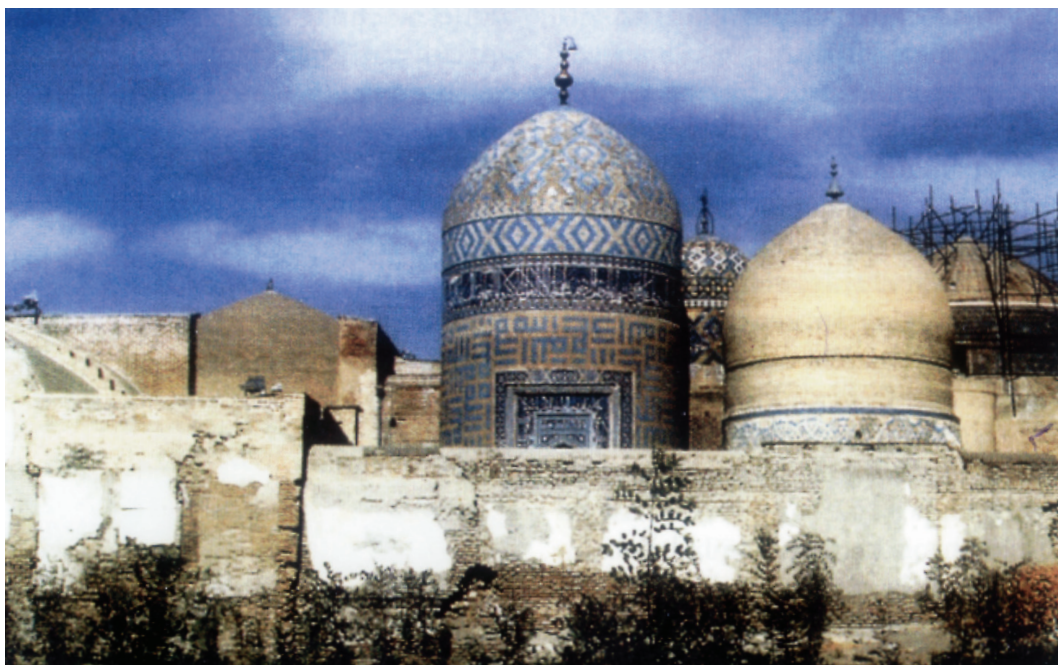
Эта глубоко примечательная гошма со страстно повторяющимся призывом о помощи - ай, арай! - в емкой поэтической форме возвестила и выразила конец целой эпохи на Востоке и начало нового - хитроумного - времени. Конечно же, речь шла не только и не столько о буквальной смене традиционного восточного оружия на новое европейское вооружение. По существу речь шла о новом воинском кодексе, о том, что навсегда уходят старые понятия о рыцарской чести, о том, что грядущие войны станут соревнованием достижений “научно-технического прогресса”. Так что постарел не мир, он просто менялся; необратимо постарел сам Кероглы.

А Шаху Исмаилу не дано было постареть. Судьба, с самых ранних лет ввергнувшая его в пучину политической борьбы, словно бы учитывая краткость отпущенного ему срока жизни, спешила насытить ее новыми превратностями и злоключениями. Многие затрудняются в объяснении причин внезапной смерти Исмаила. Слава победоносных походов Шаха Исмаила словно бы затмила его тяжелое детство и всю горечь, невыразимую боль полного опасностей дальнейшего пути. А ведь ни одна рана от ударов безжалостной судьбы не заживала; Чалдыран же оказался последней и смертельной раной Исмаила. С этой смертоносной чалдыранской раной Шах Исмаил прожил еще десять лет - 23 мая 1624 года в возрасте 37 лет он навечно закрыл глаза...

При Чалдыране Шах Исмаил государства не потерял, лишился он верных сподвижников, потерял любимую жену свою - Бахрузу ханум. Было попорчено достоинство шаха, унижена честь Исмаила. Желая еще больше усугубить оскорбление, Султан Селим отдает Бахрузу ханум в жены своему придворному поэту Джафару Челеби. Никогда, ни перед кем, ни при каких обстоятельствах не унижающийся, Исмаил шлет Султану Селиму умоляющие письма с просьбами о возвращении жены. Ответом ему были издевательские отказы.

Как утверждают, со дня Чалдыранской битвы и до самой смерти - целых десять лет - Шах Исмаил ни разу не улыбнулся.

*Умирать надо раньше смерти,
Тогда лишь достигнешь бессмертия.*

Гробница шейх Сафи в Ардебиле, где похоронен Шах Исмаил Хатаи

Что может быть ужаснее прижизненной смерти задолго до назначенного часа?

Чисто по-человечески интересно, о чем размышлял, какую думу думал, что вспоминал, как коротал длинные, нескончаемые бессонные ночи все эти долгие - без радости, без смеха и улыбки - десять лет Шах Исмаил?

*Лишились сна мои глаза, звездам подобно,
Каждую ночь сон посещает чужие глаза.*

Пять обнаженных мечей на куполе гробницы Шейха Сефи в Ардебиле, где похоронен и Хатаи, символизируют пять великих побед, великих торжеств Шаха Исмаила.

Нисколько не принижая значения военных побед Шаха Исмаила, их роль в судьбах целого ряда народов и стран мусульманского Востока, все-таки, по-моему, самая главная победа, самое большое торжество обретены им не мечом, но пером. Если в далекую от нас эпоху современники, называя Исмаила “Меч и перо предержащий”, одинаково почитали и меч, и перо его, то сейчас, пять столетий спустя, мы рассматриваем политическую деятельность Шаха Исмаила лишь в историческом контексте. Стихи же поэта воспринимаются как живое, волнующее, дарящее духовную радость искусство.

*Султан страны любви и я во времени моем,
Везири мои - грусть, тоска - сидят по обе стороны мои.*

Сефевидский Шах Исмаил властвовал 23 года. “Султан страны любви” властвует вечно. Это и есть самая большая победа. Победа поэта...

Перевод Вагифа Ибрагимоглы

Памятник Шах Исмаилу Хатаи в Баку. Скульптор Ибрагим Зейналов

Печаль поэта

Известная истина: поэта порождает эпоха. Но и облик эпохи в определенном смысле характеризуется поэтом. Роль происходивших в средневековом Азербайджане, Персии, Ираке, Турции событий в творческом и мировоззренческом становлении Физули несомненна, но сегодня мы не можем представить и XVI столетие без Физули.

Мохаммед Физули, современник Сервантеса и Шекспира, - величайший лирик XVI века не только в масштабах Азербайджана и Востока, но, быть может, всего мира. Физули, блистающий в плеяде таких гениев, как Абу Навас, Рудаки, Фирдовси, Омар Хайям, Хагани, Низами, Джелаледдин Руми, Саади, Хафиз, Насими, Юнис Эмре, Джами, Навои, - последний корифей средневековой восточной поэзии. После Физули ни в одной из стран Ближнего и Среднего Востока не появилось поэта его уровня.

Значение Физули, занимающего столь высокую ступень в восточной литературе, в азербайджанской поэзии особенно велико. Как отмечал Фиридунбек Кочарли, ни один поэт не оказал на азербайджанскую литературу столь внушительного влияния, как Физули. “Физули - самый искренний, самый чуткий поэт, взращенный Востоком”, - Бекир Чобанзаде, предваривший этими словами английского ориенталиста Гибба, в статье “Физули и его место” отмечает, что он - первый наш поэт, внесший в восточную литературу, жившую формулой “наипрекрасного-наибманного”, “наипрекрасные-наиправдивые” стихи, творения...”.

Порой, впадая в крайность, Физули называют творцом азербайджанского литературного языка. Это, конечно, не так, - язык литературы, имеющей столь грандиозный памятник, как “Китаби Деде Горгуд”, такую художественную сокровищницу, как диваны Насими, Хатаи, берет начало не с Физули. Но Физули - бессмертный художник, сотворивший на этом языке высочайшие, тончайшие образцы лирики, гениальную поэму о любви - “Лейли и Меджнун”.

Известно, что великую средневековую поэзию, явленную миру под названием “восточная литература”, создавали творцы разных народов в основном на двух языках - арабском и фарсидском. Подобное явление мы наблюдаем и в старой Европе - мастера слова разных народов здесь долгое время писали и творили на латыни, вышедшей из ряда живых языков. Даже в XIII веке Данте Алигьери написал свою “Новую жизнь” не на современном ему живом итальянском, а на латыни. Азербайджанская поэзия, имевшая высокие образцы арабского, и особенно персоязычного стихотворства, примерно с тех же времен, с XIII века, самоутверждается, развивается и обогащается уже в пространстве родного языка через этапные фигуры Насими, Хатаи, Хабиби и достигает вершин Физули.

Аббас Сиххат писал о Мирзе Алекпере Сабире, что великий сатирик “открыл такую пропасть между старой и новой поэзией, что ни в ком уже не осталось дерзости обернуться назад и перепрыгнуть через эту пропасть”.

Мохаммед Физули

Таким образом, Физули в свое время открыл такие возможности, азербайджаноязычного стиха, что после него никто не повернул вспять и не кинулся в преодоленную пропасть, то есть не стало нужды писать и творить на арабском и фарси. Действительно, если мы окинем взором нашу поэзию после Физули, то не встретим, за исключением некоторых стихов Саиба Тебризи, Мирзы Шафи Вазеха, “Восточной поэмы” на смерть Пушкина М.Ф.Ахундова-Сабухи, ни одного высокого образца нашей поэзии, созданного не на родном языке.

Величие Физули в том, что он глубочайшим образом усвоил опыт предшествовавшей литературы, но не пошел у нее на поводу.

Как отмечал Джафар Джаббарлы, он “порой в своих темах состязался с великими литературными предтечами, использовал воплощенные ими темы, но в этом состязании не уступал им, и, во всяком случае, в таких гениальных творениях, как “Лейли и Меджнун”, он оставил своих старых соперников позади и поднялся выше всех...”.

Физули именует Низами устадом, а себя - учеником; почтительно называет имена Хагани, Амира Хосрова Пехлеви, Джами, Навои, пишет посвящение-”тахмис” по мотивам газели Хабиби. Хотя он не упоминает имени Насими, но бесспорно влияние и этого великого поэта на Физули. Ведя речь об “арабоязычных” стихах Физули, Е.Э.Бертель указывал, что вся образная система в этих произведениях поразительно похожа на знаменитую концепцию “хуруфитов”.

В азербайджанских стихах Физули, посвятившего Шаху Исмаилу Хатаи юношескую аллегорию “Вино и чаша”, явственно ощущается дыхание, дух Хатаи, присущий ему сказ и лад. Все эти воздействия, традиции преломлены сквозь призму гения Физули, они сыграли роль в его творческом и личностном совершенствовании, но не стали для него путями, связывающими руки. Блестящий индивидуальный талант возвысил его как ни на кого не похожего художника.

В предисловии к фарсидскому дивану Физули сам высказывает об этом очень интересные суждения: “Все предшествовавшие мне поэты были людьми высокого разума, высокого мышления... И человеку должно знать все написанное ими, дабы в его произведениях не было бы допрежь него изреченных мыслей. Бывали времена, когда я ночью до утра вкушал горечь бдения и кровью нутра своего находил и писал некую содержательную вещь. А наутро, обнаружив совпадение ее с другими поэтами, перечеркивал написанное и не делал своим достоянием. Были такие времена, когда целый день до вечера, погружаясь в пучину дум, алмазом слова точил перлину смысла. И стоило узревшим сказать - мол, такое-то речение не употребительно в народе и неблагозвучно, как она тема падала в глазах моих, и я даже не переписывал ее. Странное дело, сказанное слово не используешь, потому что сказано, а не сказанное слово - потому что не сказано...”⁴⁸

Эту дилемму, затрагивающую очень важную теоретико-эстетическую проблему искусства - вопрос традиции и новаторства, Физули блестяще разрешал в художественном творчестве; Физули сподобился высказать никем до него не высказанные слова таким образом, что воплощенные им мысли, выражения, образы воспринимаются как первозданные, вековые данности, знакомые всем и в то же время заново открытые.

⁴⁸ Все цитаты из Физули взяты из пятитомника поэта, составленного Гамидом Араслы, Баку, 1958-1985 гг.

Как и великие предтечи - Насими и Хатаи - Физули был не просто мастером стиха, но мыслителем. Если Насими как мыслителя больше занимали философские проблемы, суфийская концепция, учение хуруфизма, если Хатаи тяготел к религиозным идеям шиитства, политическим проблемам, то Физули больше заботили теоретико-литературные проблемы поэтики, языка. И в предисловиях к диванам, и в текстах газелей, касид, гитэ, рубаи Физули затрагивает различные аспекты художественной поэтики. Его интересуют соотношение стиха и знания, поэзии и науки, отражение действительности в поэзии, литературный язык, литературная форма, отдельные жанры, в особенности природа газели, личность художника и позиция в отношении к власти и другие эстетические и этические вопросы. Знакомство с взглядами Физули на искусство и художника в определенной мере означает и знакомство с его отношением к жизни. Ибо для художника, который видел смысл жизни в творчестве, само существование означало творчество.

Жалобы поэта на эпоху проистекали из плачевного состояния арабского Ирака, пришедшего в запустение из-за нерадения правителей и косности сограждан, эти сетования связаны с девальвацией и обесцениванием искусства, поэзии в те времена, с непониманием среды, в которой жил поэт.

*Я в краю, где ни единый и не знается со мной,
Некому печаль поведать, преклониться головой.⁴⁹*

Физули сообщает, что за всю жизнь не покидал страны, где родился, не отправлялся в зарубежные страны. Но он просит читателя не считать это ущербным обстоятельством для его творчества, то есть не рассматривать его как своего рода “провинциального поэта”.

Физули напоминает, что каждому служителю муз покровительствовал какой-либо правитель, но он сам стремился держаться подальше от дворцов, сохранять свою независимость, честь и достоинство. С гордостью отмечая свою отдаленность от сильных мира сего, поэт пишет, что вполне доволен невниманием монархов к нему. Ибо милости венценосцев, обязывающие к соответствующей покладистости, были бы для него куда большей обузой, чем бремя бедности. Чтобы жить в тени правителей, пришлось бы слагать оды в их честь. Но этот путь чужд Физули. Поэт открыто заявляет об этом:

*Физули, от меня ты не жди славословий и од,
Я - влюбленный-ашуг, и любовью исполнен мой сказ неизменно.*

Вполне понятно, что Физули ничуть не завидовал обласканным властителями придворным одописцам. Они же, напротив, завидовали Физули, у которого не было ничего за душой, кроме таланта и достоинства. И поэт, изведенный злопыхательством зоилов, проклинает их:

⁴⁹ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, цитаты приводятся в поэтическом переводе С.Мамедзаде.

*Завистник садам просвещения - раздор,
О, Боже, хасида⁵⁰ карай непрестанно.
Занятье его - просвещенных язвить.
О, Боже, хасида карай непрестанно.*

В поэзии Физули очень значимы суждения о литературной форме, жанре, многообразии изобразительных средств. Облюбовавший жанр газели за доходчивость, сравнительно удобную воспринимаемость (“Скажи газель, что в веке отозвалась, чтобы легко читалась и писалась...”), Физули вместе с тем отмечает, что питает особое пристрастие и к усложненным выражениям, и утонченности содержания, именно потому тяготеет к сочинению касид и “муамма”.

Интерес поэта не только к стихотворству, но и к различным жанрам литературы, к аллегории, сатире, в частности, к опытам в художественной прозе, сочинению философского трактата, переводческому творчеству, - все это связано с его общей концепцией жизни и искусства. Для Физули сверхзадача - выразить правду соответствующими художественными средствами, высказать “истинное слово”. Поэт пишет: “Известно, что истинное слово можно изъяслять и поощрением, и порицанием. Ибо слово - откровение человека. И он заслуживает то хвалу, то укор...”

Один из вопросов, глубоко занимавших Физули, - вопрос о языке. Известно, что поэт создал классические творения помимо родного азербайджанского языка и на арабском, и на фарси. Интересно и то, что на фарси он начал писать, имея уже солидный опыт творчества на родном языке и на арабском. Это и понятно - создавший ценнейшие творения на родном языке, Физули прожил всю жизнь в арабском Ираке, и естественно, что он писал и на этом языке. Быть может, у Физули и не было намерения писать стихи на фарси, и он сам связывает появление своих стихов на фарси с обычным житейским случаем: “Однажды довелось посетить мне одну из школ. Там я увидел персиянку с ликом пери, со станом - сервом (кипарис)... Она попросила меня прочесть несколько бейтов. И я прочел несколько бейтов из моих арабских, тюркских стихов. Сказала: они написаны не на моем языке и мне не понадобятся. Ты должен прочесть мне газели на фарси, обжигающие душу... Эти слова смутили меня. И такой огонь запал мне в душу, что опалил все закрома (стиха), которые доселе я насобирав, и высветил дом воображенья моего свечой страсти высказать газелями на фарси. Несколько дней кряду я плавил себя в горниле дум и составил диван фарсидских газелей”.

Эта подробность, сообщаемая поэтом, ценна и потому, что если причину, подвигшую его на сочинение стихов на фарсидском языке, он связывает с личными, интимными чувствами, с желанием очаровательной персиянки, то свое творчество на родном языке он неоднократно и настойчиво объясняет более важными социальными, историческими причинами и литературными соображениями.

По признанию поэта, свой бессмертный дастан он написал потому, что

*“Лейли-Меджнунов” тьма у персиян.
У тюрков сей отсутствует дастан...*

⁵⁰ Хасид - завистник.

Переведя “Сорок хадисов” Абдуррахмана Джами с фарсидского языка, он отмечает, что “переводит на тюркский во имя общего блага”.

А стихотворение-гитэ, объясняющее причину написания стихов на родном языке, звучит как кредо поэта:

*...По той причине на фарси стихов обильно,
Что тюркскому стих поддается трудно.
...Коль преуспею, облеγχу сей труд посильно.
Так из шипов цвет вешний всходит чудно...*

Поэт преуспел в своем намерении, “облегчил сей труд” и создал в просодии “аруз”, не являвшейся метрикой азербайджанского стиха, один из совершенных образцов нашей поэзии.

Арабский, фарсидский и азербайджанский языки резко отличаются друг от друга по структуре, принадлежат к различным языковым группам - семитской, индоевропейской и тюркской соответственно. Если нелегкий труд внедрения арабского аруза в фарсидское стихосложение выпал на долю многих великих уstadов, причем не только персиян, но и поэтов иных национальных корней, то ярчайшие и совершеннейшие образцы аруза в средневековой азербайджанской поэзии связаны с именем Физули. Физули создал высокие образцы поэзии, способные выразить самые глубокие истины бытия, самые трепетные движения человеческого сердца, внес в аруз многоцветье нюансов азербайджанской речи, ее интонационное богатство, дух и дыхание нашего языка, породил, привил этот инородный размер в нашу почву, “обазербайджанил” его...

Правда, у Физули есть и сложные арабско-фарсидские обороты, затрудняющие восприятие “многоэтажные” метафоры, но вместе с тем большинство его творений изумительно прозрачны, ясны, близки к нашему сегодняшнему языку, нашему разговорному ладу.

*Если милая спросит состоянье твое,
Что ответишь ты ей, о больной Физули?..*

Или:

*Ужель отворится пред нами закрытая дверь,
О, Боже, что горе, что черная доля сия?*

Поэзия Физули близка нашему сердцу, нашей душе не только щедрым языковым богатством, изысканной чеканной фразой, но и самой интонацией, магией и чарами словесного строя.

*Впал я в горе и печаль, не спросила, отчего.
Извела меня тоска, нету спася моего.
Что ты скажешь? Так и век вековать, моя душа?
Свет очей моих, ханум, мой султан и госпожа...*

Или вспомним в том же стихотворении мягкую укоризну: “Чаровнице вот такой только чаровать к лицу...”.

Или такие речения, обороты, строки:

“Упаси от глаза дурного”, “Покажи себя попробуй, если в чем-то ты горазд...”, “Где бы ни был я, о пери, знай, с тобой моя душа”, “Молве не закроешь рот”, “Берегись, как бы в огне не сгорел с сухим сырой...”, “Не приветила гостя даже глоточком воды”, “Не гаси светильник, что сама зажгла”, “Горе, если, выйдя рано, ты закроешься нигабом (платком)”, “Согнула бы стан мой, вогнала бы в слезы, изранила б душу, сожгла бы нутро...”, “Какая напасть мое сердце изводит, - узнала, я знаю, что в сердце моем стенаньем исходит, - узнала, я знаю, мнит недругом друга, немилый не будет ей мил, не мнимый ей недруг в друзья не подходит, я знаю...”.

Число таких примеров можно умножить, и все они по интонации, оттенкам слова, образу мышления созвучны ладу и строю нашей народной поэзии, простой разговорной речи.

Физули пишет:

*Грусть от чарки - говорили, много пил я без тебя,
Будь неладна, боль разлуки не утешилась моя...*

А в народе ходит баяты:

*Пил, чтоб горе поубавить,
Да печали приплеснулось...*

Из фольклора:

*Милая, я на свету.
Ты в тени, я на свету.
В год приносят по курбану (жертвенное заклание),
Я вседневно - на беду.*

У Физули:

*Будь тысяча жизней у меня, горемыки,
Я б каждую отдал ради тебя...*

Ашуг поет: “Нагрнуло печали войско, и дом души моей разграблен...”.

Физули вопрошает: “Каково от нашествия грусти тебе?”, используя сходную метафору: “разбой печали”.

Не столь уж важно определять, черпал ли Физули в роднике народной поэзии, или же народное поэтическое творчество впитывало в себя образы великого устада, важно то, что и искусство Физули, и народная поэзия, проистекали из одного источника, из единого лада образного мышления и в разных формах, ипостасях, ритмических сказах выражали мироощущение, эстетический вкус, чувства и переживания нашего народа.

* * *

Язык стиха Физули, его образная система замешаны на тысячах примет реального бытия, точных и тонких бытовых наблюдениях. От зоркого глаза поэта не ускользнула ни одна деталь, связанная с людьми самых разных занятий, - от врача до амбалы-носильщика, ни одна подробность, картина, окраска, оттенок мира и всего сущего, будь то лань, ощущающая луг с сочной травой, или буквы арабского алфавита, вызывающие то или иное ассоциативное уподобление... Самые обычные предметы под его магическим пером поэтизируются, превращаются в неожиданные метафоры, восхитительные образы и сравнения.

Как, например, обычные понятия, связанные с шитьем, преобразуются в метафору о терзаниях любви.

*Это дело такое (т.е.напасть, беда) утончает нас, как иглу,
И как нить канителит (нанизывает) всякий раз в долгую страсть.*

(Подстрочный перевод)

Художник метафорирует и такое бытовое наблюдение: “в огне кебаб слезой кровавою исходит”, “исходит пар из пламени, как окропишь водой...”.

Переосмысливает и образы из ремесла зодчих (сердце верное разбив, память - сколко собрала, как дворец возведя зодчий рушит тысячу домов...). Использует и манипуляцию врача, чтобы выразить поэтическую мысль (“Если ты, прощупав пульс мой, знаешь мою печаль, то храни, как аманат, беспечным не сболтни...”).

Мать, кормящая грудью дитя, наводит поэта на размышления о ступенях земного бытия:

*По причине этой я знаю, что бренный мир - мать,
Обращению матери с чадом подстать.
Молоком милосердно вскормит, в колыбельку уложит его,
Повзрослеет - лишит молока, вразумляя, накажет его...*

Малыш резвящийся “буянит, да коняга у него - деревяшка”. Лекари тех времен пользовали безумцев, прижигая им тело и обкладывая ватой, - так рождается одна из пронзительных газелей: “Опаляемое тело скрыто ваты пеленой, Вот при жизни облаченье, и по смерти - саван мой...”. Или о попугае: “Позаймешься с попугаем, по-людски заговорит, но не станет человеком...”. Или иносказание о камнях: “Называлось просто камнем, но с рубином наравне, обагрилось алой кровью. Будут дорожать в цене...”. Восточная флейта - нэй - подсказывает другой образ: “Нэем взвился в поднебесье вопиющий глас любви, Я стенать не перестану, хоть, как нэй, переруби...”. Все сущее, представшее взору, каждый увиденный предмет становится объектом поэзии Физули, впечатляющим образом, удивительным сравнением. Образы поэта необычайно наглядны, зримы:

*Пусть хоть солнца лучи обратятся в арканы судьбой,
Не отъять, словно тень, от стези неизменной меня...*

Сколь грандиозный, космический образ!

Тень (“say”) в стихах Физули становится одной из интересных метафор:

*Увидел солнечный твой лик, ни сил, ни воли не осталось.
Как тень, блуждаю по земле, приюта более не стало...*

- говорит поэт и в печальном предвидении исхода изъясняет свою волю:

*Не ставьте вехи никакой над могилой моей.
Пусть мой гроб осеняет тень милой моей.*

Поэзия Физули - мир глубоких раздумий, страстных исповедей любящего сердца, вместе с тем несет в себе большой социальный заряд. Устад, решительно отвергающий одописание, панегиризм, слагающий пронзительные песни любви, мастерски использует и другую ипостась правдивого слова - критику, порицание, изобличение, сатиру. Заклеймивший средневековых чинуш-мздоимцев бессмертной фразой из “Жалобы” - “Я “салам” произнес, не ответили мне, ибо то не было мздой...”, - поэт в разных аспектах и ипостасях обнажает масштабы этого социального зла, разъедающего общество.

Разоблачая в “Жалобе” “самоуправство чиновников овгафа (канцелярии)”, он зрит в корень зла. Эти мелкие служивые сошки так распоясались потому, что у них за спиной есть покровители, они ублажали и вышестоящих, и писарей ворованной деньгой. Они не боятся ни правосудия на этом свете, ни Страшного суда на том... Для них нет ничего святого ни на земле, ни на небе... И все блага можно купить, добыть взяткой. Можно, по их разумению, и страны покорить, и государства прибрать к рукам. Есть, конечно, и градация мзды. Мелкие сошки из овгафа хотят урвать пай из скудной пенсии бедного поэта, куда больше “аппетиты” и амбиции падишаха, мечтающего покорить иные края за динары-дирхемы воинства.

Но те, чей мир, помыслы, судьбы, и жизнь, и погибель связаны с мощной, не могут понять, что

*Нельзя купить Эдем за злато-серебро,
Нельзя вступить за мзду в благословенный рай.*

Физули говорит о таких горе-властителях:

*Когда рок ежечасно превратности являет,
То гибнет и владыка, и рать, и государство...*

Как и многие изречения Физули, и эти его слова - истина, относящаяся ко всем временам.

В предисловии к трактату “Матлауль-Этигад” (“Источник веры”) Физули пишет, что долгое время он созерцал мир эмоциональным взором, постигая через чувствования. Но впоследствии, под воздействием философа Эн-Наззама (IX век), он стал стремиться к “научному, рациональному в научных занятиях”, - эти слова стали своего рода девизом поэта. В “дибаче” - предисловии к своему азербайджанскому дивану стихов - Физули сообщает, что основательно усвоил “умственные” и “риторические” науки, философию и геометрию, и выражает резкое неприятие поэзии, не подкрепленной научной осведомленностью: “Поэзия без знания - стена без основания...”.

Поэзия, соотнесенная с современным уровнем знаний, опирающаяся на основы науки, разумеется, способна нести в себе и выражать самые прогрессивные идеи. Но Физули стал неповторимым Физули еще и потому, что при всей уважительности к рациональному началу и внушительной силе научной информации они не могут подавить и заглушить его эмоциональное существо. В скольких дисциплинах ни был бы осведомлен Физули, он по натуре, по духу, по призванию остается поэтом и с поэтическим пылом превыше всего на свете ставит любовь:

*Ученостью добытые регалии, чины
Оказываются только несбыточная блажь.
Любовь есть все и вся, все сущее на свете,
Наука, на поверку, лишь спорящих кураж.*

Любовь - душа квинтэссенция, суть и доминанта поэзии Физули. В его поэтических медитациях любовь ставится вровень с понятием родины, а порой даже превозносится выше:

*Физули не покинет вовеки престола любимой,
Вот отчизна, отчизна, отчизна моя...*

Даже в ностальгических стенаниях по родине уstad усматривает подспудный предлог излить свою душу и сокровенную тоску по возлюбленной:

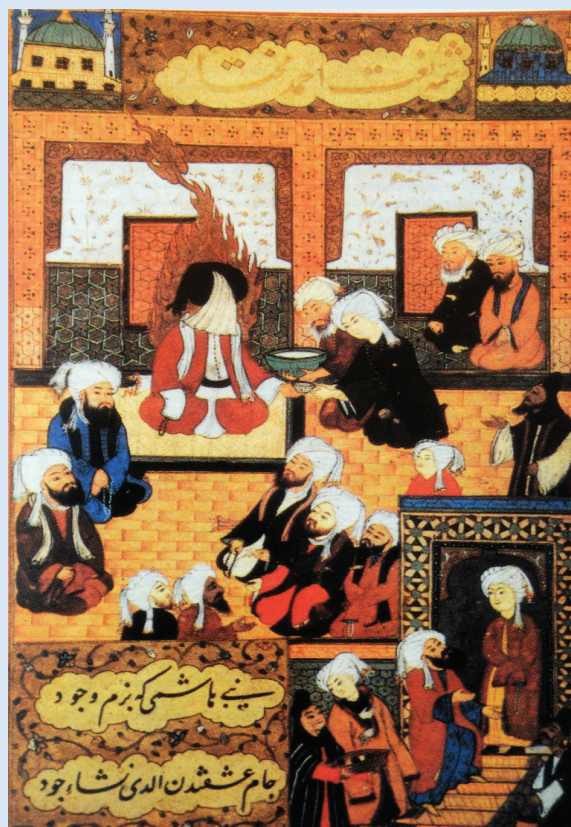
*Слезные вопли мои об отчизне -
Только предлог для тоски без тебя (в разлуке с тобой).*

Или:

*Плачет Физули, вспомнив лоно райское твое,
Как рыдает сирый странник, помня родину свою.*

Любовь - Мекка и Медина поэта. Физули волшебными красками живописует тончайшие нюансы этого возвышенного чувства, самые трепетные тревожнения, неуловимые приметы, радости и горести, и сладостные муки его...

Миниатюры к произведениям Физули

*Физули, не будь в обиде, если милая пытается,
Пыткой милой каждый раз обновляется любовь.*

Любовь - чувство, уравнивающее всех, и подверженный этой “напасти” властелин не разнится от простолюдина.

Любовь не знает корысти, она требует человека всецело, требует самоотвержения.

*Кто “джанан” (возлюбленную) как “джан” свой любит,
(значит) любит он “джанан”*

Кто “джанан” для “джана” (“джан” - жизнь) любит, (значит) любит только “джан”.

Свидание - отрадный миг любви, но истый ашуг снедаем горестным предчувствием разлуки даже в восторгах встречи:

*В день свиданья воспылал я, как свеча, но знай о том,
Что такая предпосылка предваряет ночь разлуки.*

Ашуг пылает и при свидании, и при разлуке. Истый ашуг приемлет и терзания любви, как отраду, и лишиться их для него пуще смерти...

С одной стороны:

*Не дай же никому мои изведать муки, Боже!
Быть пленником любви и злой разлуки, Боже!*

С другой стороны:

*Если вырвать хотят клятву верности (любимой),
Вырвут пусть подранок-сердце, но не стрелы из него...*

Вот двойственная логика любви по Физули, ее амбивалентная сущность: с одной стороны - лирический герой стонет, изнывает от мук любви, с другой - не желает ни на миг избавиться от этих терзаний.

Не пережив боли разлуки, нельзя узнать цену свиданию; то, что ашуг причиняет самому себе, даже врагу не пожелаешь причинить, любовь - неизлечимый недуг. Но ашуг испрашивает у исцелителя средства еще больше усугубить эту напасть...

*Не оставь Физули меж утешных страдальцев, целитель,
Дай мне зелье, чтоб день изо дня усугубилась болезнь моя...*

Этот лейтмотив в концепции любви у Физули не только в газелях, но и в поэме “Лейли и Меджнун”.

Для Физули и его героя Меджнуна улада любви - в переживаниях, терзаниях, невзгодах. Чтобы познать любовь и мир как таковой и тайны бытия, надо пройти именно через эти тернии, печали, через мрак разлуки. По словам поэта:

Мрак разлуки озарил много тайн передо мной...

Ашуг не только страстотерпец, страдалец, он причиняет страдания и своей возлюбленной:

*В судный день не спросится за грехи твои,
Хватит мук, что причинил причитаньями тебе...*

Волшебство, необъяснимая простой логикой магия лирики Физули в том, что даже самую беспросветную печаль, горчайшие муки любви он умеет скрасить, смягчить доброй шуткой, тонкой улыбкой:

*Сперва мне говорили: ты в ангела влюбился.
Теперь твердят: беда с небес нашла на горемыку...*

Или:

*Ты жизнь всецело растранижил на прелестницу одну,
О, Физули, когда б тебе за это предъявили счет...*

И еще:

*Вот в чем беда: та стала христианка мусульманкой,
И все проклятия неверным перепадает на ислам!*

Физули умеет донести тончайшую мысль через иронию:

*Отшельник мнит себя отторженным от чар, но тщетно.
Поднав под чары, он не знает: очарован.*

Или:

*Не бросит аскезы лукавой никак Физули,
Корил, распекал я, не слышит, бесстыдник, меня...*

Тонкая усмешка придает бейтам поэта особую прелесть:

*Вчера ты сказала: пади Физули за меня.
Паду за тебя, но что ж опять за закланье!..*

По Физули, если в судный день не покажется возлюбленная, то это и будет настоящим судным днем.

Мы не знаем дат создания стихов в диване поэта. Но по их настрою, по тональности можно предположить, когда какая газель написана - в молодые ли годы, или в пожилом возрасте.

*Цветущая ликом, в кофте искристой, в юбке огнистой,
В пламенном платье ты нас опалила огнем...*

Наверное, такие пылкие строки соответствуют молодому автору. Озорной настрой, игривость ритмики, накал чувства сообщают о молодой пылкости.

*Говорили мне в начале - исцелят уста “джанан”.
А узнали про печали, - не найдется ли “дарман” (лекарство).
В мейхану ворвался ветер, опьянив вином любви,
Он как ангел сокрушил дом, где властвует шайтан...*

Исцеление ашуга - губы возлюбленной, но ротик у нее так мал, что как бы и нет его... Озорной настрой чувствуется и в лихости ритма; в каждом бейте процитированной газели ощущается биенье молодого сердца. А меджнуновская поступь газели - с начальным бейтом.

*Охвачена пламенем грусти душа моя, некогда вольная,
Ты в радости знала ее, теперь - подневольная, -*

сообщает о мудрой опечаленности уже прожитой жизни.

Если озорство, шуточный тон, улыбочность - светлая палитра лирики Физули, то в красках этой газели преобладают минорные тона. Грусть никак не исчезает из “печальной памяти” поэта. Хотя плач и стоны поэта “будят народ”, но “черная доля” его “не пробуждается”, “погружена в тяжелый сон”. Поэт - предводитель каравана печали.

Печаль Физули, конечно, взошла “на дрожжах” любовных страстей и терзаний, но эта печаль имеет и более широкое смысловое пространство. Эта печаль, эта тоска обусловлена не только несбывшейся любовью, ее крахом, - она перекликается и с “печалью мира его”. Это не только любовная драма ашуга, это и отзвук философского, выстраданного знания жизни и бытия.

Хотя поэт, изведенный этой вселенской печалью, стремится поделиться ею с людьми, с близкими, она не утихает, не убывает.

*Не избыть печали нашей, всяк пришедший к нам веселым,
Переняв печали наши, опечаленным уйдет.*

Физули словно и наследник, и сопечальник всех земных невзгод.

*Физули, сподобил тебя презреньем рок,
Потому одарил тебя горем-злосчастьем всесущим...*

Образцы лирики поэта, проникнутые печалью, вероятно, плод пера его зрелой, позднейшей поры, ибо в той знаменитой газели он вспоминает беспечальные, беззаботные годы. Далекие былые дни жизни, все контрасты в газели построены на этой антитезе - радостная, вольная душа подвергается “огню печали”, замыкается в себе, тает, как свеча, и т.д.

Печаль Физули - не эфемерное чувство, ее корни и первопричины - жестокость эпохи, смуты мира, неверность друзей. Не ведающий о печалях мира не станет печалиться о мире и не постигнет смысла печали. Но даже удрученные земными невзгодами при виде участи героя Физули находят утешение в сравнении. В душе у этого лирического героя - тысяча печалей. И он не в силах ни утаить ее, ни выплеснуть, ни выстонать ее, опасаясь порицания окружающих.

*Бездушен друг, и век суров, и рок жесток,
И бед не счесть, участия нет, всесилен враг, удел убог...*

Как не гнетут безучастность друга, нещадность рока, превратности века, всесилие врага, - среди несметных невзгод самое страшное - одиночество, отсутствие сопечальника. Быть может, самое горькое сетование Физули - об этом.

*Беда же в том, что тыща бед, участия нет ни в ком...
...Я заточен в краю таком, где льется кровь...
...Со всех сторон в мое жилье рок прорубил окно...*

- говорит поэт.

Но дверь жилища, куда смертный рок “прорубил окно”, наглухо закрыта, никто не вхож в приют поэта.

*Никто не горюет по мне, кроме сердца горячего.
Никто не откроет дверь, кроме ветра летучего
(буквально: утреннего).*

Среди посвящений-”назире”, отзывающихся на этот хрестоматийный бейт Физули, у какого-то автора есть пронзительные строки:

*Плачь обо мне, что по смерти моей
Никто не придет к моей могиле,
Кроме ветра, швырнувшего горсть земли...*

(Подстрочный перевод)

Но, во всяком случае, у Физули сказано сильнее, ибо его бейт - не об одиночестве забытого покойника, заброшенной могилы, а об одиночестве живой души, о тоске забытого очага.

Одиночество Физули - это одиночество в обществе, среди людей, это драма существования без понимания и участия со стороны среды.

*Толстогрудые все распекают меня,
Нет наперсника сердца поведать про участь мою.*

Поэта гнетет тусклое, бездуховное, безмозглое обитание “толстогрудых”-толстокожих, повергает в горестные думы:

*Если ночью и днем только кухня молельня твоя,
И священный твой храм - преспокойное ложе,
Для того ли привел на юдоль бытия,
Для того ли призвал ты нас, Боже...*

Поэт томится, тоскует среди тех, чья молельня лишь кухня, он, как и его великий предтеча, “не вмещающийся в этот мир” (Насими), изводится этой скучной толчеей, ему хочется вырваться из удушливого мирка:

*О, истины искатели, давайте мир покинем.
Иные обойдем миры, красоты их окинем...*

Конечно, этот бейт, как и ряд других образов, метафор Физули можно объяснить и истолковать символами сакральными, суфийскими понятиями. Но в силу того, что поэзия Физули переливается всеми красками реальной жизни, оттенками живых человеческих отношений и переживаний, эти моменты - только лишь условные аллегории, бесцветные, бесплотные, поверхностные тени реальных художественных образов. Мамед Джафар Джафаров совершенно справедливо отмечал, что “философия Физули, его мыслительный мир - это такое бытийное море, что прогрессивные аспекты суфизма, воздействовавшие на его творчество, сравнимы с реками, впадающими и растворяющимися в этом бытийном море”. (М.Дж.Джафаров “Физули размышляет”, 1959 г.).

Когда Физули писал:

*Я в мечеть попадаю вовсе не из обожания,
Хмель меня с пути сбивает, вот и путаю дорогу.*

- быть может, он высказывал наиболее болезненное, прикрываясь щитом суфийских условностей.

*Я так пьян, что невмочь осознать, что есть мир наш земной,
Кто я сам и кто кравчий, что это вино предо мной...*

Внушительную силу воздействия этого бейта не стоит искать ни в мистических медитациях суфизма, ни в “божественной любви”, ни в философии аскетизма. То, что потрясает нас, – это искреннее и точное выражение внутреннего состояния человека, психологической бури и душевной смуты.

Правда, здесь нельзя впадать и в крайности. В некоторых исследованиях о роли суфийской концепции в средневековой восточной поэзии поэты этого периода представляются чуть ли не как агенты, действующие на территории вражеской страны. То есть эти поэты якобы мыслили совершенно таким же образом, как мы сегодня, а используемые ими религиозные и суфийские понятия служили лишь ширмой, условным шифром для “конспирации”. Конечно, это не так. Суфизм как философская система оказал сильное влияние на восточную литературу, но большие таланты, такие гении, как Физули, мощью своих творений, питавшихся реальностью, сокрушали всякие религиозные и идеологические преграды, постигали и отображали мир не в рамках узких условностей, а во всей объемности, глубине и многоцветии.

* * *

В несметной гамме эмоций, наряду с радостью, печалью, гордостью, любовью, горечью утраты, тоской разлуки и отчаянием одиночества, чувством прекрасного, есть место и надежде. Не будь ее, как же возможно было перетерпеть мучительную тоску одиноких ночей...

*О Физули, надежды нет спастись от тоски (одинокой) ночи...
Одно утешенье, что, говорят, есть (на свете) рассвет...*

Как красноречиво слово “говорят”!

Рассвет неизбежен, новый день непременно наступит. Но печаль ашуга, охваченного отчаянием, столь безысходна, что рассвет кажется ему не реальностью, а лишь предположением лучшего, услышанным от кого-то утешением. Поэт, переживший бездонное одиночество человеческой души, в тесном пространстве газели из семи-восьми бейтов сумел достичь потрясающей силы воздействия. Потому кажется, что и трагический сюжет “Лейли и Меджнуна” только и ждал прикосновения пера Физули...

* * *

Если обозреть имена лиц, упоминаемых в диване Физули, то чаще всего можно встретить имя Меджнуна. Впрочем, поэт часто упоминает и других известных на Востоке легендарных ашугов, считая себя их преемником:

*Меджнуна страсть сожгла в пылающих песках,
Вамиг погиб в пучине, исход любви был крах.
Фархад воодушевленно пустил по ветру жизнь.
Они истлели прахом, и я теперь их прах...*

Физули, ощущая себя восставшим из праха освященных молвой славных ашугов, подчеркивает более всего свою преемственность с Меджнуном:

*В меня вселилась мука страсти, от Меджнуна перейдя,
Ужели я в страсотерпенье больше выдержу, чем он?*

Лирический герой газелей поэта, как и Меджнун, не только лишь страсотерпец любви, но и одинокий человеколюб-мыслитель, переживающий все невзгоды “юдоли скорбей”.

*Во мне собираются печали отовсюду, где ни есть,
Я - Меджнун, восприемник в доме горестей земных...*

Примечательно, что использование Физули выражения “дом (обиталище) печали”, “мир печали” и т.п. созвучны с понятием “мировой скорби”, через три столетия озвученным в европейской литературе. “Мировая скорбь”, с большой художественной силой отозвавшаяся в творениях Байрона и других европейских и русских романтиков, близка и созвучна поэзии Физули, в особенности - образу Меджнуна:

*Не рассеивай печалей, где бы их ни повстречал,
Собери их воедино, к сердцу моему причаль...*

Физули считает Меджнуна носителем именно этой вселенской, общечеловеческой печали, “мировой скорби”.

*Повсеместно, где есть горе (печаль) на свете,
Ввергни душу мою в это горе (причасти к этой печали).*

В поэме “Лейли и Меджнун” предстает более развернутое, глобальное гуманистическое истолкование этой идеи.

*И даруй мне способность печали вкушать (сострадать),
И избавь мир от печалей (страданий).*

Как видим, ашуг, желающий вобрать в свою душу печали мира, мечтает избавить мир от страданий.

Ученые относят поэму “Лейли и Меджнун” к последнему периоду творчества Физули, а стихи в азербайджанском диване писались им на протяжении всей творческой жизни. Хотя нам и неизвестны даты их написания, одно мы можем утверждать с полной уверенностью: образ Меджнуна, судьба Меджнуна, идея “меджнунства” занимали мысль поэта всю жизнь.

Физули, подчас даже ревнующий своего же литературного героя Меджнуна к дару “ашугства” - самоотверженной любви, посвятил сопоставлению себя с легендарным ашугом газель, начинающуюся бейтом:

*Во мне есть дар ашуга поболе Меджнуна,
Я - преданный ашуг, а у Меджнуна (только) слава...*

*...Не чтят меня в народе, влечет его сказанье,
Меджнун ли схож со мною, (ведь) хворь его исцелима...*

И в другой газели поэт упоминает легендарную влюбленную пару:

Это мы знамениты, тебя Лейли, меня Меджнуном прозвали...

В поэзии Физули настойчиво повторяются мотивы Меджнуна и “меджнунства”, эти мотивы, эти идеи красной нитью проходят через лирику поэта:

*Минул черед Меджнуна, теперь я ославлен любовью.
Молва права: каждое время (эпоха) - время своего ашуга.*

Или:

...Влачим мы груз печали, он в свой черед, а я в свой черед...

Естественно, тема Меджнуна и “меджнунства” в диване Физули не ограничивается лишь газелями и гитэ с упоминанием имени этого героя; более важное и существенное обстоятельство - отзвук, дух мотивов “Лейли и Меджнуна”, идей “меджнунства” в творчестве устада. Кульминационный эпизод поэмы, где Меджнун в священной Каабе молит Всевышнего о ниспослании “любовной напасти”, в газели из дивана нашел отражение почти в тех же словах:

О Боже, в печали любви свергни меня еще пуще!

Меджнун, ищущий уладу страстной любви в страстотерпстве, может считать своим собственным признанием и слова, запечатленные в диване стихов:

*С возрастаньем мук, терзаний счастлив на стезе любви я,
Физули, ты стал богаче, как не возблагодарить...*

Другой вариант такого же чувствования, образа мыслей отозвался в нижеследующем бейте:

*Обычно больно (ранит) бремя гнева, но что же за обыкновенье,
Чем больше гневается крутонравная, тем меньше причиняет боль.*

Строка в диване: “Есть тьма (сто тысяч) печалей, но это (такая) печаль, в которой сопечальника нет” - с мизерной поправкой вошла в письмо Лейли к Меджнуну.

Все эти примеры, приведенные из азербайджанского дивана, свидетельствуют о том, что тема Лейли и Меджнуна словно примерена “под рост” поэзии Физули. Задолго до написания знаменитой поэмы поэт жил и дышал атмосферой этого дастана, прикипел сердцем к его героям.

Но вместе с тем Физули подступал к воплощению этой темы несколько осторожно, через сомнения и колебания. Одна из трудностей задачи - если сошлемся на признание самого поэта - то, что ему предстояло впервые воплотить эту тему на тюркском - азербайджанском языке. Но известно, что такие прецеденты на тюркских языках были; однако Физули считал себя автором первого тюркоязычного “Лейли и Меджнуна” и, очевидно, не был знаком с прецедентами.

Вторая трудность - сама тема, ее сущность и дух. Поэт хорошо знал, что содержание дастана - “стенанья, и вздохи, и плач”, дух - “мученья и горе”, “начало - печаль, и исход - несчастье”.

Известно, что первым в письменной литературе художественную версию этого древнего дастана о любви явил Низами Гянджеви. “Лейли и Меджнун”, после Низами превратившийся в традиционную тему восточной поэзии, стал творческим испытанием для многих знаменитых поэтов.

Иллюстрация к поэме “Лейли и Меджнун”. Художник М.Абдуллаев

И среди них - классик узбекской поэзии Алишер Навои.

По прочтении “Лейли и Меджнуна” в трех художественных версиях - Низами, Навои и Физули - вновь подтверждается истина о том, что различные художники способны, в силу своего таланта, воплотить одну и ту же тему в уникальной, самобытной интерпретации. Сохраняя основную направленность сюжетной линии, а порой и внося в нее изменения, три гения - Низами, Навои и Физули - создали оригинальные творения. Эти три “Лейли

и Меджнуна” очень разнятся - и по формальным, стилевым особенностям, и по образному строю, и по философскому выводу, и по поэтическому мироощущению. Поэма Физули, “поэта души”, более лирична. В поэме Навои нет таких моментов, которые нельзя было бы объяснить логикой. А у Физули действия и поведение Меджнуна столь неожиданны и необъяснимы, что их трудно понять. По сравнению с Низами краски поэмы Физули более трагичны.

Лейли у Низами горделива, решительна, она даже дает пощечину Ибн-Саламу, пытавшемуся подступить к ней. У Физули Лейли более тихого нрава, более беззащитна. Чтобы избежать близости с Ибн-Саламом, она прибегает не к волевым действиям, а к выдумке о том,

Иллюстрация к поэме “Лейли и Меджнун”. Художник Микаил Абдуллаев

что якобы ворожеи предостерегли ее от сближения с мужчиной, иначе этот брак принесет обоим погибель. И простодушный Ибн-Салам поддается на эту уловку.

У всех трех устатов очень ярко выражен национальный колорит. Несомненно, что трагедия Лейли характерна для бесправных женщин всего Востока.

*Я перлина, и чужие метят нас.
На базаре никому я не указ.
Век поставил на торги меня. Сгубил,
Уж не знаю, кто продал и кто купил?
Будь я в силах воспротивиться судьбе,
То досталась бы тебе я, лишь тебе.*

Это признание Лейли у Физули могло бы прозвучать и из уст ее литературных двойников, воссозданных Низами и Навои. Но при всем при том Лейли у Навои - прежде всего узбечка, выросла в среднеазиатской среде. А Лейли у Физули - азербайджанка. Правда, "Лейли и Меджнун" по происхождению арабская легенда, и Физули в своем повествовании сообщает, что речь идет об арабских племенах ("говорят, был такой у арабов адат..."), обозначая национальный источник сюжета; в поэме отчетливо видны приметы арабского быта, уклада жизни, традиций, но, не оспаривая всего этого, во всех действиях, нюансах ее переживаний и ощущений, в обхождении и общении с матерью, в отношениях с Меджнуном проступают поныне родной и близкий для каждого азербайджанца дух, манера выражения и образ мышления, психологические штрихи. То есть в пространстве общей для восточной женщины судьбы обозначается, вернее, доминирует особый, выделяющийся азербайджанский характер, качества азербайджанской девушки, близкие нашему сердцу и восприятию. Наставления матери Лейли звучат так, как если бы были сказаны сегодняшней азербайджанской женщиной своей дочери. Мать Лейли, до которой дошли слухи об амурном приключении между дочерью и Гейсом-Меджнуном, реагирует на новость в духе представлений азербайджанской народной морали, сохранившейся доныне, и укоряет свою дочь:

*Что же ты вредишь самой себе?
Имя доброе марасть худой молвой,
Дать злословья повод подлецу?
Честь ронять негоже, не к лицу -
Хороша... и стать, и стан... нежней цветка,
Что тут скажешь... Мыслями легка...*

Некоторые слова употребляются в диалектных формах, соответствующих сегодняшнему гянджинскому и шекинскому говору азербайджанского языка. (Подобные языковые резонансы встречаются и в диване стихов.)

После традиционных вступлений начинается сюжетное повествование.

Вождь одного из арабских племен долгое время оставался бездетным. После молитв, обетований у него рождается сын. Нарекают его Гейсом. Как все младенцы при появлении на свет, дитя плачет. Физули истолковывает этот плач по-своему: этими слезами новорожденный Гейс - будущий Меджнун - как бы хотел сказать: "О бренный мир!

Я понял: у тебя немало бед, Влачить желающих их бремя нет... И я явился их нести, считай. Явился я - пытай и испытай. Пришел, назад вернуться невозможно. Вкусить печаль придется непреложно...”

Этот первый плач и его философское осмысление отсутствуют у предтеч - Низами и Навои.

Нет у них и другого момента в первоначальном эпизоде: младенец Гейс никак не может успокоиться, лишь после того как прекрасная соседская дочь берет его на руки, он перестает плакать. В азербайджанском фольклоре этот эпизод дастана трактуется несколько иначе: здесь разревевшегося Гейса утихомиривает не безвестная соседская дочь, а именно Лейли, и только ради этого обстоятельства она представляется трехлетней девочкой, то есть немного постарше Гейса.

В фольклорной версии успокаивающая младенца Гейса - будущая избранница его сердца. У Физули же утешительницей плачущего Гейса является символ вечной красоты, идея женственности, женского милосердия и любви. И эта идея могла воплотиться и в Лейли, и в любой другой женщине, символизирующей красоту.

*Налей вина такого, чтобы, меня пьяня,
Не вывело вовеки из плена забытья,
Чтобы не ведал дня рожденья своего,
Чтобы не ведал: жить на свете каково.*

С момента появления Гейса на свет первопричина его печалей, предпосылка его терзаний и единственная сила, способная спасти его от земных невзгод, - любовь и красота. Этот идеал любви, красоты значит больше, чем любовь и женщина. Это и стремление избавиться от бедствий юдоли скорбей, и одновременно самоубийственная страсть принять на себя удары судьбы, сознательно обречь себя на мытарства и черпать упоительную жертвенную радость в этом гибельном противостоянии...

В этом заключается и разница между любовью Лейли и любовью Меджнуна:

*Лейли желает-чаёт убавить маету,
Меджнун же растравляет печали на беду...*

В этом-то и вопрос. Вот суть, ключ поэмы Физули.

Лейли любит реального человека реальной любовью, и преграды, встающие перед ее чувством, - реальные, конкретны. Эти преграды - поправшие все права женщины религиозные уставы, мораль, адаты, обычаи и традиции. Правила и установления воплощены в реальных человеческих обрядах: это забитая мать героини, ее властный, внушительный отец, это не любимый ею муж Ибн-Салам.

Препятствия на пути любви Меджнуна - в нем самом, в его внутреннем мире, в его мироощущении.

По его понятиям о любви:

*Душа свидания не жаждет, оно теплится виденьем милой,
Ашуг не мнит вовне души существования любимой.*

Вот суть образа Меджнуна, “меджнунства”. Внутренний мир Меджнуна и внутренний мир Лейли несоединимы, несовместимы. Об этом говорит сам Меджнун:

Какой же смысл Лейли Меджнуном (т.е. одержимой) быть?

Сетования Лейли на Меджнуна - более всего искренние укоры, исходящие из потаенной глубины человеческой, женской души:

*Меня любовью свел с ума, что ж от меня взыскуешь?
Не спросишь у души любимой: о чем грустишь, о чем тоскуешь?
При людях подойти не смеешь, тебя за это не виню.
Но что ж наедине со мною меня коснуться не рискуешь?
Не знай ты, что со мной творится, тогда еще куда ни шло...
Но ты глухим остался, зная. Ну как ты это истолкуешь?*

Сопоставим исповедальную ясность этих сердечных сетований с непостижимой, противоречивой философией, беспросветной тоской признания Меджнуна:

*Коль я возжажду утоленья желаний страждущей души,
Спроси: в чем жажды утоление? Ответов внятных не учуешь...*

В этом крике души сквозит мысль о “превосходстве порыва, чаянья цели над достижением цели”. Пафос “меджнунства” - стремиться, жаждать, пусть ценой страданий. Но не добиваться, достигать, причащаться к заветному, желанному счастью...

Порой это свойство в природе Меджнуна связывают с мистицизмом, суфийским мировидением. Во вступлении к поэме поэт обещает раскрыть свои философские дефиниции “посредством Лейли”, “устами Меджнуна”, то есть ведет речь о том, что использует конкретные человеческие образы для раскрытия определенного мировидения. Если это так, то, не отрицая наличия в поэме суфийских аллюзий и атрибутики, мы должны признать, что эмоциональное воздействие поэмы на читателя шире, объемнее. Сегодня идеи суфизма, символы мистицизма нас могут интересовать только с исторической точки зрения. А поэма Физули, искусство Физули за четыре столетия ничуть не потеряли своей способности проникать в самые сокровенные глубины нашей души, задевать тончайшие струны нашего сердца.

Ибо мы сегодня не раскрываем “меджнунство” через тайнопись, метафорические шифры суфийской символики, мы познаем его через проникновение в человеческую психологию, через явленный нам мир чувств и страстей.

Образом Меджнуна поэт запечатлел одно из вечных свойств человеческой природы - вечное стремление к идеалу и - неверие в достижимость этого идеала и даже страх перед этой недостижимостью. Стремление к мечте, идеалу, кумиру - и страх потерять его, страх разочарования, краха иллюзий... Проблема жизни и смерти “быть или не быть”, занимавшая глубочайшие умы человечества - от Шекспира до Достоевского, стремление постичь мир и страдания души, потрясенной непостижимостью мира... И

Физули горел в огне этих страданий, открыв для себя мысль о “блаженстве неведения”... И выразил языком своего века “боль познания”.

*Блажен, кто знать не знает премудрость сущего всего,
Постигнутого и все и вся блаженным всеу именуешь...*

В этом бейте, вложенном в уста Меджнуна, быть может, отозвалась самая больная и сокровенная истина поэзии Физули.

Трагический нерв поэмы в том, что драмы Меджнуна и Лейли протекают в разных плоскостях, в разных духовных пространствах. Есть трагедия Лейли, есть трагедия Меджнуна и есть трагедия, порожденная пропастью между этими трагедиями, есть мучение, вызванное разобщенностью, разнохарактерностью этих потрясенных миров.

Порой Лейли и Меджнуна называют восточными Ромео и Джульеттой. По-моему, это весьма поверхностная аналогия; несчастная любовь двух молодых людей, невозможность их соединения и роковая их гибель - это лишь внешнее сходство. А в глубинных пластах эти две трагедии связаны с совершенно разными причинами.

Лейли и Меджнун, быть может, могли бы понять трагедию детей Монтекки и Капулетти, но Ромео и Джульетта, мне кажется, никак не смогли бы понять трагедию своих восточных “друзей по несчастью”. Счастью Ромео и Джульетты препятствуют реальные и конкретные причины - их семейства разделяет непримиримая вражда, и даже по несчастной случайности рука Ромео обагрется кровью в этой вендетте.

Между племенем Лейли и племенем Меджнуна нет никакой вражды, противостояния, отцы их - почтенные главы семейств, уважительно относящиеся друг к другу.

Тогда в чем же корень этой восточной трагедии? В чрезмерной пылкости Меджнуна, доходящего до неистовства? Да, разумеется. В пересудах, в злословии, во все времена способных отравить любую среду, очернить чистое, святое? Несомненно. В несправедливости судьбы, в роковом стечении обстоятельств? И на этот вопрос Физули дает утвердительный ответ. Обращая взоры к Судьбе, он говорит:

*Будь Меджнун незримым профаном,
Не сподобил бы рьяным вниманием,
И блаженством души постоянным
Удостоил бы высшим фарманом.
Будь Лейли недостойной, неладной,
Иль, как ты, ненадежной, превратной,
Не горел бы всечасным терзаньем,
Не мешал бы сбыться мечтаньям...*

Все это так, все перечисленные выше причины обозначены в поэме настойчиво и неоднократно.

Но есть в поэме еще одна идея, довлеющая надо всеми этими мотивами. Меджнун изначально, априори - трагедийный герой.

Они с Лейли учились вместе в одной школе. Заметим: для тогдашнего времени и тогдашнего Востока совместное обучение девочек и мальчиков, “сидящих по две стороны”, - картина необычная.

Физули тонкими психологическими штрихами обозначает первую искорку зарождающегося в юных сердцах большого чувства. Гейс нарочно допускает ошибку в письме на уроке, и под этим предлогом просит Лейли: “научи меня”, и другие моменты - суть реалистическое изображение жизненных проявлений. То, что двое юных влюбленных не могут утаить своей взаимной приязни от посторонних, то, что их чувства становятся притчей во языцех, - тоже знакомые житейские мотивы.

Девичье целомудрие, вопросы благонравия и чести, опасение, что слухи дойдут до строгого отца, - все эти моменты психологически точны, достоверны с точки зрения морали, адата. Пересуды, сплетни пока проявляются как первая закавыка на пути чистой любви; Лейли отрывают от школы и, значит, разлучают с Гейсом. Эта первая разлука озвучивается с очень тонким лиризмом устами Лейли:

*Рок разлучил меня насильно с милым другом,
Ужель не пощадит, моим внимая мукам...
Ах, содышатель мой, исторгнулся как “ах”
Как вздох истаял ты, моим чураясь духом...*

Второй из приведенных бейтов - одно из неповторимых и трудно передаваемых чудес поэзии Физули: Лейли говорит, что ее “həmnəfəs” (буквально: “содышатель” - филигранный выбор именно этого слова, а не “həmdərd” (“сопечальник”) - свидетельствует о зоркости мастера) - это “вздох” (“ах”), и он покидает ее с единым выдохом... В оригинале “аханье” перекачивается по строке, как эхо...

В другом бейте той же газели устами Лейли передается мироощущение, самочувствие Меджнуна:

*Свидетель Бог, не покинула “яр” (любимая)
душу и сердце мое,
Коль покинула (если считаешь, что покинула),
увидь ее в плачущих моих глазах...*

“Невидимый взору любимый (“яр”) живет неизменно в душе”, - мысль, выраженная устами Лейли, - это кредо Меджнуна. В представлении Меджнуна, ничто на свете, никакая внешняя ситуация не может разлучить двух ашугов, они - единая душа, единое существо. И в таком идеальном единении - каждый индивид теряет свою автономную “самость”.

*Глянь: если я - это я, то что же ты, моя милая?
И если ты - это ты, то что же “я” унылое?..*

Хотя этот образ перекликается с суфийскими медитациями, с философией о единой, всеобъемлющей субстанции - Аллахе, декларировавшей идею слияния человека

со Всевышним в ритуальном самозабвенном трансе, то текст поэмы, отражающий реальную действительность, ее художественная ткань основывается на предметных жизненных деталях, естественных движениях душевного мира.

Именно эту реальность живописуют и протекающие в сюжете действительные события. С этой первой разлуки и начинается трагедия Гейса. И, похоже, что Гейс в первые же дни своего отроческого страдания предчувствует все невзгоды и мытарства грядущей жизни.

*О дни отрадные, когда с любимой был я вместе,
Капризам потакал, знавал восторги встречи...*

(Подстрочный перевод)

Отчаянье, в которое впадает Гейс, ностальгические вздохи юного ашуга могут показаться странными, - ведь со времени отрадных встреч и общения с любимой прошли не месяцы, не годы, а всего несколько дней. Но Гейс уже сердцем почуял неотвратимость надвигающейся беды, роковую неизбежность.

*Книгу жизни моей предварил услад “дибаче”
(предисловье, пролог),
(Только) век (время, судьба) не позволил под этим знаком
пройти моей жизни.*

(Подстрочный перевод)

В этом необъяснимая тайна поэмы Физули, начатой в реалистических тонах: будь произведение продолжено в реалистической причинно-следственной последовательности, то стенания Гейса должны были бы вознестись не здесь, а после неудачного сватовства его отца, явившегося к отцу Лейли просить за сына и получившего отказ. Ведь пока ни о сватовстве речи нет, и преград каких-то непреодолимых не видно. Трагедия гнездится в самом Гейсе, иными словами, в его “меджнунстве”, убеждении в фатальной обреченности - одном из ключевых понятий “меджнунства”. Антагонистами Гейса могли быть (как у Ромео) - отец, родня любимой. Мог быть его соперник Ибн-Салам. Но его противники - не конкретные люди, а само время, эпоха.

*От рожденья, друзья, отвергает эпоха меня.
Она - враг мой, не знаю, какое ей (зло) причинил...*

Гейс бежит от среды, общества людей в пустыню. Это уже не Гейс, а Меджнун. Теперь в глазах людей он лишь безумец, одержимый Меджнун.

Но еще не все дороги перекрыты, не все выходы закрыты. Пока есть надежда. Пока еще можно что-то предпринять в рамках закона, порядка, морали. Отец Меджнуна, следуя общепринятым традициям, адату, является к отцу Лейли - сватать непутевого

сына. Изъявляет цель визита с чувством, с толком, с расстановкой. Просит руки Лейли - за сына. Очень существенно, что и отец Лейли встречает-привечает просителя честь по чести.

*Добро, что пожаловал! Гостю я рад.
Отринул от праха, вознес ты нас, брат,
Но как же, не знаю, ответить тебе?
Прошенье надеждой не светит тебе...
За честь посчитал бы с тобою родство,
Но сын твой, прости, не от мира сего
Меджнуном прозвали его неспроста...
Меджнуну дочурка моя не чета...*

В этом-то и загвоздка: породниться с Гейсом отец Лейли считал бы честью, но молва клеймила Гейса Меджнуном, Меджнун ей не пара. Гейса оторвали от Лейли и превратили в Меджнуна. А теперь отвергают его из-за того, что он превратился в Меджнуна. На первый взгляд, в трагедии повинен сам Гейс, неистовство его чувства, невероятная ранимость, непохожесть на других. Бунт уникальной личности против всесильной обыденности, среды в мировой литературе воплощен во многих бессмертных образах - от Прометея до Чацкого. Несчастливый исход этого бунта являет и участь Меджнуна.

Но опять же еще теплится надежда... Меджнун должен посетить священную Каабу, вымолить спасение у Аллаха. А спасение видится в избавлении от испепеляющей страстной любви, от “недуга” любви, в жизни без любовных терзаний и обретении такого вот сомнительного благополучия...

Сцена поклонения в Каабе - вершинный эпизод и в поэме “Лейли и Меджнун”, и всецело в поэзии Физули. Этот эпизод есть и в арабской легенде, и у Низами, и у Навои. Но впечатляющая сила у Физули феноменальна. Казалось бы, спасение-исцеление Меджунна, превращение вновь в обыкновенного человека - Гейса, и, стало быть, надежда соединить судьбу с Лейли по закону, по шариату и достичь осуществления мечты - в руках у самого Гейса, зависит от его воли. Ему стоит только обратить взоры к Каабе, совершить поклонение, вознести молитву.

И Меджнун, обратившись лицом к священному камню, молит Всевышнего:

*О Боже, сподобь же любовной напасти меня!
Не лишай ни на миг мучительной страсти меня!
Пока жив я, желанья страдать не лишай,
Я чаю несчастья, как чает несчастье меня!*

Рушится последняя надежда отца. После этого и сам Аллах не сможет помочь Меджнуну...

Но руку помощи бедствующему может протянуть и человек. И в поэме появляется такой человек - это храбрый, благородный рыцарь Нофел. Косная среда, не способная понять язык Меджнуна, может понять язык Нофела.

Отец Лейли твердит о чести, благочестии, доблести. И Нофел апеллирует к этим понятиям морали. Если племя Лейли уповает на силу меча, то меч Нофела внушительнее и разительнее. Нофел, питающий приязнь к Меджнуну за его поэтический дар, понимает и страдания несчастного в меру своих представлений и стремится выручить его из беды. По убеждению Нофела, осчастливить любого человека - разрешимая задача. Понадобится золото-серебро, он может отвалить добра мешками. Если дело дойдет до распри и брани, он не остановится и перед кровопролитием... И вся недолга. Меджнун может полностью увериться, что с помощью Нофела соединится с любимой.

Нофел ободряет Меджнуна: "Коль я с тобой, то быть и ей - твоей". В этих словах слышится и самоуверенность, и определенная примитивность душевного порыва, и ограниченность понятий. Здесь упование на свое богатство, мощь, вера в свою счастливую звезду.

Словом, здесь есть все, кроме одного: понимания Меджнуна. Нофелу и в голову не приходит, что есть на свете моменты, когда ни богатство, ни оружие не могут взять верх. Да и как ему это понять? Нофел - человек, по сути хороший, добрый, сильный. Справедливый, честный, доблестный. Но человек обыкновенный. Как Ибн-Салам, как отцы Лейли и Меджнуна, как все другие персонажи поэмы. И Нофел под стать всем остальным. Меджнун же не похож ни на кого. Потому Нофел есть Нофел, а Меджнун есть Меджнун. Каким образом, по какой логике Нофелу понять, почему при смертном противоборстве его тюркского воинства ради Гейса, он, Гейс-Меджнун, желает победы не своим заступникам, а их противникам?.. Мог ли Нофел, чей слух ласкают стихи Меджнуна, Нофел - баловень судьбы, глубоко постичь печаль Меджнуна, его беспросветное отчаянье?..

*Каждый, в ком искал участия, от того несчастья видел,
И в неверном этом мире лишь неверных власть я видел.
Всяк, кому печаль поведал, исцеления искал,
Лишь поверженным того в горшюю напасть я видел.
Рвался я к потоку в жажде, но поток стремился прочь,
Правду в зеркале искал, - смуту, устремившись, я видел.
Мне явило небо звезды, знаки вещие судьбы,
Горемычный, черный жребий в небе всякий раз я видел.*

Быть может, Нофел был заморожен просто благозвучием, музыкой, гармонией стихов Меджнуна, но понимал ли он глубинную горечь этих стенаний?..

Эхо стоном Меджнуна, крика души Физули, отозвалось лишь два с лишним столетия спустя, в горестной исповеди Моллы Панаха Вагифа:

*Истой правды и веры я в подлунном чертоге не видел.
Видел кривду везде, а иного в дороге не видел.
Верной дружбы в суете и мороке не видел.
Благочестья, служенья, раденья, о Бог, не видел.
От злокозненных прока я в итоге не видел.*

Меджнуна мог понять только сам Физули, и поэт, во многих газелях дивана сопоставляющий себя с легендарным ашугом, в поэме "Лейли и Меджнун" однажды устами

героя озвучивает свое имя и признает, что участь Меджнуна сложилась тяжелее, чем у его вдохновенного певца:

*Нет сил терпеть и ждать, сколько встречу ни сули.
Мечты не сбылись, все дни мои прошли.
В разлуке горшей, чем судьба у Физули.
Но где, злодейка, где твой клятвенный обет?..*

Тема “Лейли и Меджнуна” в нашей поэзии началась не с Физули, но с Физули завершилась.

Однако семена “меджнунства” не затерялись на нашей литературной ниве: от многих героев нашей драматургии, прозы веет духом Меджнуна. Непримируемость Меджнуна с современной эпохой, его протест против современного миропорядка и трагическая участь перекликаются с судьбой “несчастливых юношей” одноименной драмы А.Ахвердиева, героев Ю.Везирова, а Гаджи Нури Мирзы Фатали Ахундова и Айдын у Джафара Джаббарлы в чем-то сродни далекому средневековому ашугу. Потомки клеймивших Гейса-Меджнуна (“света во мраке”) “безумцем” позднее ополчились против светлого литературного героя XX века Искендера, уничтожая его прозвищем “Кефли” (“Хмельной”, “Забулдыга”).

В “Лейли и Меджнуне” Физули глубокое философское суждение о мире, судьбе, человеке представлено в неповторимых художественных образах, в трепетных лирических исповедях. Как сказано выше, нельзя оспаривать влияние на творца поэмы идей суфизма. Известно, что и “Божественная комедия” Данте интерпретировалась в русле глубоко религиозных аллегорий. Но по существу ни один из этих гениальных шедевров не вмещается в узкие колодки религиозных воззрений. То, что обеспечило этим творениям неувядающую долговечность, – это их живая, общечеловеческая сущность, жизненность образов и страстей, достоверность человеческих отношений, вечные истины души.

Минуло четыре столетия, но мы раскрываем страницы Физули, и кажется, что совсем близко, где-то рядом с нами раздаются горестные стенания Меджнуна:

*В чем же грех наш, что от нас ты отвернулась враз?
Мы стонали по тебе, ты о другом пеклась.
И таков ли устав? И таков ли сердца сказ?
Где, жестокая, но где, где твой клятвенный обет?*

Прошло четыре века. Но печальный голос Лейли снова доносится до нас:

*Эту встречу могли бы сновиденьем назвать,
Если б ведали сон наши плачущие очи...*

Сменились эпохи, переменились времена, но снова в ненастные мгновения жизни нам вторит голос Физули, утешает его бессмертное слово – великая печаль великого поэта:

*Ночь разлуки, ночь разлуки, я сгораю в слезной муке,
Будит плач мой всех в округе, злой судьбы не добудиться...*

Перевод Сиявуша Мамедзаде
Декабрь 1985 г.

Памятник Физули в Баку. Скульпторы О.Эльдаров, Т.Мамедов

Певец радостей, певец горестей

Они жили в одно и то же историческое время - время смутное, суровое, жестокое. Время кровавых междоусобиц крупных и мелких ханов. Им довелось быть свидетелями коварства властелинов, их измен друг другу и самим себе.

Они были друзьями, хотя Видади был старше Вагифа на восемь лет. Вагиф был казнен, когда ему было 80 лет, Видади пережил своего друга на 12 лет и дожил до ста лет. Молла Вели Видади родился в Шамкире, но почти всю жизнь провел в селении Шихлы Газахского махалы, Вагиф родился в селении Гыраг Салахлы того же Газахского махалы, долгие годы жил в Карабахе и там же нашел свою погибель. По некоторым сведениям, они были даже родственниками - двое сыновей Видади были женаты на дочерях Вагифа.

Видади некоторое время прожил во дворце грузинского царя Ираклия Второго, Вагиф долгие годы был визирем карабахского правителя Ибрагим Халил хана.

Оба посвятили стихи журавлям. Журавли, чей клин улетаёт в дальние края, - традиционный образ нашей поэзии - символ разлуки, тоски по родине на чужбине. Но при общем настрое этих двух стихотворений в них явственно ощущаются и различия в мировоззрении, мироощущении, характере двух поэтов. Вагиф - жизнелюб и сибабит, певец радостей жизни, Видади - меланхолик, чья поэзия окрашена в горестные тона. Вагиф - поэт-эпикурец, певец земной любви, женщины в его стихах по-рубенсовски полнокровны, сочны, плотски вожделенны.

“Я плачу”, “Как мне не плакать” - часто повторяющиеся мотивы и рефрены в поэзии Видади.

*Сердце не возликует на чужбине,
Настанет день, вспомнишь родину и заплачешь,
В тоске сгниет жизнь твоя среди чужих людей,
Вспомнишь родину и заплачешь.
Любой упрек на чужбине
Вонзается стрелой в сердце.
Каждый встреченный тобой на чужбине радостный человек
Вселяет в тебя печаль.
Прочтешь грустные стихи,
И вновь заново твои старые раны,
Вспомнишь былые дни и заплачешь,
Вспомнишь сады, снежные в туманах горы родины,
пройдет молодость, наступит старость,
Заплачешь.*

(Подстрочный перевод)

Портрет Моллы Панаха Вагифа. Художник Микаил Абдуллаев

Вагиф укоряет своего старшего друга в слезливости, в том, что тот постоянно жалуется на мытарства жизни. Видади отвечает ему, что тот еще молод, еще не испил чашу страданий и увещевает, что настанет день - и этот якобы радужный мир превратится в тлен и прах.

Кредо Видади:

*Я Видади. Меня грызет недуг,
Я понимаю всех, кто полон мук.
О родина! О милая! О друг!
О жизнь! О тьма! О заточенье! Ах!*

(Перевод П.Антокольского)

Кредо Вагифа:

*Все муки мира - это праздник,
И надо принимать это как должное.*

(Подстрочный перевод)

Страдания мира, по крайней мере до последних горьких лет его жизни, для Вагифа - это лишь радостный праздник.

Разное осмысление мира приводило двух поэтов порой и к дружеской, шутливой пикировке в поэтических состязаниях. Подмечая, что в последнее время Видади редко обращается к такому сложному жанру, как мухаммес, и отдает предпочтение баяты - четверостишиям в размере "хеджа", Вагиф объясняет это старением своего друга. Видади так же шутивно отвечает на выпад Вагифа:

*Пусть Видади немощен, стар, дряхл, морищинист и некрасив,
Но все же он стоит сотен таких пламенных юношей, как Вагиф.*

(Перевод К.Симонова)

С именами Моллы Панаха Вагифа и Моллы Вели Видади связан новый этап азербайджанской поэзии. Они, каждый в меру своего темперамента и своеобразия, внесли в нашу литературу энергию, стилистику, языковые особенности народной, ашугской поэзии, с ее лексической доступностью, с образами, непосредственно связанными с природой.

Большинство их стихов написано в размере "хеджа". Хеджа - традиционный размер тюркской поэзии. Этот размер свое наиболее раннее воплощение нашел в творчестве Юниса Эмре, турецкого поэта XIII-XIV веков, которого по праву можно считать и азербайджанским поэтом. В дальнейшем к размеру "хеджа" обращались Насими, Хатаи, им в основном пользовались ашуги Курбани, Аббас Диварганлы, Сары Ашуг, Хаста Гасум. Стихи в дастанах "Кероглы", "Асли и Керем", "Ашуг Гариб" также созданы в размере "хеджа".

У могилы Видади. Автор надмогильного барельефа скульптор Эльджан Шамилов

Но в отличие от поэзии, создаваемой ашугами, у Вагифа и Видади большое место занимают и жанры чисто письменной литературы. Таковы, например, мухаммес “Я правду искал” Вагифа и мусаддес “Всемир наступит конец” Видади. (Мухаммес - стихотворная строфа, состоящая из пяти строк, мусаддес - шестистишие, обе в размере аруз.)

Заслугой Вагифа и Видади, и не только перед нашей поэзией, но и перед азербайджанско-тюркским языком является то, что они утвердили в письменной литературе чисто народный язык, в значительной степени избавив ее от изобилия арабо-персидской лексики.

Вагиф был не только великим поэтом, но и визирем, то есть, в соответствии с современной терминологией, министром иностранных дел карабахского правителя Ибрагим хана. Выше уже говорилось о бурном и сложном времени, в которое этим поэтам довелось жить.

Ослабла и доживала последние дни некогда мощная Сефевидская держава, основанная Шахом Исмаилом Хатаи. Как почти всегда при распаде великих империй, насту-

пил период произвола, беспредела, устремлений центробежных сил. Даже каждый мелкий правитель области жаждал царской короны. Во имя достижения этой цели не принимались в расчет ни родственные связи, ни какие-либо принципы морали и нравственности. Брат убивал брата, сын - отца, лишь бы добраться до заветного трона. В отношении реальных или предполагаемых соперников допускалась самая изощренная жестокость - их ослепляли, кастрировали, вырезали всю семью.

Наконец Надир хану из тюркского племени Афшар удалось взять бразды правления в свои руки, и на курултае в Мугани он был объявлен шахом. Хотя иные историки называют государство Надир шаха и наследующее ему царствование династии Каджаров - Ираном, в летописях той поры это образование именуется кызылбашским (кызылбаши - тюркское слово - "красноголовые", со времен Шаха Исмаила носили на головах красные повязки).

Панахали Джаваншир из Карабаха был в числе приближенных Надир шаха, но вскоре он понял, что ему не миновать царского гнева, и вообще, ему, представителю древнего рода, не пристало быть в услужении в чужом дворце. Он тайно сбежал от Надир шаха, и, несмотря на все усилия последнего, его не удалось найти и схватить. Он объявился лишь после смерти Надир шаха, и племянник Надира - Адил шах пожаловал ему титул карабахского хана. В 1756 году он заложил основу крепости Панахабад, ставшей столицей Карабахского ханства. Позже этот город был переименован в Шушу.

Карабахское ханство при Панах хане и его сыне Ибрагим Халил хане было одним из самых крупных феодальных образований в Азербайджане. В сферу влияния карабахского хана входили многие другие ханства - Гянджинское, Иреванское, Нахчыванское, Тебризское, Ширванское, Шекинское, Ардебильское, Хойское, Карадагское. Опасаясь растущей мощи Панах хана, некоторые другие правители, объединившись, двинули свои войска на карабахскую землю, но были разгромлены Панах ханом. Тогда один из инициаторов и участников похода - шекинский хан Гаджи Челеби произнес фразу, вошедшую в исторические летописи: "Панах был ханом, мы сделали его шахом" или, по другой версии: "Панах был неограниченным алмазом, мы ограничили его".

Но самое интересное заключается в том, что через некоторое время четыре хана: карабахский - Панахали, нахчыванский - Гейдаргулу, гянджинский - Шахверди, карадагский - Кязым, опасаясь уже Гаджи Челеби, обратились к грузинскому царю Ираклию с предложением выступить вместе против шекинского хана. Ираклий пригласил этих ханов к себе и всех четверых взял в плен. Одному из людей Панах хана удалось бежать, и он примчался к Гаджи Челеби: "Годжа баба (старый дед), наместник (т.е. Ираклий) пленил ханов". Ответ Гаджи Челеби также нашел отражение в летописях: "Не беспокойся, твой старый дед освободит их". Он сдержал свое слово, сразился с войсками Ираклия, победил их и освободил ханов.

Но бедствия Карабахского ханства на этом не закончились. С юга на эти земли зарились кызылбаши. Отец пресловутого Агамухаммед шаха Каджара - Мамедгусейн хан попытался овладеть Шушой, но не сумел достичь своей цели. Учитывая угрозу с Юга, наследник и сын Панах хана - Ибрагим хан вслед за Ираклием решил заручить-

ся покровительством России. В дипломатических переговорах активное участие принял Вагиф, и от имени императрицы Екатерины Второй ему была преподнесена драгоценная трость. После смерти Екатерины русский экспедиционный корпус во главе с генералом Зубатовым покинул пределы Карабаха, и над Шушой нависла новая угроза. Теперь город осадил уже сын Мамедгусейн хана - Агамухаммед хан, провозгласивший себя шахом. Агамухаммед шах из тюркского племени Каджар был в молодости кастрирован племянником Надир шаха - Адил шахом.

Первая попытка взять Шушу не удалась, и Агамухаммед шах двинул свои войска на Тифлис, разрушил и разорил этот город.

Через некоторое время, уже с более внушительными военными силами, Каджар вновь осадил Шушу. Чувствуя непосредственную угрозу, Ибрагим хан вместе со своей семьей и челядью тайно покинул Шушу и перебрался в Белоканы к своему родственнику, аварскому хану.

Молла Панах Вагиф - один из самых близких людей Ибрагим хана - остался в городе. Есть разные версии, объясняющие этот факт. Одна из них заключается в том, что Вагиф остался в городе со специальным, тайным заданием, о котором речь впереди.

До того как завладеть городом, Каджар послал издевательское письмо Ибрагим хану с двустишием на фарси:

*С неба сыплются камни,
а ты, глупец, решил укрыться в стеклянном городе.*

(Обыгрывается название города Шуша. Шуша созвучна слову “шуше” - “стекло”). На послание Каджара, также в стихах на фарси, ответил Вагиф:

*Если меня поддержит тот, в кого я верю,
Я уберегусь от камней даже среди стекол.*

Ага Мухаммед шах Каджар

Этот относительно мягкий ответ взбесил Каджара. Он обрушил на город шквал огня и снарядов, а, войдя в него, тут же бросил в тюрьму оставшихся в городе людей Ибрагим хана, в числе которых, конечно, был и Вагиф. В книге Мир Мехти Хазани “История Карабаха” приводится любопытный эпизод. К одному из приближенных шаха - Мамедгасану-ага приводят арестованного Вагифа. Мамедгасан очень грубо разговаривает с поэтом, осыпая его оскорблениями и проклятиями. Вагиф отвечает с достоинством, призывая зарвавшегося хама к нормальному разговору. Но его слова еще более распаляют вельможу. Вероятно, этот эпизод из летописи послужил источником для Самеда Вургунa, который в пьесе “Вагиф” создал знаменитую сцену полемики Вагифа с Каджаром. В той же летописи нашли отражение загадочные слова Вагифа. Обращаясь к Мамедгасану, он говорит, что, может быть, завтра шах осыплет его, Вагифа, милостями и подарит ему драгоценные одеяния. Далее следует еще более загадочная фраза поэта: “Ночь беременна, неизвестно, что родит утро”.

Вагиф, как известно, был не только поэтом и государственным деятелем, но и ученым, сведущим во многих науках, в том числе и в астрологии. В ту ночь поэт-звездочет что-то вычислял при помощи небесных светил и несколько раз спрашивал у стражников, нет ли каких-либо новостей.

И лишь к утру стало известно: глубокой ночью убит Агамухаммед шах Каджар.

А дело обстояло так: человек чудовищной жестокости, Каджар задумал воздвигнуть в Шуше пирамиду из голов, где, естественно, должна была красоваться и голова ненавистного поэта. Кроме того, шах был разгневан и на двух своих слуг, которые провинились в чем-то весьма незначительном. Тем не менее, шах отсек ухо одному из них со словами: “Ухо, которое не слышит своего повелителя, не нужно”. Он обещал также снести утром голову обоим слугам - Аббасу и Сафарали. Зная крутой нрав шаха и понимая, что он непременно выполнит свою угрозу, провинившиеся слуги нашли единственно возможное решение для спасения собственной жизни. Поздней ночью они вошли в опочивальню шаха и закололи спящего кинжалами. Смертельно раненный, шах успел лишь промолвить: “Несчастные, вы погубили Иран”.

Смерть шаха внесла панику в ряды его воинства, и оно спешно покинуло город, предварительно разорив его. Был освобожден из темницы Вагиф. Происшедшие события нашли свое отражение в стихотворном послании Моллы Панаха к своему другу:

*Видади! Как судьба поступила со мной - взгляни!
На дела и плоды этой жизни земной - взгляни!
Вмиг тиран ненавистный судьбою повергнут в прах,
На творца, воздающего верной ценой, - взгляни!
Под ногами - корона и царская голова,
Ты на них, разделенных народной волной, - взгляни!
Ты на шахов и ханов вовек не взирай, бедняк!
На Ага-Мухаммед хана - пример не дурной - взгляни!*

Однако жестокие превратности судьбы Вагифа на этом не завершились, самое страшное было впереди.

Воспользовавшись отсутствием Ибрагим хана, власть попытался захватить его племянник, Мамед бек. Он питал давнюю неприязнь к Вагифу. Авторы карабахских летописей - “Карабахнаме” - по-разному трактуют причину этого. Одни считают, что Вагиф помешал какому-то намерению Мамед бека, отговорив Ибрагим хана согласиться на предложение племянника. Другие считают, что в руки людей Мамед бека попало тайное послание Вагифа Ибрагим хану с предложением скорее вернуться, дабы взять власть в Карабахе в свои руки. И, наконец, еще одна версия связана с интимно-любовным мотивом - как говорится, “шерше ля фам” - ищите женщину. Летописец Мир Мехти Хазани утверждает, что Мамед бек был влюблен в юную жену Моллы Панаха, красавицу Гызханум, и та будто отвечала ему взаимностью, но говорила, что не может соединиться с ним, пока жив муж. Вагиф был намного старше Гызханум. Эта версия находит косвенное отражение в строчках из знаменитого мухаммеса Вагифа “Я правду искал”. Перечисляя свои разочарования в жизни, поэт признается и в том, что “...дурною была подруга. Погублено счастье с ней!”.

Этот мотив и стал основанием для включения в пьесу “Вагиф” Самеда Вургунa темы измены Хураман (по пьесе так зовут жену Вагифа), прельстившуюся на дары (опять же по пьесе) Ибрагим хана.

Итак, певец радости и счастья Молла Панах Вагиф, пройдя, как и предрекал его мудрый друг Видади, через все суровые испытания жизни, приходит к тому же горькому выводу о жизни в своем трагическом мухаммесе.

*Я правду искал, но правды снова и снова нет,
Все подло, лживо и криво - на свете прямого нет,
Друзья говорят - в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет,
Брось на людей надежду - решенья иного нет.*

*Все вместе и каждый порознь - нищий, царь и лакей,
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей
Их всех сожрала повседневность, оторванность от людей
И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей -
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.*

*Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперек,
Он злу и добру достойного места не поберег.
В нем благородство тщетно, потворствует подлым рок,
Щедлости нет у богатых - у щедрых пуст кошелек.
И ничего в нем, кроме насилия злого, нет.*

*Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней,
Сколько красавиц мимо прошло за тысячу дней!
Аллах, одари Вагифа милостью своей,
Ведь кроме тебя, на свете друзей у больного нет.*

(Перевод К.Симонова)

По приказу Мамед бека Вагифа и его сына Али бека сбрасывают в пропасть. По летописи, по дороге к месту казни сын спрашивает у отца: “Куда нас ведут?” - “Туда, - отвечает Вагиф, - куда и мы посылали многих”.

Трагический конец Вагифа глубоко опечалил Видади, а до того он потерял и одного из близких друзей - Гусейн хана Муштага. Внук Гаджи Челеби - Гусейн Муштаг был ханом Шеки и поэтом, дружил с Вагифом и вел стихотворную переписку с ним. Видади посвятил его памяти поэму “Мусибатнаме” (“Трагическое”).

Склонный к пессимизму и мрачному отношению к жизни, Видади увековечил свои чувства и мысли в бессмертном мусаддесе “Все му наступит конец”, блистательно переведенном Константином Симоновым:

*Не думай о нашем страданье - всему наступит конец.
В груди удержи рыданья - слезам наступит конец.
Придет пора увяданья - цветам наступит конец,
В душе не храни ожиданья - душе наступит конец.
Мне чашу подай, виночерпий, - всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви - всему наступит конец.
Умрет властелин вселенной - что выживет он, - не верь
И царство его погибнет, во власть и закон - не верь
Все в мире непостоянно, что мудр Соломон, - не верь
Вращению мирозданья, если умен, - не верь.
Если подумать о жизни - горем она полна
Ведь одному бриллианту - тысячи душ цена!
Как в зеркале, в каждой грани подлость отражена.
Клянчить себе подачек наша земля должна.
Мне чашу подай, виночерпий, - всему наступит конец,
Нас сгложут могильные черви - всему наступит конец.*

За исключением неисправимого пессимиста Видади, дожившего до ста лет, погибают почти все участники этих событий, как в шекспировских трагедиях.

Испугавшись возвращения Ибрагим хана в Карабах, убийца Вагифа, Мамед бек, вместе с Гызханум сбежал из Шуши. Он попытался найти убежище в Шеки, но шекинский хан благополучно сдал его хану ширванскому - Мустафе, заклятому врагу Мамед бека, который и казнил его. О судьбе Гызханум разговор впереди.

Еще более трагической оказалась участь самого Ибрагим хана.

Один из младших сыновей хана, Абульфат-ага, с юных лет жил и воспитывался во дворце Фатали шаха Каджара - то ли в качестве почетного гостя, то ли заложника. Заложницей политических игр и интересов стала и дочь Ибрагим хана - Агабейим Ага, выданная замуж за Фатали шаха. Сохранилось четверостишие Агабейим Ага, томившейся в тегеранской золотой клетке, в котором выражена ее глубокая тоска по родному Карабаху, и следующее пронзительное двустишие:

*Мой возлюбленный пришел и ушел ночью.
Не знаю, как пришла, ушла и жизнь моя.*

Абульфат-ага, по наущению, разумеется, самого Фатали шаха, двинул войска на Карабах, с тем чтобы присоединить земли Ибрагим хана к Ирану. Отпор ему дал старший сын Ибрагим хана Мехтикули. Но один из армянских меликов - мелик Джумшуд (а всего их было пятеро - переселенцев из Анатолии, которым еще Панах хан выделил земли в Карабахе; их так и называли “хамсе меликлери” - “мелики пятирицы”) донес русскому командованию, что Абульфат хан напал на Карабах в результате тайного сговора самого Ибрагим хана с Фатали шахом, с целью изгнания русских.

Об этом узнал царский офицер Лисаневич, прозванный “Дели майор” (бешеный, сумасшедший майор), тот самый Лисаневич, который выстрелом из пистолета убил Джавад хана, защищавшего свой город с оружием в руках во время осады Гянджи генералом Цициановым.

Имевший до того с Ибрагим ханом вполне нормальные, даже дружеские отношения, Лисаневич неожиданно напал на кочевье хана, который в то время воздвиг свой шатер вне крепостных стен.

Разбуженный глубокой ночью, Ибрагим хан попросил Лисаневича разъяснить, что все это значит. В ответ прозвучали выстрелы, Ибрагим хан, его жена Тубу ханум, дочь Салтанат, 12-летний сын, родственники и прислуга - всего семнадцать человек - были зверски убиты этой роковой ночью. Невольно возникает аналогия с расстрелом русского императора Николая II и его семьи.

Трагедии последнего русского императора и всей его семьи за два века до этого предшествовало чудовищное преступление в далеком от дома Ипатьевых Карабахе.

Старший сын хана - Мехтикули - находился в это время в Шуше. Как же повел он себя, услышав эту страшную весть? Мехтикули, тут же возведенный в сан карабахского хана русским командованием, призвал взволнованный народ к спокойствию и недопущению каких-либо опрометчивых поступков, актов насилия. Правда, Мехтикули - теперь уже хан - обратился с требованием к русской военной администрации наказать Лисаневича. Но это требование было проигнорировано, более того, “Бешеный майор” - убийца двух выдающихся азербайджанских ханов - Джавад хана Гянджинского и Ибрагим хана Карабахского, женщин и детей, явный военный преступник, по нынешним понятиям, получил повышение в чине.

Мехтикули хан в чине генерал-лейтенанта царской армии правил Карабахом вплоть до упразднения ханства в 1822 году.

Как же сложилась судьба Гызханум, о которой мы обещали рассказать? После казни ее второго мужа, Мамед бека, Гызханум (если ее в самом деле так звали) вышла еще раз замуж, развелась и снова сочеталась браком с самым ширванским ханом Мустафой. У Мустафы хана до того не было детей, она родила ему двоих сыновей, после чего хан развелся с ней. Она перебралась в Карабах, еще раз вышла замуж и прожила более восьмидесяти лет.

Даже самый краткий обзор исторических событий той эпохи дает нам более ясное понимание душевного состояния Моллы Панаха Вагифа, выраженного в его классическом мухаммесе “Я правду искал”. Отдельные строфы этого стихотворения будто напрямую обращены к Видади, в давнем споре с которым Вагиф как бы считает се-

Памятник М.П.Вагифу и М.В.Видади в Газахе

бя побежденным. Ведь по существу он пишет о том, о чем Видади догадывался задолго до него:

*Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлечения женской невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой,
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.*

А разве Видади не знал об этом?

Но, возможно, в этом и состоит особенность жизни - верить в нее в молодости и разочаровываться в старости. Быть может, Видади осознал это намного раньше Вагифа, даже в не очень старые свои годы. Вагиф же - жизнелюб, баловень судьбы, любивший женщин и их любимец - пришел к горьким выводам, пройдя сквозь тяжкие испытания.

Видади и Вагиф - два поэта-современника. Один - певец горестей, печали, тоски. Другой - в лучшую пору своей жизни - глашатай радостей, праздничного счастья, светлых мечтаний. Может, в двуединстве горестей и радостей и заключается тайный смысл жизни - с ее неизбежными потерями, трагедиями, смертями, но и с преходящими, обманчивыми, иллюзорными надеждами на счастье.

Ноябрь 2009 г.

Человек утра

“Сабухи” - Ранний, Утренний, Человек Утра - такой поэтический псевдоним выбрал себе Мирза Фатали Ахундов, великий азербайджанский драматург и философ, просветитель-демократ, всю свою жизнь боровшийся с непроницаемым мраком восточной феодальной ночи и не терявший, даже в минуты беспросветного отчаяния и усталости, веры в неизбежность Рассвета, надежды на светлую Зарю.

Первая четверть XIX века - период решающих изменений в жизни азербайджанского народа, именно в эти годы связавшего свою судьбу с исторической судьбой великого русского народа. Огромное общественно-политическое значение факта присоединения Азербайджана к России определило и важнейшие последствия этого события в движении нашей культуры. Азербайджанская культура, оставаясь в своей основе культурой восточной, отныне тесно контактировала с культурой русской, а через нее - и с западноевропейской и обогащалась не только новыми идеями, формами и жанрами: существенно менялась ее духовная, гражданская, эстетическая ориентация. Время на гребне кипящих общественными страстями волн выдвигало деятелей нового типа, традиционно связанных с древними навыками восточного мышления, со специфическими критериями многосложной восточной культуры и в то же время впитавших в себя веяния новой эпохи, не без внутренних духовных борений внявших ее призывам и по своему откликнувшимся на этот зов. Азербайджанская культура переходного времени - на стыке восточного средневековья и европейского, русского просвещения - настоятельно требовала деятелей, которые аккумулировали бы в себе всю сложность контакта, “встречи миров”, соприкосновения различных цивилизаций, стали бы “перевалочными” фигурами в неостановимом движении духа - наследниками ценностей многовековой культуры и провозвестниками ее качественно нового этапа. История могла бы возложить эту задачу на плечи мыслителей, ученых, философов, художников-литераторов, общественных деятелей. Она возложила все эти многогранные функции на плечи одного лишь Мирзы Фатали - на плечи, блиставшие сначала капитанскими, а в более поздние годы и полковничьими эполетами царского чиновника.

Конечно, у Ахундова были предшественники и современники, работавшие именно в этот переходный период, - А.Бакиханов, Мирза Шафи Вазех, И.Куткашенский, Закир, Натаван, чуть позже - Г.Зардаби. Каждый из них имеет свои большие заслуги в определенной сфере нашей культуры. И сегодня нас пленяют изящные стихи Вазеха; они еще в XIX веке благодаря переводам Ф.Боденштедта приобрели широкую популярность в Европе и вызвали восторженный отклик Л.Н.Толстого. Мы восхищаемся тонкой лирикой поэтессы Натаван и сочной реалистической поэзией Закира. Мы преисполнены чувства признательности к Бакиханову, ученому и поэту, написавшему, помимо всего прочего, замечательную книгу по истории Азербайджана - “Тюлистани-Ирем”, к публицисту, общественному деятелю Г.Зардаби, основателю и издателю первой азербайджанской газеты “Экинчи” (“Пахарь”).

Мирза Фатали Ахундов

Но грандиозная фигура М.Ф.Ахундова, возвышаясь над всеми своими современниками, не отодвигает их в тень, а как бы еще ярче освещает своим чистым, утренним, ранним светом. Громадная историческая миссия Ахундова заключалась в том, что он как бы направил все движение азербайджанской, да и не только азербайджанской культуры по новому руслу. М.Ф.Ахундов - личность программная, если можно так выразиться о личности. Его наследие - важнейший этап не только в духовном сознании азербайджанского народа, но и в общественно-философском, художественно-эстетическом развитии других народов исламского Востока - от Турции, Ирана, арабского мира до Средней Азии и мусульманской Индии.

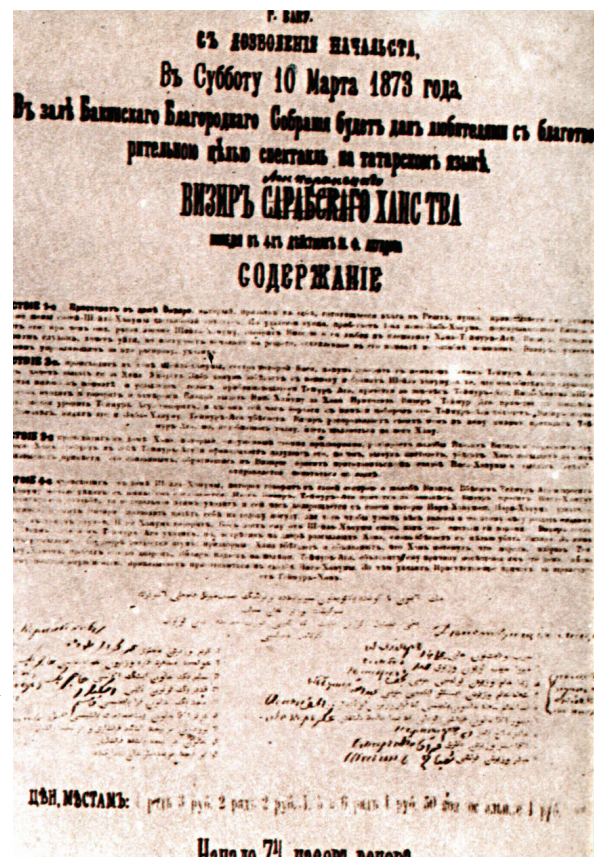
Масштабность исторической миссии, не ограниченной географическими или этническими границами Азербайджана, ясно осознавалась и самим писателем:

“Появление драматических произведений на восточных языках... событие невиданное в истории письменной литературы этих языков. Первенство в этом деле принадлежит достойному высокой чести Георгию Эристави и мне. ...Я горжусь славой первого среди мусульман сочинителя комедий”.

Создав первые на исламском Востоке драматические произведения, Ахундов стимулировал и появление первого театра в этом регионе - Азербайджанского театра, созданного в 1873 году его последователями Г.Зардаби и Н.Везировым.

Шесть комедий М.Ф.Ахундова и его единственное прозаическое произведение - повесть “Обманутые звезды” сыграли неоценимую роль в развитии реалистических, демократических тенденций в литературах стран Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа. Еще при жизни автора его комедии были переведены, помимо русского, на ряд европейских языков, и автор заслужил славу “мусульманского Мольера”.

Проблемы, поднятые им как в художественных произведениях, так и в многочисленных статьях, исследованиях, заметках, записках, в гениальном философском трактате “Письма Кемал-уд-Довле”, охватывают все аспекты жизни самых разных стран Востока и в то же время поднимают проблемы, общие для всего азиатского мира. Причем эти проблемы ставятся Ахундовым не эмпирически-описательно и не абстрактно, а в контексте непримиримой борьбы воинствующего атеиста, философа-материалиста, революционного демократа, борьбы со средневековым обскурантизмом, за прогресс, просвещение народа, за дружбу и братство между различными нациями, за счастье и свободу человека.

Афиша первого спектакля азербайджанского театра

Персонажи М.Ф.Ахундова. Художник Азим Азимзаде

Общественно-философские взгляды Ахундова, его эстетические пристрастия, особенности его мировоззрения формировались под влиянием передовой русской и европейской мысли, в тесном общении с сосланными на Кавказ декабристами, в многонациональной духовной атмосфере старого Тифлиса - города, в котором Ахундов прожил большую часть своей жизни, в котором он служил в канцелярии наместника Кавказа и творил бессмертные произведения. В этом городе он похоронен. В этом городе перед юбилеем великого писателя - 170-летием со дня рождения - был открыт памятник ему и состоялись торжества, вылившиеся в демонстрацию дружбы братских народов Закавказья, в праздник дружбы всех народов нашей страны.

Велика роль русской литературы, ее замечательных представителей в духовном становлении Мирзы Фатали Ахундова. Судьба распорядилась так, что приобщение Ахундова к нетленным сокровищам русской культуры совпало с глубоким потрясением - трагической вестью о гибели А.С.Пушкина. Смерть величайшего поэта России вызвала искренний отклик в душе 25-летнего литератора из далекого Закавказья. Он написал об этом взволнованные стихи, в которых "седой Кавказ стихами Сабухи о Пушкине скорбел и справлял свой траур". Элегия на смерть Пушкина стала первым опубликованным произведением Ахундова. За три дня до своей, тоже трагической, гибели декабрист А.Бестужев-Марлинский перевел эти стихи на русский язык.

Итак, с самого "раннего", "утреннего", "сабухинского" периода определилось основное направление творческой деятельности Ахундова - ориентация на вершинные образы русской и мировой культуры, глубокий интерес и уважение к культурам других народов, сыновнее, подвижническое служение своему народу.

Персонажи М.Ф.Ахундова. Художник Азим Азимзаде

Персонажи М.Ф.Ахундова. Художник Азим Азимзаде

Литературное творчество Ахундова явилось не только одной из сфер его деятельности на поприще служения родному народу. Оно было и глубинной внутренней потребностью выразить в художественных образах реальную действительность хорошо знакомой ему народной жизни, богатый эмоциональный строй своей пламенной души.

Он ставил перед литературой вполне конкретные общественно-воспитательные задачи, гражданско-патриотические функции, но его художнический дар воплощался в ярких пластических фресках народной жизни, выходящих далеко за пределы чисто функцио-нальных целей.

Он хотел воспитывать не назидая, а показывая полнокровные человеческие характеры. Скряга Гаджи Гара из одноименной комедии, глуповатый и жестокий ленкоранский хан и корыстный визирь, трусоватый незадачливый жених Тарыверди, коварные тебризские адвокаты - все эти герои других ахундовских комедий суть живые люди, а не персонифицированные маски определенных человеческих пороков. И свое светлое восприятие жизни, впечатления от всего доброго и настоящего в ней Ахундов воплощал в персонажах, которые никак нельзя назвать идеальными, но которые, тем не менее, верно и точно отражали наиболее здоровое, жизнеспособное начало в национальном характере - ум, смекалку, храбрость, благородство, честь, чувство собственного достоинства, тягу к знаниям, просвещению, неистребимое и извечное человеческое стремление к счастью, любви, свободе. Это поэт-вольнодумец Гаджи Нури из первой комедии Ахундова “Молла Ибрагим-халил, алхимик” и седельник Юсиф из повести “Обманутые звезды”, это молодые люди Шахбаз бек, Теймур-ага, Байрам, это наивно-лукавые женщины - обитатели пестрого и многолюдного ахундовского мира.

Персонажи М.Ф.Ахундова. Художник Азим Азимзаде

Художественно ярко воссозданный мир Ахундова возник из стихии современной ему национальной жизни, явился плодом долгих наблюдений цепких глаз, внимательного слуха и пытливого ума. И весь этот многомерный красочный мир автор выразил в совершенно новых для Востока, глубоко реалистических формах. Утверждение реалистического содержания и новых “европейских” форм драмы и прозы были для Ахундова принципиально важным вопросом. Имея в виду определенные произведения традиционной восточной литературы, Ахундов писал: “В настоящее время подобные произведения не принесут пользы народу. Теперь гораздо более полезны для нации и гораздо более подходят ко вкусам читателей драма и роман”. Иронизируя по поводу таких творений, как “Гюлистан” Саади (сами по себе они замечательны и весьма ценимы Ахундовым), он выступал не столько против их жанра и формы, сколько против их отвлеченно-нравоучительных, морализаторских, дидактических тенденций. “Если нравоучение на самом деле может принести какую-либо пользу, то почему же иранский народ уже шесть столетий читает “Гюлистан” и “Бустан”, которые сплошь состоят из нравоучений, и не обращает никакого внимания на эти нравоучения. В результате этого гнет и деспотизм с каждым днем увеличиваются”.

Чтобы литература достигла своих целей, она должна не поучать отвлеченными истинами, а обличать, подвергать критике конкретные пороки современной действительности, утверждать жизненные идеи, направляющие мысли и волю людей по пути прогресса. Ратуя за необходимость “критики”, под которой он подразумевал прежде всего сатиру, Ахундов примером своего собственного творчества доказал ее превосходство над “поучениями”. Мирзу Фатали обвиняли в том, что его произведения, бичующие отсталые нравы, могут создать неприглядное впечатление о нации в целом. (Это нелепое обвинение, оказавшееся, увы, исторически весьма живучим, в разные эпохи и в разных странах предъявлялось и другим художникам.) Категорически отвергая подобные обвинения, Ахундов писал: “По моему убеждению, создание подобных произведений не есть признак моей нелюбви к своему народу... Хорошо известно, что в каждом народе есть мошенники, злодеи и глупцы. Жизнь и поведение подобных для того и осмеиваются в драматическом искусстве, чтобы это послужило уроком другим”.

Глубокая, истовая и деятельная любовь великого интернационалиста, глашатая дружбы народов Мирзы Фатали Ахундова к своему народу, так же как и к другим угнетенным народам Востока, ныне не требует особых доказательств. Эта любовь, как и всякое большое чувство, была необычайно богата оттенками, переливами - от яростного, мгновенно вспыхивающего, испепеляющего желания все изменить немедленно до долгой, кропотливой, упорной практической борьбы за эти перемены. В этом чувстве были оттенки боли и горечи. Но была и твердая вера, неистребимая надежда. Были сила и гордость. Был, конечно, оттенок нетерпения... Оттенок обиды. И оттенок печали.

“Мусье Жордан, ботаник, и дервиш Мастали шах” - одна из самых смешных ахундовских комедий и в то же время одно из самых печальных произведений азербайджанской литературы. Вспомним пьесу. 1848 год. Во Франции происходят революционные события, потрясающие мир. Трудящиеся поднимаются против своих угнетателей. “Призрак коммунизма бродит по Европе”. Восставший народ изгоняет короля из Парижа. Французские монархисты со всех концов мира, в том числе и из далекой азербайджанской области Карабах, спешат к своему королю. И в это самое время, время величайших исторических потрясений, три женщины из затерянного в горах карабахского селения, не подозревая обо всем этом, искренне и трогательно-наивно верят, что

Памятник Мирзе Фатали Ахундову в Баку. Скульптор П.Сабсай

все это - дело их рук. Они всем сердцем убеждены, что это сделал нанятый ими колдун. Можно ли представить более смешную и более грустную ситуацию?

Усилиям разбудить восточные народы посвятил Ахундов свою яркую жизнь и свое страстное творчество. Он остался в истории нашей литературы провозвестником нового рассвета, новой зари возрождающейся азербайджанской культуры. Как и всякий новатор-первопроходец, он казался кое-кому из своих современников слишком “ранним”. Но таково предназначение великих художников - первыми встречать утро рождающегося дня.

Исполнил свое предназначение и Мирза Фатали Ахундов - Сабухи. Человек Утра.

1982 г.

Обманутые звезды

Когда мы говорим, что азербайджанская литература имеет богатую историю, мы подразумеваем прежде всего поэзию. Азербайджанская поэзия, как и различные жанры азербайджанского устного народного творчества, своими корнями уходит в глубь веков.

В то время как азербайджанская поэзия и жанры устного народного творчества имеют тысячелетнюю историю, возраст азербайджанской драматургии немногим превышает один век. Это и возраст нашей прозы. Ее первый образец - повесть “Обманутые звезды” великого азербайджанского писателя, философа-материалиста, просветителя и демократа Мирзы Фатали Ахундова.

Здесь следует оговориться: в азербайджанской устной народной литературе на всем пути ее развития поэзия и проза выступают тесно переплетенными жанрами. Не говоря уже о таком чисто прозаическом жанре народной литературы, как сказка, в дастанах, эпических и любовных сказаниях в большинстве случаев преобладает прозаический элемент. Здесь в первую очередь надо отметить древнейший памятник азербайджанской народной литературы “Китаби Деде Горгуд”. В этом эпосе мы встречаем патетически взволнованную, высокопоэтическую прозу, во многих местах отмеченную стилистической виртуозностью. Для нас особенно ценен язык этого эпоса - чистый, прозрачный, ярко-образный. И в то же время удивительно простой.

С прозаическими отрывками мы встречаемся и в доахундовской письменной литературе. Во многих своих крупных произведениях к прозе прибегал великий Физули. Так, например, его “Книга жалоб” изобилует предельно лаконичными афоризмами большого социального звучания.

Писал прозу и старший современник Ахундова, выдающийся азербайджанский ученый, писатель и дипломат Аббаскули-ага Бакиханов. Его повесть “Книга Аскера”, затрагивающая этические проблемы, написана в основном прозой.

Затем необходимо отметить новеллу другого современника Ахундова - Исмаил бек Куткашенского “Восточный рассказ” (“Рашид бек и Саадат ханум”), которая была создана автором на французском языке.

Но все эти произведения были отдельными фактами азербайджанской прозы, фактами, которые по разным причинам не смогли стать основополагающими в истории национальной прозы. Азербайджанскую прозу, как современную форму творчества, создал М.Ф.Ахундов, причем очень важно, что он заложил основу реалистической азербайджанской прозы.

Повесть “Обманутые звезды”, написанная в 1857 году, является как бы продолжением или, вернее, заключением его шести ранее написанных комедий. В этой повести

мы видим завоевание более высоких идейных вершин. Если каждая комедия Ахундова затрагивала те или иные стороны феодально-патриархальной жизни, то в повести дается критика всего общественного строя восточно-феодальной деспотии. Хотя “Обманутые звезды” написаны на материале далекой истории, их проблематика связана с современной Ахундову действительностью.

Выбор исторического сюжета был умным тактическим маневром. В “Критике пьес Мирзы Мелкум хана” Ахундов указывает, что “опасно писать и печатать подобные (критические и сатирические - А.) вещи о современниках, в особенности в такой стране, как Иран, где все еще нет свободы печати для мыслителей”.

“Перенесите действие в историческую эпоху”, - советовал он своему другу и сам поступил так же.

В ответ на упреки иранского вельможи Фархада Мирзы в том, что он описал слишком подробно и пространно незначительный факт о Юсифе-седельнике из “Тарихи-алемара”, Ахундов заявил: “Разве я создаю историю, чтобы писать только о том, что произошло в действительности? Этот маленький случай я взял лишь в качестве предлога для того, чтобы развернуть свои мысли. Я разоблачил тогдашних министров и государственных деятелей, чтобы это послужило уроком для будущих поколений”.

И действительно, Мирза Фатали потрясает правдивым и ярким изображением бездарности и глупости правящих кругов Ирана, изображением таких язв феодального общества, как казнокрадство, взяточничество, религиозная нетерпимость, страшные насилия, жестокость, зависимость государственной политики от шарлатанской лженауки астрологии и т.д.

Разоблачение высокопоставленных сановников феодального Ирана начинается с первых же страниц повести в многословных монологах дворцовых вельмож. Эти саморазоблачающие речи высочайших государственных мужей Ирана, несомненно, относятся к лучшим страницам мировой сатирической литературы. Здесь Ахундов применяет один из труднейших сатирических приемов - саморазоблачение. Этим приемом блестяще владели лишь немногие писатели: Гоголь, Щедрин, Рабле. Трудность этого приема заключается в том, что здесь всегда существует опасность впасть в неоправданный гротеск.

Большое мастерство Ахундова-сатирика состоит в том, что в этих речах он смело балансирует между гротеском и формально убедительной логикой. Возьмем речь военачальника Заман хана. Он говорит о том, что когда турецкая армия напала на его страну, он, будучи командующим численно превосходящих сил, счел за благо уклониться от боя и распорядился начиная от самой турецкой границы и по всему Азербайджану уничтожить посеы крестьян, угнать скот, разрушить дороги, мосты, дабы турецкая армия оказалась в безвыходном положении. Так и сделали. Но “порча дорог и разрушение мостов оказалось делом настолько мудрым и полезным, что наше правительство сочло нужным оставить их в таком виде даже после бегства Бекир-паши”. Это - гротеск! Но тотчас же следует продолжение этой фразы: “...дабы чужеземные племена-

на и впредь не дерзали переходить нашу границу”. Это уже “логическое” оправдание глупости. Идиотизм заманханского довода убедительно расшифровывает сущность его деятельности как военачальника. В доводах, доказательствах и логике Заман хана - убийственный сарказм автора.

Этим убийственным сарказмом отмечены и другие речи. Прототипами невежественных вельмож Шаха Аббаса служили современники писателя - государственные деятели Ирана и Турции, с которыми ему часто приходилось сталкиваться. Многие бредовые речи высоких иранских сановников послужили образцом для монологов героев “Обманутых звезд”. Достаточно сопоставить речь хотя бы главного визиря с речью современника Мирзы Фатали, члена иранского меджлиса, которую Ахундов приводит в одном из своих писем: “Если мы построим железные дороги, то наши верблюды окажутся бесполезными. А коли так, как мы можем разрешить постройку железной дороги?”.

Ахундов в своей повести обобщал, типизировал бездарные речи и преступно-глупые поступки своих современников - политических заправил феодального Востока. Это лишний раз убеждает нас не только в реалистичности, жизненной достоверности произведений Ахундова, но и в глубоком актуальном значении его творчества.

После саморазоблачительных речей Ахундов больше не возвращается к характеристике государственных мужей шахаббасовского дворца. Он лишь эпизодически упоминает о них. Только о молле Ахунд-Самеде мы узнаем еще одну существенную деталь, характеризующую его завистливость. Услышав в тюрьме о назначении на его место другого человека, он от зависти умирает. Другие вельможи упоминаются вскользь. Ахундов считает, что нет надобности возвращаться к их характеристике, ибо в речах вельмож на первых же страницах повести дана такая глубокая психологическая и общественная характеристика этих бездарных и глупых вершителей судеб, что мы получаем ясное представление о феодальной верхушке деспотического государства. Уничтожающая критика ахундовской сатиры не миновала и самого деспота - Шаха Аббаса I. Несмотря на то, что психологический портрет шаха написан сравнительно скупое, все же перед нами убедительный образ невежественного, несамостоятельного, трусливого и жестокого правителя.

Всей этой своре феодальных паразитов противопоставлен светлый образ седельника Юсифа. В образе Юсифа много черт, сближающих его с героями комедии Ахундова, особенно с тремя положительными героями первых трех комедий писателя. Как и поэт Гаджи Нури, он страстно ненавидит мракобесов, протестует против косности, невежества, разоблачает религиозных шарлатанов, борется за светлые идеалы. У Юсифа и Шахбаз бека общая тяга к свету, знаниям, просвещению. Юсиф энергичен, деятелен, как Теймур-ага. Тем не менее, побуждения и цели, действия и поступки Юсифа ставят его в общественно-политическом отношении куда выше предшественников - положительных героев комедий “Алхимик”, “Мусье Жордан” и “Визирь Ленкоранского ханства”.

Перед нами положительный герой, который отнюдь не похож на те рупоры идей, которых немало было в предшествующей литературе. Юсиф - носитель больших иде-

алов, воплощение большой мечты, но он же - обыкновенный человек с присущими ему заботами, желаниями и слабостями. Трудно не удивляться психологической тонкости и глубокой жизненности, с которой выписан образ, когда читаешь о первых часах царствования Юсифа. Очутившегося во дворце Юсифа, как и всякого на его месте, прежде всего одолевает любопытство. Его интересует все: расположение и назначение комнат, должность и обязанность каждого из многочисленных приближенных шаха. Ахундов не пренебрегает даже такими “незначительными” деталями, как упоминание о том, что одним из первых распоряжений Юсифа был указ о шахской трапезе. Затем Ахундов дает еще один тонкий штрих в описании первых часов царствования Юсифа. Он пишет о том, что Юсиф послал богатые подарки своей жене и дочерям из драгоценностей обитательниц бывшего царского гарема. Что это - алчность внезапно разбогатевшего бедного ремесленника или просто проявление внимания к любимой жене и отеческая забота о милых дочерях? Это глубоко психологический штрих, лишний раз подчеркивающий реалистическое мастерство писателя. Но жизненная достоверность в описании Юсифа сама по себе, разумеется, не дала бы нам права противопоставить его миру феодального мракобесия. Юсиф противопоставлен Шаху Аббасу и его бездарным вельможам как монарх с прогрессивными взглядами. Программа-минимум, которую Ахундов дает Юсифу и которую тот осуществляет в течение своего недолгого царствования, содержит в себе прогрессивные для того времени преобразования. Отмена глупых и вредных распоряжений прежнего правительства, строгое пресечение взяточничества, казнокрадства, открытие школ, больниц, ликвидация должности главного астролога, строительство дорог, завязывание торговых отношений с европейскими странами, усиленное облегчение участи бедных крестьян - таковы реформы Юсифа-седельника. Предвидя возможность оппозиции в будущем, он заблаговременно заботится о том, чтобы обезглавить ее; с этой целью он первым шахским приказом велит бросить в тюрьму главного моллу Ахунд-Самеда, военачальника Заман хана, визиря Мирзу Мохсуна, казначея Мирзу Яхью, главного звездочета Мирзу Садреддина, Мовлана Джемаледдина, то есть всех бывших высокопоставленных шахских сановников.

Но в этом заключалась и слабость Юсифа. Ибо, арестовав видных представителей феодальной верхушки, он оставил без изменения основы феодального строя, ограничился лишь тем, что вместо бездарных вельмож назначил новых, более честных, более способных. Ликвидировав должность звездочета, он сохраняет должность главного моллы.

Конечно, в условиях средневекового Ирана Юсиф не мог подняться до понимания насильственных революционных преобразований. Но было бы странно отождествлять героя с самим писателем, прогрессивного шаха XVI-XVII веков - с просветителем-демократом XIX столетия. Тем более вызывают удивление утверждения некоторых критиков о том, что в “Обманутых звездах” Ахундов выступает философом-идеалистом, видящим единственное спасение в появлении “идеального монарха”.

Если бы это было так, Ахундов показал бы в “Обманутых звездах” торжество своих мечтаний, своих надежд, торжество идеального монарха. В сильно беллетризован-

ной исторической повести, относящейся к делам давно минувших дней, Мирза Фатали мог бы при желании “дописать” историю. И, кроме того, будь у писателя желание прославить прогрессивного монарха в качестве единственно возможного спасителя, не мог ли он найти другие формы для этой цели? Нет, правильнее было бы, на наш взгляд, размежевать писателя и его героя. Ахундов показал седельника Юсифа “положительным” шахом, прогрессивным и умным государственным деятелем как бы для того, чтобы сказать: и это не путь, и в этом нет спасения. Просвещенный монарх может бросить в темницу плохих вельмож и заменить их хорошими, но он бессилен противостоять со своими добрыми намерениями коалиции враждебных прогрессу сил феодального режима - объединению религиозных, военных, светских вождей еще достаточно сильного старого мира. Юсиф гибнет потому, что не находит поддержки у народа, хотя все его поступки диктуются только народными интересами. Народ толкует о нем по-разному; удивляется его мягкосердечию, так как еще никто никогда не видел царя, который так легко обходится без казней, четвертований и никому не выкалывает глаза. В этой страшной иронии - глубокий смысл. Народ был невежествен, его сознание не поднималось до понимания хотя бы самых элементарных прогрессивных преобразований. Это ни в коем случае не означает, что Ахундов не верил в творческие силы народа. Не следует забывать, что Юсиф, как и многие другие положительные герои Ахундова, вышел из народа. Выбирая своего царя не из феодальной верхушки, а из самой гущи народных масс, Ахундов лишний раз подчеркнул свою любовь и веру в народ. Но Ахундов видел и знал, что народ еще не готов к решительной борьбе.

Верный исторической правде, Ахундов показал крах идеального монарха, но взамен ничего не дал и не мог дать.

Юсиф падает жертвой народа, за счастье которого он борется, народа, подстрекаемого феодальными заговорщиками. Он гибнет от объединенного удара тех, за кого боролся, и тех, против кого он боролся, вызвав ненависть и тех, которых любил, и тех, которых презирал.

Он ополчил против себя феодальную клику потому, что боролся с ней ради интересов народа. Но его борьба за народные интересы не была понята народом, более того, народ враждебно встретил его справедливое правление.

Юсиф боролся за народ, но при этом не опирался на народ, не искал помощи у него - вот в чем заключается трагедия Юсифа.

Однако этим не исчерпывается идейное значение “Обманутых звезд”. Если прогрессивный монарх ничего существенного изменить не может, он, во всяком случае, способен хоть немного улучшить участь народных масс, в какой-то мере укрепить экономическую и политическую мощь своей страны. Давая в действиях Юсифа-седельника программу либерального монарха, Ахундов призывал современных восточных правителей последовать этой программе.

Поистине неисчерпаемы богатства этого небольшого произведения азербайджанской прозы. Можно говорить о мастерстве писателя в описании средневекового быта, о его

блестящем знании истории Востока, о его большом сатирическом даре, проявляющемся на каждой странице, об умении интересно, захватывающе построить сюжет, развернуть действие, о его диалогах и т.д.

Важно отметить и язык “Обманутых звезд”. Конечно, вызывает недоумение то обстоятельство, что Ахундов, написавший свои комедии сочным, чистым, народным и удивительно простым языком, в этой повести прибегает к несколько тяжеловатой лексике. Сам Мирза Фатали критиковал тех азербайджанских писателей, для понимания произведений которых требовалось знание трех языков - азербайджанского, персидского и арабского. Почему же он несколько усложнил язык своей замечательной повести персидскими и арабскими словами и оборотами?

Трудно сказать что-нибудь определенное на этот счет. Но не следует забывать, что два других памятника азербайджанской прозы первой половины XIX века - рассказы Куткашенского и Бакиханова написаны: первый - на французском языке, второй - на азербайджанском, изобилующем, однако, огромным количеством арабских и персидских слов и выражений, сильно затрудняющих чтение. В этой связи мы можем сказать, что и в смысле языка “Обманутые звезды”, написанные куда более простым языком, являются шагом вперед в развитии азербайджанской прозы. Вторым объяснением можно считать то обстоятельство, что Ахундов, мечтая и надеясь на постановку своих пьес, рассчитывал на огромные массы демократического зрителя, поэтому и писал простым, народным, доступным языком. Создавая рассказ, Ахундов не мог рассчитывать на такого же массового демократического читателя ввиду неграмотности народа. Рассказ написан для читающей публики того времени, которая без всякого труда понимала арабо-персидские слова.

Наконец, есть и третье объяснение сравнительной трудности языка ахундовского рассказа. В комедиях Ахундова мы наблюдаем такой факт: язык простых крестьян или женщин намного отличается от языка титулованных особ. Так и в “Обманутых звездах” особую сложность представляет язык людей шахского окружения, тогда как язык седельника куда проще.

Исходя из всего этого, можно считать “Обманутые звезды” большим достижением реалистической азербайджанской прозы и в смысле языка.

* * *

Ахундов верил, что семена, посеянные им, дадут богатые всходы. Он не ошибся. Если на просветительском поприще у него был такой выдающийся последователь, как основатель театра, издатель и редактор первой азербайджанской газеты Гасанбек Зардаби, если в драма-тургии он нашел такого преемника, как Наджаф бек Везиров, то в прозе Ахундов имел продолжателей больше, чем во всех других отраслях своей деятельности. На стыке XIX и XX веков ахундовская школа реалистической прозы в Азербайджане взрастила таких видных писателей, как Джалил Мамедкулизаде, Абдуррагимбек Ахвердов, Нариман Нариманов, Сулейман Сани Ахундов и других.

* * *

Свою замечательную повесть Ахундов завершает глубоко иронической фразой: “И до чего же глупы эти англичане, что чуть было не затеяли войну с таким опасным народом” (речь идет о хитроумных иранцах, обманувших звезды, вместо подлинного шаха подведших под удар подставного шаха - несчастного Юсифа).

Иранский народ, давший миру величайших писателей и деятелей искусства, вследствие многовекового исламского гнета, вследствие феодально-деспотического режима оказался в таком положении, что свои национальные и государственные дела решает при помощи шарлатанов-астрологов, и величайшей проблемой, стоящей перед нацией и государством, считает проблему обмана звезд. Ахундов любил часто цитировать одно место из комедии Рухуль-Кудса, где в ответ на запрос советника меджлиса к депутатам о том, что Англия хочет отторгнуть от Ирана и присоединить к своей колонии - Афганистану - Систанскую область, члены меджлиса единодушно решают притеснить переводчика английского посольства - несчастного Мирзаага Хойлу, а в ответ на тревогу насчет агрессивных действий иностранных государств “мудро” постановляют: оставить дороги в плохом состоянии. Да, нация, руководители которой правят с таким умом, народ, который верит, что при помощи звезд можно избежать всех несчастий и, возможно, победить даже англичан, несмотря на всю их технику, находится в глубоком феодальном сне.

И именно чаяниям пробудить восточные народы посвятил Ахундов всю свою светлую жизнь и все свое страстное творчество. Последняя фраза “Обманутых звезд”, в которой есть и горечь, и боль, и обида, и нерадостный смех, - это стон, идущий из самых глубин души великого патриота не только своей страны, но и всего угнетенного Востока. Этот стон в произведениях Ахундова своеобразным эхом много раз повторялся то в газетной полемике Зардаби, то в “пахнувших кровью” рассказах, пьесах и памфлетах Джалила Мамедкулизаде, то в пламенных стихах Сабира, то в горьких признаниях поэта трагической судьбы Мухаммеда Хади. Этот стон, эта патриотическая скорбь, эта выраженная в смехе печаль эстафетой прошла через творчество всех лучших сынов Азербайджана в XIX и XX веках.

Вести за собой своих современников, быть необходимым при своей жизни и оказаться полезным, нужным, спустя сто, двести, тысячу лет после смерти - не в этом ли величайшее счастье художника?!

1957 г.

Воспоминания о сеятеле

На книжных прилавках появилась очень интересная книга, выпущенная издательством “Элм”: “Современники о Г.Зардаби”.

Книга эта тщательно составлена и прокомментирована ныне покойным ученым, членом-корреспондентом АН Азербайджанской ССР Зияддином Геюшевым, написавшим к ней также обширное предисловие. (Редактор книги - академик Ф.Кочарли.)

В истории азербайджанской культуры, общественной мысли, духовного развития Гасанбеку Меликову-Зардаби принадлежит особое, весьма значительное и важное место. Выпускник Московского университета, ученый-дарвинист, педагог и общественный деятель, основатель национального театра и благотворительного общества “Ниджат”, член Бакинской городской Думы и воспитатель нескольких поколений интеллигенции, в числе которых и академик АН СССР М.А.Павлов, Зардаби в 1875 году начал издавать и первую газету на азербайджанском языке - “Экинчи”. Обычно это название переводят как “Пахарь”, и это верно. Но порой название газеты переводилось и как “Земледелец” или “Сеятель”.

Великим сеятелем можно по праву назвать и самого Зардаби как в прямом, так и в переносном смысле слова. Блестящий знаток естественных наук, агрономии, он занимался и теоретическими проблемами земледелия, и практическими вопросами агрокультуры. Человек энциклопедических знаний, неумной энергии, полный сил и желания работать ради блага народа, Зардаби оказался “нежелательным” человеком в Баку, ему пришлось прервать свою общественно-полезную деятельность в этом городе и поселиться хоть и в родной, но в ту пору захудалой, маленькой деревушке Зардоб - вдали от газет, театров, школ. 18 лет провел он в этой вынужденной ссылке, ни на день не прекращая своей подвижнической работы.

Выписывая из Министерства земледелия различные семена, Гасанбек старался пропагандировать эти культуры среди своих односельчан: ему удалось привить в окрестностях своей деревни картофель, помидоры, хлопок... Он был сеятелем в прямом смысле этого слова. Но он был им, как говорилось выше, и в переносном, более широком смысле.

Книга воспоминаний о великом сеятеле открывается замечательными мемуарами, принадлежащими перу супруги Гасанбека, образованной женщины своей эпохи - Ханифы ханум. Читая эти страницы, невольно вспоминаешь мемуары другой замечательной женщины - Гамиды ханум, посвященные Дж.Мамедкулизаде. Супруги двух великих деятелей нашей культуры оставили два глубоко волнующих человеческих документа, достойно отразивших бурные, трудные и благородные биографии Зардаби и Дж.Мамедкулизаде. Без этих свидетельств наши представления об этих исторических фигурах были бы далеко не полными - низкий поклон за это и Ханифе ханум, и Гамиде ханум.

Гасанбек Зардаби

Строго, даже несколько сухоовато описывает Ханифа ханум основные вехи многосложного жизненного пути Гасанбека. Годы учебы в Москве, близость с поэтом-революционером Плещеевым, в свое время осужденным царским правительством по делу петрашевцев, дружба со знаменитым историком Соловьевым и его семьей...

“Постоянно посещая их дом, Гасанбек серьезно полюбил дочь Соловьева, - пишет Ханифа ханум. - Чувства девушки к нему были слишком серьезными, но Гасанбек знал, что народ с тогдашними взглядами отвернется от него и от жены, если он, первый получивший образование мусульманин, женится на христианке, и он отказался от брака с горячо любимой девушкой и по окончании учения вернулся на родину служить своему народу”.

День за днем, год за годом описывает Ханифа ханум мытарства, через которые пришлось пройти Гасанбеку в его иступленном желании делать нужное и полезное для народа дело.

Отсталость, невежество, фанатизм...

Подозрительность, недоброжелательность, часто прямая вражда властей...

Угрозы, клевета, провокации, доносы...

Один из современников Зардаби отмечает, что он был “шестидесятником”, упорно размышляющим, как и герои Чернышевского, над вопросом “что делать?”.

На мучивший Зардаби вопрос “что делать?” власти отвечали своим собственным вопросом: что с ним делать? Как с ним быть? Слишком уж беспокойным, неудобным, неуживчивым казался им Гасанбек.

“Ни один шаг его жизни не сообразовался с его личным расчетом, - отмечает Ханифа ханум, - все для бедной, отсталой родной нации. Он не любил слов, он работал там, где была назревшая нужда, работал планомерно, неустанно и обдуманно”.

Этого-то и боялись. Сразу после окончания Московского университета в 1865 году Гасанбек устраивается на работу в Тифлисскую Межевую палату и сразу же делает все, что в его силах, для облегчения положения крестьян. И очень скоро начальник Межевой палаты, кстати, лично очень уважавший Гасанбека, ставит перед ним ультиматум: или перестать “учить” начальство и не “портить” крестьян, или уходить со службы.

Губернатор ставит вопрос еще жестче, так сказать, ребром: или он, губернатор, останется на службе, или Гасанбек.

А еще через несколько лет, уже в Баку, другой представитель администрации скажет без обиняков: “Мы хотели, Гасанбек, облить вас керосином и поджечь. Что представляют из себя мусульмане? Ничто! Только вы мешаете нам”.

Впрочем, фанатики-мусульмане относились к Зардаби не менее “нежно”. Писали ему письма с площадной бранью, строчили доносы, пытались даже убить: в марте 1868 года было совершено покушение на его жизнь. Ночью, когда Гасанбек работал у себя в кабинете, раздался выстрел. Неизвестный злоумышленник стрелял в окно. Пуля прошла на вершок выше головы Зардаби и попала в стену.

А “вина” его на этот раз заключалась в том, что, переехав из Тифлиса в Кубу и поступив на работу в суд, он терпеливо, никому не отказывая, учил неграмотных крестьян законам, втолковывал им их права.

Еще через год, в 1869 году, он уже учитель Бакинской гимназии, директором которой был Чермак - добрый друг Гасанбека. Зардаби с увлечением отдается работе. Но

одного учительства мало для его деятельной, многогранной натуры. В 1873 году Зардаби вместе со своими учениками Н.Везириным, А.Адигезаловым и другими осуществляет постановку одной из комедий М.Ф.Ахундова, закладывая тем самым основы национального театра.

“Гасанбек никогда не рисовался перед обществом своей работой, - свидетельствует Ханифа ханум. - Он работал в тени и всегда старался искать себе сотрудников, которых выставлял всегда вперед, стараясь приохотить, воодушевить их. Он ненавидел лиц, которые... старались выставить свое имя на первый план и кричали: “я!”, “я!”.

Портрет Зардаби, любовно воссозданный его супругой, дополняют живые штрихи из воспоминаний Гариб Султан - дочери Гасанбека.

“Просыпаясь, я всегда спешила одеться, чтобы не опоздать к завтраку, так как отец совершенно не переносил неаккуратности. Можно было подумать, что он с математической точностью распределяет каждую минуту своего дня. Я никогда не видела его праздным, даже его отдых носил, если так можно выразиться, активный характер: он или рассказывал нам что-нибудь чрезвычайно интересное, или с наслаждением слушал песни, которые обычно исполняла Ниса”.

Наблюдательная девочка отмечает “легкую наставительность” в разговоре отца, свойственную ему “утонченную насмешливость”, “неумолимую логику ума”, необычайно развитое в нем чувство справедливости. Она помнит высказывание отца: “Фольклор - это ум народа, его идеалы и темперамент”. Помнит взаимоотношения своих родителей - пример подлинного уважения, глубокой преданности интересам друг друга, большой сердечной теплоты и взаимного спокойного доверия.

В воспоминаниях Гариб Султан ханум сохранился важный факт биографии Зардаби:

“Папа очень любил принимать гостей. Не помню, это было или в 1896, или в 1897 году. Он... сообщил маме, что к нему в редакцию пришли дорогие гости из России, что их надо достойно встретить... Вечером гости с папой пришли к нам, мама их встретила на веранде, им очень понравилось, что мама в совершенстве владеет русским языком... Один из гостей хорошо пел. Вообще я не видела отца никогда в таком приподнятом настроении. Но они иногда становились серьезными, говорили о тяжелом положении рабочих... Папа только утром нам сказал, что один из гостей был писатель Максим Горький, другой - певец Шаляпин”.

* * *

Непостижимы парадоксы общественно-духовного процесса. Прошения, отказы, резолюции, циркуляры, протоколы - все они приведены в книге “Воспоминания о Г.Зардаби” и все посвящены одной проблеме - разрешить или нет издание газеты “Экинчи”. Г.Зардаби пытается убедить власти, что никаких политических проблем в своей газете касаться не будет: только сельскохозяйственная и научная тематика.

Чиновник из канцелярии бакинского губернатора демонстрирует тонкую осведомленность в течениях азербайджанской литературы. В его “совершенно секретном” докладе в департамент полиции написано: “По поводу имеющихся в Департаменте полиции сведений о новых веяниях в азербайджанской литературе и вообще прогрессист-

ском движении среди мусульман имею честь сообщить Департаменту полиции, что среди лиц, выступающих в азербайджанской литературе в качестве авторов новаторских сочинений, есть несколько мусульман, проживающих в гор.Баку, в числе которых первым можно назвать... Гасанбека Меликова”.

Но помимо узколобых чиновников были и администраторы с более широкими взглядами. Одним из таких людей являлся бакинский губернатор Старосельский, который и взял на себя смелость поддержать Зардаби в его начинании и добился разрешения на издание “Экинчи”. Об этом с чувством искренней признательности вспоминал впоследствии сам Гасанбек. (В книге приводится еще один штрих, характеризующий Старосельского, написавшего: “До тех пор, пока я буду губернатором Баку, долг мой - ежегодно жертвовать в пользу мусульманского благотворительного общества сто рублей”).

И вот настал долгожданный день - 22 июля 1875 года, день выхода первого номера “Экинчи”.

“Когда вышла крошечная чистенькая газета, Гасанбек от радости прослезился, - вспоминает Ханифа ханум, - домой он пришел в сильно возбужденном, радостном настроении, с газетой в руках. Этот день был счастливым днем в его жизни”.

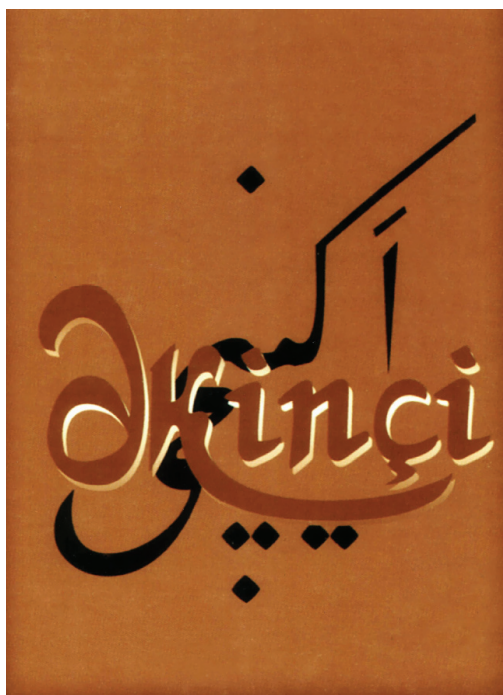
Точно такое же чувство радости и удовлетворения испытают 31 год спустя Джалил Мамедкулизаде и Омар Фаик, державшие в руках к рассвету 7 апреля 1906 года первый номер журнала “Молла Насреддин”, пахнувший свежей типографской краской.

Зардаби был не только редактором “Экинчи”, он был ее литературным сотрудником, корреспондентом, корректором, наборщиком и даже агентом по подписке и распространению. Все приходилось делать самому, хотя в газете сотрудничали и многие другие видные деятели культуры - М.Ф.Ахундов, С.А.Ширвани, Н.Везиров.

Ознакомившись с условиями, в которых издается “Экинчи”, заезжий французский журналист удивленно воскликнул: “Ну, вы герой! У нас, во Франции, не нашлось бы человека, желающего работать на такую бедную газету. Поражаюсь вашей энергии. Видно, очень любите свой народ”.

Зардаби действительно сильно любил свой народ и, более того, четко знал, что необходимо делать для его пробуждения. Один из первых авторитетных исследователей общественно-философских взглядов Зардаби, ученый Гейдар Гусейнов писал:

“Газета “Экинчи” в известном смысле сыграла ту же огромную роль в истории развития общественной мысли в Азербайджане, какую сыграл “Колокол” Герцена для России”.

Из-за постоянных доносов, клеветы и поклепов власти закрыли газету “Экинчи” и хотели во что бы то ни стало изгнать из Баку самого Гасанбека. Ему предлагали почетную отставку, перевод в любой другой, далекий от Кавказа город. Его квартиру ежедневно караулили жандармы. Один постоянно торчал на кухне, второй сопровождал Зардаби во всех его передвижениях по улицам.

Наконец, Гасанбек с семьей переезжает в Зардоб. Но и здесь этот неутомимый человек не успокаивается. Просвещает крестьян, разоблачает религиозный фанатизм шейхов-шарлатанов. И опять доносы, приезд самого губернатора в Зардоб с целью лично удостовериться в антиправительственной подрывной деятельности Зардаби. В Зардобе губернатор встретился не с заговором против царя, а с роем комаров. “Здесь невозможно жить хотя бы из-за комаров”, - говорил он, чуть не плача от бесчисленных укусов.

Припертые к стенке клеветники вынуждены были признаться, что сочинили лживый донос на Гасанбека с одной лишь целью - избавиться от него. Искусанный комарами губернатор почти дословно повторяет мысль, высказанную когда-то французским журналистом: “Видно, вы очень любите этот бедный народ, что терпите столько невзгод и от климата, и от недостойных людей и все-таки не оставляете эти места”.

Старый друг Гасанбека Христиан Цинк писал ему: “Я следил с любопытством за Вашей деятельностью и рукоплескал Вашей геройской борьбе... Вы в моих глазах остались все тем же достойным героем”...

Жизнь и деятельность Гасанбека можно и в самом деле считать поистине героической еще и потому, что сам он свои действия воспринимал не как подвиг, а как элементарный долг интеллигента, просвещенного человека. И никому, ни одному образованному деятелю не мог простить не то что отступления от этого пути, но даже и небольшой передышки. В этом смысле характерно его письмо М.Ф.Ахундову, быть может, и излишне резкое и жестокое, но дышащее страстным гражданским пафосом неистового служения интересам народа.

“Многоуважаемый Мирза Фатали бек! Письмо Ваше и посылку я получил. Вы пишете, что лета Ваши не позволяют Вам написать что-нибудь новое: очень сожалею. Я должен сознаться, что удивляюсь, отчего прочие люди с годами делаются более опытными и произведения их более серьезными, а Вы, как узнаете, наоборот, даже не можете взяться за перо; впрочем, Ваша воля. Вы захотели отдохнуть, пошли Вам господь покойствие: но только не думайте, что народное образование такая вещь, которую можно достигнуть какою-нибудь статейкой или пьесой. Нет, тут гораздо больше хлопот! Жизни и трудов одного, даже десятка руководителей мало для этого. Может быть, Вас останавливает вопрос, отчего Вы, а не другой будете трудиться, да еще даром и не надеясь услышать спасибо; в таком случае я считаю нужным объяснить, что вопрос этот не имеет места там, где дело идет о любви народной, любви к ближнему, о просвещении невежд: кто посвящает себя просвещению народа... того такая мысль не должна останавливать: тот сам в себе находит награду, он очищает свою совесть. Пожалуйста, не принимайте мои слова за упрек, он в таком деле не может иметь места, я высказал их потому, что они пришлись к месту”.

“Я не встречал такого прямолинейного человека”, - сказал о Гасанбеке после его смерти журналист Григорий Джиноридзе.

Прямолинейность - глубоко органическая черта, присущая характеру Зардаби, - проявлялась во всех его действиях, во всех публицистических статьях и частных письмах. Не только горячо почитаемому М.Ф.Ахундову писал он суровую правду, но и в переписке со всемирно известным Львом Толстым придерживался тех же самых правил искренности и бескомпромиссности в убеждениях:

“Уважаемый граф Лев Николаевич! Дорогое для меня Ваше ответное письмо от 11 октября получил. Само собой разумеется, из него я узнал, что дорогой мой друг в совершенном здравии, чему я очень рад. Благодарю Вас за внимание, что удостоили ответом; не менее радуюсь и тому, что Вы очень дорожите общением с магометанами: это дает мне смелость сноситься с Вами, как с дорогим другом откровенно и сообщать все те знания и потери, которые носят в душе”.

Далее Гасанбек говорит о своем несогласии со многими религиозно-философскими взглядами Л.Толстого и, обращаясь к великому писателю, замечает: “Вы сталкиваете с престола пророка Иисуса и сами занимаете его место”. Письмо завершается словами: “Извините и простите меня, если я Вас оскорбляю, ибо истина требует откровенности, у истины нет друзей...”.

* * *

Наложив на себя суровую обязанность служения истине, добру, просвещению, Гасанбек, человек необычайной гордости и чувства собственного достоинства, обивал пороги домов богачей, пытаясь заставить их раскошелиться на помощь нуждающимся ученикам. С горьким юмором вспоминает он позже эти отнюдь не смешные эпизоды; вспомнит и случай, когда один из беков упал даже в обморок, услышав, что Гасанбек предложил ему помочь беднякам.

“Папа ходил из одной приемной в другую, из одного блистательного зала в другой, от ловкого дельца к взбалмошному меценату. Это выпрашивание было для него тягостно и мучительно, но он не отступался. Уже в нескольких местах он встречал отказ, то вежливо-холодный, то циничный, то насмешливый”.

И вот понуро возвращается Гасанбек ни с чем. Вдруг чувствует, что кто-то осторожно касается его руки. Перед ним стоит амбал-носильщик лет сорока и смущенно улыбается.

- Я слышал, ты собираешь деньги для того, чтобы учить наших детей, - говорит амбал. - Я заработал кое-что, на, возьми вот. Мало тут, но это от сердца.

“Отец сжал его пальцы, от волнения не находя слов. Наконец он промолвил:

“Спасибо, друг! Ты дал мне столько, сколько я в жизни ни от кого не получал, потому что ты отдал все, что имеешь”.

* * *

Г.Зардаби принимал активное участие и в работе городской Думы в качестве гласного. Приехав в Баку после вынужденной зардобской ссылки, он обнаружил, что в городской Думе всего пятеро мусульман; причем когда он пришел на одно из заседаний, трое из этих пяти сидели, поджав ноги, и мирно почивали. Гасанбек вышел из Думы возмущенный и в тот же вечер обратился к законам города. Ведя упорную борьбу в течение нескольких лет, он добился как пропорционального, так и достойного пред-

ставительства в городской управе, сам был избран гласным и бесстрашно сражался там за интересы города, за права его трудящихся и обездоленных масс, за просвещение, культуру, гигиену, поднимал острые политические, социальные, экологические проблемы. Сколько усилий приложил он, чтобы воспрепятствовать проведению в город воды из нездоровых и грязных источников, за которые ратовал хозяин этих участков.

Собственник, преступно равнодушный к здоровью целого города и озабоченный лишь своей собственной выгодой, вознамерился заставить замолчать Зардаби подкупом. В ответ на заседании Думы Гасанбек публично назвал его негодяем. (В другой раз Гасанбек назвал взяточником и сволочью человека, явившегося к нему в дом с обыском и желанием поживиться. За это Зардаби был приговорен судом к семи дням гауптвахты, но так как во всем Геокчайском уезде гауптвахты не оказалось, то Гасанбек просидел неделю у себя в зардобской квартире под домашним арестом.)

Все годы работы в Думе Гасанбек относился к своим депутатским обязанностям серьезно и со всей ответственностью. При проверке оказалось, что за все это время он не пропустил ни одного заседания Думы. Непреклонность его позиции вызывала раздражение власть имущих, богачей и нефтепромышленников. “Босьяк, ничего не имеет и лезет в наши карманы; облагодетельствовали, избрали в гласные. 125 рублей идет с лишним, а он идет против нас”, - говаривал кое-кто. Ханифа ханум уточняет, что и этот укор по поводу 125 рублей несправедлив. Гасанбек работал в городской Думе в качестве гласного даром.

Что же касается презрительного слова “босьяк”, то это, пожалуй, правда. На его похоронах говорилось:

“Гасанбек прибыл в Баку сорок лет тому назад нищим, на его глазах вырос Баку с его миллионами, на его глазах бедняки сделались миллионерами, а он, имея полную возможность нажить себе состояние, не сделал этого и ушел от нас в мир лучший та-

Слева Исмаил бек Гаспринский, Гасан бек Зардаби и Алимардан бек Топчубашев - зять Гасан бека

ким же нищим. Все, что он имел, отдал обществу, и это великая его заслуга: все для общества и ничего для себя”.

Конец жизни Зардаби, как и последние дни Дж.Мамедкулизаде, печален. Больной, разбитый параличом и страдающий склерозом, он еще ходил по редакциям, интересовался делами, мечтал увидеть премьеру первой оперы Узеира Гаджибекова, даже вновь баллотировался в городскую Думу. Его забаллотировали. Родные скрыли это от него. А он все повторял: “Надо пойти на заседание Думы”. Большого и горького труда стоило домашним удерживать его.

Вспоминает журналист Н.Байздренко:

“Тяжело до слез было смотреть на систематическое, изо дня в день, путешествие Гасанбека в редакцию, на его сиротливую фигуру, погасший взор, в котором как будто светился укор, тяжело было ощущать в манифестациях этих горькую правду современной жизни. Понимал, конечно, это и сам Гасанбек, понимал и тосковал. Особенно сильно, говорят, тосковал он в последние дни”.

В последние дни ему, может быть, и случайно, не доставлялись номера газеты “Каспий”, в которой он долгие годы сотрудничал. “Забыли меня все, покинули, - жаловался он. - Никто не приходит, не проводит, не поинтересуется даже, что со мной. Вот и газеты не прислали”.

Его пугало одиночество. Никого и ничего не боялся Гасанбек - ни властей, ни толстосумов, ни религиозных фанатиков, ни расправы. Он всем и каждому говорил правду прямо в глаза: негодяю - что он негодяй, взяточнику - что он взяточник. Никого и ничего не боялся Гасанбек. Боялся он только одиночества. Одиночества и забвения. Конечно, и в последние его дни вокруг умирающего Гасанбека были близкие люди, члены семьи. Но ведь не тихим, добрым семьянином прожил свою кипучую жизнь Зардаби, а громогласным, неистовым общественным деятелем. Общественное одиночество, забвение ощущал он в свой последний срок.

Перед смертью он сказал: “Прошу вас торжественных похорон не устраивать. Похороните меня просто. Все, что предполагалось бы израсходовать, передайте обществу распространения грамотности для мусульман. Это будет полезнее для моего многострадального народа”.

Увы, последнюю его волю не удалось выполнить. Зардаби были устроены самые грандиозные похороны, которые когда-либо до того видел Баку. Читая в книге описание похорон, обращаешь внимание на такие детали: на гроб покойного был возложен его портрет в серебряной папке с золотой рамой. Несли первый номер “Экинчи”, также в золотой раме, принесли альбом от учителей в серебряном переплете, в который был вставлен портрет Гасанбека в золотой оправе. От драматической труппы несли серебряную лиру... Золото, серебро... А Гасанбек при жизни не мог выпросить небольшой суммы для обучения нуждающихся студентов или для издания своего детища - “Экинчи”. Поэт М.А.Сабир предложил по-своему увековечить память Гасанбека - в одной из уездных школ бесплатно обучить хоть одного сироту. Но, по всей вероятности, это предложение никто не воспринял всерьез.

Щемящее описание похорон своего отца дала Гариб Султан ханум: “Возле гроба, отдавая усопшему последние почести, стояли видные представители города, сохраняв-

шие на лицах благоприятное уныние, а за ними колыхалось живое море людских голов с лицами, изборожденными глубокими морщинами, следами безысходной нужды и великих страданий. И именно там в безыскусной форме проявлялось истинное горе. Эти бедные люди прощались со своим пламенным защитником и верным сыном”.

Одним из этих бедняков был и сам Гасанбек, с дипломом Московского университета, со светлейшей головой ученого, с богатой душой публициста и пустым карманом подвижника и праведника. Старый товарищ Зардаби, журналист А.Ю.Оленский, выступая на гражданской панихиде, нашел точные слова:

“Люди, пока он жил, считали, что он делал только должное. Да, должное, но почему все этого не делают? Почему так долго он был один, который сорок лет тому назад осмелился и осуществил дерзкую мысль писать и периодически печатать на родном языке живое слово добра, света... Почему так долго он один в городском совете храбро вставал против произвола, разорения города, тех или других компромиссов с совестью, которые распятали всю думскую машину...

Заветы покойного так огромны, что трудно ожидать даже от целого поколения их полного осуществления. Будем продолжать его работу, будем так же бодро, смело и отважно трудиться на благо ближним, но за этим попробуем сделать и то, о чем забыл покойный. Да, он за любовью ко всем забыл своих самых близких, свою семью, которая не обеспечена, своих детей, которые еще не успели допить до конца крепкую чашу знаний. Неужели мы все... допустим, чтобы эта семья нуждалась, чтобы эти дети, такие для нас близкие, не дожили до полного вооружения необходимыми знаниями для продолжения большого дела, так блестяще начатого их сильным отцом?”.

В конце книги “Современники о Г.Зардаби” помещена заметка М.Гаджинского, датируемая 1910 годом. В ней говорится:

“Сегодня ровно три года истекает со дня его смерти. Кто сделал что-нибудь? Абсолютно никто и ничего. Спрашивается, что сделал город? А ведь сколько он работал для него. Что сделала интеллигенция? Не Гасанбек ли отстаивал ее интересы?... Что сделали учителя, которые обращались к нему всегда то за советом, то с просьбой... Одним словом, все, к кому так близок был Гасанбек, ничего не сделали в его память...”.

Горько читать эти строки. Должно было пройти десять с лишним лет, и только Советская страна по достоинству оценила великого Сеятеля - именем Зардаби названы высшее учебное заведение, музей, библиотека, школы, колхозы, совхозы, улицы. В Баку и Зардобе установлены памятники ему. Изданы произведения Гасанбека на азербайджанском и русском языках. И теперь вот вышла еще одна книга, увековечивающая светлую личность Г.Зардаби. Книга в какой-то мере грустная, местами трагическая. Но необходимая и полезная.

Нужная для нравственного воспитания подрастающего поколения. Необходимая и зрелым людям в минуты их тягостных душевных сомнений.

Семена, брошенные великим Сеятелем в далекие времена, продолжают всходить и поныне...

Август 1985 г.

Памятник Гасан беку Зардаби в Баку. Скульптор Эльмира Гусейнова

Раненый памятник, раненая память

Есть города, при упоминании о которых невольно всплывает в памяти имя того или иного поэта. Есть поэты, имена которых неразрывно связаны с определенными городами. Когда мы произносим имя поэтессы XIX века Хуршид Бану Натаван, сразу возникает ассоциация с ее родным городом - Шушой. Когда мы вспоминаем Шушу, в сознании сразу вспыхивает имя Натаван.

Орлиная крепость в горах, основа которой была заложена карабахским ханом Панахали Джаванширом в 1756 году, Шуша - один из прекрасных уголков азербайджанской природы: скалистые утесы, глубокие ущелья, снежные вершины гор, реликтовые леса, ледниковые родники и Джыдыр дюю - широкая поляна скачек - слагаемые неповторимого пейзажа. Именно на поляне скачек растет уникальный цветок Хары Бюльбюль, своими очертаниями напоминающий соловья. И нигде, кроме этого участка земли, он не прививается. Есть предание, что когда дочь Ибрагим хана Агабейим Ага по политическим соображениям была выдана замуж за иранского властителя Фатали шаха, она, сильно тоскуя в Тегеране по Карабаху, попыталась посадить этот цветок родной земли там, во дворцовом саду, как память о Шуше. Но он там не привился. Может быть, это лишь легенда, но люди, придумавшие ее, хотели выразить мысль о родине и чужбине, о глубинных связях с почвой и о тоске расставания с ней.

Сейчас, когда в связи с армянской оккупацией нам заказана дорога в Шушу, он, этот город моей любви, юности и работы в зрелые годы, заставляет стонать каждую струну в моей израненной памяти. Шуша - с ее неповторимым ароматом цветов, со вкусом чая, благоухающего многими травами гор, музыкой, которая звучит в любое время дня и ночи со всех уголков, - и нынешний вымерший город, каким я вижу его в редких кадрах хроники... Город, из которого ушли не только жители, но и музыка, поэзия, очарование, жизнь, оставив место угрюмому безлюдью.

И очень часто, думая о Шуше, я вспоминаю судьбу Натаван, дочери не только этой земли, но и родной дочери Мехтикули хана, последнего хана этого края, последнего, хоть и номинального властителя Карабаха. Мне уже доводилось писать о трагической судьбе этого ханского рода в эссе о Вагифе и Видади. После чудовищного преступления, в результате которого погибла вся семья деда Натаван - Ибрагим хана, жизнь его оставшегося в живых сына Мехтикули и его семьи, казалось бы, вошла в более или менее нормальную колею. Хуршид Бану получила хорошее образование, помимо родного, владела русским и фарсидским языками. И в браке, казалось, была удачливой, вышла замуж за дагестанского тюрка (кумыка), князя Хасай хана Уцмиева, одного из самых образованных аристократов своего времени. Друг Бакиханова, Мирзы Фатали Ахундова, Исмаил бека Куткашенли, Хасай хан в совершенстве владел и французским языком. Причем настолько свободно, что поразил своим парижским акцентом французского писателя Александ-

Хуриид Бану Натаван. Художник Октай Садыхзаде

Дом Натаван в Шуше

ра Дюма-отца. Об этой встрече с князем и его женой в Баку Дюма оставил очень теплые воспоминания. Натаван подарила французскому писателю собственноручно вышитый кисет, а Дюма преподнес семье Уцмиевых шахматы с инкрустацией.

Натаван была не только прекрасной поэтессой, но и замечательной художницей, о чем свидетельствуют сохранившиеся в альбоме ее рисунки.

Хан кызы (Ханская дочь) - так величали ее в Карабахе - провела в Шушу воду из родника, находившегося в шести километрах от города. Родник этот существовал и в наши дни (если и он не иссяк в результате оккупации Шуши). Она организовала первый литературный салон "Меджлиси-Унс" ("Сообщество общения"), который действовал в Шуше

Ручные работы сделанные Натаван

Натаван с сыном и дочерью

одновременно с другим литературным объединением - "Меджлиси фарамушан" ("Общество забытых"), созданным другим видным деятелем тех лет Мир Мохсуном Наввабом - художником, поэтом, автором исследований по музыке, ученым-энциклопедистом, сведущим во многих сферах науки. Шушу по праву называли "Консерватория Кавказа" - это город прославленных певцов-ханенде, исполнителей древних мугамов, которых в наши дни записывали самые известные российские и европейские фирмы звукозаписи. Много позже, уже в XX столетии, Сергей Есенин, прослушав ис-

полнение одного из самых знаменитых и старейших карабахских певцов-ханенде Джаббара Карьягдыоглы, назвал его “пророком восточной музыки”.

От князя Уцмиева у Натаван двое детей - дочь и сын. Казалось бы, благополучная жизнь: потомственная аристократка, супруга дворянина и интеллигента, известная поэтесса, уважаемая во всех литературных кругах Азербайджана, автор изящных рисунков, она, к тому же, занималась благотворительностью и всем этим снискала любовь своих сограждан. Так отчего же такая тоска в стихах Натаван - неужто это лишь дань традиционной восточной эстетике, с ее культом грусти и тоски, перепев мотивов Физули, перед поэзией которого она преклонялась? Почему из всех цветов Натаван посвящает стихи самому печальному цветку - фиалке, которую еще в XVI веке Ашуг Курбани воспел как символ разлуки из-за того, что головка ее всегда склонена?

*Не от разлуки ль гнутся и они?
Прямой не встретишь ни одной фиалки.*

(Перевод В.Кафарова)

Тот же образ у Натаван приобретает особую многозначность:

*Зачем ты роскошь цветников отвергла,
Зачем поля ты предпочла, фиалка?
Ты шелестишь, как будто боль и старость
Ты в юности перенесла, фиалка.*

(Перевод Е.Долматовского)

Что это, предвиденье своих печалей в будущем? Горькое предсказанье жестоких ударов судьбы? Порой люди за внешней удачливостью того или иного поэта, писателя, композитора не способны разглядеть сложность, неоднозначность их внутреннего мира и удивляются: отчего же такой благополучный художник так грустен в своих творениях? Мы можем лишь догадываться, чем же был вызван развод столь блистательной пары. После князя Уцмиева Ханская дочь вышла замуж за простолюдина - не было ли и в этом вызова аристократическому обществу?

Но еще более глубокое, ни с чем не сравнимое потрясение пережила Натаван в связи с потерей своего юного сына Аббаса, умершего от туберкулеза. И несколько абстрактные мотивы грусти-тоски в ее предшествующих стихах наполняются реальным трагическим содержанием, вызванным этой невосполнимой утратой. Стихи Натаван, связанные со смертью сына, - один из самых пронзительных поэтических образов в многовековой азербайджанской литературе.

Растрелянный памятник Натаван

*Мой сын, разлуки злой огонь вздымается во мне.
Душа, как слабый мотылек, горит на том огне.
Как в каждой песне соловья тоска о розе есть,
Так в каждом возгласе души, гремящем в тишине,
Порыв печали и тоски, и скорби о тебе
Звучит и в темноте ночей, и в лучезарном дне.*

*О, как туманна жизнь моя, как дни мои длинны!
Не вижу солнечного дня, ни молодой луны,
Мне помнится цветущий сад, свидание с тобой.
Душа парила как орел в просторах вышины.
Но дикий вихрь крыла ее навеки надломил,
Любви моей не пощадив, не видя седины.*

*О, было б лучше, если б я всю жизнь была слепой.
Не любовалась бы твоей небесной красотой
Как рано высох светлый ключ и кипарис увял!
И вот, мой мальчик, ты лежишь в земле, в траве густой,
И только камень говорит о том, что это - ты
И солнце яркое горит над каменной плитой.*

(Перевод М.Алигер)

Раненая память Натаван, перипетии ее непростой судьбы, ее искусство и ее печаль, благотворительность и неудовлетворенность, создание “Сообщества общения” и глубокое личное одиночество - все это привлекало внимание многих художников слова - от поэтов XIX века в Карабахе, Ширване, Шеки, откликнувшихся на стихи о смерти сына, защитивших ее, подобно Сеиду Азиму Ширвани, от неуместных наскоков, и до художников наших дней, создавших произведения, в центре которых - образ Натаван. Большой популярностью пользуются драма писателя Ильяс Эфендиева “Хуршид Бану Натаван”, опера композитора Васифа Адыгезалова (либретто Назима Ибрагимова) “Натаван”.

Эти произведения звучат особенно злободневно сегодня, когда раненая память нации взывает к освобождению исконных азербайджанских земель от оккупантов.

Последний “подарок”, поступивший окольным путем из Карабаха, - это оскверненные, изрешеченные пулями вандалов бронзовые бюсты Натаван, Узеира Гаджибейли, Бюльбюля, некогда украшавшие Шушу.

Имеются разные виды скульптур - монументальные, камерные, парковые, музейные. Армянские оккупанты “обогатили” искусствоведческую терминологию новым понятием - “расстрелянные скульптуры”. Расстреливая бюсты великих уроженцев Шуши, они в бессильной ярости пытались выразить всю свою ненависть и к самому азербайджанскому городу, Шуше - колыбели нашей национальной культуры.

Наша раненая память, как и раненый памятник Натаван, призывают нас к освобождению города и края, которые великая поэтесса прославила в веках.

Ноябрь 2009 г.

Памятник Хуршид Бану Натаван в Баку. Скульптор Омар Эльдаров

Уроки мастера

Сказать, что значение ашуга Алескера велико, потому что он раскрыл жизнь и судьбу народа, его радость и печаль, - значит, сказать не все. Величие Алескера в том, как именно раскрывал он это, в том, что он, наследник тысячелетней традиции, сумел обрести свое лицо; в тысячекратно повторявшихся формах не повторил никого; из самых обычных, простых слов извлек необычайную поэзию, исполненную обаяния для всех.

У ашуга Алескера есть чему научиться не только тем поэтам, которые обращаются к ашугской стихотворной форме, но и всем поэтам.

Сам Алескер обращался едва ли ни ко всем классическим формам поэзии (перечисление их заняло бы не одну строку и потребовало бы специального комментария). Чтобы освоить всю эту строфику, нужен высокий профессионализм, однако профессионализм - еще не искусство. Ашуг Алескер не был рабом формы, он насыщал ее живыми картинками действительности, реальными событиями века. И, может быть, самый важный урок, который может получить от Алескера наша сегодняшняя поэзия, - это урок предметности, урок конкретности видения.

Ни в одном своем произведении Алескер не описывает абстрактных чувств, не дает общих, безadresных образов. Если он посвящает стихотворение красавице, - это живое лицо, та самая "сероглазая ханум", которая встретила поэта "в среду, с накидкой на голове". Преграды, препятствия, возникшие на пути этой, с первого взгляда вспыхнувшей любви, также вполне определены: "ханум обручена, принадлежит другому". Даже когда Алескер говорит: "Меня разучил с тобой некто имярек", за этим анонимом стоит представимая личность.

Алескер не упускает ни единой детали, ни единого штриха действительности. Мы словно воочию видим обычаи, наряды, блюда, быт - все это описано обстоятельно, щедро. Поэт не только упоминает о мировых событиях - о бедах Сербии и Черногории в первой мировой войне, в его поэзии мы находим и мельчайшие приметы того времени: к примеру, то, что табак "Кушнарева" заворачивали в бумагу "Ананова".

Эта способность увековечить и величайшие события, и мелкие, неповторимые особенности дня - тоже один из незабываемых уроков Алескера.

Еще один урок - многоцветность его поэзии. В ней можно найти все: философическую грусть, кипучую радость, горестные раздумья о бренности всего земного, наслаждение примирением после ссоры, острую сатиру, мягкий юмор, шутку и озорство... И гордость есть, и слезы, и разоблачения, и утверждение, и воспевание. Любовь к природе, к жизни, отвращение к смерти, мечты, сожаления - все это есть в поэзии Алескера. Стихи его охватывают человеческую жизнь целиком - от "пламенной поры" юности до мудрой старости - всю судьбу человека... И от этого богатства, многогранности, от этой неисчерпаемой палитры немало могут взять наши современники.

Портрет Ашуга Алескера. Художник Микаил Абдуллаев

И, наконец, Алескер - редкостный знаток слова. “Как плавно, как славно идешь, Салатын, хмельная походка дороге подходит. Сверкает одежда шитьем золотым, монисто тебе, недотроге, подходит...”. Как точно найдены слова, как неожиданно они выстроены друг за другом, как этот неожиданный строй им идет, и как все это “работает” на тонкую, глубокую поэзию! Алескер - не просто мастер слова, он мастер словесной гармонии. Звуки его могут напомнить шум водопада, журчание реки...

Поэтическое наследие ашуга Алескера и сказание “Гачаг Наби” - два поздних выдающихся образца азербайджанского фольклора. Герои “Деде Горгуда” видятся в мифическом тумане давно прошедшего; Кероглу и Нигяр, Асли и Керем, Ашуг Гариб и Шахсенем доходят к нам из времени полуреального-полулегендарного. А вот герои ашуга Алескера, так же как Гачаг Наби, Хаджар, оставаясь “литературными персонажами”, - реальные личности, чья жизнь связана и с нашей эпохой. Продолжается их род, живы их близкие, есть (или могли быть) их портреты.

Да и сам ашуг, как и его герои; реальная жизнь, почти на глазах ставшая легендой; обогащение легенды конкретными фактами и событиями - все это необыкновенно увлекательно!

Перевод С.Мамедзаде

1972 г.

Большое время - понимать

У меня немало любимых писателей в азербайджанской и мировой литературе. Но самой большой любовью, любовью на всю жизнь, является Мирза Джалил Мамедкулизаде. Опыт жизни и творчества Мирзы Джадила вселял и продолжает вселять в меня надежду и веру в самых сложных ситуациях, когда и в наши дни приходится порой встречаться почти с теми же проблемами, с которыми сталкивался великий писатель в свое время. Невежество в новом, якобы “эрудированном” обличье, лицемерие, прикрытое громкими словами, ложь, выдающая себя за правду... - в этом плане мало что изменилось с той далекой эпохи, хотя современные шейхи насруллахи не прочь клясться в своем почтении к памяти М.Дж.Мамедкулизаде. Сегодня часто именем Мирзы Джадила спекулируют люди, которые, скорее всего, годились бы в его сатирические персонажи.

Именно сталкиваясь с современными персонажами великого писателя, я нередко чувствовал острую потребность попытаться воссоздать их образы на фоне нашего времени. Так появились цикл сатирических рассказов “Молла Насреддин-66”, комедии “Цепочка”, “Адамын адамы” (“Человек человека”). Обращался я к творческому наследию М.Дж.Мамедкулизаде и напрямую, написав пьесы: для театра - “С думой о вас” и для телеспектакля “Век говорит с нами” - на основе текстов самого писателя, сценарий к телефильму “Беспокойство” по мотивам нескольких его рассказов. Наконец, в качестве режиссера я поставил по собственному сценарию двухсерийный художественный фильм “Окно печали”, в котором представлены не только герои разных его произведений, но оживает и собственный образ Мирзы Джадила Мамедкулизаде...

Основу текста, который я предлагаю читателям в этой книге, составляет эссе, написанное 42 года тому назад и впервые опубликованное в том же 1967 году в журнале “Новый мир” в период редакторства А.Т.Твардовского. Если за прошедшие почти полвека мало что изменилось в поведении определенного рода людей, тем более нет необходимости менять что-либо в моем тексте. Оставляя тот текст без изменений, я сделал лишь несколько дополнений к нему в виде следующих нескольких пассажей, возвращающих нас к началу прошлого, XX века. Еще точнее - к первому дню XX столетия - 1 января 1901 года.

В этот день начинается новый век. Чего только не будет в этом столетии: две мировые войны, в которых погибли сотни миллионов людей... Бесчисленные кровопролитные столкновения на почве территориальных притязаний, этнической, религиозной, классовой розни, гражданские столкновения, террористические акции, в которых в совокупности гибло столько же людей, как в больших мировых войнах...

Революции и контрреволюции, перевороты, репрессии, концлагеря, крематории, ссылки, казни, миллионы беженцев, насильственное и безжалостное переселение целых народов.

Портрет Мирзы Джагила Мамедкулизаде. Художник Тогрул Нариманбеков

Газовые фонари в начале века и газовые камеры - в его середине.

Всевластие и падение тоталитарных режимов. С одной стороны, все более и более расширяющиеся и в конце концов лопнувшие, как мыльные пузыри, империи, с другой - многие народы и страны, обретшие свободу и независимость. И в то же время горькая участь еще многих и многих закабаленных народов. Миллиарды, которые тратят ради своей блажи толстосумы. И на той же самой планете - нищета, голод, насилие...

Невиданный скачок науки: умные машины, прорыв в космос, следы человеческих ног на Луне, изобретение радио, кино, телевидения, Интернета. Открытие антибиотиков, пенициллина, лекарств, исцеляющих людей от неизлечимых в прошлые времена болезней. И в то же время все еще неизлечимые - рак, сахарный диабет, СПИД.

Сверхзвуковые воздушные лайнеры, способные в считанные часы переносить людей с континента на континент, и самолеты, обрушивающие на землю смерть, разрушения, пожары...

Освенцим, Холокост, ГУЛАГ, Колыма, Хиросима и Ходжалы. С одной стороны - подонки, насилующие детей, садисты и изуверы - позор людского рода... С другой - личности, которыми гордится человечество: великие гуманисты Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Альбер Швейцер, Януш Корчак, Мать Тереза...

Растоптанные хрущевскими и брежневскими танками в 1956 году в Венгрии и в 1968-м в Чехословакии последние надежды на социализм с человеческим лицом. Все еще кровоточащие Ирак и Афганистан... Изуверский опыт палачей Кампучии... Красные бригады террористов в Италии и красные книжечки хунвейбинов в Китае. Распад СССР и уничтожение небоскребов-близнецов в Нью-Йорке...

Большевистско-дашнакский геноцид против азербайджанского народа в марте 1918 года. Наше недолгое счастье независимости в коротком промежутке 1918-1920 годов. И вновь оккупация, и вновь аресты, расстрелы и их апогей - 1937 год.

Нечаянная радость второй Независимости и омрачившая ее карабахская трагедия. И все еще незажившая рана кровавого "Черного января" 1990 года. Рана, которая никогда не заживет...

Но все это еще впереди. Годы, часть из которых Мирзе Джалилу доведется прожить, часть из которых ему не суждено было увидеть...

А сегодня лишь первое января 1901 года, начало нового века, и именно в этот знаменательный день выпускник Горийской семинарии Джалил Мамедкулизаде, до того некоторое время работавший сельским учителем, а затем приставом, пишет прошение, чтобы его освободили от должности пристава. Не его это дело - быть приставом, да, видимо, и учителем. Вернее, ему предстояло стать не учителем в нескольких селах, а Учителем целого народа. Хотя в этот январский день он, может, и не догадывался об этой своей великой миссии.

Однако вернемся к тексту эссе 1967 года.

Сто лет тому назад на азербайджанской земле, в древней Нахчывани родился Джалил Мамедкулизаде (Молла Насреддин).

За шесть веков до этого по многострадальному Азербайджану огнем и мечом шли полчища жестокого восточного завоевателя Хромого Тимура - Тамерлана. И поныне в самой глухой азербайджанской деревушке можно услышать такой рассказ:

“Тимур позвал Моллу к себе во дворец. Тот пришел и увидел, что комната полна народу. Все сидят на полу. Только Тимур сидит на высоченной тахте. Молла тотчас поклонился и сказал: “Здравствуй, Боже!” - “Я не Бог, - ответил Тимур. - Я...”. Молла не дал ему договорить: “Я готов за тебя жизнь отдать, святой Азраил!” - “Что ты говоришь! - сказал Тимур. - Какой из меня Азраил?” - “Я не понимаю, - ответил Молла, - раз ты не Бог и не ангел, то слезай и садись, как человек, рядом со всеми этими людьми. Почему же ты залез так высоко, на самое небо?”.

Человек, о котором говорится в этом анекдоте, - Молла Насреддин, главный персонаж нашего народного юмора, балагур, шутник, мудрый и грустный насмешник.

Анекдоты Моллы Насреддина - общее достояние многих народов Востока. Под именем Ходжи Насреддина, Насреддина Эфенди, Эфенди он прошел по необъятной территории от Уйгурии до Сербии. Ему нипочем не только географические границы, но и временные. В приведенном выше анекдоте он современник Тимура. Другие анекдоты связывают его с другими историческими временами. Он везде, он всегда там, где народ чувствует потребность выразить свое состояние в крамоле, в насмешке, в сарказме, насолить власть имущим. В эпохи, когда мысли, как деньги, чеканятся только государством, он фальшивомонетчик.

Революция 1905 года, по выражению Ленина, пробудила угнетенные массы Востока, и, шагая по улицам старого Тифлиса, неразговорчивый, погруженный в свои невеселые думы, сорокалетний Джалил Мамедкулизаде вдруг остановился, ослепленный счастливой мыслью: он нашел удивительно емкое, точное и, пожалуй, лучшее из всех возможных название для нового сатирического журнала, который собирался издавать, - “Молла Насреддин”. (Позже это имя стало не только названием журнала, но и литературным псевдонимом самого писателя.)

“Молла Насреддин” станет журналом, бросившим вызов всем тамерланам прошлого и настоящего, всем богам и мнящим себя богами, от имени тех, кто “внизу”. Он будет духовным потомком древнего и вечно юного народного насмешника, которого позже так часто сравнивали с Тилем Уленшпигелем, что само это обстоятельство могло бы стать поводом для одного из его анекдотов.

Вместе с Мирзой Джалилом одним из основателей журнала “Молла Насреддин” по праву считается его верный соратник на протяжении всей жизни, публицист Омар Фаик Неманзаде. Несмотря на определенное послабление цензурных ножниц, все же Омару Фаику, получившему образование в Турции, не позволили бы издавать журнал, но какие претензии могли быть к Дж.Мамедкулизаде, окончившему Горийскую семинарию? Итак, разрешение бдительной цензуры было получено.

Впрочем, в короткий период подъема русской революции цензуре на многое приходилось смотреть сквозь пальцы. В русских юмористических журналах печатались карикатуры, изображающие самодержца всероссийского Николая II с головой петуха.

“Оставим Николая-падишаха, - пишет Джалил Мамедкулизаде, - как же нам быть с нашими собственными повелителями, почему бы не справиться о самочувствии наших собственных падишахов? Разве нет у нас своих николаев? Разве сгинули все мамедали-шахи Востока? Разве Мамедали одинок? Разве отстают от Николая все эти бесчисленные принцы, ханы, султаны, сановные и чиновные? Далее, что нам делать с чалмо-

Обложка первого номера журнала
“Молла Насреддин”

носными насекомыми? До каких пор они будут обманывать несчастные мусульманские народы обещаниями рая и райских источников, высасывать у них кровь?”.

7 апреля 1906 года вышел в свет первый номер иллюстрированного юмористического журнала “Молла Насреддин”. С некоторыми интервалами он просуществовал 25 лет. Дж.Мамедкулизаде сумел объединить вокруг журнала лучших представителей азербайджанской культуры начала XX века. В журнале публиковались тексты прозаиков А.Ахвердова и М.С.Ордубади, поэтов А.Гамгюсара, Али Назми, Салмана Мумтаза, фельетоны будущего известного композитора Узеира Гаджибекова. Плечом к плечу с опытными карикатуристами Шмерлингом, Роттером, Халилом Мусаевым (Чохским) работал молодой художник Азим Азимзаде. Самым ярким автором журнала наряду с Дж.Мамедкулизаде был великий поэт-сатирик Мирза Алекпер Сабир. Если говорить о литературной школе “молланасреддинцев”,

то ее основу заложили Мирза Джалил - в публицистике и Сабир - в поэзии.

Вокруг журнала сформировалось сильное течение азербайджанской литературы, получившее впоследствии определение “Школа Моллы Насреддина”. За короткий срок журнал обрел широкую популярность во всех слоях населения. Простой, доступный, разговорный язык, броскость и меткость карикатур, острота и конкретность затрагиваемых проблем сделали журнал близким и понятным даже самой темной и неграмотной части народа. Известность журнала перешагнула далеко за пределы Кавказа. Он имел активных читателей, подписчиков, корреспондентов во всех странах Востока - от Индии до Марокко. Журнал сыграл неоценимую роль в развитии демократических тенденций в литературах Турции и Ирана, Татарии, Узбекистана, Туркмении, Дагестана. Узконациональная локальность затрагиваемых проблем была чужда принципам “Моллы Насреддина”. Он вскрывал язвы мусульманского мира в целом, бичевал пороки, присущие всему исламскому Востоку, не ограничиваясь только Востоком, боролся с западным колониализмом и, в меру цензурных возможностей, - с колониальной политикой русского царизма. В своей критике журнал никогда не был декларативным, не страдал болезнью приблизительности. В Тбилиси, в редакцию “Молла Насреддин”, шли письма со всех концов мусульманского мира, и благодаря связям с многочисленными корреспондентами журнал строил свои позиции на конкретных фактах, на проявлениях конкретного зла, имеющего точный адрес, причем писал о нем с точностью и поразительной достоверностью в деталях. Поэтому ему верили, доверяли, потому его боялись. И поэтому у него были смертельные враги самых разных мастей и оттенков. Его ненави-

дели царские сановники, “святые отцы” мусульманства, поэты, все еще воспевающие свидание соловья с розой. Тбилисский генерал-губернатор не раз запрещал издание журнала. Иранское правительство сжигало его экземпляры в пограничных таможнях. Мусульманский синклит принял специальную фетву (вердикт) о том, что убийца нечестивца Мамедкулизаде не подлежит наказанию. В Тбилиси был подослан наемный убийца, и предупрежденный Дж.Мамедкулизаде вынужден был скрываться и носил в кармане пистолет. Его проклинали муллы в Баку и представители секты бегаидов в Ашхабаде. Ему писали угрожающие письма беки из Карабаха и фанатики из Дагестана.

Была у него и другая группа врагов, из числа пишущей братии. И если выпады газет, издающихся в Калькутте и Тегеране, в Баку и Казани, в Уфе и Петербурге, в Крыму и в Иране, Турции носили в той или иной степени характер литературно-общественной полемики, то немало было и бульварных листков, печатающих нецензурные пасквилы на великого писателя. Газета “Седа” обвиняла его в оскорблении чести нации. Вообще же за свою жизнь ему пришлось выслушать немало истеричных оскорблений от ретивых “патриотов”, которые успешно сочетали свой “патриотизм” с доносами в тайную полицию.

Царская цензура кромсала журнал, многие номера “Моллы Насреддина” выходили с совершенно чистыми или перечеркнутыми страницами. Тупые цензоры не догадывались, что эти вымаранные страницы, соседствующие с достаточно острыми допущенными материалами, приобретают еще более мощную взрывчатую силу.

В такой атмосфере издавал “Молла Насреддин” Дж.Мамедкулизаде, понимая, что при всех неизбежных уступках официальным предписаниям его журнал является единственным источником света разума, истины во мраке угнетения, лжи, ханжества.

Друг и многолетний соратник Дж.Мамедкулизаде - писатель А.Ахвердов вспоминает, что когда могущественные враги “Моллы Насреддина” - такие как, например, ереванские и нахчыванские ханы, карабахские и гянджинские беки, - приезжали в Тифлис, они считали своим долгом нанести визит в редакцию журнала, чтобы выразить свое презрение к его редактору с глазу на глаз. Однако после беседы с Дж.Мамедкулизаде некоторые из них круто меняли свое мнение и говорили так: “Да, конечно же, то, что пишет он, правда. Но нельзя же писать всякую правду”.

Такой гибкий подход к правде, призыв к замалчиванию каких-то ее сторон, удовлетворенность полуправдой были глубоко ненавистны нравственному максимализму

*Обложка журнала “Молла Насреддин”
с цензурным запретом*

Дж.Мамедкулизаде. В этом и заключается принципиальная разница между эстетической и этической платформой “Моллы Насреддина” и его антипода - буржуазного журнала “Фьюзат” (“Удовольствие”). Редактор “Фьюзата” Алибек Гусейнзаде провозглашал: какой смысл писать о том, что мы видим, что есть, надо писать о том, что мы можем представить, домыслить. И “Фьюзат” последовательно воплощал эту программу, формировал литературу, далекую от конкретных жизненных проблем, от реальных нужд и забот народа. Эстетское служение красоте, культ изысканного слога, переусложненность языка, снобистское отношение к демократической литературе - вот принципы “Фьюзата”.

Дж.Мамедкулизаде апеллировал в своем журнале не только к чувствам своих читателей, но и к их разуму. Объясняя разницу между Моллой Насреддином и настоящими, истинными моллами религии, Дж.Мамедкулизаде писал: “Вы, моллы, говорите: мусульмане, закройте глаза и смотрите на меня. Я же говорю: мусульмане, откройте глаза, смотрите на меня”.

В дореволюционные годы в Азербайджане издавались десятки журналов и газет самых различных направлений. Издавались они различными журналистами, литераторами, левыми и правыми, и такими, которые, как носки, могли быть и правыми, и левыми - в зависимости от обстоятельств.

Эти журналы в первых своих номерах давали, как обычно, программные передовицы, определяющие позицию и платформу будущего издания. Любопытно сопоставить манифесты таких журналов с фельетоном, открывающим первый номер “Моллы Насреддина”. Все журналы старались обставить свой первый выход в свет с помпой и богатым антуражем, торжественно провозглашали свои высокие принципы, декларировали громкие лозунги, искали своего читателя, свой круг единомышленников, прощупывали настроение. “Молла Насреддин” тоже обращался к своему читателю, но как?

“С думой о вас явился я к вам, о мои братья мусульмане! С думой о тех, кому речь моя не по душе и кто под разными предлогами убегает от меня - погадать у гадалки, натравить собак, послушать сказки дервиша, поспать в бане или заняться другими, не менее важными делами. Но мудрецы изрекли: “Обращайся к тем, кто не внимлет тебе”.

Обращаться к тем, кто не внимлет, - этому кредо Дж.Мамедкулизаде не изменил до последнего дня своей жизни.

Умер он в 1932 году в Баку. Он жил и работал при царском правительстве, при временном правительстве, при мусаватском правительстве, в меньшевистской Грузии, в шахиншахском Иране, в Советском Азербайджане и за всю жизнь свою не написал ни строчки неправды. Не написал ни строчки для ублажения кого-либо, с целью кому-нибудь понравиться.

Он говорил горькие, неприятные слова. Никогда не заискивал он ни перед властью имущими, ни перед какими-нибудь конъюнктурными идеями, ни перед собственным народом.

“Есть определенная порода писателей: как только возьмут в руки перо, начинают сладко причитать: “Ах, моя прекрасная нация! Да быть мне жертвой твоей. Пока я жив, я готов пожертвовать ради тебя своей жизнью, о моя прекрасная нация. Ты краса всех наций!”. Но Молла Насреддин, клянусь Богом, не может врать: мы говорим от

всей души, что такой народ мы любить не можем (возможно, найдется среди него два-три хороших человека)».

Такие слова мог написать только патриот, до последней кровинки, до боли любящий свой народ, для которого преданность своему народу является органическим чувством долга, а не рекламируемой добродетелью.

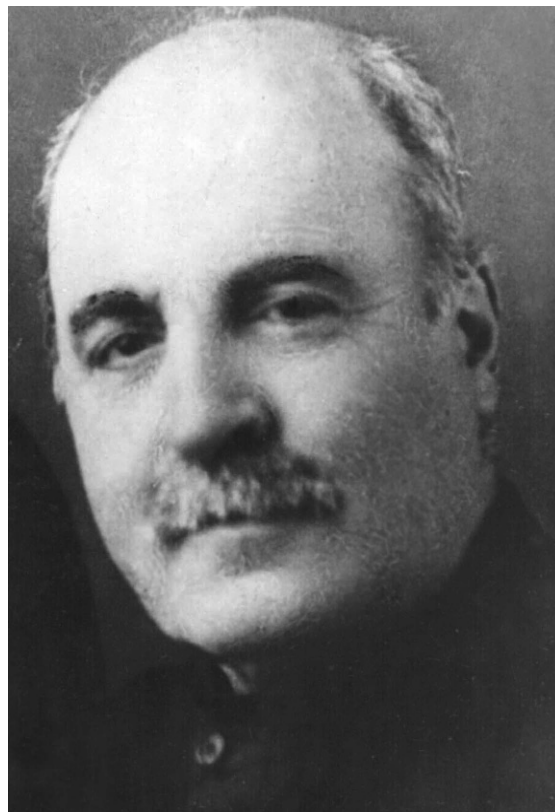
Высокое достоинство писателя, журналиста, общественного деятеля гордо и неподкупно пронес Дж. Мамедкулизаде через все соблазны и угрозы, через пустыню непонимания, через мрак невежества, фанатизма, ханжества, лжепатриотизма, колонизаторского произвола. И пришел в наше сегодня чистым и вечным.

* * *

Свои воспоминания Дж.Мамедкулизаде начинает горькой фразой: “Впервые в жизни открыв глаза, я увидел мрак. Первое, что я услышал в этой темени, было: Аллах акбар, Аллах акбар!”. То были слова озана, который пел по соседству муэдзин.

Родина писателя Нахычыван, давшая азербайджанской культуре выдающихся поэтов, ученых, архитекторов, художников, просветителей, граничит с Ираном. “Иранские края, - с присущим ему сарказмом писал Дж.Мамедкулизаде, - прославившиеся на весь мир своей религиозностью, всегда были для меня источником особой гордости, то есть я постоянно благодарил Аллаха, что явился на свет по соседству с такой священной страной”.

Из Ирана через Нахычыван шли потоки обездоленных, отчаявшихся людей, которые в поисках куска хлеба тянулись на бакинские нефтяные промыслы, где их ждала участь изгоев общества, неопишуемые страдания, издевательства, полуголодное, нищенское существование. Из Ирана шла и вся нечисть исламского Востока, переправлялись через пограничную реку Аракс религиозные шарлатаны, фанатичные святоши, шло дремучее невежество, и это во многом определяло духовную атмосферу Нахычывани. Но здесь же, на этой земле, как естественный протест передового национального разума формировался круг - небольшая, но могучая кучка - просвещенных единомышленников, получивших европейское образование. К этой группе примкнул и Дж.Мамедкулизаде после окончания Горийской семинарии. Блестяще владея некоторыми восточными языками и русским (некоторые статьи написаны им на русском языке, сам он перевел и свой рассказ “Почтовый ящик”), Дж.Мамедкулизаде с помощью широкообразованного нахычыванского литератора Эйнали Султанова приобщился к европейской

Джалил Мамедкулизаде

культуре. В элегическом письме Э.Султанову, написанном в последние годы жизни, Дж.Мамедкулизаде вспоминает далекие дни своей молодости. “Бывают часы, когда я вспоминаю прошедшие дни. Думаю, что брат мой Эйнали, как сорок лет назад, сидит рядом со мной, с молодым задором, страстно и горячо рассказывает о прочитанных книгах, русском просвещении, писателях Европы. И столько я наслушался тебя, что в конце концов и сам приобщился к миру просвещения. Знаю точно: если бы не было тебя, я остался бы простым сельским учителем, всеми забытым”.

Долгие годы он преподавал в сельских школах Ереванской губернии и Нахчыванского уезда. Работая в юридических учреждениях, он вплотную столкнулся с ужасающими условиями существования народа. Уже взрослым, обремененным грузом культуры, знания, понимания, он встал лицом к лицу с тем самым мраком, который увидел впервые, открыв глаза. Отныне ему суждено было жить в этом мраке. Жесточайший произвол царского колониализма, гнет исламского духовенства, ужасающие контрасты феодально-патриархального общества, безнаказанное самодурство сильных мира сего, начиная от сельского старосты, стоящего на самой низшей ступени власти, невежество масс, бесправие мусульманской женщины - обо всем этом писатель знал не понаслышке, а видел собственными глазами, ощутил лично, пережил мучительно и горько.

Учительствуя в селении Неграм, в 1894 году он написал свое первое прозаическое произведение “Истории селения Данабаш”. Селения с таким названием нет на географической карте. Это обобщенный образ дореволюционной азербайджанской деревни. Это каждое селение на исламском Востоке, а не одно в частности. Как видно из “Легонького предисловия” к повести, автор намеревался написать под этим заглавием цикл повестей и рассказов о жизни азербайджанской деревни конца прошлого столетия. Однако он написал лишь повесть “Пропажа осла” и начало повести “Школа селения Данабаш”, которую уже при советской власти переделал в одноименную пьесу. Таким образом, “Пропажа осла” является первой и последней законченной повестью Дж.Мамедкулизаде, и, перечитывая это гениальное произведение, поражаешься, что вышло оно из-под пера дебютанта в прозе. Полемично уже само название повести. Поэтика Востока веками культивировала систему изысканных образов с нормативными соловьями и розами (которые, увы, не перевелись и на страницах сегодняшней нашей поэзии), и вдруг такое антиэстетичное, грубо приземленное, броское в своей скромности и обыденности название - “Пропажа осла”. Да, утверждает Дж.Мамедкулизаде всей системой своих образов, всей художественной тканью, авторской концепцией - это есть самая простая, незатейливая и обычная история о том, как бедный и предельно религиозный крестьянин Мамед Гасан потерял своего осла. А осел ему был очень нужен, так как Мамед Гасан уже несколько лет готовился, собирал свои пожитки, отказывая своей семье даже в самом необходимом, чтобы совершить паломничество в святые места в Кербале.

Совершить паломничество в Кербалу он считает делом всей своей жизни. Как-то задумался дядя Мамед Гасан о своей горькой жизни и понял, что в ней не было никакого просвета, разве что два-три счастливых дня в самом раннем детстве. И только в будущем, в самых радужных мечтаниях видится ему как невозможное счастье длинный, изнурительный путь к святым местам поклонения.

Осел, которого ему удалось приобрести ценой невероятных лишений, - предмет особой гордости дяди Мамед Гасана и его жены. А маленький сын их Ахмед тоже очень привязался к этому животному.

Есть еще в этом селении староста Худаяр бек. Вот его портрет:

“Лет Худаяр беку будет тридцать семь - тридцать восемь... Он высокого роста, с черными бровями и черной бородой. Лицо у него темное-темное, а глаза совершенно черные, и белков-то не видно. Бывает, когда Худаяр бек надвигает папаху на лоб, получается прямо-таки жуткий вид: папаха черная, глаза черные, лицо темное: из-под надвинутой папахи зрачки так и блестят. Но все бы ничего. У Худаяр бека на лице есть недостаток, большой недостаток: нос у него кривой. Не то чтобы немного кривой, нет. Бывают разные кривые носы. Я видел много красавцев с кривым носом. А у Худаяр бека нос крив до безобразия: в верхней части носа выдвигается большая горбинка, а ниже нос, подобно петушину гребешку, идет круто влево”.

История его карьеры:

“Два года, как Худаяр бек стал старостой селения Данабаш. Он не просто стал старостой, как другие старосты. Обычно старосту избирает население, а Худаяр бек стал старостой иначе. Раньше, а именно два года тому назад, Худаяр бек был рассыльным у главы. Случилось так, что тот вступил в брак-сийге с матерью Худаяр бека. И вот в один прекрасный день население узнало, что старостой над ним поставлен Худаяр бек”.

Его нрав:

“Став старостой, Худаяр бек сразу резко изменился. Начал с одежды. Обновив ее и вооружившись кизиловой дубинкой, он объявил, что отныне звать его не просто Худаяр, а Худаяр бек. До тридцати человек Худаяр бек посадил в кутузку только за то, что они по старой памяти называли его не Худаяр беком, а просто старостой Худаяром”.

Худаяр бек - всесильный диктатор и абсолютный монарх в деревенском масштабе. И вот “одолжил” он осла дяди Мамед Гасана, чтобы поехать в город. А в город ему нужно было ехать вот почему: был у Худаяра близкий приятель Кербалаи Гейдар. Умер Кербалаи Гейдар два года назад, оставив все свое богатство красивой и еще молодой вдове Зейнаб. На эти богатства и красоту Зейнаб зарится Худаяр бек - закадычный друг Кербалаи Гейдара. Впрочем, в этом нет ничего предосудительного по шариату... “Кто знает, быть может, если бы раньше умер Худаяр бек, то Кербалаи Гейдар захотел бы жениться на его вдове”.

Но Зейнаб - личность гордая, цельная, несломленная, не хочет и слышать о Худаяр беке. “Посланцу Худаяр бека Зейнаб ответила, что пусть тот поорет и найдет себе пару, а такого, как Худаяр бек, она бы и в слуги к себе не взяла”.

Все эти преграды не представляют никакой реальной помехи для Худаяр бека. Он едет в город, между делом продает осла Мамед Гасана (писатель тонко показал, что продажа осла не была продуманным планом Худаяр бека, с такой же легкостью он мог бы совершить любой другой акт произвола по отношению к любому из своих сельчан), на эти деньги Худаяр бек без особых церемоний подкупает мусульманского судью-кази, ханжу и проходимца. Тот без зазрения совести регистрирует заочно брак Худаяра с Зейнаб. Ведь это тоже допускается по шариату: присутствие женщины необязательно, должен быть лишь свидетель - уполномоченный родственник вступающей в брак.

Худаяр бек выдает своего дружка Касимали за сына Зейнаб. А хорошо оплаченный кази охотно принимает его за тако-вого. Обряд совершен. Круг замкнулся. Теперь уже Зейнаб, естественно, не признающая этого фиктивного брака, оказывается нарушительницей шариата, оказывается в оппозиции ко всей системе религиозного, государственного, морального правопорядка, и бороться ей приходится со всем миром, потому что ведь “весь мир” - это тоже не абстрактное понятие, а конкретные люди, образ жизни, тот локальный и строго ограниченный мир, в котором живешь, законам которого подчиняешься, и нет тебе выхода из него.

В повести две самостоятельные линии, тесно переплетенные между собой при помощи зловещего образа Худаяр бека. Первая - линия дяди Мамед Гасана, страшная в своей трагикомической обыденности история подавленного религиозным догматом человека, который страдает в попытке служить этим догмам верой и правдой. Дядя Мамед Гасан - раб той самой идеи, которая его давит и уничтожает, он стремится только к одному - дотошному и прилежному исполнению всех ритуалов поработившей его религии. Осмыслить это противоречие наивный ум дяди Мамед Гасана не в состоянии. “И все же больше всего угнетала дядю Мамед Гасана одна мысль: он не сомневался, что все это совершалось по воле всемогущего Аллаха. Не бывает на свете ни одного события, о котором не ведал бы Всевышний. Вот взять случай с ослом. Ведь если с ослом случится что-нибудь, он отстанет от товарищей и лишится возможности ехать на поклонение. Как теперь это понять? Путь в Кербалу - благой путь. Раз кто-нибудь задумал поехать в Кербалу, надо, чтобы Аллах ему помог в этом деле... Следовательно, Аллаху безразлично, отправится дядя Мамед Гасан в паломничество или не отправится?.. Эти мысли терзали дядю Мамед Гасана”.

По знойным дорогам, под палящим солнцем тащится дядя Мамед Гасан от селения к городу, от города к селению, тщетно пытаясь напасть на след пропавшего осла. Ведь Худаяр бек не удостоил его даже определенного и окончательного ответа.

Неумолимо приближается день, когда группа таких же одурманенных людей собирается торжественно двинуться в далекий путь паломничества. Дядя Мамед Гасан не может присоединиться к ним. Невозможно забыть страницы повести, описывающие проводы паломников, отчаяние, исступленный крик заливающегося слезами дяди Мамед Гасана: “Я не сумел поехать... не сумел... не пустили... помешали мне... похитили моего осла... съели... продали...”.

Рушится и гибнет семья дяди Мамед Гасана. “В прошлом году Ахмед заболел горлом и помер. После его смерти два месяца горевала по нему мать и тоже приказала долго жить. Дядя Мамед Гасан каждый раз клянется, что и сына, и жену его убила тоска по ослу”.

Другая линия в повести связана с Зейнаб. Вся мощь феодально-мусульманского общества - религиозный кодекс, государственные законы, семейные условности, экономические напасти - обрушиваются на беззащитную женщину. Ее уговаривают, ей советуют, угрожают, вокруг нее вырастает глухая стена безысходности.

“Какая нужна сила, чтобы выдержать весь этот натиск, эти страдания, позор, угрозы, чтобы выступить против всех - кази, начальника, моллы, свидетелей, всего народа. Этой силы не было и не могло быть не то что у Зейнаб, но даже у ее бабушки и пра-

бабушки... И когда Касимали повторил вопрос, она собрала все силы и, преодолевая отвращение, процедила сквозь зубы: “Согласна”.

Человек сломлен. В нем убили самое ценное, что можно убить в человеке, - личность, достоинство, гордость. Вот выдержки из финальной страницы повести:

“Худаяр бек без конца изводил ее. Это был на редкость сметливый человек. Мучая ее, Худаяр бек добивался одной-единственной цели - стать хозяином всего имущества Зейнаб и ее детей, после чего он мог отпустить их на все четыре стороны... Когда наконец Худаяр бек завладел всем, что принадлежало Зейнаб, ее дочерям и Великули (сын Зейнаб), бедная женщина ушла от Худаяр бека и поселилась в своем доме, где, правда, ничего не осталось, кроме пары старых циновок... Наконец Худаяр бек сжался над несчастной женщиной и, чтобы хоть немного облегчить положение Зейнаб, взял к себе Великули батраком, а Зибу (дочь Зейнаб) - служанкой. Он назначил им такую плату, чтобы Зейнаб не умерла голодной смертью... Он не дал бы Зейнаб развода, во-первых, потому что Зейнаб была еще не так стара, чтобы он хотел вовсе от нее отказаться. Ведь если бы Зейнаб хоть немного любила Худаяр бека, он и не удалил бы ее из своего дома. Надо быть справедливым, Зейнаб сама виновата в том, что Худаяр бек отстранил ее от себя. Ведь с того дня, как она поселилась в доме Худаяр бека, ни разу, ну не единого разу не улыбнулась. Во-вторых, Худаяр бек не дал бы Зейнаб развода потому, что боялся, как бы кто-нибудь не женился на ней и не стал требовать с Худаяр бека имущество детей...

Великули вышел. Скоро стемнеет, а надо еще напоить скотину. Опоздай он, Худаяр бек устроит скандал. Поплакав еще немного, Зиба уснула на руках у матери”.

Какая боль за поруганного человека, какой мрачный мир безраздельно господствующего произвола! Пустыня, в которой ни одной живой человеческой души. В этой повести нет никакой отдушины, нет ни малейшего просвета, и это нельзя считать ее недостатком. Нелепо требовать от писателя, столкнувшегося с таким адом, оптимистических ориентиров. “Пропажа осла” - это глубоко трагическая констатация ужаса и мерзости жизни азербайджанской деревни XIX века. Своей безысходностью, беспросветностью тотального произвола книга Дж.Мамедкулизаде перекликается с произведением другого писателя начала XX века - романом Фр.Кафки “Процесс”. Глумление над личностью, вселенские масштабы жестокостей и нелепостей, зла и произвола, острая боль за оскорбленного и униженного человека, чудовищная всеобщность системы угнетения - эти ощущения и мысли возникают при чтении обоих произведений. Конечно, трудно найти более непохожие образцы литературы, чем “Процесс” и повесть Дж.Мамедкулизаде. Изохронная модернистская проза Фр.Кафки и строгое традиционно-реалистическое письмо Дж.Мамедкулизаде нелепо сопоставлять по формальным признакам. Но их сближает нечто большее - тревога за личность в человеке.

“Пропажа осла” и “Процесс” отличаются друг от друга не только внешними формами, но и мировоззренческой оценкой жизни, философской концепцией. У Кафки, как это было отмечено не раз, зло метафизично, существование человека абсурдно, извечность его одиночества, безответность его сигналов SOS - фатальны. У Дж.Мамедкулизаде зло конкретно, оно воплощено в реальных его носителях, в реалиях обществен-

ной системы, идеологии, классовых отношений. Мечта Мамед Гасана абсурдна в силу реальных исторических закономерностей. Одиночество Зейнаб обусловлено конкретными нормами мусульманского кодекса морали.

Повесть “Пропажа осла” по сей день остается непревзойденным образцом и вершиной азербайджанской прозы и в чисто художественном отношении. Строгое, документально точное письмо, емкость и лаконизм в описаниях, в обрисовке характеров, поразительные психологические открытия, ощущение щемящей грусти, создаваемое самыми простыми словами, сочность языка - обо всем этом можно было бы говорить и говорить. Кстати сказать, неперебиваемые языковые особенности стиля Дж.Мамедкулизаде - одна из причин того, что этот писатель еще не занял подобающего ему места в истории литературы XX века. Как и Зощенко, Дж.Мамедкулизаде принадлежит к таким мастерам сатиры, языковые принципы, языковое своеобразие которых являются важнейшими, если не главными особенностями художественной образности.

В “Историях селения Данабаш” Дж.Мамедкулизаде поставил диагноз. Но мало поставить диагноз. В фельетоне “Микробы” он пишет: “Когда к больному приводят врача, тот первым делом слушает пульс больного, затем прикладывает ухо к его груди и говорит, что у тебя, мол, малярия или ангина. Но если врач ограничится лишь этими словами и покинет больного, не назначив ему лечения, мы ему и ломаного гроша не дадим: но ежели врач, определив болезнь, даст малярику хину, страдающему ангиной пропишет йод, заболевшему холерой - бутин, а каждому больному смажет болячку йодформом - тогда другое дело. А некоторые наши суесловные витии похожи на врачей, которые, прослушав пульс больного, тут же спешат откланяться и ищут, куда положили свои шапки при входе”.

И Дж.Мамедкулизаде ищет первопричину болезни, ее бациллы и микробы. Он пишет такие произведения сценических жанров, как “Мертвецы”, “Сборище сумасшедших”, “Школа селения Данабаш”, “Книга моей матери” и другие, сотни фельетонов, десятки рассказов, в числе которых шедевры: “Почтовый ящик”, “Уста Зейнал”, “Конституция в Иране”, “Беспокойство”, “Курбаналибек”.

Одна из первопричин болезни общества - религия. Борьбе с религией посвятил Дж.Мамедкулизаде много произведений, и самое яркое из них - трагикомедия “Мертвецы”.

Сюжет “Мертвецов” (пьеса была поставлена впервые на сцене в 1916 году) строится на излюбленном приеме писателя, которым он пользуется и в ряде других произведений, - парадоксальной ситуации, доведенной до абсурда, гротеске в самой утрированной и уродливой форме.

В некоем захолустном городке один из почтенных людей получает письмо из Хорасана. Письмо это от... почившего в Хорасане несколько лет тому назад брата. Брат пишет о том, что он воскрес из мертвых и воскресил его некий Шейх Насрулла, святой человек и ученый муж, который занимается этим редким делом - воскрешением мертвых. “Теперь этот самый почтенный Шейх намеревается остановиться по пути на несколько дней в нашем городе и, помолившись на кладбище, поехать дальше. Как только получишь это письмо, сообщи всем братьям - согражданам нашим, чтобы в седьмой день месяца раджаба они вышли встречать благочестивого Шейха и оказали ему достойные почести. Я и еще сто четырнадцать человек, вместе со мной воскресших и

покинувших могилы, должны в течение недели возносить благодарственные молитвы... Если на то будет воля Аллаха, через неделю я уже выеду на родину”.

Как самый респектабельный и уважаемый человек в городе почтенных гостей примет в своем доме Гаджи Гасан-ага. События разворачиваются в его доме. Вскоре объявляются и сами “чудотворцы” - Шейх Насрулла и его сподручный, Шейх Ахмед, обыкновенные шарлатаны, которым, однако, не откажешь в смекалке и даре перевоплощения. Надменно и недоступно строят они из себя ученых святош, изъясняясь на премудром языке, обильно сдобренном арабскими и персидскими словами. На самом же деле Шейх Насрулла - самый низменный эротоман и гурман, и единственная цель этого маскарада - краткосрочные браки - сийге, допускаемые по шариату: узаконенная проституция. И благочестивые хаджи и мешади обильно поставляют Шейху своих девяти-десятилетних дочерей, мечтая этим приобщиться к вечному блаженству, став родственниками такого святого человека. Кульминация пьесы - сцена на кладбище, где, наконец-то, должно быть продемонстрировано невиданное умение Шейха воскрешать мертвых.

Человеку, впервые знакомящемуся с пьесой “Мертвецы”, остается гадать, как автор и его персонажи выйдут из этого положения, из этой безвыходной ситуации. Приходят горожане, главным образом зажиточные люди (бедняки тоже были бы рады воскресить дорогих родственников, да денег на это у них нет), по очереди записывают своих почивших родичей. Все это воссоздано писателем с точными, реалистическими приметами. Итак, все ждут чуда. И здесь Дж.Мамедкулизаде находит поразительный по своей неожиданности и силе поворот. Оказывается, дочь Гаджи Гасан-ага Сара, которую он записал на воскрешение, - жена Мир Багир-ага. А Мир Багир-ага отнюдь не хочет воскрешения своей старой жены, потому что собирается жениться на молодой. В отместку за Сару Мир Багир-ага бросает в лицо Гаджи Гасан-аги упрек: почему, если он честный человек, не записывает своего брата Гаджи Рзу? В эту систему включаются другие персонажи, и оказывается, воскрешение любого из почивших кому-то невыгодно. И неласковый прием ждет воскресших. Двери их домов закрыты для них, имущество съедено, семья разрушена.

Создается гротескная ситуация - мир мертвых и живых, переплетаясь бесчисленными связями, взаимоотношениями, грехами, подлостями, предательствами, образует одну страшную фантазмагорию - мир, в котором одни могилы и живые трупы. На это, собственно, и рассчитывал Шейх Насрулла - порождение этого мира - и его циничный нахлебник. Шейх Насрулла, мудрый знаток психологии и сознания этих людей, превратил свой незаурядный ум в самое подлое и низменное в природе - в орудие издевательства, насилия, глумления над человеком, оплевал его и самое святое в нем - его чувства, привязанности, горе.

Пьеса перерастает из памфлета, разоблачающего религиозный фанатизм, в произведение, бичующее фанатизм вообще. Потому что дело тут не только в религиозном экстазе. Шейх Насрулла и тупая, аморфная масса живых мертвецов - это взаимозависимость стадного сознания и индивидуально яркой активности, направленной в сторону зла. Поэтому пафос “Мертвецов” актуален не только в борьбе с религией. В кругу ассоциаций, связанных с этой пьесой, - проблема фашизма и прочих эксцессов современного мира. Эта пьеса злободневна всегда и везде, где индивид подавлен, где личность

растворена в некоей безликой массе, мысль лениво аккомпанирует общеутвержденным стандартам и шаблонам, сознание, оценка размыты в едином всеобщем мнении. И над этой толпой господствует, пусть и калифом на час, гнет ее, делает с ней все, что хочет, “сверхчеловек” в своей восточной ипостаси, с антуражем религиозного святоши - Шейх Насрулла. Часто сравнивают “Мертвецов” с бессмертным “Ревизором” Гоголя, и по каким-то чисто внешним, фабульным, ситуационным признакам, что мне кажется натяжкой, и по общему идейно-гражданскому пафосу, что, безусловно, оправданно.

Но главное отличие “Мертвецов” от “Ревизора”, при всем, что их сближает, не только в том, что в пьесе Дж.Мамедкулизаде есть, так сказать, позитивные герои. Главное отличие, мне кажется, в том, что Хлестаков, у которого “легкость в мыслях необыкновенная”, в “Ревизоре” более или менее пассивный участник событий, он принимает, и то не сразу, навязанную ему ситуацию, а Шейх Насрулла в “Мертвецах” создает ситуацию сам. Дж.Мамедкулизаде ужасается и заставляет ужаснуться нас, задуматься о том, что с такой косной толпой может сделать Шейх Насрулла, если его интересы будут направлены не только на удовлетворение сексуальных влечений, как в данной фабуле, а на более общественно-исторически важные и опасные факторы.

В мрачном одиночестве ходит среди этих людей Искендер - сын Гаджи Гасан-аги. Гаджи Гасан-ага не может простить себе, что, послушавшись лукавого, послал его учиться в Европу. И вот вернулся Искендер, окончив свое учение, попал в этот неподвижный, уродливый мир, и между глухими стенами невозможности общения, среди абсолютно чуждых ему людей пристрастился к бутылке. Он получил прозвище Пьяница и в качестве Пьяницы-Искендера его воспринимают как неудавшегося, духовного блудного сына, в общем-то неопасного. Образ Искендера создан в русле традиций, существующих, очевидно, во всех литературах мира во все времена. Образ молодого вольнодумца, “не согласного”, при всем различии исторического, национального, психологического облика, прошел по литературе от Прометея, Гамлета до Чацкого, Чайльд Гарольда. “Белая ворона” в мире неподвижных застывших понятий, норм, догм, “Мыслящий тростник” среди наваленных штабелями мертвых бревен. Традиции этого образа в нашей литературе идут от Меджнуна, бросающего вызов устоявшейся морали, понятиям своего времени. Вехи на его пути - герои М.Ф.Ахундова, Н.Везирова, А.Ахвердова.

Определение “позитивный герой” в отношении Искендера тоже весьма условно. Искендер - весь в отрицании, его положительная программа - только лишь негативна. Он не приемлет мир своего отца и видит насквозь Шейха Насрулла. Он понимает, возмущается, сокрушается, обвиняет, но не действует, а пьет. Он, несмотря на все его проницательные речи, бессилен - и потому одинок, одинок - и потому бессилен, одинок и бессилен, и потому находит утешение только в водке. Мне кажется, неправы те, кто утверждает, что пьянство Искендера - это тактический прием; только в пьяном состоянии он может говорить слова, которые, будь они сказаны на трезвую голову, не простили бы ему, - ну, нечто вроде гамлетовского безумия. Нет, пьянство Искендера - это и горе, и отчаяние, и бессилие, и боль - все что хотите, только не тактика.

В “Мертвецах” Дж.Мамедкулизаде ставит еще одну важную проблему - проблему ответственности интеллигенции, проблему просвещения. В пьесе наряду с темной массой религиозных фанатиков действуют и два интеллигентных персонажа: Гейдар-ага -

почтовый чиновник и Али бек - переводчик, получившие светское образование. Они всегда ходят вместе, очевидно, держатся друг за друга, близкие определенными навыками культуры, знаниями. Где-то за пределами пьесы они, возможно, тайком и выпытывают, и изливают друг другу душу, ехидничают по поводу слепой веры гаджи-гасанов в чудеса Шейха Насруллы. Но на людях они безоговорочно лояльны ко всей чудовищности происходящего, к заблуждениям и иллюзиям темного сознания, они почтительны к Шейху Насрулле, “восхищены” его невиданным даром. Это прирученные интеллигенты, приспособившиеся интеллигенты, продавшие душу, совесть, логику своих знаний и культуры в угоду общепринятому заблуждению. И Искендер не может простить этим Гильденстерну и Розенкранцу - если допустима такая параллель - предательства по отношению к тому свету знаний, который они должны были нести в темную массу, в инертное сознание, получая за это только плевки и побои.

В стихотворении Расула Рзы, посвященном герою “Мертвецов” Искендеру, есть такие строки:

*Да, Искендер, конечно, пил
и кличку “пьяница” носил.
Он видел, что вокруг него
Живые мертвецы;
Он думал день и ночь,
какой им жалкий жребий уготован.
И он ведь мог бы стать
чиновником почтовым,
не пил бы или пил бы в меру,
И жизнь его была бы -
тишь да гладь...
Не упрекайте Искендера:
Большое бремя -
понимать.*

Дж.Мамедкулизаде ненавидел прирученную, приспособившуюся интеллигенцию, отказавшуюся от своего святого долга нести свет разума, мысли, ясного сознания, бремя несогласия, бремя понимания. Писатель, всю жизнь боровшийся за просвещение, образование, культуру, четко отмечал важнейшую разницу между подлинной, жертвенной интеллигентностью и ее внешним лоском. Все говорят: стань ученым, но никто из этих балбесов не сказал: изучай науки, чтоб быть человеком.

Человек во всем величии своего ясного разума, бескорыстной преданности своим убеждениям, истине, справедливости - вот нравственный идеал Дж.Мамедкулизаде.

Большое бремя понимания пронес Дж.Мамедкулизаде через все свои произведения крупных и малых жанров. Конечно, диапазон и масштабы понимания у Дж.Мамедкулизаде были неизмеримо шире и выше, чем у его героя - Искендера.

Мы можем говорить о понимании проблем человека, общества, нации у Дж.Мамедкулизаде соответственно в психологическом, общественном и национальном аспекте.

В психологическом аспекте глубокое понимание писателем человеческой природы проявляется в том, что он всегда берет его в сложном комплексе нравственных, философских, бытовых и эмоциональных связей. У Мамедкулизаде нет одноплановых героев, все его персонажи трехмерны, сочны, жизненны в подлинном значении этих слов. И что особенно хочется подчеркнуть, при всей своей яростной ненависти к злу писатель нигде не показывает, так сказать, априорных злодеев. Каждый из самых что ни на есть отрицательных и мрачных персонажей писателя имеет льготу - объяснение своим поступкам. Это не смягчающие обстоятельства, а реалистическая мотивация поступков. Его злодеи не считают себя таковыми, им не откажешь в определенной последовательности, в системе собственной оценки жизни, оценок других людей, условий, они, эти отрицательные персонажи действуют согласно собственной логике поведения, согласно собственному нравственному опыту, собственному пониманию и объяснению правды. И в этом победа Мамедкулизаде-художника.

Общественный аспект писательского понимания проявляется в том, что ни одно явление Дж.Мамедкулизаде не берет метафизически, изолированно. Он никогда не ставил каких-либо общеабстрактных проблем, занимающие его вопросы всегда конкретны. Он умеет ставить проблемы объемно, видеть их в диалектическом развитии. Он умел не только видеть, но и предвидеть. Оценивал проблемы не только в их нынешнем состоянии, но умел анализировать и варианты будущего. Видел и те новые проблемы, которые возникнут в случае утверждения даже его собственных идеалов. К просвещению, образованию призывали многие наши писатели. Но величие Дж.Мамедкулизаде в том, что он предвидел и “плоды просвещения”, зорко различал и то отрицательное, к чему могла привести внешняя образованность.

Глубоко понимал Мамедкулизаде и национальные проблемы своего народа. Географическая участь народа, его исторические судьбы - повод для горьких раздумий Дж.Мамедкулизаде и в знаменитом фельетоне “Азербайджан”, и во многих других произведениях. Наиболее полное воплощение эта проблема нашла в пьесе “Книга моей матери”.

В “Книге моей матери” эти проблемы возведены до уровня философского символа, олицетворяющего всю суть исторического существования Азербайджана. Это пьеса-притча, в ее фабуле, построении, системе образов много элементов фольклора, народной сказки.

У матери Захра-бегим было три сына. Она послала их учиться: одного - в Россию, другого - в Иран, третьего - в Турцию. И вот вернулись сыновья на родину, каждый со своим арсеналом, багажом чужих культурных наслоений, идей, другим образом мышления, другими нормами поведения и понимания. Они не приобщились к другой культуре, а переняли ее полностью, отказавшись от своей национальной самобытности. Теперь они не могут найти общего языка, в прямом и переносном смысле слова, не только друг с другом, но и со своей матерью. Трагедия трактуется Дж.Мамедкулизаде и как семейная, и как национальная, и как классовая. Братья, не общающиеся между собой, еще более отчуждены от мыслей, дум, чаяний простого народа. И вновь Дж.Мамедкулизаде мучительно констатирует наличие пропасти между частью интеллигенции, которая путь к спасению видела лишь в абсолютном слиянии с другими, большими на-

родами, в подчинении чужим культурным традициям, идеологическим течениям, этическим и эстетическим нормам. Самое парадоксальное в том, что каждый из сыновей считает себя истинным патриотом. Но такие патриоты не опасны ни для кого, они вполне устраивают и царские власти.

В этом месте я чувствую необходимость добавить к тексту эссе 1967 года одно свое наблюдение, которое по цензурным соображениям не могло быть обнародовано в те годы. Мне кажется, что “В книге моей матери” есть некая полемика с той триадой, которую выдвинул другой видный деятель нашей общественной мысли, Алибек Гусейнзаде, - исламизация, тюркизация, модернизация (вслед за ним турецкий мыслитель Зия Гейалп сформулировал это как “исламизацию, тюркизацию, вестернизацию”). Конечно, Мирза Джалил никогда не выступал против мусульманской религии как таковой, наоборот, он не раз защищал честь и достоинство ислама. Писатель не раз открыто заявлял, что он тюрк - турок (в азербайджанском языке нет разницы между этими искусственно разделенными понятиями), не раз писал, что его родной язык - тюркский, и поэтому никак не мог быть против тюркского приоритета. Что касается приобщения к современной цивилизации, то он как раз всю жизнь и боролся за такой путь развития.

Тогда в чем же заключалась полемика? Полемика, на мой взгляд, определялась тем, что и исламизацию, и тюркизацию (в то время последнее воспринималось как османизация), и стремление к современности, Мирза Джалил обуславливает прежде всего как азербайджанец. Он призывает ни в коем случае не забывать о том, что ты - азербайджанский тюрк, пишущий и говорящий на родном азербайджанско-тюркском языке. В этом смысле Дж.Мамедкулизаде можно считать одним из основателей азербайджанства, хотя он нигде не употребляет именно этот термин. Высмеивая двух своих соотечественников, общающихся между собой на русском языке, или тех, кто на родном языке говорит с иностранным акцентом, путая слова и понятия, или русифицирует национальные имена, Дж.Мамедкулизаде ни в коей мере не выступал против ценностей русской или западной культуры, против современного мышления и поведения. Он всего лишь заступался за родной язык, за национальную идентификацию и самобытность. Нарочитое усложнение азербайджанского языка арабскими и фарсидскими словами (плод ложно понимаемой исламизации) писателем трактуется как намеренное затуманивание мозгов народу. Ведь недаром подручный Шейха Насруллы Шейх Ахмед в “Мертвецах” советует тому: “Лучше скажи это по-арабски”, чтобы никто ничего не понял из его пустопорожних разглагольствований. Ясно, что, выступая против подобной “исламизации”, писатель критиковал не исламскую религию, а ее нахлебников-шарлатанов. Точно так же, критикуя османизованную речь героя “Книги моей матери”, Дж.Мамедкулизаде выступал не против чистого, народного тюркского (турецкого) языка, а османского, засоренного арабизмами и фарсизмами, того самого искусственного языка, от которого в дальнейшем отказались в самой Турции. (К сожалению, в большинстве случаев заменив арабские и фарсидские слова английскими и французскими.)

С удивительной прозорливостью предвидя это, Дж.Мамедкулизаде писал: “Если исключить три-четыре семьи, получившие школьное образование, пятнадцать миллионов турок необразованны. Те же, кто умеет читать и писать, не понимают язык стамбульских газет и потому в неведении относительно того, что происходит там и вообще в мире”.

Писавший на чистом, не нагруженном иноязычной лексикой азербайджанско-тюркском языке, Мирза Джалил именно на этой почве полемизировал на страницах печати с Али беком Гусейнзаде и Ахмедом Агаевым, имевшими большие заслуги в истории общественно-политической мысли, журналистики, культуры Азербайджана. В свое время советская идеология клеймила Али бека Гусейнзаде и Ахмед бека Агаева как ярких пантюркистов. Конечно, они были приверженцами культурной общности тюркских народов, пантюркистских идеалов, но сами эти идеалы именно в этом понимании не были враждебны национальному самосознанию азербайджанского народа, как это пыталась выставить советская пропаганда. Сегодня получили духовную реабилитацию такие светлые личности, как Али бек и Ахмед бек, и мы признаем, что, как и “Молла Насреддин”, журнал “Фьюзат”, издаваемый Али беком Гусейнзаде, также пытался служить интересам народа. И это мы должным образом оцениваем. Но вместе с тем не должны забывать о противоречиях между двумя этими позициями в понимании путей развития национальной культуры. Не следует скрывать коренную разницу этих двух изданий, особенно в языковом отношении. Хотя я не отказываюсь и не зачеркиваю то, что было написано мною в основном тексте этого эссе относительно элитарности “Фьюзата”. Да, “Фьюзат” был рассчитан на элитарного читателя, знакомого, по крайней мере, с несколькими языками, “Молла Насреддин” же обращался к простому народу, к малограмотным слоям населения на доступном для них языке. Отнюдь не принося личности А.Гусейнзаде и А.Агаева, мы ныне ясно осознаем, что языковые принципы Дж.Мамедкулизаде оказались более верными и перспективными не только для Азербайджана, но и для Турции. Это, кстати, с присущим большим людям благородством признал и сам Али бек Гусейнзаде. Много лет спустя, уже давно эмигрировавший в Турцию, Али бек, ненадолго вернувшись на родину, встретился с Дж.Мамедкулизаде и сказал, имея в виду журнал “Молла Насреддин”: “Хорошо пишете”. И объяснил свою мысль: “Для того чтобы мяч поднялся ввысь, надо его бросить на землю”.

Возвращаюсь к тексту 1967 года.

В “Книге моей матери” глухая стена непонимания разделила трех сыновей, олицетворяющих три тенденции в общественном сознании Азербайджана в начале XX века, три течения, которые условно можно было бы свести к русофильству, пантюркизму и панисламизму.

Стены, стены, стены... Они встают, окружают, давят в “Книге моей матери”, как и в “Мертвецах”, и в “Сборище сумасшедших”, и в “Историях селения Данабаш”. “Каждая стена есть ворота” - сказал, кажется, Эмерсон. И Дж.Мамедкулизаде тоже ищет брешь в этой стене. В каждом, даже самом мрачном, произведении у писателя есть светлая нотка, и связана она с Детством с большой буквы. С детьми и Детством. Этот свет чистого и непорочного Детства, на который зарится хищный мир исламского миропорядка, связан с образами младшего брата и сестры Искендера в “Мертвецах”, с малышами-школьниками в “Школе селения Данабаш”. Мотив Детства, как единственно счастливой поры и источника веры в жизнь, проходит, правда, очень глухо, в “Пропаже осла”, во многих фельетонах, рассказах. Детство человека и Детство народа. Детство народа - фольклор, сказки наших бабушек, колыбельные матерей, бесхитростные прибаутки пастухов - простодушных детей природы - все это противопоставляется

Дж.Мамедкулизаде лживой и пышной литературе, ханжеской морали, уродствам и мерзостям рабского существования - как нечто первичное, вечное, светлое и чистое. Вот в этом возвращении к истокам, к элементарным ощущениям природы, простым и основным ценностям человеческой жизни и видит писатель “ворота в стене”, пусть и очень узкие, выход из тупика, пусть и очень тесный.

Говоря о “Книге моей матери”, необходимо отметить еще один момент. Интернационалист до мозга костей, Дж.Мамедкулизаде осудил в “Книге моей матери” три тенденции, ведущие, на его взгляд, к потере основных ценностей азербайджанской нации, ее духа, языка, традиций. Но почему-то в нашем литературоведении этот вопрос нередко стыдливо замалчивается. Мы как бы смущаемся говорить, что Дж.Мамедкулизаде, будучи яростным врагом панисламизма и пантюркизма, был таким же непримиримым противником русификаторской политики царского режима, осужденной Лениным. Но именно потому, что он был противником русификаторства, он был истинным и настоящим другом и пропагандистом русской культуры. Он любил русский народ искренне и достойно, но не как подданный Российского государства, а как человек, восхищенный гением нации, давшей миру Пушкина, Гоголя, Глинку, Толстого. В рассказе “Курбаналибек” Дж.Мамедкулизаде вывел холопа в сане бека, раболепствующего перед царскими офицерами, жалкого и ничтожного в своем лакейском усердии. И посвятив этот рассказ памяти Гоголя, он как бы еще раз противопоставил купленную лояльность знати связям высокого гуманизма, культурных ценностей, литературного единомыслия.

Его перо, безжалостное ко всем курбаналибекам прошлого и настоящего, было таким же жестоким и в отношении всяческих проявлений лжепатриотизма, дешевого базарного национализма, национального чванства. Любовь к родине - громкое гражданское чувство, но в то же время это одно из самых личных и интимных чувств на свете. О любви к родине говорить через громкоговорители как-то неловко. Во времена Дж.Мамедкулизаде, да и только ли в его время, было видимо-невидимо “патриотов”, вещающих о своей любви к родине через громкоговорители, хотя, впрочем, в то время громкоговорителей, может, еще и не было. Они делали это с большей безопасностью для себя и с не меньшей выгодой. Дж.Мамедкулизаде презирал этот патриотизм напоказ как источник политического капитала, как средство популярности, как апробированный метод срывания аплодисментов.

Искренность и бескорыстность любви к народу часто доказывается парадоксально: во имя этой любви нельзя бояться прослыть антипатриотом, очернителем, злостным нигилистом. Дж.Мамедкулизаде сегодня - классик нашей литературы, его статуя возвышается на фасаде музея Низами в Баку, среди памятников великим сынам Азербайджана, и сейчас никто не осмелится обвинить статую в непочтительности к своему народу, в злопыхательстве и очернительстве. Но разве мало патриотов, которые, признав, в силу неизбежности и школьных императивов, носителя тенденции, саму тенденцию не признают. Не признают, что только великая любовь может продиктовать самые жгучие обвинения, самые горькие упреки, самые мрачные описания.

При жизни Дж.Мамедкулизаде, когда он еще не был причислен к сонму классиков, такие обвинения бросались и ему. Обвинения в том, что он опозорил свой народ, по-

казал его в неприглядном свете. И эти литературные пигмеи, пискливые патриоты, заботящиеся о том, как бы подороже продать свой патриотизм, могли выставять себя охранниками чести нации, защищать Азербайджан от Дж.Мамедкулизаде - одного из самых высоких носителей чести и достоинства своей родины. Разве могли эти люди понять ту простую истину, что народ, способный рукой, глазами, умом и сердцем своего сына-художника оценить свои пороки, - зрелый народ, достигший высокой степени самосознания.

Известный в начале века грузинский врач Топуридзе сказал о Дж.Мамедкулизаде: “Такие гениальные люди с сатирическим умом рождаются раз в тысячелетие. Счастлив тот народ, которому он принадлежит!”.

Каждый азербайджанец может гордиться, что в нашей литературе был такой писатель, как Джалил Мамедкулизаде, еще по одной, очень важной причине. Он жил и творил в сложную эпоху обострения национальных отношений, взрыва национальных чувств. И ни в единой строчке, ни в едином слове не допустил ни одного выпада против какого-либо народа из тех, что населяют шар земной. Книги Дж.Мамедкулизаде переведены на русский, английский, французский, чешский, турецкий, персидский, арабский, грузинский, армянский языки, и ни один из этих народов не может обидеться на какое-нибудь неудачное выражение или двусмысленный оборот. Ни в каком издании не нуждается он в купюрах, многословных смягчающих комментариях. Высокое чувство интернационального уважения ко всем народам пронизывает все написанное им - от политической статьи до частного письма.

В июне 1920 года волею исторических судеб Дж.Мамедкулизаде со всей семьей переехал в Иран. Очутившись в Тебризе, центральном городе Южного Азербайджана, Дж.Мамедкулизаде сразу же занялся организацией издания журнала “Молла Насреддин”. В Тебризе писатель не чувствовал себя почтительным гостем, не вмешивающимся в чужую жизнь. Метким глазом определив объекты своей сатиры, Дж.Мамедкулизаде в первом же тебризском номере “Моллы Насреддина” опубликовал острые фельетоны, бичующие пороки иранской действительности, уродства жизни Тебриза. Первый номер журнала произвел впечатление разорвавшейся бомбы и был сразу же конфискован по приказу губернатора. Но писатель не отступил. Он опубликовал ряд программных фельетонов, вскрывающих самую суть проблем Ирана и Южного Азербайджана.

“В Иране, - пишет он в фельетоне “Нация”, - нет слова “нация”. В словарях в том месте, где должно стоять слово “нация”, написано “личность”. Именно по этой причине у нас национальные институты подменяются институтами личной власти, а вместо наших национальных предприятий осуществляются интересы отдельных личностей.

...знаменитый философ древности Демокрит впервые произнес слово “нация” и объявил, что каждая страна имеет единственного хозяина, и этот хозяин есть нация... Под влиянием французского примера это восприняли многие национальности на земном шаре. Чувство национального достоинства и свободолюбие начали пробуждаться во всех странах, и мы в числе других слегка зашевелились. Но разница лишь в том, что мы не захотели подражать другим, мы построили для себя особую фабрику свободы, заботясь о том, чтобы продукция этой фабрики не походила на французские, европейские образцы, подобно тому, как стекольный завод не похож на швейную фабрику. И

это потому, что между восточными и западными товарами всегда существует разница, точно так же возникла разница между западным и восточным свободолобием. Институт нашей свободы зиждется на личностях, а не на нации. Поэтому в течение последних пятнадцати лет всегда, когда мы замыслили какое-нибудь предприятие для достижения свободы, неизменно выбирали из своей среды кого-нибудь в султаны, без разрешения которого мы не смели даже пикнуть. И это мы называли свободой! Что же касается нации, то она только безучастно взирала со стороны, ибо тысячелетиями привыкла смотреть на все так, со стороны. Я не говорю, какая из этих фабрик лучше, какая хуже. Каждый выбирает то, что ему по душе. Пожалуйте, сударь, чего изволите? Только запомни хорошо то, что страна, общество - суть масса отдельных людей. И если ты не возьмешь в расчет духанщиков, башмачников, угольщиков, голодных братьев своих и сотворишь себе кумира, тогда товар твоей фабрики среди других наций не будет ходким и тебе придется в конце концов закрыть свою фабрику, остаться ни с чем. Тогда пеняй на себя". Каждый тебризский номер журнала удавалось издавать ценой невероятных усилий, лишений, борьбы с цензурой, на этот раз шахской. За 1921 год в Тебризе было издано восемь номеров "Моллы Насреддина". В годы тбилисского издания, как говорилось выше, Дж.Мамедкулизаде объединил вокруг журнала передовую интеллигенцию. Сабир, Ахвердов, Ордубади, Гамгюсар, А.Назми и другие выступали на страницах журнала под псевдонимами "Хоп-хоп", "Мозалан", "Фланкес", "Демдемеки", "Мешади Сижимкули", "Лаглаги" и т.д. В Тебризе почти весь журнал от начала до конца писал один человек - Дж.Мамедкулизаде (Молла Насреддин). Но различные фельетоны, корреспонденции, письма он подписывал псевдонимами своих старых друзей и сотрудников. Может быть, это давало ему иллюзию того, что и они здесь, даже те из них, кого уже нет в живых, рядом с ним в этом изгнании. В Тебризе Дж.Мамедкулизаде чувствовал острую тоску. Он задыхался в чадной атмосфере этой страны:

"На земле есть только два города, где бани топят сухим навозом, - Нахчыван и Тебриз, - писал он в фельетоне "Дым". - Никому не приходит в голову мысль о том, что жить на свете - это не только утром пойти в свою лавочку, а вечером набить живот едой и завалиться спать. Коль скоро ты обрек себя на жизнь среди зловонного запаха и дыма от навоза, горящего в банных топках, зачем тогда поносить другие нации и сынов этих наций, которые не душат соседей банным дымом? Повсюду дым, дым. В компаниях и домах - табачный дым и винный перегар; на улицах - дым бань; в сознании - дым предрассудков; в душах, сердцах - дым косности. Короче говоря, нация задыхается в дыму. И, задыхаясь, она ждет спасения. Нация задыхается. Дым, дым обволакивает ее со всех сторон. Если не отозваться на ее призыв о помощи, может случиться так, что нация погибнет. Надо спешить!"

В Тебризе, как свидетельствует супруга писателя Гамида ханум, Дж.Мамедкулизаде почти одновременно получил два приглашения. Из Баку и Тегерана.

"2 мая (1921 года) Дж.Мамедкулизаде получил телеграмму из Баку от Азревкома о том, что он единогласно избран комиссаром просвещения, приглашают его с семьей вернуться в г.Баку, - пишет Гамида ханум в своих воспоминаниях. - Пришел Элеви (тебризский знакомый Дж.Мамедкулизаде), он уговаривал Мирзу Джалила не ехать, т.к. там уже теперь делать нечего; здесь можно больше принести пользы, разбудить, ожи-

*Супруга писателя Гамида ханум
Даватдарова-Мамедкулизаде*

вить народ и т.д. Затем он передал, что получено известие из Тегерана - хотят предложить Мирзе Джалилу стать во главе просветительских учреждений”.

Итак, по иронии судьбы два правительства - Азербайджанское советское и правительство шахского Ирана - предлагают ему портфель министра просвещения. Общественный строй, за торжество принципов которого Дж.Мамедкулизаде боролся в течение долгих лет, и общественный строй, непримиримым врагом которого был и остался. Обратимся вновь к свидетельству Гамида ханум:

“Мирза Джалил говорил мне так: из Баку Азревком приглашает меня на пост комиссара просвещения, но я не чувствую себя способным служить кому бы то ни было. Там я буду просить дать мне возможность по-прежнему издавать журнал “Молла Насреддин”. Мое призвание - критиковать, осмеивать все, достойное смеха. Надеюсь, что там ныне полная свобода печати, это более всего прельщает меня”.

24 мая 1921 года Дж.Мамедкулизаде со всей своей многочисленной семьей отправился из Тебриза в Баку. Он взял с собой около десяти тебризских детей для обучения в Баку.

Дж.Мамедкулизаде горячо приветствовал советскую власть в Азербайджане и начал служить ей в своем единственном и неизменном амплуа - обличителя недостатков. Но деятельность Дж.Мамедкулизаде как писателя и редактора сатирического журнала в Советском Азербайджане приобрела качественно иное значение. Если раньше в Тбилиси и Тебризе он обличал пороки всего общества, вел непримиримую борьбу с господствующей идеологией, с господствующим строем с целью их низвержения, то в Советском Баку он ведет борьбу во имя утверждения социалистического строя, во имя торжества нового общества, новой идеологии, новых отношений, против всего того, что мешало их развитию. Как и раньше, сатирическое перо Дж.Мамедкулизаде остро и беспощадно. Он метко прицеливается и разит наповал все пережитки прошлого в быту, в сознании людей, в их взаимоотношениях. Но писатель зорек и к тем недостаткам и болезням роста, которые возникают в процессе здорового в целом развития нового общества. Комчванство, рецидивы бюрократизма, догматизма, любование звонкой фразой - все это не проходило мимо внимания писателя. Не оставлял в покое он и своих старых врагов - западный империализм, восточный деспотизм. Эта критика Дж.Мамедкулизаде не всегда правильно воспринималась. Выступая на XVI съезде коммунистов республики, секретарь ЦК Компартии Азербайджана Р.Ахундов говорил: “Меня удивляет отношение товарища Чичерина к журналу “Молла Насреддин”. “Молла Насреддин” - беспартийное издание. Со дня своего появления на свет в течение 20 лет

журнал ведет борьбу против иранских феодалов, иранского деспотизма. Это известно широким народным массам. В советское время стоит журналу опубликовать какую-нибудь незначительную статью о негодных законах иранских феодалов, как товарищ Чичерин утверждает, что это наносит ущерб нашей дружбе с Ираном. Мы считаем, что этого нельзя допускать”.

Советское правительство создало все условия для плодотворной работы Дж.Мамедкулизаде как писателя и для успешного издания журнала “Молла Насреддин”. По решению ЦК Компартии Азербайджана журналу была отпущена крупная сумма денег. 2 ноября 1922 года вышел первый в советское время номер журнала. Решено было также собрать деньги на создание самолета “Молла Насреддин”.

Дж.Мамедкулизаде был избран кандидатом в члены АзЦИК. Он был активным членом Комитета нового алфавита, в составе правительственной делегации Азербайджана, возглавляемой председателем АзЦИК Агамалиоглы, совершил поездку в Крым, Татарию, среднеазиатские республики с целью пропаганды латинизированного алфавита.

Творчество Дж.Мамедкулизаде было и в центре внимания общественности. Издавались его книги, в Баку был проведен широкий общественный литературный суд-диспут над героями пьесы “Мертвецы”, на котором присутствовал председатель Совнаркома республики Н.Нариманов.

Но при всем этом было бы нечестно умолчать и о тех горьких моментах, которые омрачали последние годы жизни великого писателя, о грубых и необоснованных выпадах всяческих литературных недоучек. Хрестоматийный глянец не должен заслонять от нас и то горькое, что было в судьбе писателя.

Свое эссе о Мирзе Фатали Ахундове Дж.Мамедкулизаде начинает так: “О Мирзе Фатали надо писать много либо не писать вовсе. О Мирзе Фатали надо писать хорошо либо не писать вовсе”.

Эти заповеди верны и по отношению к самому Дж.Мамедкулизаде. Но к ним необходимо добавить еще одну заповедь: о Дж.Мамедкулизаде надо писать правду либо не писать вовсе.

Эту правду заслуживает и его светлая память, и он сам своим бессребреническим служением истине, и наше общество, воздавшее должное памяти великого писателя, издававшее и переиздававшее его книги миллионными тиражами, воздвигнувшее ему памятники, назвавшее его именем улицы и площади, театры и библиотеки. А правда заключается в том, что в последние годы Дж.Мамедкулизаде работал в обстановке травли, непонимания, изоляции. Его, чародея слова, какие-то безграмотные полуписатели обвиняли в языковых погрешностях. Его, патриота своей страны до мозга костей, обвиняли в выпячивании темных сторон, в смаковании недостатков. Некий Дубинский отмечал в журнале “Революция и культура” “удивительный факт”: “В Советском Азербайджане издается либеральный и свободомыслящий журнал “Молла Насреддин”. Для издания журнала отпускается достаточно средств. На самом же деле этот журнал является органом лишь только своего редактора. Надеемся, что этому будет положен конец”.

Перед Дж.Мамедкулизаде было поставлено категорическое требование смягчить критику иранского правительства, и в частности деспота Реза шаха. Начальник Глав-

лита Х.Терегулов в своем предписании Дж.Мамедкулизаде указывает, что “во всех материалах, публикуемых в “Молле Насреддине”, обязательно должна стоять его резолюция с разрешением”.

В 1925 году Дж.Мамедкулизаде пишет письмо М.С.Ордубади: “Давно я пришел к этой мысли, и теперь подвернулся хороший повод привести эту мысль в исполнение. Мое твердое решение - отказаться окончательно от издания журнала “Молла Насреддин”, сидеть дома и попросить у нашего правительства 5-10 рублей пенсии, думаю, что на это я имею право, или же искать какой-либо другой источник небольшого дохода. Но я повторяю, если после этого в журнале появится мое имя и я обжалую это, то никто не должен обижаться на меня”...

С 1925 года журнал выходит без редакторской подписи Дж.Мамедкулизаде, он подписывается к печати “Редакционной коллегией”.

В те годы, когда Дж.Мамедкулизаде просил о небольшой помощи, в Баку был открыт памятник Сабиру, другу и соратнику Дж.Мамедкулизаде, поэту, который истинное направление своего таланта нашел на страницах “Моллы Насреддина”. Дж.Мамедкулизаде забыли пригласить на официальную церемонию открытия памятника. Вспоминая Сабира, умершего в 1911 году, Дж.Мамедкулизаде думал о том, как иногда важно вовремя умереть.

В 1923 году был проведен “Вечер Моллы Насреддина”. Вот как описан этот вечер в воспоминаниях Гамиды ханум:

“Мы все были там: сидели во втором ярусе в ложе. Мирза Джалил нервничал, что-то не ладилось, почему-то в антрактах музыки не было. Устроители юбилея где-то кутили, и музыка играла для них. После второго акта занавес не поднимали, публика недоумевала. Оказывается, артисты не хотели продолжать играть, т.к. устроители обещали после второго акта заплатить им причитающиеся деньги и не дали... Получился большой скандал. Мирза Джалил был возмущен, он всем нам объявил сейчас же ехать домой. Мы уехали. Мирза Джалил тогда по дороге мне сказал: “Я больше никогда не соглашусь на устройство юбилея”.

Читая это тягостное описание, я вспомнил рапповский бойкот юбилейной выставки Маяковского. И я подумал о том, что многое сближает Маяковского и Дж.Мамедкулизаде - в судьбе, в литературном характере, в некоторых бытовых черточках. Эта близость в большом - оба они ненавидели лицемерие, ханжество, оба были ершистыми, колкими, дерзкими и озорными в своих сочинениях и легко ранимыми в жизни. Эта близость - и в мелких, но любопытных черточках характера. Дж.Мамедкулизаде, как и Маяковский, подав руку не симпатичному ему человеку, сразу бежал к умывальнику. “Нечистоплотных людей он узнавал по запаху”, - пишет Гамида ханум.

В 1931 году исполнилось 25 лет со дня выхода первого номера “Моллы Насреддина”. На вопрос Гамиды ханум, почему не отмечается 25-летний юбилей журнала, Дж.Мамедкулизаде ответил: “Я им сказал, что рано праздновать 25-летие. Даст Бог, отпразднуют 75-летие”. Это была ирония. Он не забыл, как в 1923 году оскандалили юбилейные торжества журнала “Молла Насреддин”.

7 января 1931 года вышел последний номер журнала “Молла Насреддин”. Джалил Мамедкулизаде пережил свое детище на год без трех дней. Умер он 4 января 1932 года.

Последние годы Дж.Мамедкулизаде были омрачены тяжелыми телесными недугами, материальными затруднениями, семейными неурядицами. Покончила жизнь самоубийством приемная дочь писателя - Мина.

Сильно ухудшилось здоровье писателя. В письме секретаря журнала “Молла Насреддин” Председателю Совнаркома Азербайджана говорится, что Дж.Мамедкулизаде сильно болен, нуждается в курортном лечении, но не имеет материальных возможностей для этого. Правительство выделило Дж.Мамедкулизаде 200 рублей и путевку в Кисловодск. “В конце декабря 1930 года, когда Мирза Джалил возвращался из Кисловодска домой, - вспоминает Гаида ханум, - пользующий его доктор дал ему запечатанный конверт и просил его передать доктору, который в Баку будет его лечить. Мирза Джалил впоследствии сам мне признался, что в Баку он не вытерпел, вскрыл и прочел письмо. Между прочим, там было написано: песня больного спета, больше двух месяцев не протянет. В декабре 1931 года он сказал мне: “А все-таки доктор не угадал. После его приговора я прожил еще 10 месяцев”.

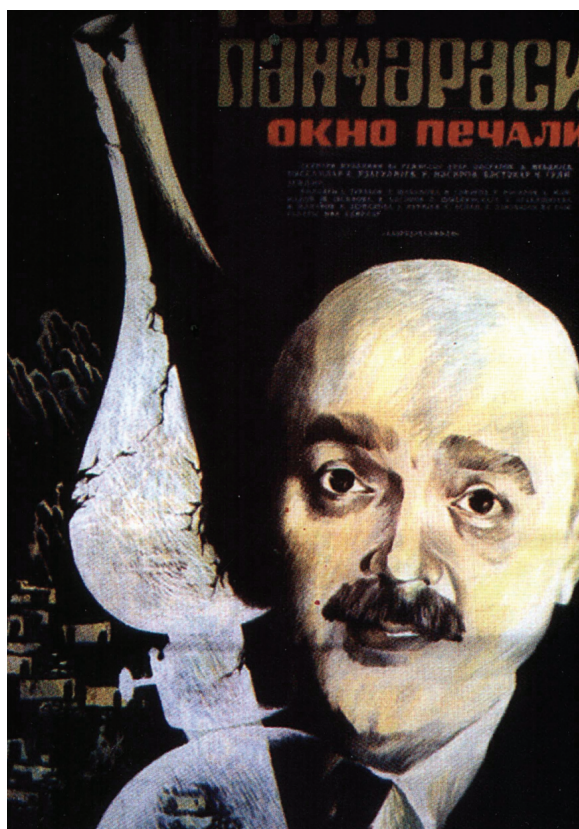
Дж.Мамедкулизаде с сыновьями Мидхатом и Энвером

Усталость и разочарование, обусловленные ухудшением здоровья, житейскими неурядицами, ощущаются в его письмах. В письме из Кисловодска он пишет Гаиде ханум: “Шлю привет моей дорогой Гаиде из далекого Кисловодска и благодарю ее за то, что подарила мне двух сыновей. В эти трудные для меня дни они стали моими умными помощниками”. Вот строки из другого письма: “Дорогие мои, пишите мне почаще о новостях, только не о политике! Жизнь уже искалечена. Жду моего отца Эдю”.

Эдя - это Мидхат, старший и любимый сын писателя, которого он ласково называл своим отцом. Гамида ханум, пережившая и Мирзу Джалила, и Мидхата, в своих воспоминаниях, говоря о своей беременности Мидхатом, написала поразительную фразу: “Я ждала рождения нашего покойного сына Мидхата”.

Мидхат был самой большой привязанностью Дж.Мамедкулизаде. Когда Мидхат окончил институт и получил назначение на Север, Дж.Мамедкулизаде был сильно огорчен отъездом любимого сына надолго в далекий северный край, где он мог заболеть при своей нежной и хрупкой натуре, у него и денег не было купить Эде теплое пальто, и это его мучило. После отъезда Мидхата Дж.Мамедкулизаде сильно грустил, с нетерпением ждал писем от сына - “Нет ли писем от Эди? - спросил он однажды у жены и совершенно неожиданно добавил: - Боюсь, получим мы известие о его смерти”. “Недаром беспокоился бедный отец, - пишет Гамида ханум, - его слишком чувствительное сердце чуяло беду. Нежный организм южанина не выдержал сурового северного климата. Эдя там заболел”. Мидхат умер от скоротечной чахотки день в день через пять месяцев после смерти отца и похоронен около него.

Гамида ханум вспоминает: “Мирза Джалил всегда говорил, что детей надо питать усиленно, а то заболеют и погибнут, но на это усиленное питание у него не хватало средств, он волновался, мучился, был нервозен и раздражителен, а идти просить стес-

Афиша фильма “Окно печали”. Гасан Турабов в роли М.Дж.Мамедкулизаде. Автор сценария и режиссер постановщик Анар

нялся - не хотел, в душе он находил, что его недостаточно оценивают. Мы не могли приобрести дров; в один из декабрьских вечеров, когда свирепствовал страшный норд со снегом, Мирза Джалил осторожно зашел к сыновьям и, выходя оттуда, проговорил: очень холодно, в голову ничего не полезет, надо чем-нибудь протопить печь. Он пошел в свою комнату, открыл шкаф, где хранились черновики его произведений, стал их просматривать и бросать на пол. Я встревожилась, подошла к нему и спросила, что он делает, он ответил, что хочет протопить печь. Я стала просить его не жечь черновики, они могут еще пригодиться. Лучше поищем какую-нибудь деревянную вещь. Он ответил, что все, что можно было, он уже сжег. Я с болью в сердце смотрела, как он им же самым исписанные бумаги большими пачками стал укладывать в печь и поджиг спичкой; потом постепенно подбрасывал в печь черновики. Я чувствовала, что это большая потеря, но противоречить не смела, он был очень раздражителен. Наконец он запер печь и опять пошел в комнату сыновей,

а, вернувшись, сказал: “Печь горячая”, он был доволен и спокойно лег спать. Это он в последний раз топил печь”.

Добавление к тексту 1967 года.

Эту печь в квартире Дж.Мамедкулизаде видел и я. Несмотря на решение правительства об организации здесь музея, он все еще не был создан и ничего не делалось для того, чтобы он действовал. Об этом я тогда написал в московской газете “Советская культура”. Музей был открыт только после возвращения Гейдара Алиева к власти.

Режиссер Рамиз Гасаноглы решил снять один из эпизодов телевизионного фильма обо мне именно в этой необустроенной квартире. И вот я стоял в холодной, неотапливаемой, полуразрушенной комнате, перед той самой печкой и думал о том, что, сжигая свои рукописи, великий писатель не только пытался согреть своих сыновей. Огонь и тепло этой печи согревают и нас, так называемых “шестидесятников”.

Именно в шестидесятые годы появился и новый взгляд на наследие Мирзы Джалила, которого до того советская критика выставила чуть ли не как атеиста, выразителя сугубо классовых интересов трудящихся и т.д. и т.п. Сбросив идеологические оковы официальной пропаганды с памятника Дж.Мамедкулизаде, “шестидесятники” обратились к истинным ценностям творчества великого писателя, по-новому стали трактовать его произведения, вернее, стали осмысливать их так, как они и были задуманы самим автором. И Мирза Джалил Мамедкулизаде стал первым прозаиком “шестидесятников”, старшим учителем целого поколения, придерживающегося общественных и художественных принципов, не имеющих ничего общего с методом социалистического реализма.

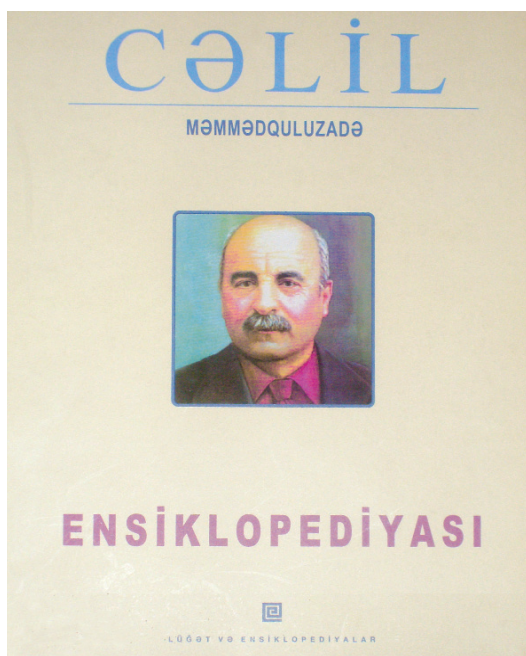
Подобные же чувства я испытал и в селении Неграм в Нахчывани, где некоторое время учительствовал Мирза Джалил. Во дворе сохранившейся с тех времен школы на ветке дерева висел звонок. Нам объяснили, что именно этим звонком созывали учеников в классы. Я подумал, что и этот звонок не был предназначен только для созыва школьников в класс. Он звонит и для нас, представителей многих последующих поколений, призывая нас к свету учения, к культуре, образованию, честному служению родному народу. И я уверен, что этот звонок никогда не умолкнет.

Возвращаясь к тексту 1967 года.

Воспоминания Гамиды ханум (они написаны на русском языке) - не академические мемуары, не холодные конспекты фактов и событий, а горькие свидетельства сердца,

Афиша спектакля “С думой о Вас”

Энциклопедия Дж.Мамедкулизаде

последние декабрьские дни 1931 года. 3 января он сказал жене: “Сегодня встретил очень много похоронных процессий. Как много умирает народу”.

“...вечером, - вспоминает Гаида ханум, - никого из детей дома не было; Мирза Джа-лил отдыхал в своей постели, а я шила в столовой, он встал, умылся, прошел в комна-ту Эди, взял оттуда свою кеманчу (азербайджанский народный струнный инструмент), опять вернулся к себе и стал играть. Он играл так хорошо, что я оставила работу, слу-шая его, а последний аккорд его был особенно красив, жалостливо хватал за душу, у меня слезы навернулись на глаза. Окончив, он понес осторожно кеманчу и поставил на прежнее место. Это было его последнее исполнение”.

4 января состояние Джа-лила Мамедкулизаде внезап-но ухудшилось. Ему сделали укол, массаж, вызвали вра-чей. Пришел старый сотру-дник по журналу Омар Фаик, который вместе с Дж.Ма-медкулизаде основал “Мол-ла Насреддин” (Он был ре-прессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован).

- Не надо звать врачей, позвоните Мидхату на рабо-ту, пусть скорей придет, - сказал Джалил Мамедкули-

и я позволю себе привести еще несколько от-рывков.

“Мирза Джалил ходил пасмурный, видно, у него были какие-то неприятности, но он не хо-тел об этом говорить. Ночью меня разбудил ка-кой-то стон: смотрю, Джалил так тяжело стонет, будто его душат, я его с трудом разбудила. Он рассказал следующее: “Я видел во сне, что меня судили, обвинили и приговорили заживо заму-ровывать в подвале, меня спустили в подвал, заложи-ли кирпичами дверь, затем стали закидывать и единственное окошечко у потолка. Я стал кри-чать и просить хоть окно оставить, не лишать меня воздуха”. Только после этого он мне ска-зал, что у него были неприятности по делам журнала”.

В последние месяцы своей жизни он часто думает о смерти. “Я умру внезапно и никому не доставлю хлопот”, - говорит он Гаида ханум в

Дом-музей М. Дж.Мамедкулизаде в Нахчыване

Памятник Мирзе Джалилу Мамедкулизаде. Скульптор Мирали Миркасимов

Барельеф у дома-музея Дж.Мамедкулизаде в Баку

воспоминаний, хотя, естественно, без своих книг он не был бы и таким значительным героем воспоминаний. Они дополняли друг друга в воссоздании образа Дж.Мамедкулизаде - его собственные произведения и то, что написано рукой его высокообразованной, тонкой, умной подруги. Я понял, что люблю Дж.Мамедкулизаде не только как писателя, чьи книги наряду с произведениями Сервантеса, Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого являются для меня высочайшей школой прозы, не только как учителя в его отношении к собственному народу и другим народам, но и просто как человека.

Я думаю о нем с уважением и почтением, но и с нежностью. Я думаю о нем как о дедушке, отце моем, как о брате, сыне, внуке. Не спешите обвинять меня в кощунстве за то, что я говорю о Дж.Мамедкулизаде как о брате, сыне, внуке.

Великие писатели - ровесники всех поколений; Джалил Мамедкулизаде был духовным ровесником поколения моего отца. Мое поколение тоже чувствует в нем ровесника и мудрого брата, отвечающего на многие наши вопросы и проблемы. И я думаю о том, что мы умрем, наше поколение уйдет, а он останется, став ровесником моего сына. Сын всех времен, он спутник каждого поколения. И поколения, идущие вслед за нами, наши сыновья и внуки откроют в нем своего современника и оставят его своим потомкам.

И я радуюсь счастливой судьбе человека, пронесшего через свою неласковую жизнь тяжкое бремя понимания.

заде и сам повторил номер его телефона. Но когда прибыл сын, он уже потерял сознание. Последними его словами были: “Эдя пришел?”.

“Вдруг с лица больного кровь отхлынула, последний раз воздух вышел из горла, и он затих навеки.

Было три часа дня 4 января”.

Так заканчиваются воспоминания Гамиды ханум.

* * *

Когда я с тяжелым сердцем дочитал последние строки воспоминаний Гамиды ханум о Джалиле Мамедкулизаде, он вдруг встал во весь рост передо мной, и я впервые ощутил его всего так зримо, живо: и то, как он мыл руки после рукопожатия с неприятным человеком, и то, как он играл на кеманче, и то, как топил печь. Никогда со страниц своих книг не вставал он так близко и грустно, никогда по этим сочинениям я не узнал бы его так хорошо, как из этих

1967 г.

Сабировские дни календаря

“Грядите дни весенние, дни благословенные...” - вот уже которое поколение азербайджанцев с детства произносит эти строки, и уже столько лет, как последние майские, весенние дни календаря одушевлены празднеством - Днями поэзии Сабира. Эти Дни собирают поэтов, литераторов и любителей литературы, ее читателей и почитателей в Шемахе и Баку, и все мы воздаем дань памяти великому волшебнику слова. Но разве все остальные дни календаря - лето, осень, зима - не являются Днями Сабира? Разве Сабир не входит ежедневно, ежечасно в наше бытие - на фоне сменяющихся эпох, систем, политической погоды, ценностной шкалы? Разве мы не взываем каждое мгновение нашей жизни к Создателю устами Сабира:

Из камня высеченный род на что Тебе, Аллах?

И разве мы не задаемся сабировским вопросом:

Сердца, холодные, как лед, на что Тебе, Аллах?

Минуло восемьдесят четыре года со дня смерти Сабира. Почти столетие поэзия Сабира, как и творчество Мирзы Джалила Мамедкулизаде, остается зеркалом нашего бытия, нравственных понятий, поведения, нашей национальной психологии и характера, и поныне на это зеркало пеняют лицезреющие себя “кривые рожи”. И вновь, как и на заре столетия,

Чем наглее произвол, тем покладистей народ.

И вновь нет недостатка в “усердных доносчиках и наушниках шайтана”, и мы лицезреем, “как бьющие себя в грудь в трудный час” являют прыть в ногах.

И мы, божась, не ведаем стыда.

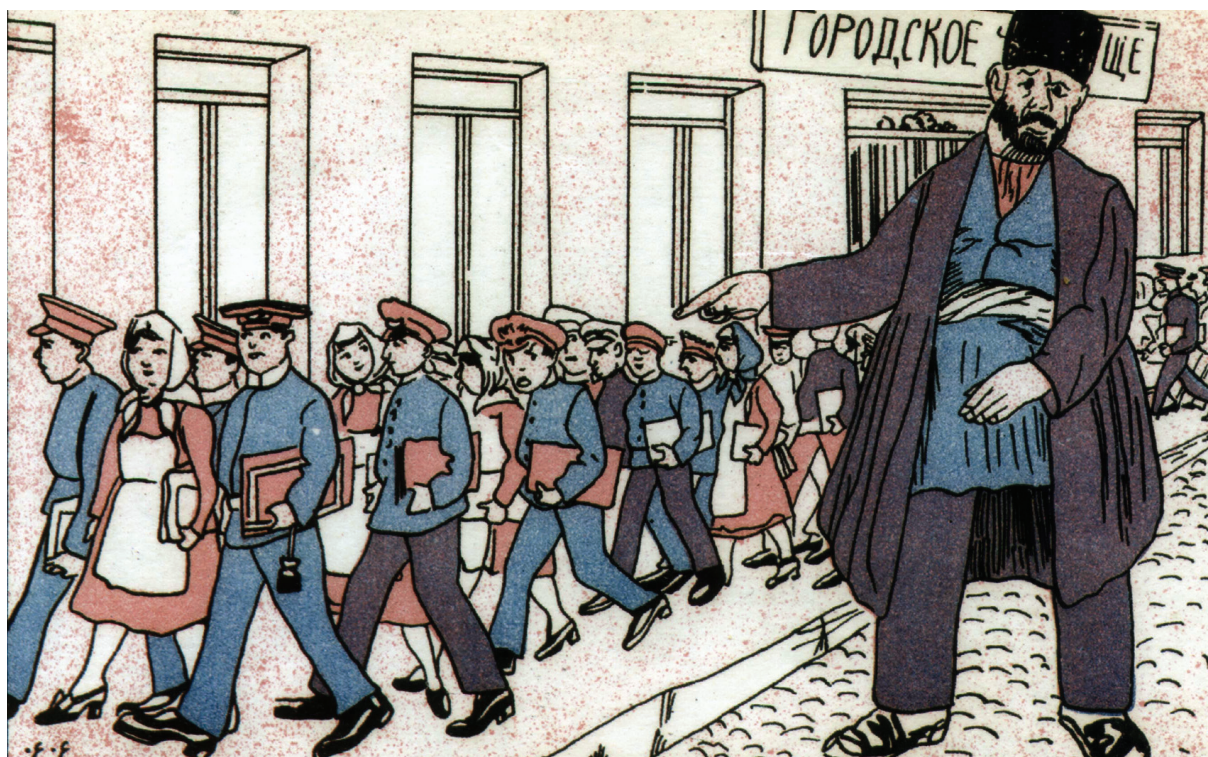
Нас не проймешь, нам горе - не беда.

Мы вновь с горечью осознаем, что “человек с мощной - человек большой, а без денег он - человек смешной!”. И вновь глядишь, “подобрали полы, а не видно полых вод, распалились, пропеклись, хоть и солнце не печет, дали слово, поклялись, а когда настал черед - подались тишком в кусты...”

То-то и “что сказать про нашу честь, ведома она окрест”.

Портрет Мирзы Алекбер Сабира. Художник Таир Салахов

Иллюстрации художника Азима Азимзаде к “Топ-топнаме”

И вновь, читая строки:

*Взятка - грех, - сказал и взял, и ничуть не устыдился.
Убедил ты простака, да вот сам не убедился...*

- диву даешься: когда это сказано? Вчера ли, сегодня ли, полвека ли, век ли тому назад? А может, еще будет сказано? Что же изменилось, Господи? Неужели - ничего?

*Окликает нас эпоха - мы молчим
и ни гу-гу,
Громыкает канонада - нам бы
дряхнуть на боку.
Иностранцы в дирижаблях
отправляются в полет,
Мы ж еще в автомобиле
не садились на веку.*

Ну нет, автомобили-то мы освоили, хвастаемся своими иномарками, - на зависть ближним. Но опять же:

*Когда от пашен и садов доход имеет бек,
Зерно взлелеющий народ, на что Тебе, Аллах?*

И вновь, как в 1905 году, как в марте 1918 года, как в 1988 году и позднее, сатанинские силы строят козни, сеют раздор между двумя народами-соседями.

Поэт, на которого обрушиваются “валы хулы”, возвышающийся “древним утесом над пучиной”, не успел запечатлеть пером и четверти увиденного-пережитого.

А другие “труженики пера” боятся запечатлеть даже сотую долю... А те, кто “закукарекал”, вообразив приближение зари, пообломают себе крылышки. И вновь... и вновь... пострадавший певун зарекается “кукарекать”. Но не кумекать.

“Будь слеп!” - он закрывает глаза. “Будь нем!” - он помалкивает. “Будь глух!” - он затыкает уши. “Не рассуждай!” - а вот тут он отвечает: “Уволь”. Нельзя не рассуждать, не понимать. А понимая - не гореть. Вот почему пламенная сабировская муза, мало в чем изменившая свою мишень, внушает сегодня нам не пессимизм, мол, “так было, так будет и впредь”, а будит веру и надежду в будущее.

Вот уже век, как “в школу мальчуган идет”, считай, не мальчуган, а народ, “храбро становясь на лед”, оскальчивается, падает, встает и грозит коварному льду:

***Вот стой! Придет весна -
И тебе задаст она!***

Каждая весна грядет стихами Сабира, стихией Сабира. Каждой весной - в последние дни мая - Мирза Алекпер Сабир, никогда не умиравший, возрождается, воскресает. Стихами, стихией...

Перевод Сиявуша Мамедзаде
22 мая 1995 г.

Памятник Мирзе Алекбер Сабиру в Баку. Скульптор Дж.Гарегды

Долг братства

*Море взволнуется, горы заплачут
Если загрузят горы, опечалится туман!
Ты на родной земле стал чужим
Жаль тех, кто надеется на туманы!*

Ахмед Джавад

В 1917 году в Баку был издан альманах “Братская помощь”. Этот альманах явился блестящим примером благородства и высшей степенью проявления человечности нашей интеллигенции, бескорыстной помощи своим изгнанным с родных земель, переживающим нечеловеческие муки несчастным соотечественникам, духовной и материальной помощью им.

Большинство произведений, представленных в альманахе, и сегодня сохранили свою актуальность, и, учитывая авторитет их авторов в литературе, политике, культуре, мы решили в качестве демонстрации дружеской помощи братской Турции, протянувшей нам в трудную минуту руку помощи, опубликовать его в наши годы на латинской графике, с сохранением особенностей языка, стиля, манеры изложения. Эта книга была выпущена по инициативе межпарламентской азербайджано-турецкой группы и на личные средства членов этой группы. В подготовке этой книги я особо хочу отметить людей, осуществивших транслитерацию книги с арабского на латинскую графику, и выразить благодарность автору предисловия - кандидату филологических наук Назакет ханум Кавказлы, научным редакторам альманаха - академику Кямалу Талыбзаде и Паше Алиоглы.

“Братская помощь” - во многих отношениях книга уникальная, беспримерная. В первую очередь потому, что все авторы этого альманаха были выдающимися людьми. Для доказательства этого достаточно назвать лишь их имена:

Гусейн Джавид, Талыбзаде Абдулла Шаиг, Омар Фаик Неманзаде, Ахмед Джавад, Мамед Эмин Расулзаде, Аббас Сиххат, Салман Турхан (Мумтаз), Сеид Гусейн, Шафига ханум Эфендизаде, Мамед Саид Ордубади, Таги Шахбази (Симург), Мамед Юсиф Джафаров, Хосров Паша бек Султанов, Фирудин бек Кочарли, Джафар Джаббарлы, Абдурагим бек Ахвердиев...

(Я привожу список имен в том порядке и той транскрипции, какая указана в альманахе.)

Среди представленных в альманахе имен есть и имя знаменитого татарского писателя, подвергавшегося преследованиям со стороны царского правительства за патрио-

тизм, борьбу за просветительство и прогресс, а затем эмигрировавшего в Турцию и ставшего там одним из идеологов пантюркизма - Мухаммеда Аяза Алисхаги (Аяза Исхаги).

Произведения в альманахе относятся к самым различным литературным жанрам. В их числе стихотворение Гусейна Джавида "Война и страдания", аллегорическая пьеса в одном действии Абдуллы Шаига, отмеченные тонким психологизмом новеллы А.Ахвердиева, Таги Шахбази (Симурга), сатирический рассказ Сеида Гусейна, стихотворение Аббаса Сиххата, посвященное разрушенной родине, и его же рассказ о трагедии анатолийских сирот, лирическое стихотворение Ахмеда Джавада, полный горьких чувств рассказ о трагедии матери, потерявшей своих детей, газель М.С.Ордубади, стихотворение в прозе Аси Наримановой, стихи Али Назми, молодого Джафара Джаббарлы. Украшают альманах, придают ему солидность серьезные статьи, посвященные национальной, общественно-политической, экономической темам Омара Фаига Неманзаде, Мамед Эмина Расулзаде, Аяза Исхаги, Салмана Мумтаза, Фирудин бека Кочарли, Оруджа Оруджева. По разнообразию тем этот альманах можно сравнить с вышедшим примерно в то же время в России альманахом "Вехи".

Еще одна существенная особенность альманаха заключается в том, что тридцать четыре его автора представляют не один город - скажем, Баку. Наряду с писателями-бакинцами здесь есть писатели, которые по тем или иным причинам жили в других городах. Среди произведений, включенных в "Братскую помощь", мы видим присланную из Тифлиса статью Омара Фаига, полученное из Гори произведение Фирудин бека Кочарли, из Санкт-Петербурга прислал свое произведение депутат Государственной Думы Мухаммед Юсиф Джафаров, из Харькова - учащийся там студент Таги Шахбази (Симург), М.С.Ордубади - из Царицына, Аяз Исхаги - из Казани, Салман Мумтаз и Сабит Манафзаде - из Ашхабада, Аббас Сиххат - из Шемахи, Фатех Керим - из Оренбурга.

Обложка книги.
Художник Бахруз Кенгерли

Принадлежат авторы к разным поколениям - Ф.Кочарли было в то время 54 года, а, скажем, Дж.Джаббарлы - 18 лет.

Также различаются, иногда антагонистично, политические взгляды авторов: здесь и мусаватисты М.Э.Расулзаде, Ахмед Джавад, а с другой стороны - коммунисты М.С.Ордубади, Таги Шахбази (Симург). С одной стороны - далекие от политики А.Сиххат, Г.Джавид, А.Шаиг, а с другой - активные политики М.Ю.Джафаров, Х.Р.Султанов, О.Ф.Неманзаде...

Различна и последующая судьба авторов этого альманаха - Г.Джавид, А.Джавад, О.Ф.Неманзаде, Сеид Гусейн, Салман Мумтаз, Таги Шахбази (Симург), Халил Ибрагим пали жертвами безжалостных сталинских репрессий, Ф.Кочарли погиб еще раньше, в первые дни установления советской власти.

М.Э.Расулзаде и Аяз Исхаги эмигрировали и скончались в Турции. А.Ахвердиев и Дж.Джаббарлы ушли из жизни несколько раньше, чем начались сталинские репрессии. По счастливой случайности жернова репрессий не затянули М.С.Ордубади, А.Шаига, Али Назми. Среди авторов мы встречаем имя и владельца типографии Оруджа Оруджева... Представлены в альманахе и наши женщины-просветительницы: Шафига ханум Эфендизаде, дочка старшего брата Н.Нариманова Салмана, - Ася Нариманова.

Какова же была цель, соединившая этих людей с различными взглядами на жизнь, различного социального положения, живущих в различных, порой даже далеко друг от друга отстоящих городах? Высокий гуманизм, желание протянуть братскую руку несчастным людям, нуждающимся в помощи, оказать им духовную и материальную поддержку...

В 1914 году началась первая мировая война, в которой Османская империя воевала против Антанты, куда входили Россия, Великобритания и Франция. Из множества длящихся веками русско-турецких войн эта война по числу жертв была самой кровавой. Территории Юго-Западного Кавказа и Анатолии, где столетиями жили турки, превратились в поля сражений, миллионы безвинных людей в одно мгновение лишились всего, превратившись в несчастных беженцев, вынужденных покинуть уничтоженные дома, вести жизнь скитальцев. На обложке переиздаваемого ныне альманаха "Братская помощь" мы поместили работу из знаменитого цикла Бахруза Кенгерли "Беженцы", на которой изображена трагедия беженцев именно того периода.

Конечно, в период кровавых войн и захватов каждый народ оказывается в положении беженцев. Однако как и сейчас, в то время Запад, Европа, российская общественность двойственно относились к беженцам с точки зрения их отношения к христианству. Это открыто видно из текстов альманаха.

Свое произведение "Да здравствует народ" Фатех Керим начинает словами "Сегодня вся Европа полна беженцами", и далее он отмечает: "Вся Европа пылает в огне. Не только все земли, близкие к полям сражений, но и во внутренней России, Туркестане и Сибири, в каждом городе и деревне есть беженцы, представляющие собой все народы. Среди них множество страдающих от болезней, сирот, проливающих слезы роди-

телей. При виде их слезы наворачиваются на глаза, независимо от вероисповедания несчастных и их национальности”.

И вслед за этими, полными гуманизма, человеколюбия словами Фатех Керим пишет: “Однако даже среди них отличаются несчастные из Анатолии, беженцы из Турции. Их несчастье гораздо глубже, гораздо тяжелее. Так как если беженцы из других стран терпят несчастья с двух сторон, то турецкие беженцы, турецкие мусульмане терпят несчастья с семи, а точнее, с двухсот сторон”.

Автор показывает, что если беженцы из Сербии, Румынии, Бельгии, Франции обеспечиваются духовной и материальной поддержкой, что в то время как даже сирийским христианам и евреям оказывают помощь весь христианский мир, когда даже из Америки им поступает многомиллионная помощь, положение кавказских мусульманских беженцев и жертв анатолийской трагедии неизмеримо хуже, и нет никаких предпосылок к тому, что это положение улучшится. “Слабость общественной мысли в исламском мире, отсутствие чувства причастности к своей нации, то, что превыше всего ценится русское “спасибо”, не принесет несчастным исламским семьям ни душевного спокойствия, ни пищи их желудкам. В то время нет народа, который более турок был бы сдержан, покорен, готов выносить всяческий гнет, и в то же время может с почтением и любовью относиться к главам своих сел. Вины в этом прежде всего руководители общин и богатые люди, которые не ценят этого”, - пишет он.

Хосров Паша бек Султанов, который был в то время фронтовым адвокатом, а позднее стал знаменитым деятелем времен Республики, в сообщении “О деятельности Бакинского мусульманского благотворительного общества в пользу военнослужащих” извещает:

“Еще не началась война, как армянское население в Карсе начало агрессию против безоружных мусульман и перебило их”. В этой работе Хосров Паша бек указывает, что истинная причина “враждебности и ненависти армян к мусульманам” объясняется “великими целями, созданием автономной Армении и уничтожением мусульман”.

Знакомая история, не так ли? Как перекликаются события семидесяти-семидесятипятилетней давности с нашими нынешними проблемами...

Х.П.Султанов называет и имена представителей интеллигенции, оказывавших помощь нашим беженцам. В их числе я с гордостью нахожу и имя моего деда - Худадат бека Рафибекова.

Наряду с именами миллионеров Гаджи Зейналабдина Тагиева, Муртузы Мухтарова, которым выражается благодарность за их благотворительность, в этой информации указываются и имена людей, проявивших равнодушие, безразличие к благотворительной акции...

Ух!.. Ух!.. Ух!.. Ух!..

- О чем ты плачешь, Сафар?

- Говорят, что сироты голодны,

В Анатолии разорение

Люди разорены.

В этом надо помочь...

- погоди, давай подумаем немного,

Бах!.. Бах!.. Бах!.. Бах!..

Что это за звуки, Даидамир?

- Это несколько выстрелов... Амир!

- Они попали в мешок с овсом!

- Ну и что!.. Брат твой погиб...

- Говори о чем-нибудь другом, храбрец,

Что тебе за дело до безумного мальчишки!

Ариф!.. Ариф!.. Ариф!.. Ариф!..

- Что это снова дымит, Сафар?

- В Анатолии горят деревни...

- Как? Что там произошло?

- Поддержим немного траур.

- Не болтай об этом, глупец!

Иди домой и скажи "Йа, Али"!

Бабах! Бах!.. Пули свистят!..

- Это мусульманин спит.

- Да, это он! - С каких пор?

- Больше тысячи лет... - Эй, храбрец!

Да он же не шевелится? - Нет!!!

Время отомстит за тебя!

Проснись, мой сын! Проснись! Проснись!

*(Из стихотворения Гаджи Селима Касумзаде
"Все плачут, и я плачу")*

В статье Рашида Юсифзаде порицаются и священнослужители за равнодушие к положению беженцев: "Приходится признать, что наши муллы заняли очень простую и бесполезную позицию в общественно-политической жизни... Бесчеловечность и бездеятельность наших священнослужителей, их равнодушие и безразличие к нуждам народа, к страданиям наших братьев и сестер отчетливо проявились в этой страшной войне. Сначала они словно бы не прочитали о военных несчастьях, постигших вначале Карс и Эрдоган, а затем и Анатолию, информация о которых публиковалась в газетах, не слышали голос страждущих, тянущих руку за помощью со всех сторон. Ни копейки не поступило от них в фонды, созданные в помощь пострадавшим от войны. Хотя именно от них, от отцов народа, помощь должна была прийти в первую очередь".

Конечно, авторы статей переживают за всех беженцев, однако положение кавказцев и анатолийцев печалит их в первую очередь.

В полной страсти, патриотизма, но в то же время полной уважения ко всем народам статье Фирудин бека Кочарли “Животные и люди” основное место занимает анализ всех тонкостей русско-мусульманских отношений:

“В Гори, где я живу, более трехсот больных турок-османов, я навещаю их всех, и каждый раз, видя любовь и заботу о них как со стороны медсестер, так и врачей, мое сердце наполняется особой любовью, чувством всеобщего братства”.

Мухаммед Юсиф Джафаров, на практике занимавшийся помощью беженцам, пишет:

“Я буду писать только о мусульманских беженцах, потому что то бедственное положение, в котором они находятся, должно привлечь внимание не только российских мусульман, но и внимание русских, работающих в турецких махалах. К несчастью, постигнутому анатолийских мусульман, не должны оставаться равнодушными и мы, мусульманские адвокаты, к этому нас подталкивает не только человеколюбие. Они были вынуждены покинуть свою родину и переселились к нам, они вынуждены жить рядом с мирным населением и существовать за счет их благотворительности”.

И далее М.Ю.Джафаров отмечает, что вопрос обеспечения беженцев обсуждается в Государственной Думе, но на “разделение беженцев на категории и оказание им помощи в зависимости от категории я, безусловно, не согласился. И в итоге добился принятия решения об оказании помощи беженцам из Турции”.

Но в то же время М.Ю.Джафаров отмечает, что проблема оказания помощи мусульманским беженцам на практике оказывается сложной.

Примечательной особенностью альманаха “Братская помощь” является еще и то, что хотя здесь вопрос беженцев занимает особое место и в художественных произведениях - стихах и рассказах, и в публицистике, авторы не ограничиваются только этой темой, а касаются более широкого круга проблем. Точнее, затронутые ими другие темы в конечном итоге приводят к судьбе беженцев, рассматриваются исторические причины несчастий, обрушившихся на мусульман, тюркские народы, и они связываются с иными современными проблемами. И самой важной, самой существенной из проблем является отношение к языку и вопросам воспитания будущего поколения. Эти проблемы с разных точек зрения рассматриваются в произведениях Омара Фаика Неманзаде, Аяза Исхаги, Салмана Мумтаза, Шафиги ханум Эфендизаде, Гаджи Ибрагима Касумова, Халила Ибрагима, Рашида Юсифзаде.

Проблемы, поднимаемые в произведении Омара Фаика Неманзаде “Кто я?”, перекликаются с известными фельетонами Мирзы Джалила Мамедкулизаде. Будучи соратником Мирзы Джалила, одним из основателей журнала “Молла Насреддин”, Омар Фаик с болью в сердце пишет о проблеме самопознания тюрков. Если у русского или грузина спросят, к какой национальности он принадлежит, тот ответит, что он русский или грузин, а тюрки отвечают: “Я - шемахинец, я - арзрумец, я - марагинец” или “Я с Кавказа, я - иранец, я - османец” или скажут: “Я - суннит, я - шиит, я - бабист”.

“Американцы приехали в Тебриз, открыли здесь школы, больницы, продемонстрировав тем самым любовь к тюркам-шиитам, оказали им помощь и планируют в будущем помогать им в делах, в торговле. Но в чем несчастье - мы, кавказские тюрки, своими руками чиним массу препятствий пришедшим к нам братьям тюркам-шиитам, отдаляем их. Если не в лицо, то за спиной отзываемся о них плохо, обзываем их “голодными татами”. Или взять живущих на Кавказе иранских тюрков-шиитов. Их положение еще хуже! Они стараются еще больше отдалиться от нас, создают свои школы, свои общества, иногда даже свои мечети и называют себя “персами-шиитами”. И детей своих учат не тюркскому языку. Они хотят с помощью шиизма полностью стать персами, под корень вырубить свои тюркские корни, позабыть свой язык, своих предков”.

Завершает свою статью Омар Фаик гневным призывом:

“Тюрок! Имей в виду! Я от тебя не отстану. Ты хочешь знать все, кроме единственной вещи, - правды о себе! Почему ты равнодушен к собственному существованию, собственной особе, своему роду и племени? Почему ты просто не можешь сказать: я - тюрк. Отчего ты не хочешь понять, что прежде чем ты стал шиитом, суннитом, бабистом, ты был тюрком. Ты сейчас тюрк и после этого останешься им! Тому, что ты тюрк, не может помешать ни шиизм, ни бабизм, ни атеизм. Пойми, что раньше, чем ты стал шиитом или суннитом, ты был тюрком. У тебя отняли твой прекрасный язык, в нынешнем жалком положении ты из-за арабского алфавита, а до этого у тебя были прекрасный алфавит и язык”.

И с Омаром Фаиком, подающим голос свой из Тифлиса, словно перекликается из Казани Аяз Исхаги. “В мире есть лишь борьба” - этими словами начинает он свою статью и далее напоминает о том, что в Российской империи второе по численности место после русских занимают тюрки. “Мы, тюрки, живущие в России, татары, живущие вдоль Волги, казахи, живущие в степях, туркмены, узбеки, крымские татары, азербайджанские тюрки... в каждое мгновение нашей национальной, религиозной, общественной жизни (то есть в каждое мгновение борьбы - А.) должны помнить, что самые важные мгновения нашей борьбы мы считаем самыми слабыми. Ни разу еще мы не смогли объединиться вместе ради общих выгод, пусть религиозных или национальных”.

Автор сетует на то, что проблемы поволжских тюрков оставляют равнодушными крымских татар, азербайджанцев, туркестанских тюрков, что когда на Кавказ надвинулась беда, когда наши братья лишились своих земель, когда кавказские братья взмолились о помощи, туркестанские, киргизские тюрки лишь наблюдали за их мольбами.

Мы сегодня переживаем те же проблемы, о причинах которых Аяз Исхаги писал:

“Есть много причин, по которым мы не можем вместе взяться за решение проблем тридцати миллионов тюрков. И, к сожалению, самая главная заключается в том, что тюркские братья находятся под влиянием своих религий, географического расположения, под влиянием соседних народов, что в значительной степени меняет их отношение. Из-за этого приволжскую печать не читают в Азербайджане, азербайджанскую печать - в Казани, Уфе... Главное, что должны сделать российские тюрки, - создать общий литературный язык”.

Коллеги по перу Аяза Исхаги считали, что этот вопрос требует обсуждения и размышлений, необходимо собрать точные данные об использовании в образовательных программах тюрок всей России тюркской литературы, поразмышлять об увеличении количества браков между кавказскими, туркестанскими, казанскими, крымскими тюрками, независимо от различия в их вероисповедании.

В ряде других статей обращалось особое внимание на вопросы языка и образования, и в этом отношении интересна статья Салмана Мухаммед-Эмин оглы Турхана (Салмана Мумтаза) “Раб”. Салман Мумтаз пишет:

“Подобно нашей поэзии, несчастье наше заключается в том, что и наши имена находятся под ярмом арабов и персов. Так повелось с сотворения мира, что рабскую эту одежду тюркские народы примерили на себя и остались ею довольны. Даже великие Абу Наср Фараби, Авиценна, Моллаи Руми, Джовхари, Хосров Дехлеви, Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, будучи сынами тюрок, писали на арабском и персидском языках, и последующие за ними поэты, идя по их стопам, подражали этим великим мастерам”.

Автор пишет о том, что даже тюркские султаны приложили немало усилий для развития персидского языка, и переживает, что многие из нас имеют арабско-персидские корни. Более того, у многих слово “раб” является даже составной частью имени (на персидском “бенде”, на арабском - “абд”, “тулам”) - Худабенде, Абдулали, Гуламали, Гасангулу, Гусейнгулу и т.д.

“Как было бы хорошо, если бы наши почтенные писатели, тонко чувствующие, обладающие нежными душами поэты, некогда сотрясающие горы, постигли бы и объяснили, как и по какому поводу они оказались в цепях “рабства”. И далее Салман Мумтаз пишет: “Что было, то прошло, теперь во имя будущего мы должны признать, что мы - турки. Надо избавиться от клейма “рабства” и давать нашим детям прекрасные тюркские имена и воспитывать их в тюркском духе. Вот тюркские имена, которые наш народ не должен забывать: Айхан, Гюнхан, Дагхан, Денизхан, Гойхан, Юлдузхан, Турхан (что означает Мумтаз), Батырхан...”.

Так автор перечисляет около пятидесяти тюркских имен. Любопытно, что вслед за статьей напечатано стихотворение Салмана Мумтаза под псевдонимом Турхан, и стихотворение это имеет примечательное название “Чисто по-тюркски составленное стихотворение”. Оно состоит из шести бейтов, и в нем автор сознательно избегает нетюркских слов.

Вслед за текстами Салмана Мумтаза в альманахе идет рассказ Сеида Гусейна “Болящий зуб”, в котором автор с насмешкой приводит строки из письма своих соотечественников:

“Я не мог разобрать Ваше письмо, последние строки, написанные в Вашем письме, прошу написать мне по-русскому”⁵¹.

То есть, ваше письмо, написанное на тюркском, я не прочитал, прошу вас написать мне по-русски.

⁵¹ Текст дан на русском языке с ошибками.

Не напоминает ли это целый ряд фельетонов великого Мирзы Джагила и его бессмертную пьесу “Книга моей матери”?

Кстати, отчего-то в альманахе нет произведений Мирзы Джагила Мамедкулизаде, Узеира Гаджибекова, Наримана Нариманова...

Национальный дух, отношение к языку начинает воспитываться в семье и зависит от атмосферы, царящей в доме. Такова тема произведения Шафики ханум Эфендизаде “Женский голос”. Мать наших знаменитых представителей интеллигенции - хирурга Фуада Эфендиева и издателя Адила Эфендиева, любимая учительница моей матери, Шафики ханум пишет: “Тайна сегодняшней трагедии, откровенно говоря, заключается в нас, женщинах. Посмотрите, что говорят культурные нации: “Матери - самые главные помощники учителей”. Если ребенок воспитывается на руках матери, то патристические чувства, национальные особенности он получит от нее. Женский мир - это такой мир, который позволяет впитать священные чувства семьи, нации, родины, общества, культуры, человечности, милосердия, любви”.

Обращаясь к матерям, которые доверяют воспитание своих детей воспитателям и гувернанткам других национальностей, Шафики ханум приводит примеры горьких плодов такого воспитания.

Необходимо сказать несколько слов и об истории печатания этого альманаха. Эта история напрямую связана с русской февральской революцией 1917 года, с возможностями и надеждами, порожденными этой революцией. Об этом точно и четко сказано в статье, открывающей альманах:

“Братская помощь” должна была выйти в феврале. К сожалению, откладываясь по многим причинам, выпуск стал возможен в настоящее время, но не зря говорят “что ни делается, все к добру”... Подумайте сами: будучи напечатан чуть раньше, несомненно, альманах лишился бы самых сильных, самых вдохновенных и содержательных произведений, так как господин цензор закрыл бы их грифом “секретно” и вместо этих строк до читателя дошли бы белые пустоты... А сегодня уже не так. Вы - свободные граждане. Вы читаете свободно написанные строки свободных писателей и дышите спокойно!.. Если бы наш альманах вышел чуть раньше, мы бы со слезами на глазах жаловались, просили у вас прощения, причиняя вам печаль, навеяв грустные размышления и горе. В то время как сейчас мы, отринув все печали, можем гордо и радостно говорить с вами. Раньше в этом альманахе вы могли бы прочитать лишь о том, как несчастный народ лишился домов, разрушено его хозяйство, как он подвергается нападениям захватчиков, теперь же вы прочтете о том, как рухнул закабаливший народы мир, и с радостью узнаете о том, как избавились мы от ига России!”

После падения тюрьмы народов - царского режима - все изменилось. Мамед Эмин Расулзаде полагал, что наступает эпоха свободы всех народов, это видно по его очень интересной статье “По нашему мнению, в России республика”. Статья начинается словами: “Китайская стена” между Востоком и Западом рухнула, с российским игом покончено. Последний несчастный представитель этого ига - Николай под аплодисменты всех народов, населяющих Россию, свергнут с трона и арестован вместе с женой, с

династией Романовых покончено. Вместе с ней с политической арены ушел и российский империализм”.

Касаясь исторических связей России и тюркского мира, Мамед Эмин отмечает, что из 60-70 миллионов тюрков на земле почти половина, то есть 25-30 миллионов, проживала в России, и с этой точки зрения российское правительство можно было называть, во-первых, тюркским, а во-вторых, мусульманским. “Самое большое мусульманское государство Турция не насчитывает 25 миллионов. Весь Иран составляет не более 10 миллионов человек. Так что даже вместе эти две тюркские общины по численности меньше российской”.

Но вместе с тем на эту огромную часть населения России постоянно оказывалось давление со стороны Российской империи, и более того, в отношении мусульман в других странах проводилась захватническая политика. В качестве примера этому Мамед Эмин Расулзаде приводит интриги Игнатова в Турции, агрессию Александра, затопившего в крови Конституцию Мидхат паши, иранскую Конституцию, уничтоженную казачами Ляхова. Однако, полагает автор, все это теперь уже в прошлом, и в российской истории, и для живущих за ее пределами тюркских, мусульманских народов начинается новая эра.

“Несомненно, что Россия, расположенная между современным Западом и наследником древней культуры Востоком, соединит в себе две эти культуры и создаст единое культурное пространство, и эта честь достанется не кровавому российскому царизму, а демократической, светлой России, которая сегодня восклицает: “Да здравствует республика!” - и под этим лозунгом призывает все народы, даже те, кто тонет в пучине войн, - к миру... Достоинством великой русской революции является то, что, несомненно, она воспользуется возрождением исламского Востока и тюркской Азии и воссоединит эти два недавно пробудившихся мира с европейской культурой, для чего придется постичь их алфавит”.

Как жаль, что история не оправдала ожиданий нашего великого мыслителя Мамеда Эмина Расулзаде, и в тот же год после большевистского переворота события приняли совершенно иное направление. Правда, Азербайджану удалось в 1918-1920 годы создать первую на Востоке демократическую республику, просуществовавшую всего 23 месяца. Но события последующих лет оставили в тени даже описываемые в альманахе несчастья и привели к трагедии жизнь многих его авторов.

Возвращение к этому альманаху, издание его на латинской графике носит не только исторически значимый характер. Проблемы, поднимаемые в нем, актуальны и сегодня. Мы находим в нем причины и корни многих проблем, встающих перед нами сегодня. Верно сказано: “Забывшие историю обречены пережить ее еще раз”. Нельзя забывать горькие страницы нашей истории, в этом залог того, что нам не придется пережить их во второй раз.

Перевод М.Гусейнзаде

Август 2002 год

Поэт, считавший мир мишурой

(Предисловие к книге Самеда Мансура)

Самед Мансур (1879-1927) - один из наших злосчастных художников, чье имя в работах по истории нашей литературы, в литературоведческих книгах, на страницах нашей печати упоминается редко или вовсе не упоминается, или же при упоминании многие годы сопровождается отрицательной характеристикой. Во всяком случае, так было до последних пор. Что знали те, кто мало-мальски был осведомлен о нем? Родился в Баку. Был признан как поэт до советизации Азербайджана. Прожил несколько лет и в советский период, писал стихи и питал к новой жизни ироническое, скептическое отношение. Еще мы знали то, что у Самеда Мансура есть стихотворение “Все - мишура”, в котором выражена “реакционная, упадочническая” философия. Сегодня мы наконец уразумели простую истину - пессимизм отнюдь не означает нечто реакционное, вредоносное, ущербное.

Стихотворение, отражающее по сути своей пессимистическое, разочарованное видение жизни, также может быть образцом высокого искусства. Во всяком случае, стихотворение Самеда Мансура “Все - мишура”⁵² достойно быть включенным в любую антологию, сокровищницу слова азербайджанской поэзии. Естественно, сколь бы ни прославилось творчество С.Мансура одним стихотворением, оно не исчерпывается им. У него есть и другие стихи, газели, сатирические образцы. Я хотел бы сказать несколько слов об этой, представляемой мною к печати первой и пока единственной книге поэта. Наряду с произведениями, написанными в стиле классической газели, очень сильна и сатира поэта.

Читатели увидят, что сатира Самеда Мансура продолжает в новый период и в новых условиях традиции Сабира и литературной школы “Моллы Насреддина”.

Если Сабир осмеивал уродства минувших времен и натерпелся морально и материально за этот сатирический смех, то Самед Мансур подвергает сатирическому огню новый советский строй, в особенности деяния этого строя в Азербайджане, озвучивает пером горе колониальной участи, бедствие кабалы и подвергается нападкам этого нового режима. Судьба “пощадила” Самеда Мансура: ранняя гибель за несколько лет до трагедии 37-го прервала его жизнь. Ему не успели отомстить тюрьмой, ссылкой, расстрелом. Режим обрек его на другую кару - забвение. Как если бы не существовало человека с таким именем. И не было поэта с таким именем, который творил и писал.

Но верно сказано, что “рукописи не горят”. И забытые, неведомые многим стихи поэта не канули в лету.

⁵² Образ из этого стихотворения (“гəng” краски) по смыслу можно перевести как “мираж”, “мишура”, “прикраса” (Ред.)

Самед Мансур

Композиция с Самед Мансуром. Автор Эмира Нариманбекова, правнучка Самеда Мансура

В двух книгах под названием “Сказанное слово остается”, составленных Джафаром Рамзи Исмаилзаде в 1981 и 1987 годах, было опубликовано по одиннадцать стихотворений С.Мансура: “Слово”, “Я не люблю, не люблю тебя”, “Кровь”, “Поэтов развелось...” “Марсияхан говорит...”, “Не знай”, “Жеманься” (в книге 1981 года) и “Бакинец”, “Все - мишура”, “Смехота” (в сборнике 1987 года). Стихотворение, начинающееся словами “Толика порядочных людей...” (“Bir gaç ərbañi-həya...”), в последней из названных книг помещено с сокращениями, и то, что изят - самый ключевой бейт этого стихотворения: “И у нас есть, и у вас” отсутствует, вероятно, было связано с цензурными требованиями того периода. Известный бейт звучит так:

*Тирания изначально в человеческой закваске,
Кровоийцы вроде Шумра и у нас есть, и у вас.*

Я включил в книгу полный текст этого стихотворения и все остальные стихи на основе имеющегося у меня машинописного текста. Вот вкратце история того, как у меня сохранилось несколько стихотворений С.Мансура.

Я еще очень давно слышал об острых сатирических стихах Самеда Мансура, высмеивавших советский строй.

Пару раз я беседовал об этом с сыном поэта, нашим выдающимся режиссером Тофиком Кязимовым.

Бывало, при желании, под настроение Тофик бей (мы еще тогда величали его “беем”) читал нам некоторые отрывки из стихов отца. В пору постановки моей пьесы “Лето в городе” наши доверительные беседы с ним случались чаще. Во время одной из таких бесед Тофик бей вручил несколько стихов Самеда Мансура мне и композитору Эмину Сабитоглы. С тех пор - лет двадцать - эти стихи хранятся у меня.

За это время незабвенный Тофик Кязимов трагически, очень рано ушел из жизни - погиб в автомобильной катастрофе. Не знаю, остались ли в архиве у Тофика бей другие экземпляры этих стихов. А если нет, то сохранившийся у меня текст, быть может, редкостная реликвия от Самеда Мансура.

Хотя долгие годы я мало надеялся на возможность публикации этих стихов, но все же верил, что когда-нибудь настанет день, и эти стихотворения станут достоянием нашей литературы, истории нашей литературной и общественной мысли. Некоторые из них я опубликовал в “Адабият газети”. Теперь, присовокупив к ним и остальные и добавив опубликованные Джафаром Рамзи, я представляю их читателям в виде книги.

Удивительно и в то же время очень естественно, что сатира, написанная 70 лет тому назад, сегодня звучит еще хлеще, резче, актуальнее. Может быть, именно теперь настал истинный час этих стихов. Потому нет никакой необходимости в особых комментариях.

Кроме одного пояснения: полное имя покойного Тофика Кязимова - Ахмед Тофик; и Самед Мансур так обращался именно к нему: “Сын мой Ахмед”.

В заключение напомним, что это первая и пока единственная книга Самеда Мансура.

Перевод Сиявуша Мамедзаде

1989 г.

Слово о Юсифе Везире

(Выступление на юбилейных торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения Юсифа Везира Чемазминли в сентябре 1987 года)

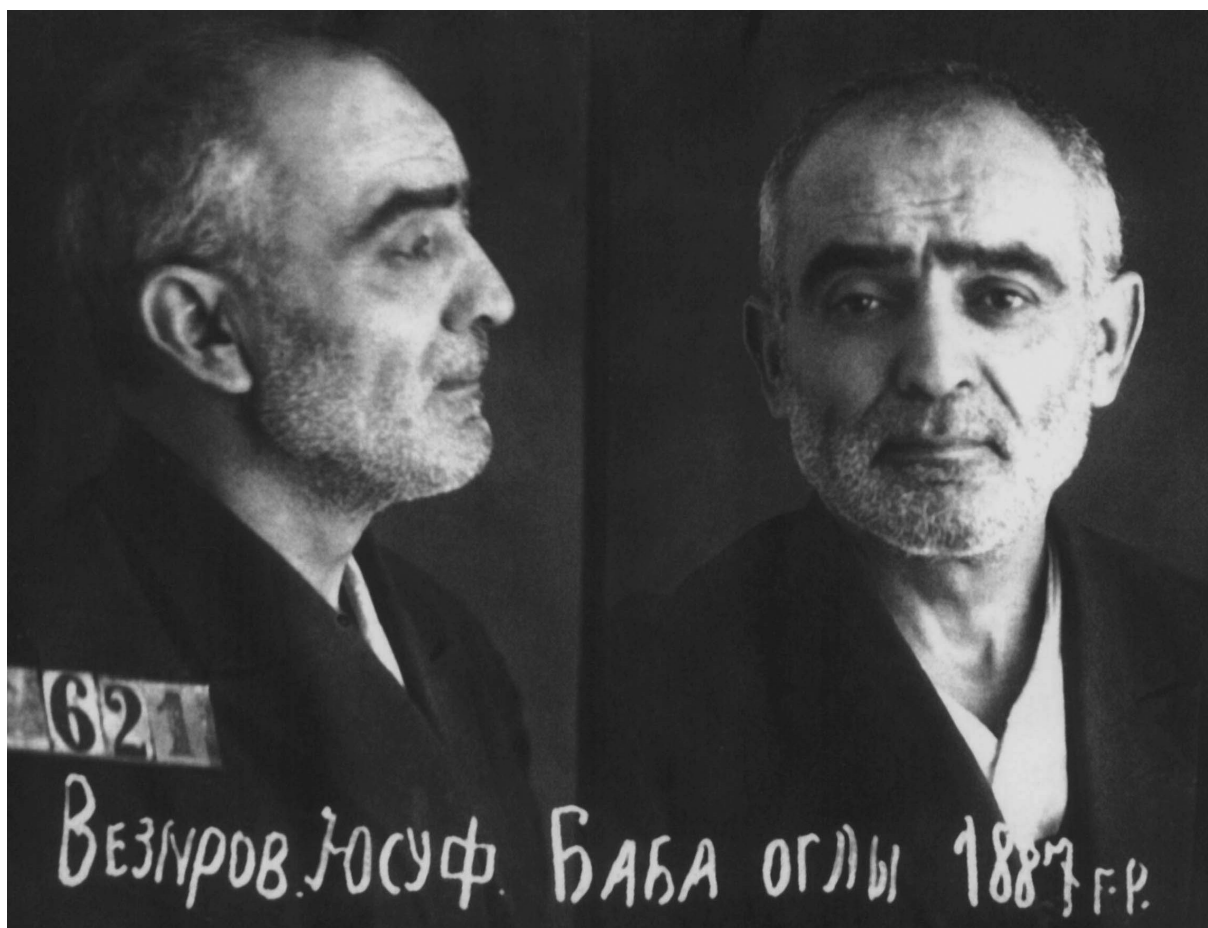
Талантливый прозаик, один из самых крупных творцов жанра исторического романа в нашей литературе, мастер рассказа, драматург, публицист, ученый, исследователь фольклора, автор интересных мемуаров, педагог, общественный деятель и в совокупности всех этих качеств - носитель подлинной интеллигентности, Юсиф Везир Чемазминли прожил сложную и богатую событиями жизнь и сумел отразить яркими красками в своем творчестве многие перипетии своей судьбы, многое из прожитого, увиденного, прочувствованного. Он оставил заметный след в истории нашей культуры.

Родившийся в дивном уголке азербайджанской природы - Шуше, Юсиф Везир провел свою непростую жизнь в разных городах и странах. Получив высшее юридическое образование в Киеве, он приобщился к общественным идеям, сблизился с революционными кругами в этом городе. В дальнейшем его жизненные дороги прошли через Карабах, Баку, Одессу и Крым, Саратов, Стамбул и Париж. Но просуществовав в столь разной духовной ауре, он навсегда сохранил в душе воспоминания о колыбельной своей матери, рассказанных ею народных сказках, впервые услышанных будущим писателем в Шуше. На протяжении всей жизни, при любых обстоятельствах и на любых географических широтах он неизменно задумывался над историей и судьбой своего народа, изучал его корни и своеобразно отразил свои выводы и наблюдения в романе "Девичий источник". Роман "Студенты", созданный на основе его киевских впечатлений учебной поры, отражает общественные позиции писателя, четко сформированные с юных лет. Острейшая проблема истории Азербайджана, дилемма "быть или не быть", вставшая перед нашим народом в определенную эпоху, нашли свое яркое воплощение в романе "Меж двух огней", посвященном поэту и государственному деятелю XVIII века Молле Панаху Вагифу. Меж двух огней - Россией и Ираном - находился в том веке Азербайджан, пытавшийся сохранить свою самобытность.

Юсиф Везир - один из тех наших писателей, кто не ограничивался лишь национальной тематикой. В его сочинениях разных жанров мы найдем сцены из жизни тех стран, в которых волею судьбы ему довелось жить. Героев его романов, рассказов, пьес мы видим то в родной Шуше или Баку, то в Киеве, то в Париже или Стамбуле. Обладатель обширных знаний, он помимо родного языка блестяще владел русским, французским и некоторыми другими восточными и западными языками.

Юсиф Везир Чепенземинли

Юсиф Везир - жертва репрессий

Значительное место в творческом наследии Юсифа Везира занимают мемуары о его дипломатической деятельности в Турции, где он работал в ранге посла первой независимой Азербайджанской Республики, а также его воспоминания о встречах с М.Дж.Мамедкулизаде, о репетициях в номерах гостиницы “Исламие” первой азербайджанской оперы “Лейли и Меджнун”.

Другой важной частью его творческого наследия являются солидные исследования по фольклору, этнографии Азербайджана.

Юсифу Везиру Чемаземинли пришлось хлебнуть немало горя в годы репрессий, он был арестован, сослан и не вернулся из ссылки. По свидетельству очевидцев, он и в невероятно тяжелых условиях сохранял свое достоинство, свою гордую осанку интеллигента, писателя, ученого. Отмечая столетие выдающегося мастера, мы с благодарностью отмечаем его большой вклад в нашу культуру. Его незапятнанная личность - пример доблести для нашей нравственности. Неоценимы его изыскания в области истории, этнографии, фольклора. Его художественные произведения вошли в золотой фонд нашей литературы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВЫСТУПЛЕНИЮ

Спустя много лет после того памятного вечера возникла еще одна проблема, связанная с наследием Ю.В.Чеменземинли. Сначала на европейских языках, затем в Турции, и после - в Азербайджане был издан роман “Али и Нино”, автором которого был указан некий Курбан Саид. За прошедшие годы исследователи этого романа разделились на два лагеря. Одни яростно утверждают, что Курбан Саид - он же Асад бек, он же Лев Ниссенбаум. Другие не менее яростно настаивают, что автором романа является Ю.В.Чеменземинли. Некоторые из противников юсифвезировской версии помимо Ниссенбаума называют и других лиц, в том числе одну немецкую баронессу, в качестве предполагаемого автора. В общем, кто бы ни был, лишь бы не Чеменземинли.

Сторонники версии Юсифа Везира ссылаются на слова хорошо знавшего его Джейхун бека Гаджибейли, брата Узеира Гаджибейли, парижского эмигранта, подтверждающего авторство Чеменземинли.

Учитывая остроту дискуссий по этому поводу, и по желанию той и этой стороны несколько лет назад мы провели в Союзе писателей совещание, посвященное этому вопросу. Сторонников чеменземинлинской версии оказалось большинство, и в их числе народный писатель Азербайджана Гылман Илькин, доктора филологических наук Панах Халилов, Шамиль Джемшидов, Тофик Гусейноглы, поэт, переводчик, исследователь Аббас Абдулла и другие.

Решено было издать брошюру П.Халилова с доводами, подтверждающими авторство Юсифа Везира. Но, естественно, никакого специального постановления по этому поводу, как пытаются представить противники чеменземинлинской версии, собрание не вынесло и не могло вынести.

И недозволённым методом является попытка объяснить позицию сторонников авторства азербайджанского писателя как какое-то проявление антисемитизма. Точно так же недопустимы намеки на то, что ниссенбаумовская версия субсидируется определенными зарубежными кругами.

На самом деле вызывает удивление, что Лев Ниссенбаум, родившийся, согласно обнаруженным Аббасом Абдуллой в архиве документам, в еврейской семье в Киеве, публикует “свой” роман в 1937 году в нацистской Германии, во время разгула антисемитизма и еврейских погромов. Даже если предположить, что он укрылся под псевдонимом, мог ли подозреваемый и преследуемый из-за религиозной принадлежности человек пойти на такой рискованный шаг? В это верится с трудом. Далее, как утверждают его сторонники, - и это факт - все остальные свои произведения Лев Ниссенбаум публиковал под псевдонимом “Асад бек”, и только два романа - “Али и Нино” и “Девушка из Стамбула” - опубликованы под именем Курбан Саид.

На данном этапе исследований, вернее, неисследованности, нельзя вывести однозначное и окончательное заключение о подлинном авторе романа, хотя версия Чеменземинли немного перевешивает доводы ее оппонентов. Конечно, в романе много бы-

товых подробностей, национальных, этнографических, религиозных примет, известных скорее Юсифу Везиру, чем Ниссенбауму. Но в то же время трезвый, без эмоций, анализ романа выявляет, что в нем есть моменты, которые были бы недопустимы под пером Юсифа Везира.

Мне кажется, что писатель Орхан Арас, живущий в Германии и владеющий немецким языком, пришел к наиболее убедительной - третьей версии: ссылаясь на слова самого Юсифа Везира в его книге "Из заметок эмигранта" о том, что он снабжал материалами из восточной жизни одного писателя, сотрудничающего в газете, и получал за это 25 процентов от гонорара его колонок, Орхан Арас приходит к выводу, что, возможно, весь сюжет, характеры героев, многие подробности быта передал этому писателю (это мог быть и не Ниссенбаум) именно азербайджанский писатель, а тот обработал этот материал в соответствующем духе и издал под именем Курбан Саид.

В общем, произошла почти такая же история, как в случае Фридриха Боденштедта и Мирзы Шафи Вазеха. Эта версия кажется мне не лишенной интереса, хотя, конечно, повторяю, еще рано делать окончательные выводы.

И, наконец, еще об одном. Как бы ни был популярен этот роман в разных странах, на сколько бы языков он ни переводился, сколько бы раз ни издавался, это произведение, на мой взгляд, в чисто художественном отношении занимает место значительно ниже, чем то, которое предназначают ему фанаты.

2009 г.

Трагедия автора трагедий

Трагической была участь Гусейна Джавида - великого драматурга и поэта, автора бессмертных трагедий. Трагически сложилась и судьба его семьи.

Гусейн Джавид вписал яркую романтическую страницу в историю азербайджанской литературы. Его предшественниками и современниками были драматурги М.Ф.Ахундов, Н.Везиров, А.Ахвердов, Н.Нариманов, но Джавид в отличие от них заложил основы жанра драмы и трагедии в стихах. В течение нескольких десятилетий “Театр Джавида” стал властителем дум целых поколений. Как и “Театр Джафара Джаббарлы”, “Театр Джавида” в 20-30-е годы сыграл неоценимую роль в становлении нашей сцены, многие трагики, комедийные актеры выросли и совершенствовались в основном в пьесах этих двух драматургов, сформировавших художественные вкусы, эстетические пристрастия огромного количества театралов. Большое влияние их творчество оказало и на последующие поколения драматургов.

Разумеется, эти два театра - “Театр Джавида” и “Театр Джаббарлы” - сильно отличались друг от друга своими художественными принципами. Романтически возвышенные стихотворные драмы и трагедии Джавида и богатые сочными реалистическими образами “прозаические” пьесы Джаббарлы, который, конечно, тоже не был чужд романтике, особенно в раннюю пору своего творчества, были как бы двумя крылами современного национального сценического искусства. Но “Театр Джаббарлы” отличался от “Театра Джавида” еще одной особенностью, естественно, уже не зависимой от самих этих художников.

Это отличие заключается в том, что пьесы Джаббарлы никогда не сходили со сцен, а драмы и трагедии Джавида отсутствовали в репертуаре театров более двадцати лет, то есть со времени ареста и ссылки писателя. Но правдой является и то, что отлученные от сцены, пьесы Джавида продолжали оказывать влияние на театральную жизнь республики. Это влияние проявлялось в принципах режиссуры, заквашенной на художественных достижениях романтического “Театра Джавида”, это чувствовалось в исполнительской манере актеров, воспитанных на образах Джавида. Не говоря уже о том, что творчество Джавида эфенди своими философскими, поэтическими, эстетическими особенностями оказало значительное влияние на драматургов последующего времени. Наконец, “Театр Джавида” жил в памяти десятков тысяч зрителей, видевших эти пьесы на сцене, в их представлениях о театре, в их сокровенных беседах о великом драматурге с самыми доверенными людьми. Воспоминания о ролях, сыгранных Аббасом Мирзой Шарифзаде и Ульви Раджабом, в том числе в пьесах Джавида, передавались из поколения в поколение. Фразу: “Играй, счастливый пастух, ведь ты не потерял такого города, как Сивас, такого сына, как Эртогрул” - я услышал из уст своего отца задолго до того, как узнал, что эта реплика из пьесы “Хромой Тимур”. В нашей семье

Портрет Гусейн Джавида. Художник Таги Тагиев

имя Джавида, как и Мушфика, и многих других репрессированных писателей, всегда произносилось с большим уважением, но только в кругу самых близких людей. Мама рассказывала, как встретила Джавида в Москве в 1934 году, когда она училась там. Раздобыв приглашение на Первый съезд писателей, Нияр Рафибейли случайно встретила Джавида на улице Горького. “Он проводил меня до самого здания Колонного зала, где должен был начаться съезд, но когда я сказала, что у меня есть лишний билет и предложила зайти в здание, он нахмурился: “Я никогда не хожу туда, куда меня не приглашают”.

Действительно, не странно ли, что Джавид - один из двух самых популярных драматургов Азербайджана - не был избран делегатом съезда, хотя до его ареста и ссылки оставалось еще три года. В то время как среди делегатов от Азербайджана были и те, в том числе тогдашний председатель нашего творческого Союза Кязым Алекперли, кто был репрессирован в 1937 году.

В 1972 году на первом после реабилитации юбилейном вечере Джавида от имени писателей выступил Расул Рза.

Отец часто вспоминал, как своеобразно Джавид жаловался на критиков, постоянно досаждавших ему. В воспоминаниях Расула Рзы о Джавиде, озаглавленных “В тысячах сердец остались сожаления о нем”, приводятся его слова: “Глядишь, встает какой-то Тринич, начинает талдычить, что, мол, в пьесах Джавида нет того-то или того-то. А сам невежда из невежд”.

Расул Рза вспоминает далее, как в разгар какой-то особенно яростной кампании против Джавида они с Мушфиком посетили писателя в его квартире. “Дверь открыл он сам, удивился: - К добру ли, молодые люди? - Ничего особенного, пришли выразить свое почтение большому поэту”.

Джавид был тронут этим визитом, но сказал: “Для нежданных гостей у нас нет угощения”. “Угостите нас стихами”, - сказали мы.

Мы пили чай, а Джавид стал читать отрывки из поэмы “Азер”.

Чарующая музыка джавидовской поэзии, волнующие строки будто околдовали нас. Потом всю дорогу мы с Мушфиком молчали, не хотели отходить от впечатлений, навеянных стихами”.

Отец вспоминает еще один печальный эпизод, связанный с Джавидом, вернее - с одним его рассказом.

“Союз писателей тогда располагался там, где сейчас находится кинотеатр “Араз”. Как-то собрались там Мушфик, Рафили, Сабит, беседовали о том о сем. Вдруг вошел Гусейн Джавид. Речь зашла о Мухаммеде Хади.

Обычно неразговорчивый, постоянно погруженный в свои думы, Джавид глубоко вздохнул и рассказал печальную историю:

- Ребята, вы, конечно, не можете помнить. Может, в то время вы даже азбуки не знали. Как-то проходил я мимо гостиницы “Метрополь”, внезапно чья-то рука задержала меня. Это был Хади. Не глядя мне в лицо, он протянул несколько исписанных страниц и сказал: “Возьми”.

Я дал ему деньги. Вдруг он поднял голову, посмотрел на меня затуманенным взором, узнал и, бросив деньги и страницы, быстро удалился, покачиваясь”.

Мог ли Джавид предполагать, что его собственная судьба окажется еще более трагической, чем судьба Хади?

И в годы, когда жил и творил Джавид, и в последующие годы никто, кроме самых отъявленных литературных негодяев, не ставил под сомнение большой художнический дар, глубину философской мысли писателя. Вместе с тем каждое новое произведение драматурга вызывало острые дискуссии, яростную полемику, нескончаемые споры. Сегодня перечитывая произведения драматурга, видя новые постановки его пьес на сценах и телеэкранах, знакомясь с книгой неутомимого исследователя Гулама Мамедли, составившего уникальную летопись жизни и творчества Джавида, мы воочию убеждаемся, что во всех спорах правда была на стороне великого художника, а не его оппонентов. Ошибался не он, а те, кто “изобличал” его “ошибки”.

В чем же постоянно упрекали Джавида? Во время работы над сценарием фильма о Джавиде я тщательно знакомился со всеми материалами, связанными с обвинениями в адрес писателя, как на страницах печати, так и в отчетах о заседаниях Союза писателей, а позже - в рассекреченных протоколах допросов в НКВД. Много из этого дословно вошло в сценарий и фильм. Здесь мне хочется привести лишь один текст, опубликованный в журнале “Ингилаб и меденият” (“Революция и культура”) за 1936 год. Несмотря на то, что до жестоких репрессий 37-го года остается несколько месяцев, обзорная статья о совещании в Союзе писателей, разгромная в отношении некоторых других писателей, довольно-таки корректна в части, касающейся Джавида.

В обзоре говорится: “Когда упоминается имя Джавида, перед глазами проходит ряд бессмертных типов, образов, сцен. Вот Иблис - Дьявол - олицетворение всех сил зла, в красном одеянии, с сатанинским смехом. Вот прибывший из Аравии с целью пропаганды ислама Шейх Санан, влюбившийся в грузинскую красавицу и отвернувшийся от своей религии. Вот Хромой Тимур и Баязид, в своей гордыне не вмещающиеся в этот мир. Вот жертва дворцовых интриг Сиявуш. Вот Пророк, Афет, Марал, Шейда... все они проходят вереницей, а вслед за ними медленно шагает мудрый философ Хайям. Все эти образы, эти сцены выводят Джавида в ряд бессмертных художников, возносят его на вершину искусства. Джавид - большой художник, этого никто не может отрицать и никто не отрицает. ...Но почему этот мастер, достигший таких высот, обозревая весь мир, разные страны, не видит свою родную землю, игнорирует среду, в которой существует, равнодушен к богатой истории азербайджанского народа, к его сегодняшним свершениям?

Гусейн Джавид среди писателей и поэтов

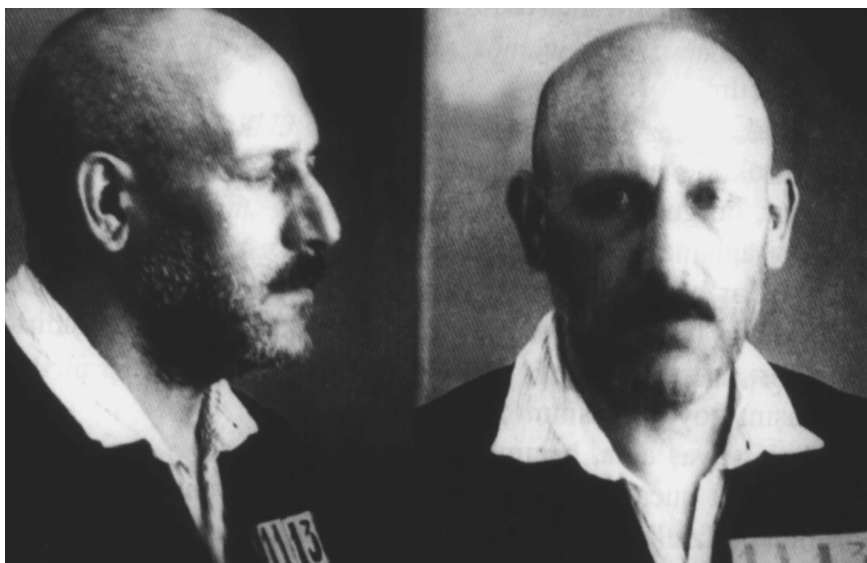
Почему не хочет связать свою судьбу с судьбой своего народа? Почему считает недостойным писать на своем родном азербайджанском языке? Почему обращается к другим странам и далекой истории? Почему он упорно отрекается от советской тематики? Все эти вопросы принижают величие Джавида, низводят его с высоких вершин искусства. Он падает в глубокую яму. Как выбраться из этой ямы - решать самому Джавиду”.

Все эти инвективы заканчиваются поразительным выводом:

“Художник, не связывающий себя с судьбой трудового народа, не радующийся вместе со своим народом, не может считаться большим писателем”.

Вот так, одним росчерком пера, вернее, несколькими выступлениями, признанный великим мастером, Джавид лишается своего статуса. Будто определять, кто великий, а кто - нет, в полномочиях Союза писателей.

Джавида упрекали в том, что его произведения не отвечают злобе дня. Прошло много десятилетий с той поры, и пьесы Джавида, вновь украсившие репертуары театров, оказались самыми злободневными по своей тематике, по глубине поставленных проблем. “Иблис” написан автором, потрясенным событиями Первой мировой войны. После этого произошла еще одна мировая война и множество локальных, но не менее кровопролитных войн, переворотов, революций и контрреволюций, путчей и гражданских, этнических, религиозных столкновений - образ Мирового Зла, выведенного Джавидом в обличье Иблиса, сейчас приобрел еще большую актуальность, чем в дни создания пьесы. В наше время, когда эксцессы религиозной нетерпимости охватили весь мир - и Запад, и Восток, идеи всепобеждающей любви, гуманизма, толерантности, противопоставленные фанатизму, звучат особенно своевременно. Серьезным предостережением всем тиранам служит бессмысленное и кровавое столкновение Хромого Тимура с Баязидом во имя господства над миром. “Бог один, и правитель на земле должен быть один”, - говорит Хромой Тимур, выдавая тайное или явное вождение всех тиранов, и совре-

Тюремный снимок Гусейна Джавида

менных в том числе. Современники укоряли его в том, что он не чувствует пульс времени, но оказалось, что Джавид, не “ощущавший” пульс тех лет, чувствовал пульс Века лучше многих своих современников.

Еще один упрек в адрес драматурга - он частично был приведен выше и весьма характерен для умонастроений определенных людей (и не только в те годы):

“Почему Джавид не обращается к чисто азербайджанской тематике?”.

Современники не догадывались, что Джавид, будучи азербайджанцем, художник более обширного ареала - Ближнего и Среднего Востока, всего тюркского мира, как скажи бы мы сегодня. Он - посланник целого региона перед миром, выразитель истории, философии, эстетики, проблематики Востока. И это тоже является одной из традиций азербайджанской литературы. М.Ф.Ахундов в “Письмах Кемал-уд-довле” поднимал общественные проблемы не одного Азербайджана, но и всего Востока. Нариман Нариманов также обращался ко всему Востоку. М.Дж.Мамедкулизаде в журнале “Молла Насреддин” не ограничивался локальной азербайджанской тематикой, он обозревал как бы весь мусульманский мир. Так же, как и М.А.Сабир, никогда не замыкавшийся на проблемах только своей родины. И Джавид в этом понимании был художником всего Востока, выразителем всей его исторической сущности.

Литературная критика вскоре перешла к грозным политическим обвинениям. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана М.Дж.Багиров, выступая на XIII съезде АКП(б) говорил: “Союз писателей все еще не очистил свои ряды от таких ярых буржуазных националистов, мусаватистов, как Сейид Гусейн, Салман Мумтаз, Юсиф Везир, Санили, Гусейн Джавид и другие”.

По существу Багиров повторял требования Москвы, в том числе отразившиеся в статье газеты “Правда”. В этой статье руководство Союза писателей Азербайджана обвиняли в том, что оно не спешит разоблачать врагов народа в своих рядах или делает это после того, как его члены уже подверглись аресту. Таким образом, от Союза требовалось выполнение функции карательных органов, чтобы творческая организация изобличала так называемых “врагов народа” до того, как они будут “обнаружены” чекистами.

В одну и ту же роковую ночь с 3 на 4 июня 1937 года были арестованы Гусейн Джавид, Ахмед Джавад, Микаил Мушфик. Вскоре Джавад и Мушфик были расстреляны, Джавид - сослан в Сибирь, где и умер в 1941 году.

* * *

Естественно, участь Джавида самым непосредственным и печальным образом отразилась на судьбе его семьи. Она тут же была выселена из квартиры, в которой долгие годы жила, и поселена в какой-то каморке с весьма недоброжелательными соседями. От семьи потребовали вернуть аванс, который Гусейн Джавид получил по договору за сценарий “Кероглы”. Всяческим притеснениям подвергались дети драматурга - сын Эртогрул и дочь Туран. Правда, мир не без добрых людей. Эртогрул в своем письме из госпиталя благодарит своих учителей в Консерватории - Узеир бека и Бюльбюля за заботу об их семье.

У моего дяди, писателя Энвера Мамедханлы, были сложные отношения с Мехти Гусейном. Были годы тесной дружбы, когда они вместе учились в Сценарной академии в Москве. Была духовная близость, когда они совместно писали сценарий фильма “Фатали хан”. Но были и времена, когда они резко выступали друг против друга на страницах печати. Но я помню рассказ Энвера в те годы, когда у него с Мехти были весьма прохладные отношения. Он рассказывал, что его сестра, Хабиба ханум, которая в течение всей жизни была самой близкой подругой Туран, сообщила брату, что дочь Джавида без работы и после смерти брата семья оказалась без средств к существованию. Энвер попросил Мехти Гусейна, который в те годы работал заместителем председателя Комитета по радиовещанию, взять Туран на работу, и тот выполнил просьбу. А это было непросто в то время, говорил Энвер.

Какой-то рок, как в античных трагедиях, висел над этой семьей. Вслед за Гусейном Джавидом в расцвете сил ушел из жизни Эртогрул. Я знал о печальной судьбе Эртогрула, студента Консерватории, призванного в армию в самом начале войны, но из-за туберкулеза попавшего в госпиталь, там и скончавшегося. Но случай позволил мне еще обстоятельнее ознакомиться с биографией этого талантливого сына великого художника. Моя супруга Земфира ханум, музыковед, работая в архиве, обнаружила материалы, которые были подписаны Эртогрулом Джавидом. В их числе - рецензии Эртогрула на чрезвычайно интересную рукопись Джалила Багдадбекова “Воспоминания о прошлом азербайджанской музыки” и на тексты Джабара Карьягдыоглы, а также его соображе-

Мишкиназ Джавид, Гусейн Джавид, Эртогрул Джавид, Туран Джавид. Баку, 1936 год

ния о готовящихся к изданию “Очерках по истории музыки Азербайджана”. Все эти тексты свидетельствовали о солидной профессиональной подготовке автора, его обширных знаниях в области музыки и собственных оригинальных суждениях по соответствующим вопросам. Мы обратились к моей тете Хабибе, и та повела нас к Туран ханум, с которой, естественно, мы были знакомы и раньше. Земфира показала обнаруженные ею материалы Эртогрула.

Понимая, насколько это мучительно для Туран ханум, мы все же спросили, какие еще материалы покойного брата сохранились в семье. И вот, Туран ханум приносит несколько папок, которые она не решалась открывать в течение долгих сорока лет: в этих папках оказались ноты, письма, рисунки, документы, заметки... обычные школьные тетрадки.

Пожелтевшие страницы начинают разговаривать с нами, с пяти нотных строчек звучит музыка, перед нашими глазами оживает образ вдохновенного юноши, который несмотря на все суровые испытания, выпавшие на долю его семьи, полон вдохновения, радужных творческих планов, желания попробовать свои силы в разных формах творчества - тут не только ноты, но и рисунки Эртогрула, его рассказы, фрагменты драматических сочинений, даже аккуратные записи сыгранных шахматных партий. А суждено было ему прожить всего лишь 24 года. В эти годы вместились не только учеба в двух вузах, но и работа - надо было содержать мать и сестру. И на работе, и в учебе ему необходимо было быть лучшим - ведь он был сыном Гусейна Джавида. Он знал, что у него нет права учиться не то чтобы плохо, а даже средне. Знал, что должен на любой работе прилагать в пять, десять раз больше усилий, усердия, труда, старания - ведь он был сыном Гусейна Джавида. И действительно, в сохранившейся зачетной книжке только отличные отметки.

В другом документе отмечается, что студент композиторского факультета Эртогрул Джавид - автор множества сочинений. Туран ханум вспоминает, что Эртогрул учился на одном курсе с Фикретом Амировым. После ознакомления с документами я решил написать об Эртогруле, и с этой целью встретился и с Фикретом Амировым. В ответ на мой вопрос Фикрет муаллим сказал: “Мы не только учились на одном курсе, мы были самыми близкими друзьями. Я встречал много хороших людей в своей жизни, Эртогрул был одним из самых чистых, благородных, прекрасных людей... Он всем своим существом был привязан к музыке, литературе, искусству. Имел в жизни лишь одну цель - творчество. Мы всегда и везде бывали вместе - в Консерватории, на концертах, спектаклях... Мне кажется, Узеир бек обратил внимание на наши близкие отношения и был, видимо, доволен этим, ведь у него было особое отношение к Гусейну Джавиду. Эртогрул собирал и записывал наши народные пьесы, и эти его усилия получили одобрение Бюльбюля. Увы, ранняя смерть вырвала его из наших рядов в годы расцвета творчества. Уверен, если бы Эртогрул был жив, он стал бы одним из самых ярких представителей нашей музыки”.

Я показываю ноты Эртогрула, которые Туран ханум доверила мне, Фикрет Амиров просматривает их, наигрывает:

- Очень интересно, - говорит он, - как будто я вернулся на сорок лет назад, в годы нашей молодости.

В числе нот Эртогрула - пьесы, романсы на слова Низами, Джафара Джаббарлы, туркменского поэта Кемине, своего двоюродного брата Таира Расизаде. С радостным удивлением я обнаружил, что одна из песен Эртогрула написана на слова моей матери. На нотах его рукой написано “музыка Эртогрула Дж., слова Р.Нигяр”. Ноты я показал маме. О том, что Эртогрул написал песню на ее позабытые ею самой стихи, она впервые узнала тридцать лет спустя. Разумеется, не знала она и о том, что Эртогрул готовился написать оперу на ее драматическую поэму “Мехсети”, опубликованную в журнале в 1941 году. В папках - музыкальные фрагменты из будущей оперы, эскизы.

Одно из лучших стихотворений Нигяр Рафибейли посвящено памяти Мишкиназ ханум, супруги Джавида.

*Какая прекрасная женщина покинула этот мир,
Муза великого поэта, скорбная мать,
Сломленная жизнь,
Но не сломленная гордость, достоинство.
Своей трагической судьбой
Она предъявила горький укор Времени
Зачем, зачем же было пролито столько невинной крови,
Зачем молчала совесть?
Неужели не раскроются преступления века,
И лишь одни вопросы
Останутся на устах следующих поколений.
Неужели история не ответит на эти преступления,
Не ответит за те времена?
Из мира ушла многострадальная мать,
Укорив своим уходом мир.*

(Подстрочный перевод)

Самой заветной и, увы, неосуществленной мечтой Эртогрула было написать оперу “Шейх Санан” по пьесе отца. Видимо, он ни минуту не сомневался в том, что рано или поздно отец будет оправдан и его имя вновь вернется в литературу и на сцену.

Но вот началась война, и Эртогрул был призван одним из первых. Но он не успел дойти до фронта, туберкулез свалил его, и он оказался в госпитале. Все его помыслы только о семье, лишенной своего кормильца. Больше всего беспокоит его Туран, ее учеба, работа, дальнейшая судьба. Из госпиталя он пишет письмо Узеир беку, в котором просит по возможности помочь семье, устроить на работу мать и сестру.

Эртогрул скончался в Нахчывани в 1943 году.

О его незаурядной личности, неосуществленных замыслах, горькой судьбе я написал большую статью “Художник, сын великого художника”. Ученый и публицист Рафаэль Гусейнов, автор целого ряда ценных книг, в том числе книги “Вечный Джавид”, пишет: “Об Эртогруле впервые написал Анар, он же подготовил телевизионную передачу о нем. Так было обнародовано творческое наследие 24-летнего юноши, бережно сохраненное Туран ханум и не тронутое в течение 40 лет”.

Мавзолей Гусейн Джавида в Нахчыване

тично использовал свое выступление 1984 года во время торжеств по случаю столетия Джавида.

Да не сочтется за нескромность, если я процитирую впечатления одного из участников того самого торжественного вечера, Рафаэля Гусейнова. В книге о Джавиде Рафаэль пишет:

“Выступал Анар. На этом юбилее только он произнес слова, которые никто не говорил, но которые необходимо было сказать именно в тот вечер. Он вспомнил три неразрывные части раненого сердца Джавида - Мишкиназ ханум, Эртогрула, Туран. Сегодняшний день - это праздник исторической справедливости и вечной истины, - говорил Анар. - Сегодня имя Джавида заняло достойное место в пантеоне классиков азербайджанской литературы, сегодня - праздник возвращения Джавида, и я поздравляю всех по случаю этого праздника. Я хочу вспомнить его верную, самоотверженную подругу жизни - Мишкиназ ханум, вспомнить сына Джавида - композитора Эртогрула. Я склоняю голову перед мужеством и достоинством Туран ханум, дочери Джавида”.

Азизбековский театр давно не слышал таких бурных, продолжительных аплодисментов”.

Наряду с очень ценным для меня свидетельством Рафаэля, таким же дорогим для меня является и письмо к нему Туран ханум, которое он приводит в той же книге:

После этого имя Эртогрула стало все чаще упоминаться в разных текстах, исполнялись его музыкальные произведения. Хочу отметить, что я также впервые на страницах печати предложил похоронить Эртогрула рядом с его отцом. Это удалось осуществить после вторичного прихода Гейдара Алиева к власти, когда в Нахчывани был возведен величественный мавзолей великого поэта. Теперь там покоится, наконец, воссоединенная семья: Гусейн Джавид, Мишкиназ ханум, Эртогрул, Туран. И это стало возможным благодаря Гейдару Алиеву. Ведь столько людей, в том числе писателей, поэтов, ученых со всего Союза, было сослано в лагеря, и лишь останки одного из них - Гусейна Джавида - удалось вернуть на родину благодаря воле и упорству Гейдара Алиева. Он же добился скорейшего создания домов-музеев Джавида в Баку и Нахчывани.

Я включил в это эссе некоторые фрагменты из своей статьи 1980 года, посвященной Эртогрулу. На страницах же, посвященных самому Гусейну Джавиду, я час-

“Здравствуй, дорогой Рафаэль! Четыре года назад Анар заложил памятник Эртогрулу, и ты, как самый достойный его ученик, продолжил это дело. Как хорошо, что вы есть. Как ты знаешь, я очень нервничала накануне юбилея, и на самом торжестве, можно сказать, не слышала выступлений. Я услышала только Анара. Как подействовало на меня упоминание Анаром членов нашей семьи? Наверное, твои слезы радости помешали тебе увидеть, как на меня подействовало его выступление. Может, в этом зале я была единственным человеком, который ждал, что Анар скажет о них. После каждой его фразы я ждала, что он произнесет эти имена. И когда услышала эти слова, была взволнована и обрадована. Я убедилась, что не ошиблась в Анаре. Потому что никто из выступавших там не сделал бы этого, не смог бы сделать. Для этого надо было почувствовать семью Джавида, как Анар. В тот юбилейный вечер многие поздравляли меня, я же хотела обнять и поцеловать в лоб только одного человека - Анара, сказать ему: “Ты - мужчина, сын мужчины!”.

Но после официальной части меня повели смотреть выставку, а потом я не нашла ни тебя, ни Анара, чтобы выразить свою признательность.

Туран.

1 декабря 1985 г.”.

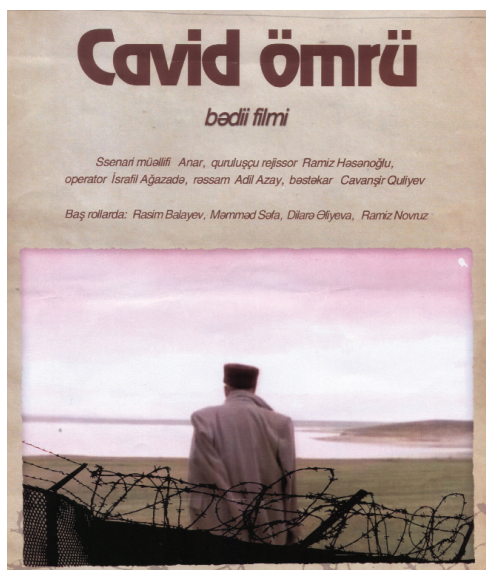
В 2003 году мне предложили написать сценарий фильма о Джавиде. Прежде чем заключить договор, я позвонил Туран ханум, сказал, что получил такое предложение, и спросил, как она относится к этому.

- Кто же может написать этот сценарий, если не ты? - сказала она.

Мы с творческой группой фильма “Жизнь Джавида” попытались оправдать оказанное доверие. До этого я снял в качестве режиссера-постановщика два фильма по собственным сценариям - “Узеир Гаджибеков. Аккорды долгой жизни” (“Жизнь Узеира” - в азербайджанском варианте) и “Окно печали”, посвященное М.Дж.Мамедкулизаде. Таким образом, фильмом “Жизнь Джавида” завершалась своеобразная трилогия, связанная с тремя великими азербайджанскими художниками XX века. Фильм “Жизнь Джавида”, снятый режиссером-постановщиком Рамизом Гасаноглы, на мой взгляд, получился достойным памяти великого писателя. Убедительный образ Джавида эфенди создал Расим Балаев. Мы исходили из понимания Джавидом Иблиса - как Вечного Зла, воплощенного в разные эпохи в разных лицах. И потому в начале фильма - сцены жестокости на полотнах классических художников Европы и Востока, хроникальные кадры диктаторов XX века - Гитлера, Муссолини, Сталина. И сам Иблис в исполнении актера Мамедсафы - выступает в фильме то в виде дашнакского террориста, то

Планета Гусейн Джавида

следователя НКВД или провокатора, то пролет-культовского критика - гонителей Джавида.

Больше всех остальных зрителей мне хотелось бы показать наш фильм двум людям: Туран ханум, дочери и духовной наследнице Джавида эфенди, и Гейдару Алиеву, сделавшему так много для увековечивания его памяти. Нам была бы важна именно их оценка. Увы, не удалось. Оба они ушли из жизни до завершения работы над фильмом.

Фильм, в котором много горя, боли, страданий, заканчивается, однако, оптимистическими кадрами, в которых на некоем абстрактном пространстве - то ли на прекрасном участке земли, то ли в небесном раю - наконец встречаются все члены трагической семьи: Гусейн эфенди идет навстречу Мишкиназ, Эртогрулу, Туран, а за кадром звучат стихи Джавида.

Это эссе тоже хочется завершить строчками, правда, из двух других стихотворений поэта.

В одной из них звучит роковой вопрос:

*Свобода! Ты одна из самых сладких грез...
А есть ли на земле свобода? Вот вопрос.*

(Перевод Л.Озерова)

В другой - ответ:

*У каждого раба - обитель для моления,
У праведной души - предмет для поклоненья,
У каждого свой Бог, Творец со дня творенья,
Мое же божество - любовь и красота.*

(Перевод С.Мамедзаде)
1980, 1984, 2009 гг.

Кадры из художественного фильма "Гусейн Джавид"

Памятник Гусейн Джавиду в Баку. Скульптор Омар Эльдаров

Турькие судьбы двух поэтов

Мухаммед Хади (1879-1920) и Ахмед Джавад (1892-1937)...

Два прекрасных поэта начала XX века. Два поэта с горькой судьбой. Конечно, каждый крупный художник индивидуален и в судьбе, и в творчестве, однако есть несколько важных моментов, позволяющих объединить этих двух поэтов.

По советской терминологии национализм считался определением со знаком минус, и слово “националист” постоянно сопровождалось эпитетами “буржуазный”, “реакционный”, “отъявленный”. В лучшем случае оно заменялось эвфемизмом “патриот”.

И Мухаммед Хади, и Ахмед Джавад были националистами в самом лучшем, благородном смысле этого слова, патриотами своей родины, своей нации, если угодно. Это их объединяло в первую очередь при всей разнице поэтического лица, стиля, языковых особенностей. Оба были влюблены в Турцию, ее поэзию и находились под определенным влиянием турецких поэтов: Намика Кемалю, и в особенности Тофика Фикрета - Мухаммед Хади; Мамед Эмина Йурдакулы, Рзы Тофика - Ахмед Джавад. Национализм или патриотизм в Азербайджане в начале прошлого века почти всегда сопровождается пристрастием к Турции, неизбежно сочетается с ним, и тому есть объяснение. Все тюркоязычные народы были под властью чужих империй - Российской, Персидской, Китайской, и лишь только Турция, вернее - Османская империя, обладала самостоятельностью, могла официально пользоваться своим родным языком, хотя османский язык той эпохи, изобилующий арабскими, персидскими словами, трудно было считать чисто тюркским. Правда, и в составе Османской империи проживали национальные меньшинства как христианского, так и мусульманского вероисповедания, и они считали власть османов гнетом.

Еще одна общая особенность обоих поэтов - в превратностях их судьбы, сложной, непредсказуемой, полной неожиданных роковых поворотов.

В молодые годы Ахмед Джавад прожил несколько счастливых лет, особенно в годы романтической влюбленности в свою будущую супругу Шукрию ханум, и это отразилось в стихах, посвященных ей.

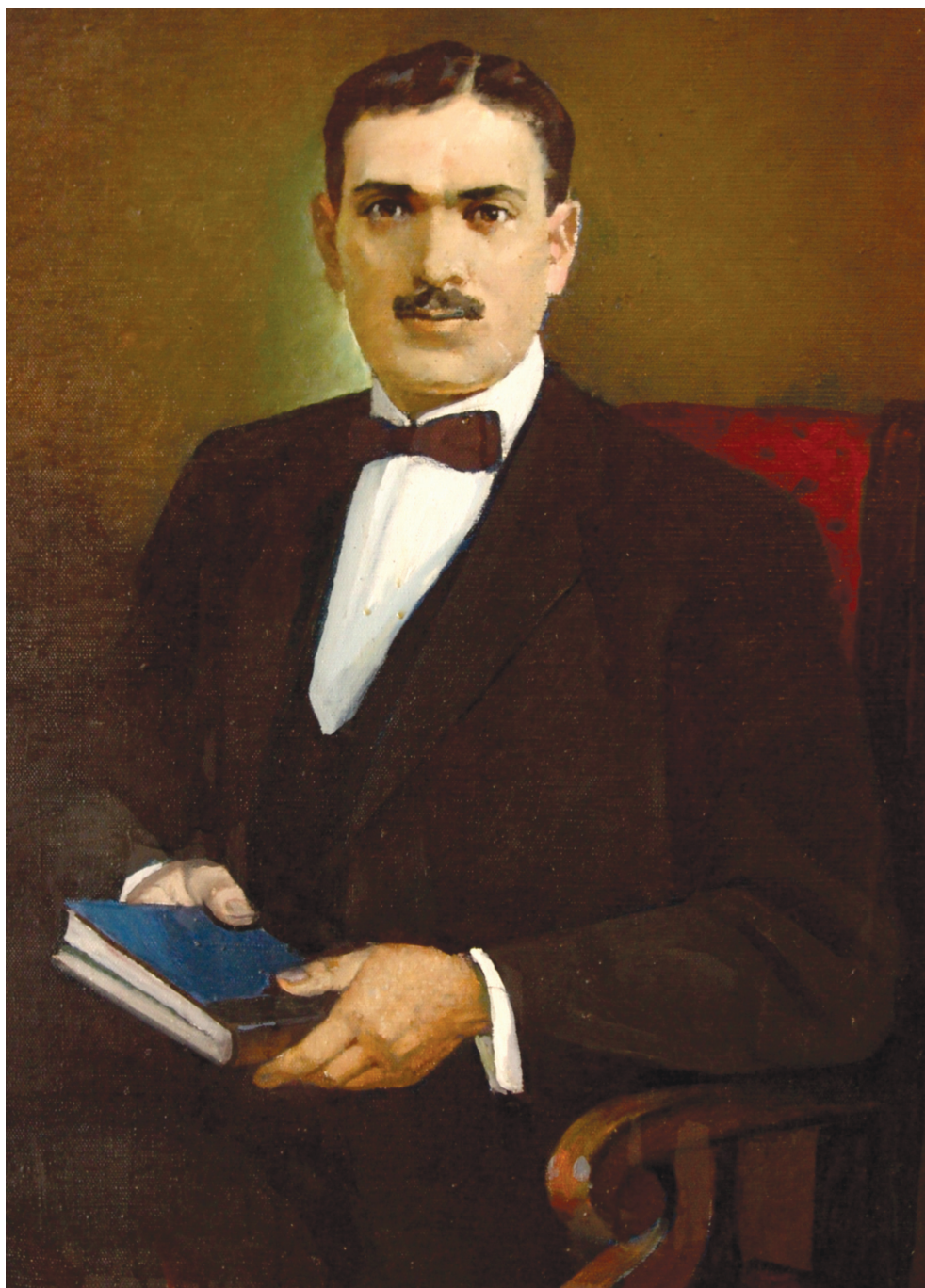
Есть ли на свете человек, счастливей меня?

- писал он, не догадываясь о том, что готовит ему судьба.

Наконец, Джаваду было суждено прожить полные одухотворенной радости годы независимости Азербайджана. 1918-1920 годы явились пиком творческой активности, искренности и плодотворной вдохновенной работы А.Джавада. Именно в это время он пишет такие патриотические (националистические) произведения, как стихи, посвященные Азербайджану, его национальному флагу, Турецкой армии, освободившей Ба-

Мухаммед Хади

Ахмед Джавад

ку. В их числе и стихи, в то время ставшие гимном Азербайджана и восстановленные в качестве Государственного гимна в годы нашей второй независимости. (Музыка Узеира Гаджибейли. Узеир бей создал также на слова Джавада песню “Волновалось Черное море”, ставшую чуть ли не вторым гимном Турции.)

Мухаммед Хади, в отличие от Джавада, казалось, был фатально обречен на несчастье. В юные и молодые годы ему не удалось осуществить свою мечту - получить полноценное образование, хотя позже своими неустойчивыми усилиями он стал одним из эрудированных людей эпохи. Его стремление к учебе, знаниям, просвещению неизменно наталкивалось на непреодолимую глухую стену. Это нашло отражение в горьких строчках:

*Жажду взлететь высоко! - хватит ли воли и сил?
Крылья талантов моих строгий учитель подбил.
Как не просил я людей к знанию меня приобщить,-
Тщетных стремлений моих рвется бесплодная нить.
Слово ты скажешь горе - эхо ответит из мглы,
Глухие к стенам моим люди, что тверже скалы.*

(Перевод А.Нейхардт)

Романтик не только в своем творчестве, но и в жизни, Хади, вдохновленный революционными событиями в Турции, в 1908 году едет в Стамбул, но здесь его арестовывают и как “русского шпиона” ссылают в Салоники. Лишь в 1914 году ему удается вырваться из ссылки и сесть на корабль, чтобы вернуться на родину. Но судно захватывают греки и на этот раз его принимают за турецкого шпиона. Хади с трудом удается спастись.

Один из самых известных бейтов в большом стихотворении поэта - это двустилишие:

*Все нации поставили свои подписи в книге жизни
Нет лишь почерка моей нации среди этих подписей*

(Подстрочный перевод)

В стихотворении “Спасите от тирании” Хади пишет:

*У своры насильников мы очутились в когтях,
Мы словно в плену у невзгод и несчастья в сетях.
Смертельные стрелы летят отовсюду на нас
И нет никого, кто бы народ от гибели спас.
О Родина, стала ты местом, где властвует гнет.
Нет истине дела то тех, кто лишь зло признает.
Зло властвует всюду, нигде не встречая препон,
В стране, где рутина - извечна и низость - закон,*

*Твори все, что хочешь, но быть молчаливым умей,
Забудь справедливость, о правде и думать не смей.
В железных оковах насилья томится страна,
Стенаньем, слезами народа земля сожжена.
Здесь каждый о выгоде мыслит, к наживе стремясь,
А люди достойные, мудрые втоптаны в грязь.*

(Перевод А.Нейхардт)

Страшный парадокс судьбы Хади заключается в том, что когда наконец его мечта вроде бы осуществилась, Азербайджан объявил свою независимость, поставил “свою подпись в книге жизни”, Хади, которому было уже под сорок, в отличие от 26-летнего Джавада, не смог полностью ощутить эту радость. Немыслимые мытарства жизни прирастили его к алкоголю. Гусейн Джавид, его современник, стал свидетелем грустного эпизода - он встретил нетрезвого поэта, продающего листки со своими стихами на улице, чтобы заработать деньги то ли на хлеб, то ли на выпивку... Повторилось то, что часто повторяется в истории - когда осуществляется желание жаждущих свободы и независимости, они сами уже как-то перегорают, будучи не в состоянии полной грудью вдохнуть этот воздух вольности.

И могила его долгое время была в неизвестности. Но несчастья Хади не кончаются на этом. Еще одна беда поэта не в его человеческой, а литературной судьбе. Дело в том, что произведения Хади написаны таким усложненным языком, с таким избытком арабских, персидских слов и оборотов, что его с трудом понимали современники, а сегодня никто, кроме специалистов, не понимает. Казалось бы, есть выход - адаптировать его строки на современный лад, упростить, сделать их понятными и доступными сегодняшнему читателю. Но здесь кроется еще одна особенность несчастливой литературной судьбы Хади. Это тонким художественным чутьем уловил наш выдающийся поэт Рамиз Ровшан. При упрощении стихи Хади теряют не только свою загадочность, туманность, обаяние непонятности, тайны, но в какой-то мере смысл, становясь почти трюизмами.

“У кажущихся необычайно сложными строк Хади нет глубокого и сакрального подтекста, - пишет Рамиз Ровшан. - Если мы переведем на наш современный язык арабские и персидские слова в его поэзии, они будут понятны любому школьнику. Откровенно говоря, я сам как-то в начале 80-х попытался это сделать. Прodelав эту операцию с парой стихов Хади, я обнаружил странную картину - чем более простыми становились эти стихи, тем более плоскими они оказывались. И в этой связи возникает вопрос: действительно ли языковая сложность поэзии Хади является ее уязвимой стороной? Нет однозначного ответа на этот вопрос”.

Слова эти взяты из эссе Рамиза Ровшана “Лазутчик Бога”. Вспомнив злоключения Хади, которого принимали то за русского, то за турецкого шпиона (или лазутчика, скажем), автор объявляет его “Лазутчиком Бога” и заканчивает свое эссе уверенностью в том, что поэт от Бога, Хади писал так, что сам Бог понимал его без труда...

Что ж, утешимся этим, когда обращаемся к судьбе поэта-горемыки.

В отличие от Хади, язык Джавада чист и прост. Это родниково-прозрачный азербайджанско-тюркский язык. Обусловлено это еще и тем, что Хади большинство своих стихов писал в размере “аруз”, а Джавад в основном создавал свою поэзию в размере “хеджа”.

Счастливая пора творческого взлета Ахмеда Джавада закончилась 28 апреля 1920 года, когда в Азербайджане была установлена советская власть. Как известно, свою независимость Азербайджан продекларировал ровно за 23 месяца до этого - 28 мая 1918 года.

*Я каждый новый май встречаю
Как невозможную удачу,
С апрельской каплей тая,
Над горестным обманом плачу.*

*Влачусь в пустынном бездорожье,
И нет души родной, похоже.
Прекрасный май, надеюсь все же,
Придет конец страданиям. Плачу.*

*Прошли все мыслимые сроки,
Цветы покроют ли отроги?
Мой май застрял на полдороги,
И я по дням желанным плачу.*

*Когда желанный май настанет,
Новь настоящей новью станет,
Но если май опять обманет?
Когда же мы воспрянем? Плачу.*

(Перевод С.Мамедзаде)

В первые годы советской власти А.Джавад еще мог выражать крик души:

*Вопрошающим в толкую,
Кто я на земной юдоли.
Я - терзаемой отчизны
Голос, стонущий от боли.*

Но очень скоро заставили замолчать этот “голос, стонущий от боли”. И сколько бы ни говорил Джавад, что после 25-го года никаких политически направленных стихов не писал, сколько бы ни уверял, что работает над монументальной поэмой “Октябрь”, стихами о Москве, писательская братия жаждала его крови.

В стенограммах литературных судилищ сохранились даже вирши какого-то графомана, который в стихотворной форме требовал ареста и ссылки Джавада, таким обра-

зом предвосхищая последующие акции карательных органов. Джаваду припомнили не только прежние “грехи” - стихи, посвященные стягу независимого Азербайджана или оду в честь турецкой армии, но и то, что его совершенно невинное стихотворение “Гей-Гель” было опубликовано в Турции в мусаватском издании.

- Это чисто лирическое стихотворение, его можно толковать по-разному, - пытался объясниться Джавад, - и мне совершенно не известно, каким образом оно попало в турецкую печать.

Но все это не возымело никакого действия. Интересно, что наиболее яро против мусаватистского прошлого Джавада, против националистических и протурецких настроений в его поэзии выступали те литераторы, критики, которые очень скоро сами оказались жертвами репрессий, разделили участь критикуемых ими Джавида, Джавада, Юсифа Везира, Мушфика. С одним знаменательным исключением: один из ярых оппонентов Джавада, добившийся даже его исключения из Союза писателей, дожил на воле до глубокой старости. Критик молодого поколения удачно сострил про него, что тот в молодости был нехорошим человеком, но прожил так долго, что в старости стал хорошим. В оправдание, если этому есть оправдание, этого человека можно сказать, что когда после реабилитации Джавада корреспонденты пришли к нему, чтобы он поделился воспоминаниями о поэте, он заявил: “Я в свое время сказал, написал и сделал в отношении него столько несправедливого, что же хорошего я могу вспомнить”.

Джавад был арестован в один и тот же июльский день вместе с Гусейном Джавидом и Микаилом Мушфиком. Гусейн Джавид на одной из последних встреч с членами своей семьи сказал: “Джавад оказался настоящим мужчиной”.

Можно только догадываться, что стоит за этими словами. По официальной версии, Ахмед Джавад был расстрелян, но существуют веские предположения, что он умер от нечеловеческих пыток до расстрела.

В Баку есть улица Ахмеда Джавада. Но нет памятника. Его нет и в Гяндже, в очень родном для него городе. У нас обычно ставят памятники поэтам, как свечки, - похожие друг на друга фигуры стоят в рост по стойке смирно. Я в свое время предлагал и писал об этом, что увековечить память Джавада можно и по-другому. По дороге из Аджикенда к Гей-Гелю есть много прекрасных родников, источников. Одному из этих родников можно присвоить имя Ахмеда Джавада и отчеканить на плите строки из его бессмертного стихотворения “Гей-Гель”:

*На лоне зеленом туманистых гор
Пленит совершенства виденьем Гей-Гель
Кольцом изумрудным окрестный простор
Упал на тебя отраженьем, Гей-Гель.*

*Потише вы, гости! Уняться пора!
Туманом укрыла красуню гора
Усталая пери поспит до утра,
И нам предстает сновиденьем Гей-Гель*

Озеро Гей-Гель

*Заветное слово ветрам передай,
Далеким-далеким краям передай
Судьба одарила людей невзначай
Волшебным твоим появлением, Гей-Гель.*

*(Стихи в переводе С.Мамедзаде)
2009 г.*

“Вольной птицей я был...”

В юные годы самым моим любимым азербайджанским писателем был Джафар Джаббарлы. Я многократно перечитывал его пьесы. Особенно меня волновали “Айдын” и “Октай Элоглы”. Удивительно, что спустя столько лет, если можно так выразиться, “спустя целую жизнь”, когда я вновь перечитываю или мысленно возвращаюсь к творчеству Дж.Джаббарлы, меня опять больше всего привлекают эти две пьесы. Думаю, не случайно, что из всего творческого наследия драматурга современный театр привлекла именно драма “Айдын”. Покойный ныне актер и режиссер Микаил Мирза осуществил постановку этой пьесы в Национальном театре драмы. Мой покойный друг, композитор Эмин Сабитоглы, мечтал об опере “Октай” и просил меня написать либретто. Я хоть и обещал, но, увы, не сдержал слова.

В чем особая привлекательность этих произведений? Они написаны в досоветское время, но в те же годы созданы и некоторые другие пьесы Дж.Джаббарлы - “Верная Сария”, “Увядавшие цветы”, “Насреддин шах”, “Покорение Эдирни”, “Бакинская битва”, “Траблисская война” (Траблис - город Триполи в Ливии).

Первая пьеса Джаббарлы - “Верная Сария” и “Увядавшие цветы” близки по своему сентиментальному духу. Любопытно, что кому-то пришло в голову объединить эти две пьесы в одну, и я видел этот спектакль - он казался органичным, не чувствовалось “швов”. “Насреддин шах” написан в русле тех же традиций национальных исторических пьес, что и “Надир шах” Наримана Нариманова и “Агамухаммед шах Каджар” Абдуррагим бека Ахвердова. Патриотический пафос других вышеупомянутых пьес досоветского периода не добавляет им эстетической ценности. И лишь две пьесы досоветского периода - “Айдын” и “Октай Элоглы” - свидетельствуют о мощи драматургического таланта Джафара Джаббарлы.

Дж.Джаббарлы писал и стихи; и патриотические или лирические стихотворения, как и поэма “Девичья башня”, - показатели его одаренности и в поэзии. У него есть интересные рассказы, много статей на литературные и театральные темы. Но главное призвание этого феноменально талантливого художника - драматургия или, если взять еще шире, - театр, ибо он порой выступал и как режиссер. Джаббарлы был драматургом от Бога - мастером острых коллизий, полнокровных характеров, острых, запоминающихся диалогов. Живой разговорный язык, сочный юмор, социальная актуальность - все эти качества ярко проявились и в произведениях, созданных в советские годы - в пьесах “Севиль”, “Невеста огня”, “В 1905 году”, “Алмас”, “Яшар”, “Поворот”. Но почему я все же выделяю два ранних произведения драматурга - пьесы “Айдын” и “Октай Элоглы”? Во-первых, эти пьесы, в отличие от других ранних опытов, написаны рукой зрелого мастера, хотя в те годы автору было чуть больше двадцати лет. Во-вторых, написанные, как ни странно, в столь молодом возрасте во всеоружии мастерства, “Ай-

Портрет Джафара Джаббарлы. Художник Асеф Джафаров

дын” и “Октай” не несут в себе ни малейших признаков социального заказа, как это наблюдается в других образцах его драматургии советского периода. Эти пьесы написаны только по зову души.

В пьесах же советского периода - в таких, к примеру, как “Алмас”, “Яшар”, отчасти “Севиль”, - чувствуется некая нагрузка. Наряду с полнокровными, живыми образами других персонажей заглавные герои пьес “Алмас” и “Яшар” выглядят ходульными, рупорами определенных идей, а не воплощением определенных человеческих качеств, индивидуальных черт характера. Образцом такого героя-резонера была уже Гюлюш в пьесе “Севиль”, но там она была второстепенным персонажем, не выделялась особо на фоне таких полнокровных образов, как сама Севиль, Балаш, Дильбер (Эдиля), сатирических типов - Абдулали бек и Мамедали бек. В “Алмase” же или в “Яшаре” заглавные герои кажутся чужеродным пятном на доб-

ротном художественном фоне, с четко выписанными характерами в основном так называемых отрицательных героев. В этих пьесах драматург, казалось, вынужденно подчинился нормативным требованиям советской эстетики об обязательном противопоставлении отрицательным явлениям стопроцентно положительного героя без сучка и задоринки. Так сказать, ходячей добродетели в качестве примера для воспитания и подражания. Такое ощущение, что на талантливо написанный живописный холст наложили картонные плакаты “положительных” героев. Именно по этой причине и “Айдын”, и “Октай” кажутся мне произведениями, в которых большой талант Джаббарлы проявился без всяких натяжек и оглядок на схематические требования социалистического реализма.

Вообще, с наследием Джафара Джаббарлы происходят странные вещи. Как известно, - и это тщательно скрывалось в советское время - Джаббарлы начинал свой творческий и общественно-политический путь как пламенный националист, был членом мусаватской партии. О патриотических настроениях молодого автора свидетельствуют такие образцы его поэзии тех лет, как стихи, посвященные трехцветному флагу независимого Азербайджана, “Приветствие Турану”, “Страна моя” и другие, а также некоторые из вышеназванных пьес. Когда на одном приеме Джаббарлы, как автора пьесы “Бакинская битва”, представили освободителю Баку, турецкому генералу Нуру паше, тот поздравил молодого писателя и подарил ему часы. В те годы Джаббарлы работал стенографистом парламента независимого Азербайджана, входил в молодежную орга-

низацию партии “Мусават”, а после установления советской власти - в ее тайную ячейку. Вскоре был арестован ЧК, выпущен, устроился на работу стенографистом уже в ЦИК Советского Азербайджана, но через некоторое время был снова репрессирован. Исследователь творчества Джафара Джаббарлы Асиф Рустамли в предисловии к четвертомнику писателя приводит любопытный факт ареста 1923 года. Во время ареста был конфискован и журнал “Маариф ве меденият” (“Просвещение и культура”), в котором была опубликована первая часть поэмы “Девичья башня”. Гонорар за поэму выдал автору Наркомпрос. Узнав об аресте Дж.Джаббарлы, народный комиссар просвещения Т.Шахбази обратился с секретным письмом в АзЧК с просьбой взять у Джаббарлы вторую часть поэмы. Но так как поэма не была завершена, Дж.Джаббарлы продолжил работу над ней в тюремной камере. Вторая часть поэмы, написанная в тюрьме, также была напечатана в том же журнале, а автор вскоре был выпущен на свободу. Этот факт представляет интерес для сравнения условий заключения в 20-х годах с методами так называемого “физического воздействия”, иными словами - чудовищных пыток, которым подвергались репрессированные в 37-м году. Некоторые утверждают, что Дж.Джаббарлы “повезло” с ранней смертью в 1934-м, иначе ему бы не миновать участи репрессированных в 37-м году. Трудно сказать что-либо по этому поводу, история не имеет сослагательного наклонения. В советское время, особенно после смерти драматурга, старались начисто вычеркнуть из биографии Дж.Джаббарлы ранний, мусаватский период его жизни и творчества. Более того, советское литературоведение представляло его как художника, безоговорочно преданного коммунистическим идеалам. Даже патриарх нашего литературоведения, академик Мамед Ариф, наиболее авторитетный исследователь творчества Дж.Джаббарлы, автор солидной монографии о нем, вынужден был представлять драматурга в свете идеологических требований времени. “Джафар Джаббарлы из тех писателей, которые в своем творческом опыте пришли к методу социалистического реализма естественным путем, - пишет М.Ариф, - он стал одним из первых мощных представителей социалистического реализма в азербайджанской литературе”.

Конечно, если не считать заглавных героев пьес “Алмас” и “Яшар”, полнокровное, подлинно реалистическое, богатое разнообразными человеческими характерами творчество Джафара Джаббарлы имеет мало общего с мертворожденным методом социалистического реализма.

Но своеобразие творческой судьбы Джафара Джаббарлы заключается в том, что с изменением идеологических ориентиров времени его пьесы трактуются с прямо противоположных политических позиций.

В 90-е годы прошлого столетия Азербайджан восстановил свою независимость, и творчество Джафара Джаббарлы стали трактовать уже с совершенно других - антисоветских позиций, в его пьесах стали искать, иногда и в самом деле находить, разные подтексты, намеки, эзоповские иносказания, подтверждающие его якобы оппозиционность к существующему режиму. Мне эта трактовка кажется такой же односторонней, однобокой, тенденциозной, как и определение его творчества в советские годы.

Дело, на мой взгляд, в том, что огромный талант Джафара Джаббарлы, его неисчерпаемый творческий потенциал не вмещался в какие-либо идеологические рамки - ни

националистические, ни социалистические. Он воссоздавал яркие картины жизни и в “Айдыне”, “Октае” в досоветский период, и в пьесах, написанных в советское время. А жизнь - она ведь шире любых идеологических ограничений. Возможно, настанет время, и в сценической трактовке некоторых пьес Джаббарлы советского периода так называемые положительные герои будут выставлены на сцене как гротескные, сатирические персонажи, а сочные образы отрицательных героев сохранят свою особенность именно как живые человеческие характеры. Возможно, и пьеса “В 1905 году”, несмотря на ее вымученную революционность и интернационализм, будет представлять ценность как смелое изобличение политики царских властей, натравливающих один народ на другой, вызывая аналогию с сегодняшними реалиями нашей действительности.

В отличие, скажем, от великого Гусейна Джавида, Дж.Джаббарлы в советское время был еще очень молод. Он был полон энергии, творческих планов, идей относительно развития национального искусства - литературы, театра, кино. Он осознавал, что даже в условиях советского режима можно направить усилия на прогресс национальной культуры, и потому неутомимо трудился на этой ниве. В отличие от Джавида, получившего образование в Турции, увлеченного общевосточными темами, витавшего где-то в облаках, Джаббарлы обеими ногами твердо стоял на родной земле, черпал темы, сюжеты из азербайджанской жизни. В этом - еще одно отличие двух ведущих драматургов той эпохи, и Джафар Джаббарлы был абсолютно искренен, выражая претензии к Джавиду в открытой форме. Приходится признать, что упреки Джаббарлы Джавиду в оторванности от родной почвы мало чем отличаются от доводов критиков той поры, обвинявших великого писателя в тех же “грехах”. И опять же, как правило, приверженное “фигуре умолчания”, современное наше литературоведение как бы не замечает этих моментов во взаимоотношениях двух художников. Однако и мы не будем задерживаться на этом вопросе, поскольку критические высказывания Джаббарлы в адрес Джавида опубликованы в 4-м томе последнего издания его собрания сочинений и каждый при желании может ознакомиться с ними. Мне же хочется рассказать о том, что слышал собственными ушами о взаимоотношениях Джавида и Джаббарлы.

Я учился в музыкальной школе, и родители наняли мне репетитора. Он приходил к нам домой и иногда беседовал с моими родителями на самые разные темы. Это был Савелий Яковлевич Айзен, в свое время как пианист он учился в Петербургской консерватории, даже как-то сыграл фортепианную партию, когда оркестром дирижировал сам Сергей Рахманинов. Впоследствии судьба забросила его в Баку, и он долгие годы работал пианистом в нашем Театре драмы. Там и познакомился, подружился с Джафара Джаббарлы, с которым, бывало, и выпивали. Я вспоминаю, как с опаской и в то же время с особым пиететом говорил он моим родителям о Гусейне Джавиде, когда имя Джавида еще было под запретом. Самое интересное, что я запомнил в этих беседах, так это то, как Савелий Яковлевич говорил об отношениях Джавида с Джаббарлы. “Как только Джавид приходил в театр на спектакли по пьесам Джаббарлы, молодой Джафар сильно волновался, - рассказывал Савелий Яковлевич, - скрывался, даже убегал в амфитеатр, смотрел на сцену оттуда, и во время антрактов спрашивал: - Савелий, ну как он, как реагирует? Будто ученик боялся оценки учителя”, - констатиро-

У могилы Джафара Джаббарлы с Назимом Хикметом

вал Савелий Яковлевич. Именно опираясь на эти зарубки своей юношеской памяти, я ввел в сценарий фильма о Джавиде соответствующий эпизод: Джавид смотрит пьесу “Октай”, а Джаббарлы интересуется его реакцией.

Говорят, что прототипом образа Кудрата Арслана в пьесе “Поворот” является Гусейн Джавид. Образ выписан с явной симпатией и уважением и в то же время с определенными упреками в адрес мэтра, далекого от современности. Кстати, считается, что в этой пьесе Джаббарлы вывел и свой собственный образ в качестве молодого драматурга. Моя мама полагала, что прототипом героини Гюльсабах из той же пьесы являлась кинорежиссер Гамер Саламзаде (дочь поэта Аликули Гамкюсара), окончившая кинематографический институт в Москве.

В те годы в Москве учились и мои родители, и горькая весть о кончине Джафара Джаббарлы настигла их там. В своих воспоминаниях “Думая о Мушфике” Нигяр Рафибейли пишет: “В 1934 году в Москве я узнала о смерти незабвенного Джафара Джаббарлы. Я была потрясена вестью о смерти любимого художника, который заменил мне старшего брата в трудные годы моей молодости”.

Таким же теплым было отношение к Джафару Джаббарлы Расула Рзы. Он всегда с почтением относился к его памяти, поддерживал связи с его семьей.

Один из близких к Джафару Джаббарлы людей, театральный и киноработник Мамед Алили вспоминал: “Отношение Джафара к Расулу было очень хорошее. Это передалось и семье драматурга. Когда скончалась мать Расула, вдова Джафара, Сона ханум, была тяжело больна. Она вызвала меня, дала деньги: “Купи цветы от имени семьи

Джаббарлы и возложи на могилу матери Расула, - сказала она. - Я, к сожалению, сама сейчас не в состоянии это сделать. Джафар высоко ценил Расула”.

Помню, во время пребывания Назыма Хикмета в Баку отец повел его к могиле Джаббарлы, затем мы были в доме драматурга, где сейчас открыт музей. Сона ханум угощала гостей вкусными кутабами, Акпер Бабаев - друг, исследователь и переводчик Назыма - стал читать турецкому гостю отрывки из пьесы “Айдын”. После какого-то эпизода он сказал, что “Айдын” похож на пьесу “Чудак” Назыма Хикмета. Поэт тут же поправил его: “Айдын” не может быть похож на “Чудака” - “Чудак” может быть похож на “Айдына”. Конечно, когда Назым Хикмет создавал “Чудака”, он не знал пьесу Джаббарлы, но в реплике поэта проявилась естественная скромность, присущая ему.

Расул Рза оставил воспоминания, посвященные Джаббарлы:

“Я не могу вспомнить, когда и как познакомился с Джафаром Джаббарлы. Как будто мы были знакомы с ним всегда”.

22 октября 1931 года в газете “Гяндж ишчи” (“Молодой рабочий”) была напечатана рецензия Расула Рзы:

“Говорить о пьесе “Яшар” - значит говорить о значительном достижении современной советской тюркской драматургии. Удачна и постановка пьесы”.

24 ноября того же 1931 года в той же газете Расул Рза писал:

“Постановка пьесы “Севи́ль” - успех и шаг вперед в деятельности Тюркского рабочего театра”.

Отец вспоминал: “Если не ошибаюсь, после первого же показа пьесы “В 1905 году” в одной из газет появилась резко отрицательная рецензия. Автор ее обвинял Джафара во всевозможных грехах. Поднимаясь как-то по Коммунистической улице вместе с друзьями, мы повстречались с Джафаром. Остановились, поздоровались. Джафар стал возбужденно выговаривать: какое бы произведение я ни написал, его критика готова заранее. А вы, молодые, молчите, как в рот воды набрали”.

Он говорил с трудом. Видимо, был сильно обижен. Я сказал, что крайне недоволен рецензией. В глазах Джафара вспыхнул определенный интерес, как будто он видел меня впервые. Может, не ожидал таких слов от меня, ведь в те времена кое-кто из нас, молодых, тоже не жаловал Джафара. Спустя несколько дней в диспуте, который мы организовали в Театре драмы, мы разгромили автора рецензии. Джафар был тронут этим. Он сказал: “По правде говоря, я думал, что и вы разделяете мнение рецензента”.

Отец вспоминает и свое посещение спектакля “Поворот” по приглашению автора.

“Читатель может удивиться, - пишет Расул Рза. - В то время, когда Джафар Джаббарлы был известным драматургом, Расул Рза только-только вступил в мир литературы, был автором лишь нескольких стихов, рассказов и статей. Почему же Джаббарлы считался с его мнением, приглашал на свой спектакль? Во-первых, Дж.Джаббарлы был настолько скромным человеком, что считался с мнением любого рядового зрителя. Во-вторых, АЗАПП (Азербайджанская ассоциация пролетарских писателей) был в те годы весьма влиятельной организацией. А я был одним из активных членов этой организации. Много раз на общественных просмотрах не поднимали занавес, пока не появлялся в зале представитель АЗАПП. Да, были и такие времена”.

Памятник Джафару Джаббарлы в Баку. Скульптор Мирали Миркасимов

По окончании спектакля “Поворот” отец со свойственной ему прямолинейностью сказал, что эта пьеса слабее других произведений Джаббарлы. “Нет, нет, - запротестовал Джаббарлы, - “Поворот” - лучшее из того, что я написал и напишу”.

И в нашем литературоведении обычно эта пьеса также оценивается как далеко не лучшее произведение Джаббарлы. Лично я не согласен в этом вопросе ни с нашими литературоведами, ни с Расулом Рзой, ни с самим Джаббарлы. Мне кажется, “Поворот” если и не лучшая пьеса Джаббарлы, как считал сам автор, то, во всяком случае, и не худшая. Более того, мне кажется, что она могла быть поставлена и сегодня - столько в ней живых театральных наблюдений, сочного юмора, пафоса борьбы за обновление сценического искусства.

Именно в этом - обновлении, развитии, достижении новых высот театра и кино Азербайджана видел Джафар Джаббарлы свою миссию в советское время. Что же касается его личного мироощущения, то, конечно же, воспитанный и сформировавшийся на идеях национальной независимости и свободы, он не мог не чувствовать болезненно политических ограничений, жестких идеологических требований, строгих официальных запретов, которые налагал советский режим на литературу и искусство.

И, быть может, неосознанным выражением этих чувств, своей непростой творческой судьбы стали бесхитростные строки написанной им песни для одной из своих пьес.

*Вольной птицей я был,
Из гнезда вспорхнул,
Попал в один сад
В такие молодые годы.*

*Повстречался мне охотник,
Выстрелил в самое сердце,
И я упал на землю
В такие молодые годы.*

Айдын в одноименной пьесе говорит: “Я хочу, чтобы свободным был человек, свободной была нация, чтобы все было свободным”.

Джафар Джаббарлы родился внутренне свободным человеком - был вольной птицей. Вылетев из своего гнезда - духовной атмосферы независимого Азербайджана, он попал в чужой - “советский” сад.

Был сражен пулей охотника - режима, упал на землю, был арестован.

Но вопреки пессимистической концовке этой незатейливой песни, Джафар Джаббарлы, упав на землю, не остался бездыханным. Приняв, как Антей, силу от земли, он встал во весь рост и в пределах весьма жестких условий силой своего необыкновенного таланта выразил многое из того, что хотел бы выразить.

2009 г.

Достоинство критика

Живой литературный процесс - это конфликт мнений, столкновение идей, вкусовое различие. Говорят, о вкусах не спорят, на деле же самые ожесточенные, горячие споры рождаются именно из различия вкусов; то, что искренне нравится одному, другой никак не может принять, полюбить, кто-то очаровывается тем, по поводу чего другой кривит рот. В кипящей, клубящейся и очищающейся литературной жизни это естественное состояние, так было всегда и, разумеется, будет вечно. Застой, инертность мысли, одинаковость, словно спички в коробке, мыслей, утверждение одного вкуса единственным эталоном означает смерть литературы, конец искусства. Ценность литературного произведения определяется не массовостью, не безудержными дифирамбами или безжалостным отрицанием. Литературная значимость утверждается как вечная ценность только приговором Времени. Но и понятие Времени относительно. Есть произведения и есть авторы, чье место точно определяется прижизненно. Есть и авторы, чья значимость познается только после смерти. Есть и такие творцы, кто ждет “своего часа” еще долгие-долгие годы после кончины. Рано или поздно наступает и их час: через пятьдесят, сто лет событие искусства, прошедшее мимо внимания современников, вдруг начинает сверкать как алмаз, внезапно найденный в сокровищнице культуры человечества.

Все это так, но вместе с тем в современном литературном процессе, внутри его движения есть нужда в определяющей силе, в объективном авторитете. Эта ответственная, трудная и благородная обязанность, как правило, выпадает на долю критика, но такого критика, что может стать выше мелких, чисто личных, преходящих суждений, в своей работе, делах, слове выступает только и только с позиций высокой эстетики и гражданственности, не опускается до конъюнктурных соображений, отношений - “друг - приятель”, “свой - чужой”, не ждет случая для дифирамбов, не ищет повода для злопыхательства, враждебности, в любых условиях, ситуациях умеет сохранять свое достоинство.

Достоинство! Думая о нашем видном ученом, критике Мамеде Ариффе, первое, что приходит на ум, - достоинство. Между внешним обликом, поведением, речью человека и его внутренним богатством, научной и творческой деятельностью порой (не всегда) существует очень точное и верное соответствие, идентичность. Мамед Ариф и в обыденных бытовых отношениях, и в кипучих литературных баталиях всегда сохранял свое достоинство. Это его достоинство рождало веру в объективность критика, именно поэтому авторитет Мамеда Арифа был своеобразной силой, регулирующей литературный процесс. Важность такой регулирующей силы, быть может, более других ощущает литературная молодежь, те, кто делает первые шаги в поэзии, прозе, драматургии, да и в самой критике. Подобно тому, как жесткая, грубая, безжалостная, недоб-

Мамед Ариф

рая критика может сломить тех, кто делает первые шаги в литературе, так и неуместная хвала может самоуспокоить, сбить с пути, привести к ложной самооценке своей личности. В таких случаях возвышался спокойный, полный достоинства голос Мамеда Арифа, его авторитетное слово определяло истинную ценность произведения.

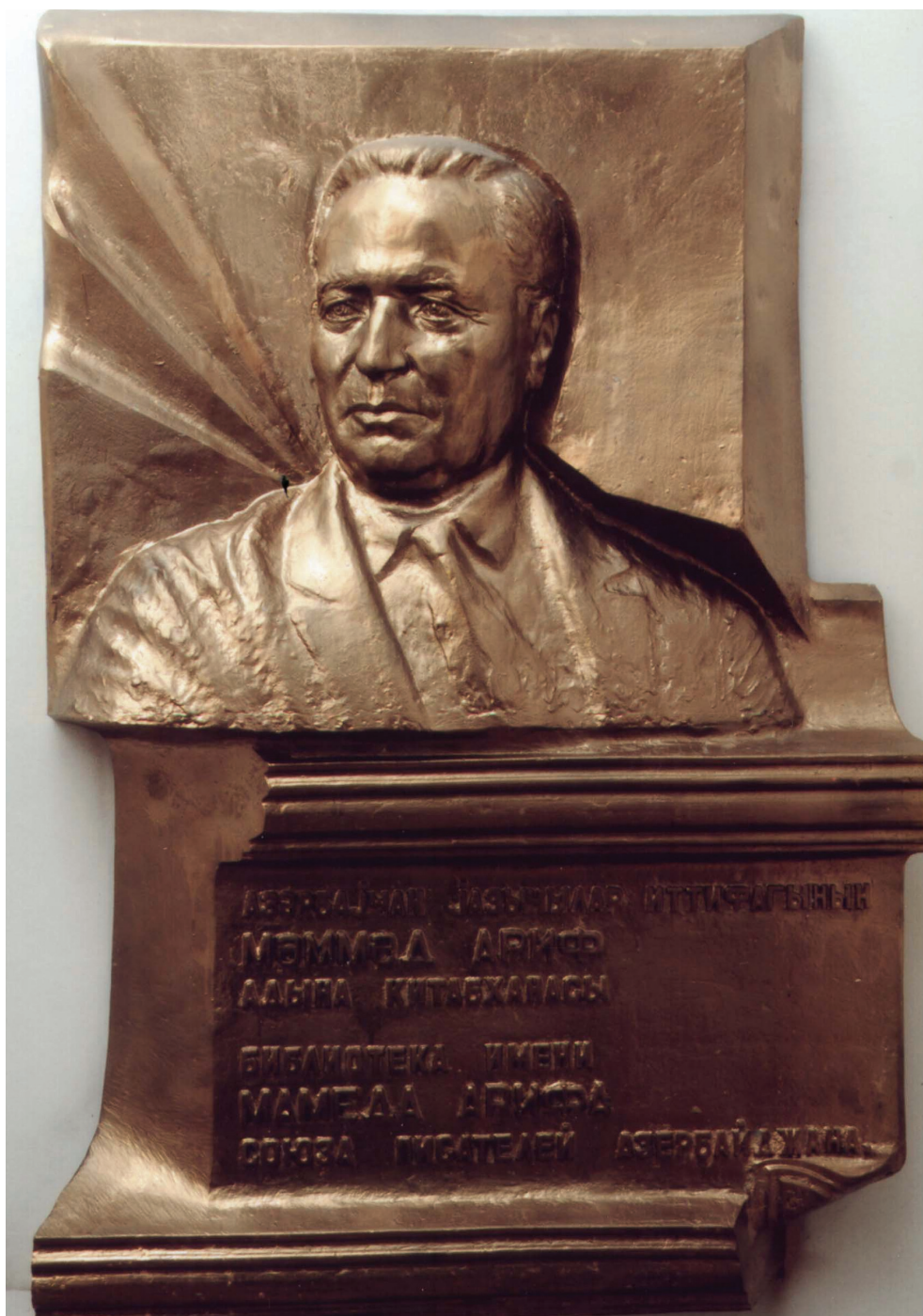
Мамед Ариф принадлежал к тому же поколению таких критиков, что и Михаил Рафили, Мехти Гусейн, Джафар Джафаров, Али Султанлы, которые умели воспринимать и исследовать литературный процесс как неразрывную часть целостной общественной, духовной и культурной жизни. Эти критики, постоянно следя за развитием современной литературы, рассматривали его в связи, отношениях, сопоставлении и взаимодействии с классическим наследием, с тенденциями общесоветской и общемировой литературы. Они сопоставляли искусство слова с родственными областями культуры, и в первую очередь - с древнейшим и самым близким по "группе крови" театральным искусством. Оттого критики подобного типа выступали и как профессиональные литературоведы и театроведы.

Мамед Ариф интересовался судьбой нашей поэзии и прозы, но не был равнодушен и к драматургии. Напротив, он посвящал свои наиболее значимые исследования драматургии Джафара Джаббарлы, сценическим произведениям Самеда Вургун. Анализ драматургии и ее сценического воплощения означал исследование театрального искусства, режиссерской работы, актерского мастерства. Профессиональный интерес Мамеда Арифа к театру не ограничивался оценкой сценического решения драматических произведений, он вел исследование корней, источников нашего театра и с этой точки зрения может считаться первым серьезным историком азербайджанских народных представлений, народных игр.

Описанные в художественных произведениях, статьях, воспоминаниях и заметках А.Ахвердова, Ю.В.Чеменземенли, Г.Сарабского, Дж.Багдадбекова древние обряды, площадные представления, народные игры, музыкальные собрания, "шабехи" - юмористические сцены - исключительные документы, свидетельствующие о начальных формах нашей театральной истории. Их ценность в том, что они вышли из-под пера маститых писателей, и еще - в том, что они описывали те представления, которые видели своими глазами, были живыми свидетелями. Оба эти качества присущи весьма значимой статье Мамеда Арифа о нашем народном театре. Мамед Ариф анализировал формы народных представлений как серьезный ученый-исследователь и в то же время описывал сцены, непосредственным свидетелем которых он был благодаря прожитым годам. Двойное достоинство статьи именно в этом: она имеет неоценимое значение для истории нашего театра как свидетельство очевидца и как обобщение выдающегося ученого.

Сын Мамеда Арифа - Араз Дадашзаде - мой друг детства, мы часто бывали друг у друга, и спокойные, неспешные, раздумчивые беседы дяди Арифа, присущие только ему суждения о литературе, искусстве были весьма важны для формирования нашей духовности, вкусов, определения интересов.

Помнится, однажды в большом рабочем кабинете, освещенном неярким светом абажура, дядя Ариф обстоятельно, с точными подробностями рассказывал мне и Аразу о представлении "Шабех", которое он видел в детстве в Баку, о принципах условности этого представления.

Мемориальная доска в Союзе писателей у библиотеки имени Мамеда Арифа

“На середину площадки был выставлен чан с водой. “Шумур” (“Злодей”) не давал никому испить этой воды. Пустая сцена и чан с водой в условной форме изображали пустыню Кербалы, безводие, подвергающихся страданиям шахидов и лишившего их воды “Шумура”.

В тот вечер мы долго говорили о том, насколько эта условность близка к поискам современного театра. Сейчас я очень сожалею, что ни я, ни Араз не записали в то время многие интересные детали, сведения, разъяснения, которыми изобиливали та и другие беседы дяди Арифа. Ныне многое забыто, а сам дядя Ариф тоже, к сожалению, не записал всего этого. Он написал сотни статей, множество серьезных исследований, создал тома книг о классической и современной литературе, о русских и мировых корифеях, о юношестве, об эстетических и теоретических вопросах. Но вместе с тем он делился интересными, горестными и радостными воспоминаниями о старом Баку, об ушедших сценах быта, событиях, ныне ставших историей, о людях, с которыми встречался на своем жизненном пути, о том, как они вели себя в той или иной ситуации.

Как жаль, что он не записал их. Не захотел или же не позволила смерть? Не знаю.

Но если отставить в сторону сожаления по поводу того, что он не записал, наши души переполняет гордость, что был у нас Мамед Ариф - большой, серьезный ученый, доброжелательный литературный аксакал, и написанное, созданное им навсегда вошло в сокровищницу культурных ценностей нашего народа. А авторитет Мамеда Арифа, достоинство Мамеда Арифа будут примером для многих поколений критиков.

Перевод М.Гусейнзаде

1984 г.

Бластливый человек

Некоторое время спустя после кончины Микаила Рафили из Москвы пришел конверт, адресованный моему отцу. От Назыма Хикмета. Назым прислал несколько своих стихотворений на предмет их переложения на азербайджанский язык. Названия трех из них помню точно: “Əsaibləşdi havalar”, “Masallar masalı”, “Mikayil Rəfilin ağı”⁵³. К стихам было приложено письмо Акпера Бабаева. Акпер сопровождал некоторые слова в стихах пояснениями. У отца под рукой была спешная работа. “Завершу - возьмусь за переводы”, - сказал он. Но в тот же день, около полуночи, он позвал меня: “Я перевел стихотворение, посвященное Рафили. Вот, послушай”:

*Начался листопад моего поколения⁵³.
Многих из нас не дождется зима.
Услышав о смерти твоей весть,
Рафили, я сошел с ума...*

Естественно, перевод был близок к оригиналу, сугубо турецкие слова, выражения были заменены азербайджанскими. В одном случае отец добавил эпитет “гариб” (одинокий, неприкаянный, сирий): “Брат мой, ты груда костей в Баку на сиром кладбище...”. И еще - в концовке стихотворения. У Назыма “Плач...” завершается так:

*Я сумел безутешным прожить,
Смогу и умереть безутешным,
Как ты, Рафили...*

В переводе моего отца добавлено: “bədbəxt adam” - “несчастный человек”. Зачитав вслух перевод, отец пояснил: “Ведь Рафили всегда в шутку сетовал: “Я - несчастный человек”. И, копируя интонацию, отец растянул гласный звук в слове “тə-əп” (“я”). Эти слова звучали не с утвердительной интонацией, предполагающей восклицательный знак или точку, не сопровождалась и запятой, сулящей незамедлительное объяснение. После этих слов - “тəп - bədbəxt adam” - следовало многоточие. Мысль обрывалась. Она договаривалась, раскрывалась в иных строках, в другом произведении. В нем - судьба Рафили.

*То побивался,
То отбивался...
Горячей строкой зажигался.
Горячей слезой обжигался.*

⁵³ Дословный перевод: “Настала странная погода”, “Сказка сказок”, “Плач по Микаилу Рафили”.

Микаил Рафили

Эти строки из поэмы Расула Рзы “Если б роза не цвела...”, и эти строки - о Микаиле Рафили.

*...Свеча, чей свет
Не мог саму ее согреть.
Холодных слов не вымолвивший ввек,
И сам своих зачинщик бед,
Несчастный человек.*

Разумеется, Рафили подтрунивал над собой, называя себя “несчастливым человеком”. Автор множества ценных исследований, весомых книг, признанный ученый, критик, прекрасный оратор, доктор наук, профессор, совершенный эрудит в азербайджанском, русском языках, кумир студентов - словом, человек, трудившийся на избранном и любимом поприще, обладатель богатейшей библиотеки, который мог в искомое время “побеседовать” с искомой книгой, - можно ли считать такого человека несчастным? Нет, конечно. Но был ли Рафили счастливым человеком?

*Песни - то бурно-отважные,
То тихо-протяжные.
Был ветвью особой нашего древа стиха.
Корили, мол, стих странноват.
Корявый чуток, говорили.
Выдерживал бремя хулы,
На это хватило силы...*

В моей библиотеке - несколько произведений Рафили: “Введение в теорию литературы” (1958), “Низами. Жизнь и творчество” (1939), “Древняя азербайджанская литература” (1941), “Мирза Шафи в мировой литературе” (1958), “М.Ф.Ахундов” (1957), “Избранное” (1973) - посмертное издание, в которое вошли работы о Низами, Хатаи, Хабиби, Физули, Бакиханове, М.Ф.Ахундове, Сабире. Все эти книги хранятся у меня на полке, относящейся к литературоведению и теории литературы. А на “поэтической” полке, среди книг тридцатых годов, - тоненькая книжка - “Лирические стихотворения” М.Рафили, выпущенная “Азернешром” в 1930 году. Рядышком притулилась такая же “худенькая” книжка - “Севастополь”, названная автором кинопоэмой, изданная в 1932 году Крымским Госиздатом. (Был издан еще один сборник стихов Рафили “Окно”, но, увы, кто-то, унесший мой раритет, не вернул его.)

Перелистываю “Лирические стихотворения”.

*Смотри на зардевшуюся в небе зарю.
Лучи разрубают льдистую броню.
Тепло надежды, как мать, обнимает
Печально глядящую душу мою.*

Строки из другого стихотворения:

*Вспорхнул на гриву лошади норовистой.
Удар нагайки оглушил сноровистый.
Упал воробышек на землю...
Не заплакал...
Не проклял никого,
лишенных жалости.
Тоскливо поглядел
на горизонт
в туманной алости.
Смежил глазенки спозаранку...
Что море и что небо
воробышку-подранку?..*

Под этими строками дата - 1928 год.

Передо мной и последние стихи Рафили:

*Человеческая жизнь схожа с временами года.
В кущах бытия порой раскрываются фиалки,
А порою - увяданье и осенний листопад,
И, бывает, зимней ночью нас безмолвие гнетет,
Или вьюги вой,
Мечтанья стужа злая леденит,
Тлеют, стонут головешки в пепелищах -
След последних очагов...
Жизни каждый день минувший - безвозвратная утрата!
И былой любви улыбка - как умершая звезда.
Не разменивай дни жизни и не трать по мелочам.
Кто сегодня дни транжирит - тот раскается потом,
Хоть бы миг вернуть обратно...
Время вспять не повернуть...
Путь назад тебе заказан, дверь фортуны на замке.
Проиграл ты, проиграл ты, проиграл.
Не услышал стона, зова, не услышишь ничего,
Ты летишь стрелой бесцельной, пущенной в пустую бездну.
Даже Лайки ты не стоишь...*

Дата под стихотворением - 8 декабря 1958 года.

1928-1958. Тридцать лет разделяет эти два стихотворения. Тридцать лет Рафили не писал стихов, или же писал, кому-то читал, но не печатал. На тридцать лет он оказался “гачагом”, “вынужденным переселенцем” поэзии. Эти три десятилетия он посвятил серьезным, глубоким научным изысканиям, стал профессором, преподавал.

...И на закате жизни его вновь вовлекла в сферу своего неодолимого притяжения поэзия. В новогоднюю ночь - последнюю новогоднюю ночь в жизни - он взялся за перо.

*Опадает листва с древа жизни моей,
Обнимаю чинару руками усталыми.
Ни влюбленных признаний, ни смеха детей
В обезлюдевших парках. Над листьями палыми
Громыханье арбы. И глядел ей вослед.
Не ищи здесь глубин откровенья, поэт.
Полон истовых и неустанных трудов
Мой хурджин прожитых не напрасно годов.
Человек рад душой во все времена,
За былые долги расплатившись сполна.
Новый год на пороге. И пламень в бокалах.
Разгорается пир, как бывало допрежь.
Хлеб да соль, угощений гора небывалых.
И порожний хурджин полон новых надежд.*

Это новогоднее торжество, с хурджином свершенных трудов и новых надежд, за щедрым столом, состоялось в доме у Назыма Хикмета. Меджлис, искрящийся веселыми шутками, согретый душевными словами и поэзией. Кто мог знать, что это была последняя, прощальная встреча двух друзей.

Рафили посвятил этому застолью шуточный экспромт:

*Свет струи в мой бокал, душу мне весели.
Кероглы пусть споет арию удалую.
В эту ночь мы к Назыму в гости пришли.
Ради Бога, не щупай мой пульс, Галия!⁵⁴*

Пройдет время, и Назым Хикмет вспомнит о том застолье в трагических строках:

*Ты помнишь, Микаил?
В Москве, у нас, в новогоднюю ночь
Под елкой нарядной праздничный стол.
Ты прыгал и скакал большущую игрушкой.
...И глядя на тебя, я думал:
Хмельной, как бочка старого вина,
Здоровый старина
Меня намного переживет,
Еще статейку обо мне черкнет.*

⁵⁴ Галя в то время была личным врачом Назыма.

Или стихи:

*“С Назымом познакомился в Москве...
Такого-то числа...”
Все верно, Микаил. При всем при этом
Ты мог бы стать поэтом,
А стал профессором.*

*Микаил Рафили среди участников I съезда писателей СССР.
Слева: Али Назым, Самед Вургун, Алексей Толстой, Максим Горький,
Салмам Мумтаз, М.Алекперли, во втором ряду М.Рафили, Дж.Джабарлы*

* * *

Он стал профессором. Труд, свершенный доктором филологических наук, профессором М.Рафили на поприще азербайджанского литературоведения, истории нашей литературы, - незаменим. Его щедрое научное наследие - в ряду драгоценных страниц истории нашей культуры. Всей своей научной деятельностью, от статей двадцатых-тридцатых годов под псевдонимом Эмерли, порой запальчиво-полемичных, подчас даже ошибочных, но всегда порожденных пламенной страстью, внутренним литературным темпераментом, до солидных исследований позднейшей поры, М.Рафили служил развитию нашей родной литературы и, если брать шире, - нашего народа, расширению его мировидения, повышению уровня просвещенности и культуры. М.Рафили был зна-

током арабской письменности, восточной культуры, был хорошо осведомлен в истории азербайджанской культуры, в эпосе “Китаби Деде Горгуд”, в наследии Низами, Физули и вообще в нашей классической поэзии, являлся одним из виднейших специалистов в области ахундоведения. Но М.Рафили с той же глубокой основательностью усвоил русскую и европейскую литературу: эти две сферы его знаний не препятствовали друг другу, а напротив, взаимно дополняли. Ведя речь о Низами, он умел анализировать его в масштабе мировой художественной мысли, в соотношении с литературными титанами человечества. Не случайно, что проблему азербайджанского Возрождения, приобретающую столь большую значимость в наши дни, впервые поднял Рафили. В исследовании “Низами Гянджеви” он пишет: “Мы решительно защищаем идею “Восточного Ренессанса”, выдвинутую грузинским ученым, академиком Ш.И.Нупубидзе, хотя мы не согласны с некоторыми его положениями, в особенности со взглядом на Низами. Кроме того, определению “Восточный Ренессанс” предпочитаем понятие грузинского, армянского, азербайджанского Ренессанса”.

Знаменательно, что исследование Рафили о Низами было положительно оценено такими востоковедами с мировым именем, как Бертельс и Крымский.

Изданная в 1941 году книга М.Рафили “Древняя азербайджанская литература”, охватывающая историю нашей литературы с древнейших времен до XII века, была первой монографией на эту тему, представленной русским читателям.

Рафили, в совершенстве знавший азербайджанский язык, писавший на этом языке не только научные работы, но и художественные произведения, часть своих изысканий и книг создал на русском языке. И это очень важный факт. То, что эти книги, адресованные русскому и всесоюзному читателю, обращались к аудитории напрямую, без посредничества перевода, было связано с намерением представить азербайджанскую литературу в масштабе всей страны.

Как и в работах на родном языке, в этих своих произведениях он являл себя мастером стиля, образного, яркого повествования. В его сугубо научных работах также ощущается художественное начало, поэтическая жилка. Быть может, потому что поэзия - это не просто искусство, но и натура. Человеческая натура.

В какой бы сфере ни трудился человек с поэтическим складом души, он не может таить этого врожденного дара.

В книге, посвященной Ахундову, Рафили создал впечатляющие сцены расставания матери Мирзы Фатали - Нане ханум с его отцом, остающимся на Юге, отправляющейся по ту сторону Аракса, в Северный Азербайджан, в родной город Шеки. Маленького Фатали, остающегося по обоюдному согласию родителей на Юге, будит сестра: “Вставай, братик мой, проснись, мать уезжает. Ты больше не увидишь ее”. Вопли маленького Фатали, слезы Нане ханум, милосердие доброго Мамедтаги меняют ситуацию, и вот уже маленький Фатали вместе с матерью присоединяется к каравану. “Вослед каравану печально смотрели двое. Мамедтаги и маленькая девочка, по прихоти судьбы сыгравшая столь важную роль в жизни великого человека. Это было последнее расставание Фатали с отцом. Потеряв отца, он обрел мать. И - свое будущее”.

Образное, поэтическое повествование Рафили не помеха серьезности и достоверности его исследования. Порой нам кажется: чем аскетичнее и бесстрастнее слог научно-

го изложения, тем глубже и солиднее оно будет выглядеть. Забываем о том, что самые важные, самые масштабные материи можно донести в эмоциональной, лирически-проникновенной форме. Конечно, это особый талант, и Рафили обладал именно таким талантом. Этот талант сочетался с великим трудолюбием. Опорой этого таланта была широкая, многосторонняя эрудиция.

Лет пять тому назад в Москве был издан сборник средневековых европейских поэтов в старых и новых русских переводах, который, сразу раскупленный нарасхват, превратился в раритет.

Но в определенных интеллектуальных кругах стало своего рода модой говорить о “поэзии вагантов”. Работая над этими заметками и перечитывая книги Рафили, я с приятным удивлением обнаружил, что еще в 1958 году, в монографии “Мирза Шафи в мировой литературе”, автор нащупывает параллели и проводит сопоставление между стихотворениями Мирзы Шафи и “поэзией вагантов”.

Присущие любому современному и цивилизованному человеку тяга, горячий интерес к мировой литературе, к зарубежной культуре в свое время навлекли на Рафили много бед. Ныне выглядящие естественными для всех и порой демонстрируемые с особым рвением ссылки на различных художников мира дорого обошлись Рафили. Находились охотники заклеить его “космополитом”, “западником”. Возможно, в пору горячей молодости Рафили впадал в крайности в своем пиетете к модернизму, европейскому искусству, выдвигал поспешные, непродуманные лозунги, допускал ошибочную оценку образцов азербайджанской литературы (как в случае с несправедливым приговором в отношении повести Сабита Рахмана “Vəfasız” - “Неверный”). Но нельзя бросать тень на образ мыслей, эстетическую позицию и убеждения большого ученого, образованного мыслителя из-за нескольких ошибочных суждений даже в одной статье. Рафили обожал и европейскую, и русскую, и восточную литературу, но самой пламенной, непреходящей страстью его была азербайджанская литература, ее великие творцы, ее богатая история, ее колобродящая, формирующаяся, взбаламученная и кристаллизующаяся новь.

М.Рафили обогатил нашу науку о художественном слове “Введением в теорию литературы”, написанным на азербайджанском языке. В этом учебнике автор, адресуясь к нашим филологам и студентам, ведет речь о законах, выработанных мировой теоретической мыслью, о жанрах, методах, литературных течениях; наряду с этим затрагивает вопросы стихосложения, дает таблицу различных размеров просодии “аруз”, обстоятельно разъясняет особенности национальных поэтических форм.

Рафили пропагандировал и причащал широкие массы азербайджанского читателя к шедеврам мировой литературы, стремился шире ознакомить с азербайджанской литературой народы бывшего Союза и зарубежный мир.

Недавно мне в руки попал справочник-перечень всех книг, изданных в Москве в серии “Жизнь замечательных людей”. Если за истекшие годы вышли десятки книг о видных деятелях разных народов, в частности соседних грузинского и армянского, то о выдающихся сонародниках наших издано всего-навсего четыре книги: “Бабек” Тома-ры, “Низами” Бертельса, “Нариман Нариманов” Дубинского-Мухадзе, “М.Ф.Ахундов” Рафили... Стало быть, за полвека существования этой знаменитой и почетнейшей се-

рии единственным автором-азербайджанцем, писавшим о выдающихся сынах Азербайджана, был Микаил Рафили.

Очень важные и ценные творческие свершения М.Рафили в области литературы, науки и культуры отнюдь не умаляются имевшими место в его деятельности спорными моментами и издержками. Рафили был мыслителем, пытливым и страстной натурой, чуждой индифферентности, равнодушия, всяческой схоластики, и, следовательно, личностью с достаточно сложным, противоречивым, напряженным внутренним миром. Совершенно естественен, наряду с бережным, внимательным отношением к его научному наследию, также и критический, аналитический подход. И как поэта его можно принимать или не принимать, любить или не жаловать, - это вопрос вкуса; однако неверно исключать его из процесса развития нашей поэзии, как невозможно изъять его из истории нашей науки как ученого.

Микаил Рафили был одним из тех, кто стоял у колыбели истории нашего свободного стиха, неканонической просодии, на протяжении многих лет защищал ее от нападков, поношений и остракизма; свободный стих ныне доказывает свою жизнеспособность в бурном потоке новых литературных поколений, опрокинув барьеры обветшалых табу.

Как-то моя мама в разговоре о “Плаче по Микаилу Рафили” обронила: “Надо же быть таким человеком, чтобы на смерть его написал стихи сам Назым...”.

Действительно, не каждому дано заслужить поэтический “Плач” столь большого художника.

Этот “Плач...” - выражение скорби по Микаилу Рафили и дань уважения к свершенному им, и боль сожаления о том, что он не успел свершить. Но это же стихотворение - свидетельство великой скромности великого мастера.

*...Переживают нас
иль очень благие,
или очень плохие
дела.
Твои - посредственными были,
полагаю.
Да и мои.
И потому нам нечего и тешиться,
что голос наш пребудет здесь,
под куполом небес.*

Но у нас есть утешенье. Утешенье наше в том, что “посетил наш мир Назым”. Что был у нас в Азербайджане Рафили.

И свершенные ими труды - отнюдь не плохие и не посредственные, а очень и очень благие, и голоса их останутся и пребудут в подлунном мире, “под куполом небес”.

И потому мы вправе называть Микаила Рафили счастливым человеком.

Перевод Сиявуша Мамедзаде

Голоса с юга

Вот уже двести лет государственная граница отделила Южный, или так называемый Иранский Азербайджан от Северного, от независимой ныне Азербайджанской Республики. Но достаточно посмотреть даже на псевдонимы поэтов, составляющих гордость общей азербайджанской литературы, чтобы убедиться в неразделимости нашей поэзии на Север и Юг. Низами Гянджеви, Мехсети Гянджеви, Хагани Ширвани, Нишат Ширвани, Агамесих Ширвани, Сеид Азим Ширвани, Гатран Тебризи, Говси Табризи, Саиб Табризи, Абдульгадир Марагаи... Гянджа, Ширван - это Север, Тебриз, Марага - Юг.

Народ Южного Азербайджана трижды в течении XX века поднимался на борьбу за свое достоинство, за свои права, за свободу - в начале столетия, в двадцатых и сороковых годах. И каждый раз стремление народа к воле потоплялось в крови. Но жестокие карательные меры в отношении борцов за независимость осуществлялись и в относительно “спокойные” годы - казни, виселицы, расстрелы, тюрьмы и ссылки, заказные убийства стали уделом тех, кто не хотел мириться с национальным гнетом, рабским существованием и официальным, “узаконенным” запретом на родной язык. Так, в марте 1973 года шахской полицией была умерщвлена молодая поэтесса Марзия Ускун (1945-1973) - организатор студенческого движения, боровшегося с насилием режима. Народный поэт Азербайджана Бахтияр Вагабзаде посвятил ее памяти поэму. Шахские агенты утопили в реке Аракс талантливого молодого прозаика Самеда Бехренги (1939-1968), автора популярных далеко за пределами Ирана произведений для детей.

Старейший поэт Южного Азербайджана Хабиб Сахир написал стихи о гибели С.Бехренги:

*В жаркий летний день
Поднялось грустное солнце из-за гор
И до его заката
Утопили в Араксе Бехренги*

(Подстрочный перевод)

Хабиб Сахир (1903-1985), крупнейший поэт Южного Азербайджана, родился в Тебризе, получил высшее образование на географическом факультете Стамбульского университета, преподавал в Тебризе, Зенджане, Ардебиле, Казвине, Тегеране. Он внес огромный вклад в обновление южно-азербайджанской поэзии, обогатил ее новыми формами, стилевым разнообразием. Хабиб Сахир был в числе тех, кто горячо приветствовал национально-освободительное движение и создание правительства Азербайджан-

Хабиб Сахир

ской автономии во главе с Сеидом Джафаром Пишевари, хотя и не добивался никаких привилегий от этой власти. Но после жестокого подавления Южно-Азербайджанской автономии шахскими войсками Хабиб Сахир был отправлен в ссылку. Для его поэзии этого периода характерно трагическое мироощущение - оно ярко проявилось в стихотворениях "Траур Родины" и "Ссылка".

*В те дни рыдал родник среди камней,
Предвидя наши горести и муки,
И я впервые в голосе твоём
Услышал голос будущей разлуки.*

(“Минувшие дни”)

*О, если бы я мог волшебною рукой
Стереть с души своей печальные страницы,
О, если бы я мог подняться на крыльцо
И в небо улететь прекрасной вольной птицей.*

(“Мечта”.)

Но и в минуты самого глухого отчаяния поэта не покидает надежда:

*Не бойся, ночь пройдет, и золотое утро
Опять с высоких гор придет в наш темный сад,
Деревья оживут, а в соловьиных трелях
Забудут навсегда про долгий листопад.*

*Покуда мир стоит, луна с вершин Сехенда
Нам будет освещать к родному дому путь
Селенья оживут, запылают маки,
Как пламя в очагах...Ты только не забудь!*

*Мой доблестный народ, мой свет, моя надежда,
Изменчивый судьбы не вечен приговор!
О женщины, скорей распахивайте двери,
Смотрите, ветерок подул с рассветных гор!*

(“Не бойся!”)

Неиссякаемой веры в свой народ полны стихи Хабиба Сахира, обращенные к Родине:

*О Родина, о мать моя родная,
Не отрекайся от своей мечты!
Нет, за столетья ты не постарела -
Дорожной пылью посребрилась ты!
Твое богатство - реки и моря,
А ты от жажды чахнешь, как в пустыне.
Ты напоила гений Насими,
А с горем неразлучна и поныне!
Подобно оспе, твой прекрасный лик
Изрезали землянки и лачуги
Как пленница, достоинство свое
Ты скорбно отдала в чужие руки!
Не верю я, что твой удел - страданье
И что угас огонь в твоей крови!
Довольно тюрем! Хватит унижений!
Разрушь темницы! Цепи разорви!*

Через все творчество Хабиба Сахира красной нитью проходят мотивы любви к родной земле, родному азербайджанско-тюркскому языку. Он непримирим к тем, кто, числясь азербайджанским тюрком, отрекся от родной речи:

*Многие годы вдали от родной земли
Дьявол тебя попутал.
Стал чужим для тебя родной язык,
А теперь вдруг стал жаловаться:
“Моими слезами наполнился Аракс”.
Какой Аракс, тот самый, который
был красным от крови жертв,
Аракс, который плакал кровавыми слезами
В день, когда повесили Фирудина,
Когда народ скорбел в траурные дни осени,
Ты приветствовал палачей.
Не трогай Аракс, иди и пиши свои оды власть имущим,
Ты - враг отчизны, враг родного языка,
Ты не обманешь свой народ.*

(Подстрочный перевод)

(Имеется в виду Фирудин Ибрагими, прокурор Азербайджанской автономии, повешенный шахской властью.)

Хабиб Сахир имел право на такое обвинение, ибо сам всю свою трудную жизнь верой и правдой служил родному народу. Даже в самых его печальных стихах есть некая светлая нота надежды:

*Пусть жизнь полна и горестей, и бед,
А все же к ней душа не охладела.
Пусть ночь темна, за ней придет рассвет,
Пусть мысль скудна, вселенной нет предела.*

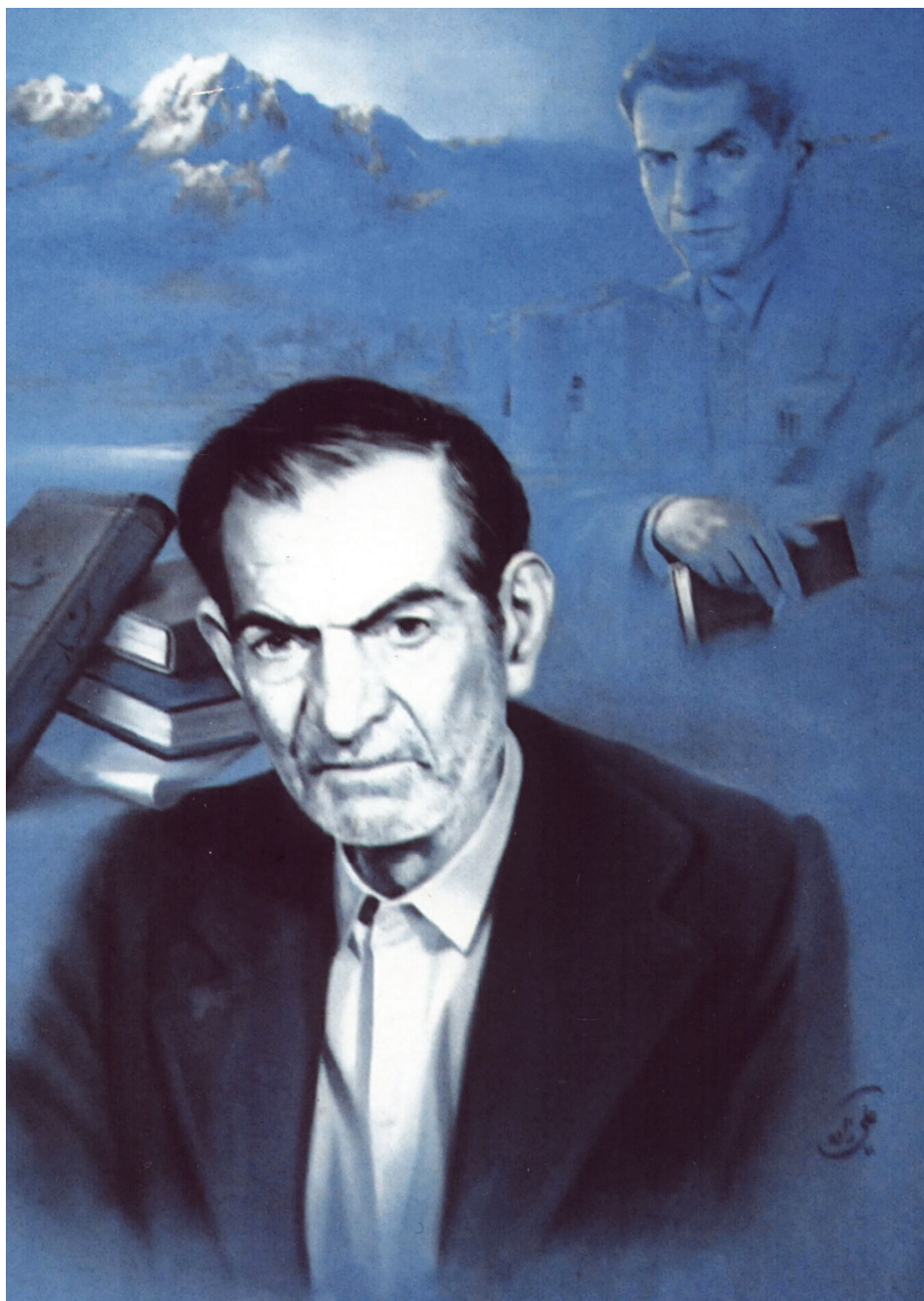
*Пусть я старик - со мной мои стихи,
Пусть слаб глазами - я возьму очки,
Пусть жизнь прошла, желанью вопреки,
И след мой занесло метелью белой.*

В 1985 году в возрасте 82 лет Хабиб Сахир покончил жизнь самоубийством.

В своем поэтическом “Завещании” он писал:

*Не хороните меня, друзья, у сонной реки
И в тихом саду, где осенью тлеют костры.
Не заключайте в темницу, в мраморный склеп,
Оставьте лежать на просторе - у самой горы.
Оставьте меня на свободе - там, где виден рассвет,
Там, где скалы с небом вступают в спор.
Пусть навеки сольется моя душа
С вечной душою этих высоких гор!*

(Все стихи Х.Сахира даны в переводах О.Полякова.)

Сеид Мухаммад Гусейн Шахрияр

Другим выдающимся поэтом Южного Азербайджана XX века является Сеид Мухаммад Гусейн Шахрияр (1905-1988). Родился в Тебризе. Учился в Тегеране, на медицинском факультете. В молодости пережил острейшую любовную драму. Девушка, в которую он был влюблен, приглянулась одному из родственников шаха, и, как признавался поэт спустя много лет в беседе с корреспондентом газеты “Эттелаат”, этот со-

перник, имя которого он не захотел назвать, стал причиной его ареста, а затем и высылки в Нишапур. В результате он не смог завершить свое образование, вынужден был покинуть Тегеран за 2-3 месяца до окончания университета.

Но истинным призванием Шахрияра оказалась не медицина, а поэзия. Своими стихами, созданными на фарси, он прославился как крупнейший поэт Ирана, его называли “Хафизом современности”.

Огромную роль в судьбе не только самого Шахрияра, но - теперь мы это можем сказать - и азербайджанской поэзии в целом, сыграла мать поэта Ковкеб ханум. Навестив больного сына в Тегеране, мать сказала ему: “Сынок, говорят, ты стал большим поэтом. Но я не понимаю твоих стихов. Почему ты не пишешь на нашем родном языке? Напиши на нашем языке, чтобы и я понимала их”.

Эти слова оказались судьбоносными для Шахрияра. После этого наряду с произведениями на фарси он создал более 90 стихотворений на родном азербайджанско-тюркском языке, в том числе и знаменитую поэму “Поклон Хейдар-бабе”. (Хейдар-баба - название горы, к которой обращается поэт.)

Надо отметить, что и в стихах, написанных на фарси, достаточно ярко проявились патриотические чувства автора, его любовь к родному краю. Стихотворение “Азербайджан” написано на фарси, но это вдохновенный гимн Родине поэта:

*Без тебя птице сердца не взмыть в синеву из тумана, Азербайджан.
Твои светлые дни будут в памяти жить осиянно, Азербайджан.
Я - вдали от тебя, но живу лишь любовью твоею,
Ты - как сердце мое, ты - как в сердце глубокая рана, Азербайджан.
Чтобы вырвать Иран из когтей кровопийцы тирана,
Ты себя окропил алой кровью, сражавшийся рьяно, Азербайджан.
Сколько детям твоим на чужбине скитаться? Опомнись!
Взявшись за руки, встань, пробудись, как порыв урагана, Азербайджан.
Жгучим пеплом разлуки главу посыпаешь...Довольно!
Или волю добудь, иль сгори, полыхая багряно, Азербайджан.
Словно сердце твое, стонет сердце в груди Шахрияра,
Мой бальзам - твоя воля! Лекарство твое долгожданно, Азербайджан.*

(Перевод М.Синельникова)

В стихотворении “Тюркский язык” Шахрияр особо подчеркивает, что нет языка слаще, эмоциональнее, чем тюркский, и нельзя смешивать в нем слова из других языков. Шахрияр живо интересовался литературной жизнью Северного Азербайджана, специальные стихи или отдельные строки посвятил Самеду Вургуну, Сулейману Рустаму, Мамеду Рагиму, Бахтияру Вагабаде, ученому-востоковеду Рустаму Алиеву. В поэтическом “Ответе Сулейману Рустаму” он пишет:

*Вот вылутился день, мой взор острее стал,
Аракс о чем-то мне тихонько зашептал,*

*В просторы босиком любовь моя помчалась,
И стал твой голос мне слышной, мой Сулейман!
Да буду жертвой я твоей, мой Сулейман!*

*Я одинок, но верен вам, друзья,
Да будет жертвою за вас душа моя.
Когда же свидеться с тобой опять смогу?
Когда, любимый брат, тебя обнять смогу?*

(Перевод С.Северцева)

Желание поэта не сбылось, он так и не побывал в Баку, хотя об этом шли конкретные разговоры. Свою тоску по встрече Шахрияр выразил в стихах “Ох, разлука”:

*Поглядит одним глазком, а другим - не станет,
От Аракса на нее - холодком потянет.
Да от Каспия она - с новой силой прянет!
Скорбный бродит океан, там, в груди, разлука!
Отпусти меня, печаль, пощади, разлука!*

*Пусть Аракс мой разобьет голову с налету,
Дайте слезы здесь пролить досыта народу!
Чтобы брата брат забыл - не бывало сроду,
Ты - не веры, ни любви не души, разлука,
Ох, страшна ты, ах, горька для души, разлука!*

(Перевод Н.Орловой)

Вершиной творчества Шахрияра является поэма “Поклон Хейдар-бабе”. Обращаясь к заветной горе, у подножия которой прошло его детство, поэт воскрешает в памяти все картины прошлого, он, как на киноленте, просматривает счастливую детскую пору своей жизни. Написанная размером “хеджа” на чистом азербайджанско-тюркском языке, в стиле, близком к дастанным образцам, поэма изобилует фольклорными, этнографическими подробностями, живыми деталями народной жизни, пейзажами, огромным количеством портретных зарисовок знакомых из прошлого лиц.

*Хейдар-баба! И хвала и честь тебе!
Пусть садов и родников не счесть тебе!
После нас века стоять и цвести тебе
В этом мире, где невзгод неупорот,
В этом мире обездоленных сирот.*

Гора Гейдар баба

*Сколько жить пришлось с тобою розно мне...
Возвращаться, все казалось, поздно мне
Что же звать родные тени слезно мне!
Если б знал я про излуки на пути,
Про утраты и разлуки на пути*

*Хейдар-баба верный верен до конца
Век неверным не отмерен до конца
Сожаленьем не утешатся сердца
Но прости нас, что не виделись пока,
Знай, что память у меня не коротка.*

(Перевод С.Мамедзаде)

Написанная на родном языке в условиях ассимиляторской паниранистской политики шахского режима, “Поклон Хейдар-бабе” наряду с чисто эстетической ценностью имеет и важнейшую общественно-политическую функцию, как высокохудожественное утверждение незыблемых, вечных ценностей народного существования, национальных особенностей бытия, как яркое доказательство неисчерпаемых возможностей богатого азербайджанско-тюркского языка. Своей художественной и языковой самобытностью поэма привлекла внимание Мамеда Эмина Расулзаде, посвятившего этому произведению отдельную статью. Статью о поэме написал и крупнейший языковед Ахмед Джафароглы, гянджинец, эмигрировавший в Турцию. Помимо этого, в турецкой печати появилось много откликов на поэму, она не раз издавалась в этой стране.

Естественно, самый большой интерес поэма, как и все творчество Шахрияра, вызвала в Азербайджане. Изданы монографии о нем, неоднократно издавались на азер-

байджанском и в переводе на русский произведения поэта, его именем назван большой клуб в центре Баку. Так что, если не он сам, то своими книгами и добрым именем Шахрияр - уже давно в Баку.

Третий крупный поэт Южного Азербайджана, о котором я хочу написать несколько слов, - Гамид Нитги (1920-1999), с которым я имел удовольствие общаться лично. Во время двух поездок в Иран я не смог встретиться с ним. Окончив факультет права Тегеранского университета, защитив докторскую диссертацию в Турции, Гамид Нитги долгие годы - вплоть до самой смерти - прожил в Англии. И хотя самого Гамида Нитги не было в Иране, буквально все, с кем я общался в Тебризе и Тегеране, говорили о нем с большим уважением, отмечали его огромные заслуги перед азербайджанско-тюркским языком, литературой, наукой, культурой, нравственностью, то, какую большую роль он сыграл в деле развития национального самосознания.

Родившийся в тот самый день 1920 года, когда был зверски убит руководитель национально-освободительного движения Южного Азербайджана Шейх Мухаммед Хиябани, Гамид Нитги в стихах, посвященных его памяти, обращается к духу великого предшественника с "больными" вопросами: почему не осуществились высокие чаяния народа, когда же наступит этот счастливый день?

Аксакал азербайджанской интеллигенции в Иране доктор Джавад Хеййат считает Гамида бея не только своим другом, единомышленником, но и учителем. Он говорил мне, что когда Гамида Нитги не бывает в Иране, он чувствует себя крайне одиноким в этой стране.

*Надгробный бюст
М.Шахрияра в г. Тебризе*

В Иране прочли мне большое стихотворение Гамида Нитги "Родной язык - любимый язык". Оно мне показалось очень значительным по своему идейному содержанию, и я по возвращении в Баку опубликовал его в нашей "Адабият газети". В этом стихотворении говорится о позиции азербайджанско-тюркского языка в Иране, о необходимости его полной легализации в официальной сфере для мирного сосуществования в стране персов и тюрков.

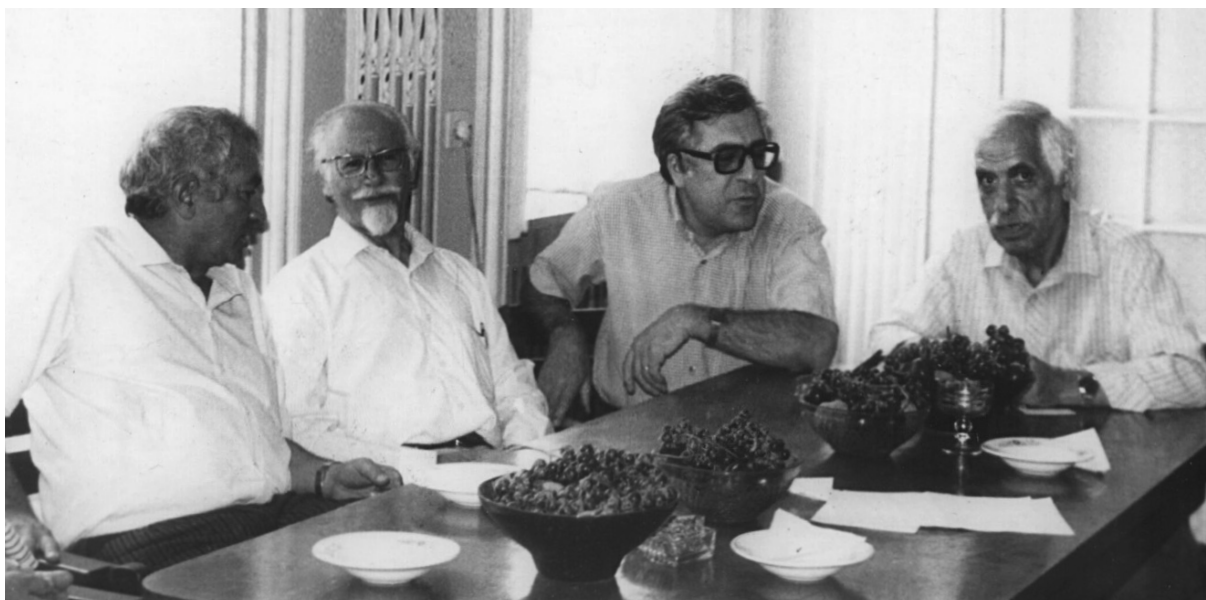
Позже, подробно ознакомившись с творчеством доктора Нитги, я понял, что это идеологически важное стихотворение не создает полного впечатления о творческой личности автора, более того, может создать не совсем точное представление о круге его эстетических привязанностей. По сути своего творчества Гамид Нитги - поэт-новатор, внедривший верлибр в тюркоязычную поэзию Ирана, по его собственному признанию, в определенной степени под влиянием поэтов Север-

Гамид Нитги

ного Азербайджана, пишущих свободным размером. И в самом деле, в стихотворении “У каждого цвета” и в ряде других чувствуется влияние поэзии Расула Рзы. Я не рискнул бы писать об этом, если бы сам Гамид Нитги не называл Расула Рзу, как и Хабиба Сахира, своими учителями. Обоим он посвятил стихи.

Доктор Нитги наконец приехал в Баку, зашел и в наш Союз писателей, куда был принят в качестве почетного члена. Во время беседы, которая длилась в течение двух-

Гамид Нитги в Союзе писателей Азербайджана

трех часов, мы познакомились с настоящим интеллигентом, носителем высокой культуры, человеком с богатым внутренним миром. Для меня лично и эта встреча, и более основательное знакомство с творчеством Гаида Нитги стало очень полезным в том смысле, что я открыл для себя совершенно новые, доселе неизвестные мне аспекты художественно-литературной жизни Южного Азербайджана. Стало ясно и то, что наши

Джавад Хейят и Чингиз Айтматов

*Анар с
Джавад Хеййатом*

Слева: Али Кемаль, Анар, Яшар Караев, Гуламирза Бегдели, Савалан

представления о поэзии Южного Азербайджана крайне скудны и не всегда верны. Оказалось, что в литературе Юга есть образцы, находящиеся в русле самых современных поисков не только северо-азербайджанской, но и мировой поэзии.

*В высоких травах кораблям высоким плыть,
Свои объятия с землей бескрайней слить
Тем Изумрудным городом бродить -
За каждым поворотом находить*

*Иную жизнь, иного смысла нить,
Себя травинкой в этом мире мнить
Как горько мне под утро, Боже мой,
Из этих снов навеки уходить.*

(Перевод Алины Талыбовой)

Наряду с покинувшим, к сожалению, этот мир Гамидом Нитги доктор Джавад Хеййат является для нас самым ярким символом южно-азербайджанской духовности, культуры, литературы. Именно они - доктор Нитги и доктор Хеййат - в течение долгих лет были в первую очередь гарантами достойного существования родного языка не только в быту, на улицах или рынках, но и на страницах печати. Издаваемый доктором Хеййатом при активном участии Гамида Нитги журнал “Варлыг” на двух языках - азербайджанско-тюркском и фарси - сыграл неоценимую роль в сохранении и становлении литературы на родном языке в Иране. “Варлыг” означает “бытие”, “существование”. Этот журнал оказался самой важной ареной для существования литературы на родном языке, опорой для ее бытия.

Джавад Хеййат - врач-хирург с мировым именем. Если медицина для него - любимая профессия, в которой он достиг самых высоких вершин, то литература - страсть и смысл жизни Джавад бея. Его исследования, книги, посвященные разным вопросам истории азербайджанской литературы, вопросам тюркологии, лингвистические изыскания являются ценным вкладом в общеазербайджанскую науку. Доктор Джавад - неизменный и активный участник мероприятий, проводимых в Стамбуле и Баку, Тебризе и Тегеране, Гяндже и Урмии, Ардебиле и Нахчывани.

Джавад Хеййат - кавалер многих зарубежных орденов, лауреат международных премий, награжден и в Азербайджанской Республике. Он к тому же Почетный член Союза писателей Азербайджана, лауреат премии нашего Союза.

Я благодарен Джавад бею и за то, что он не раз публиковал мои тексты в журнале “Варлыг”, статьи обо мне и сам написал теплые слова обо мне в дни моего 70-летия.

Литература Юга - неотъемлемая часть единой азербайджанской культуры. Мне хотелось рассказать о нескольких ее ярких представителях.

2009 г.

“Жить вечно – жить в бессмертии народа...”

Полвека тому назад, в мае 1956 года, не стало великого поэта Азербайджана Самеда Вургун. Самед Вургун - художник, занимающий исключительное место в сердце нашего народа, в его духовном существе. В пространстве единого исторического Азербайджана - от Баку до Маку, от Дербента до Меренда, от Мараги до Шемахи - имя поэта живет в народной памяти как самое дорогое, родное имя, снискавшее широчайшую славу. Я сознательно произношу названия наших городов по ту и по эту сторону попарно. Куски нашего отечества, расчлененного несправедливой исторической фортуной, по прихоти не зависевших от нас политических интересов, сегодня объединяет только “дил” в двойном смысле этого слова - язык и душа.

Случаются в истории изломы, когда единственным связующим звеном раздробленного, разобщенного народа остается родное слово... В первую очередь - слово художника... О разобщенности народа написано много. О разлуке брата с братом, друга с другом... О разлуке любящих сердец. О тоске двух частей отечества, запертых и замкнутых пограничными столбами на Север и Юг...

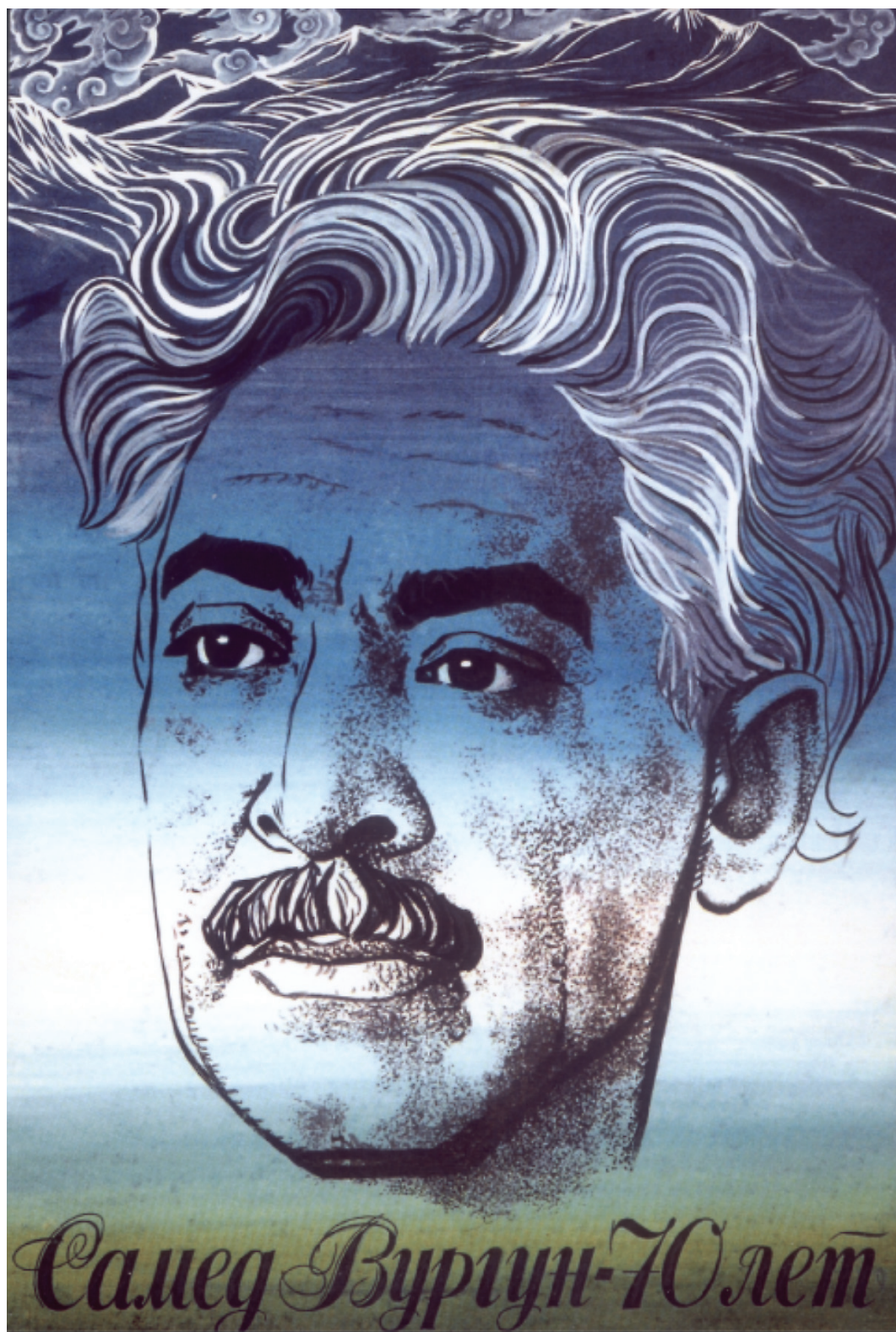
Боль этой разлуки выплеснулась неожиданно и пронзительно в символической “Тоске моста” Самеда Вургун.

Поэт, созерцающий через окно приграничного поезда, ставшего у Аракса, оба берега реки, соединенной древним, но уже безлюдным, неживым мостом, сердцем художника одушевляет мертвый камень и сопереживает всем своим существом боль, таящуюся в этом красноречивом символе разлуки:

*Взираю на мост... Стоит наш состав.
Как будто нарочно томит ожиданьем
И нет ни следа средь разросшихся трав,
Ни тропки на камнях, покрытых бурьяном,
Кто знает, кто знает, с каких уже пор
По ним не ступала нога человека,
К дорогам прикован их каменный взор,
К безлюдным дорогам от века до века...*

Для слова, для мысли нет границ, и поэзии не нужны рукотворные мосты. Поэзия сама - это мост, это дорога, наше душевное утешение, наша надежда, обходящая за пядью пядь родные края...

Карты бывают разные - политические, географические, климатические, исторические, прочие... Поэзия Самеда Вургун, увенчанная знаменитым творением “Азербайд-

Самед Вургун. Художник Эльмира Шахтахтинская

жан”, - поэтическая карта нашей родины. Родины неразделимой, единой, нерасчленимой войнами, терактами, кровью, слезами, - от Баку до Маку, от Карабаха до Карадага, от Зенджана до Зангилана.

С тех же изначальных пор, когда нам предстают заснеженные горы, увитые белыми туманами, мириады огней, окаймляющих Бакинскую бухту, наш слух привыкает к музыке стиха, к ритмам вургуновской поэзии, запечатлевшей “журавлиные очи родных родников”, и “ночного Аракса медлительный ход”, и курлыканье журавлей...

...Наш слух привыкает и к музыке стиха, к созвучиям рифм, - с младенческой поры в нашей памяти навсегда запечатлеваются строки Самеда Вургуна. Поэт, знакомый нам с первых в жизни книг - “Азбука”, “Родная речь”, предстает нашему воображению не просто как автор стихов, а как легендарная личность. От его облика, рано поседевшей головы, задумчивого, светящегося теплого взора, горделивой осанки веет дыханием вечности, духом легенды, дастана - и кажется, что поэт при жизни превратился в памятник, превзойдя отпущенный ему земной срок... На фотографиях последнего года жизни он выглядит гораздо старше своих пятидесяти лет (ведь не ахти какой возраст!). Пятьдесят лет - срединный рубеж творческой жизни, но при мысли о Самеде Вургуне кажется, что у него и вовсе не было среднего возраста и его поэтическая биография состоит только лишь из двух стадий. Годы пылкой, кипучей неумной молодости и - пора мудрой степенности аксакала, пора духовной зрелости, когда ощущение бытия обретает особую значимость - “пока живой, теплом земли дышу... мне некуда спешить. Я не спешу...”. Конечно, такое представление о поэте обманчиво. И в возрасте двадцати одного года он мог предаваться размышлениям о том, что “сказанья жизни - караванный путь” (“Дилижанское ущелье”), и на закате дней написать стихотворение с рефреном “Поэт, как рано постарел ты...”, в котором сквозь грусть и сожаление о быстротекущем времени прорывается светлая вера в свою необходимость людям, народу, родине.

Караванный путь под названием “жизнь”, пройденный от “Дилижанского ущелья” до последних, лебединых песен, - это не только путь поэта, это вместе с тем очень значимый и противоречивый исторический перелом, трудный перевал эпохи. Потому разделять наследие Самеда Вургуна на два этапа под условными знаками “энтузиазм молодости” и “сдержанность умудренной зрелости” было бы заблуждением.

В поэзии Самеда Вургуна отозвалась эпоха, со всеми диссонансами, взлетами и спадами. По-моему, величайший драматизм этой поэзии - борьба поэта за право оставаться поэтом, за сохранение своей индивидуальной художнической природы, поэтической натуры перед всеми борениями и бурями эпохи...

В чем же заключаются корневые черты, истинная суть художнической, поэтической натуры Самеда Вургуна? Несомненно, что масштабное искусство личности со столь богатым творческим миром не стоит сводить к двум-трем определяющим чертам. Да это и невозможно. Есть еще одно обстоятельство: помимо общего канонического образа, у каждого читателя и почитателя есть свой, личностный, индивидуальный Самед Вургун. То есть каждый читатель выбирает в многоцветном мире поэта то, что созвучно его вкусам, что наиболее близко его душе, и читательская любовь определяется личными предпочтениями. Например, для меня такие поэтические жемчужины, как два стихотворе-

ния с редифом “Даглар” (“Горы”), “Вспомнилось мне”, “Одинокая могила”, “Я не спешу”, “Поэт, как рано постарел ты...”, “Телогрейка”, “Вспомни обо мне”, ценнее и значимее некоторых поэм Самеда Вургуна. В поэме “Мугань” художественной вершиной этого произведения представляется гошма “Джейран” - с ее родниково-прозрачной чистотой. Я никоим образом не хочу противопоставлять отдельные вургуновские стихи его поэмам. Напротив, такое творение, как “Комсомольская поэма”, проникнутая истинной романтикой, духом искреннего молодого энтузиазма, с профессиональной точки зрения выглядит более сжатой, совершенной, глубокой, нежели, скажем, стихи “Песнь грядущего” или “Легенда Луны”. В “Комсомольской поэме” бьется пульс времени, слышится гул эпохи, ощущается ее накал. За размеренной, чеканной поступью строк проступают человеческие судьбы, яркие характеры. История, начавшаяся “студеным ясным вечером, зимой”, полная героического самоотвержения, драматизма и печали, завершается другим вечером, при свете луны, мерцающем в лоне вод, в мире, где нет уже прекрасной Хумай, нет влюбленного Джамала, нет гордого Герай бека. В этом прекрасном художественном произведении, повествующем о страницах жестокой классовой борьбы, об истории несчастливой любви, ставшей жертвой смертельного противостояния, воссоздающем колоритные подробности светлого праздника Новруз, первого любительского спектакля на селе, нашли отражение точные приметы эпохи, народных обычаев и традиций, крутые императивы, призывы, понятия времени. И в тексте поэмы, исключительно живо и наглядно представляющей реальный мир, многоцветные проявления человеческих отношений и движений человеческой души, мы ощущаем дыхание истинной и вечной поэзии, возносящейся, как внезапная вулканическая вспышка, над всем земным, суетным, над идеологиями, страстями и пристрастиями:

*Я на землю гляжу - куш и трав благодать,
Я гляжу в небеса - на вратах их печать,
Мироздание - тайна, что не разгадать.
Манит взоры со дня сотворения мир.*

*Видишь, цвет, не успевший раскрыться, зачах,
Так и мыслящий мозг обратится во прах,
Тут урон, там приrost, но не выдаст никак
Древней тайны круговращения мир.*

*Уж таков у вселенной извечный уклад,
Она - вечна, но отпущенный срок - аманат,
Жизнь готова владельца всегда променять.
Здравствуй, вечно не знающий тления мир!*

Быть может, мое суждение субъективно, но для меня величие, самобытность, мощь поэзии Самеда Вургуна заключена именно в этой стихотворной исповеди и в художественных воплощениях этого рода... Неподдельная мудрость, вытекающая из простых, обыкновенных слов, истинно философская пронизательность беспартийных, чуждых изысков и выпренности высказываний...

*Что внушаемо жизнью - сомнительно сплошь,
Смерть же значит - прорыв из сомнения...*

В этих строках, вышедших из-под пера двадцатитрехлетнего поэта, сквозит стремление постичь суть и смысл бытия.

Выше, говоря о внутреннем драматизме поэзии Самеда Вургуну, я имел в виду природную поэтическую стихию, с ее первозданной прозрачностью и чистотой, истинную, я бы сказал, простодушную мудрость художнического таланта, лирическую искренность, - то, что изначально было заложено в творческой натуре поэта. Увы, в движении общества происходят такие “атмосферные явления”, когда от художника требуется отнюдь не искренность, естественность, самобытность, а панегирики, дифирамбы, трескучее одописание во славу сильных мира сего... И истинное существо поэзии Самеда Вургуну, ее высокая простота, питавшаяся родниковыми истоками народной поэзии, стремится сберечь и сохранить свою самобытность перед натиском всевозможной “придворной” литературной бижутерии...

Игнорируя эту борьбу, обходя ее молчанием, мы тем самым закрываем глаза на творческую волю Самеда Вургуну - на силу художника, вышедшего победителем из трудных борений.

С испытанием на верность своей поэтической природе Самеду Вургуну пришлось столкнуться еще на первых порах своего творчества. Старший брат поэта, Мехдихан Векилов, вспоминал: когда знаменитый просветитель Фиридун бек Кочарли не захотел принимать двенадцатилетнего Самеда в семинарию, подросток с неожиданной для его возраста серьезностью и пылкостью возразил маститому педагогу: “Эх, Фиридун бек, откуда вам знать, что в этом сердце!”. Да, сызмала сердце Самеда было переполнено невысказанных, невыплеснувшихся в слове переживаний - лира Самеда Вургуну, потерявшего в шестилетнем возрасте мать - Махбубу ханум, росшего под звуки томительно щемящих мелодий саза в руках овдовевшего отца - Юсиф-аги, исходившего вдоль и поперек окрестные горы, увитые волглыми туманами, цветущие долины, леса Гараязы с их серебристыми рощами деревьев, прикуринские пойменные луга в розовом дыму цветущего тамариска, внимавшего ночной грустной переключке одиноких козодоев, - эта лира была настроена на лад пронзительной и томительной красоты родной земли:

*Вспоминается мне неприкаянный вечер
В нашем доме. Горела свеча, оплывая.
Пролетала в тиши журавлиная стая,
Я мечтал устремиться за нею, как птица,
Полететь до далекого самого края...*

*Мне хотелось сбежать из родимого крова.
Но бескрыл человек!.. Хмуря детские брови,
Я зажегся несбыточной жгучей мечтой.
Головою прильнув к материнским коленям,
Я забылся, охваченный грезами, сном...*

Не удивительно, что такой мечтательный, впечатлительный юноша, чуткий к чарующей красоте природы, познавший горечь раннего сиротства, в очень раннем возрасте оказался подверженным страданиям любви... Потому нам не кажется странным несоответствие между исповедью юного поэта с обычным представлением об этом возрасте:

*С тех пор, как достиг я пятнадцати лет,
Познал я немало лишений и бед,
Удары судьбы омрачили расцвет,
И ради любви окаянным я стал.*

В этих строках прорастают первые всходы “вургунства” - и как состояния очарованности (“вургун” - очарованный, влюбленный) юной души, и как этапного литературного явления в азербайджанской поэзии - “Вургунства” с большой буквы...

Выбирая псевдоним “Вургун”, юный Самед, быть может, и не думал, что предопределяет кредо своего творчества. Самоотверженная, одержимая любовь к прекрасной избраннице сердца - “вургунлуг” - вскоре приобрела куда более объемный, многомерный масштаб... Влюбленность (“вургунлуг”) в народ, в родину, в жизнь, в раскаленный, kloкочущий пульс времени, ритмы эпохи... “Вургунлуг” - (“вургунство”, русский эквивалент этого понятия не полностью передает смысловой объем) - стало выражением, знаком эстетической позиции.

Самед Вургун стал более чем свидетелем, летописцем, “зеркалом” эпохи - он стал ее “вургунном”, очарованным, влюбленным трибуном, песнетворцем, и смотрел на жизнь замороженным взором, а замороженный взор означает, что на что-то приходится вольно или невольно закрывать глаза. Это - не достоинство или недостаток поэзии Самеда Вургуна, это ее особенность, характерная черта.

Мирза Турсунзаде, Самед Вургун, Михаил Шолохов

Самед Вургун совершенно искренне называл себя певцом, поэтом “светлых дней” и стремился отстранить от своих стихов, мыслей, сердца все то, что не соответствовало этой концепции... Но это было делом нелегким. Как Маяковский “становился на горло собственной песне”, Самед Вургуну так же не был чужд борения внутренних страстей, дум и сомнений... Самед Вургун принес в поэзию чувствования любви с ее горестями и радостями, его вдохновение было заквашено на крылатых грезах и мечтаниях, но он же с самых ранних пор своего творчества ставил с суровой непримиримостью табу перед своим вдохновением:

*Я клятву дал, что впредь мое перо
Не вдохновят красавицы вовеки...*

Еще одно характерное признание:

*Мечты мои в грядущее стремятся,
И их не окрыляют миражи!..*

Самед Вургун и Назим Хикмет

С чем же было связано то, что поэт крылатым воображением хотел отделиться от упоительной радости полета в мире творческих фантазий, стремился “обуздать” своего Пегаса? Постулаты эпохи, вернее, ее эстетические установки требовали, и на определенном этапе самому Самеду Вургуну казалось, надо стать “поэтом миллионов, пропахших бензином и серой”, чтобы “не отстать от отряда”. И, собственно, он запальчиво считал, что не вправе быть поэтом “цветущих весен”, “украшенного белым перламутром” саза, “торжеств под зурну”... По-

этический манифест довольно ясен и безоговорочен, но существо художника не вмещается в прокрустово ложе подобных самолично заявленных программ; он пишет и творит, движимый неистребимым духом, живущим в нем, прислушиваясь к голосу сердца... и поэтический подвиг Самеда Вургунa, при всем при том, что он не избегнул влияния преходящих лозунгов эпохи, - в сохранении, сбережении своей естественной творческой природы.

В воспоминаниях Мехдихана Векилова есть интересный и очень характерный для понимания характера Вургунa эпизод: “...Самеда избрали сперва делегатом на съезд комсомола Армении, затем - на съезд коммунистической молодежи Закавказья, а там - на съезд комсомола страны. Однако по пути из Тифлиса в Москву, доехав до станции Акстафа, поэт увидел гору Гейазен, родной Казах, вспомнил свою любимую и, в порыве, свойственном “Дэли шаиру”⁵⁵, сойдя с поезда, вернулся напрямик в Казах, к бабушке своей...”.

Этот случай - не только примечательное проявление личности Вургунa, но и ключ к пониманию определенных направлений его творчества, в особенности такого классического образца его лирики, как стихотворение “Вспомнилось мне...”.

Некоторое время спустя после написания стихов о первой любви, о природе Самед Вургун как бы отрешивается от них приговором - “Мои умершие стихи”, перечеркивает даже такую проникновенно-тонкую гошму, как “Дилижанское ущелье”. В годы учебы в Москве поэт окунается в кипучую атмосферу столичной жизни, замечая, что “в этом краю ни грусти, ни разлуки, ни забот, ни страсти Санана, ни тоски ожида-

⁵⁵ Один из псевдонимов С.Вургунa; означает “безумный (шаловой) поэт”.

Участники I Съезда Советских писателей

ния...”; вопрошает: “вспоминает разве горестные дни” поэт этого нового мира, где вольны души, чувства свободны?..

Вургун оставляет позади переходный период своих поэтических исканий, отмеченный раскрепощенными, взвихренными ритмами “Рапорта”, “Фонаря”, создает ряд ставших знаменитыми стихотворений, снискавших ему не только всенародную любовь, но и заслуживших официальное благорасположение, в том числе произведения, воспевающие Сталина; он участвует в высоких форумах, голос его звучит с самых авторитетных трибун... Естественная, проникновенно-искренняя, природная вургуновская поэзия утверждается не только как литературное направление, но и как официально признанная творческая позиция. И именно в эту пору, достигнув высокой ступени славы и признания, из сердца его исторгается пронзительная исповедь, лирический шедевр - “Вспомнилось мне...”.

*Моя лебедь-краса, в ком не чаял души!
Жизни ранней цветенье вспомнилось мне...*

Каждая картина, каждая подробность минувших дней, всплывающая в памяти поэта, затрагивает самые сокровенные струны души; и плетъ со спелой круглой шамамой на осеннем баштане, и грация джейрана, и журавлиные очи, и лапки горных куропаток-кекликов, будто покрашенные хной, и предпраздничные хлопоты сельских молодых, раскатывающих тесто для слоеных сдобных лепешек-фесели, и суеверное пересчитывание прядей помолвленных девушек перед встречей с суженым - все это не просто ост-

Группа участников и гостей II съезда Азербайджанских писателей: А.Макаров, Самед Вургун, К.Симонов, М.Ибрагимов, С.Рагимов; стоят (слева направо): Р.Кочар, Мехти Гусейн, И.Мурадов, Г.Сейтлиев, П.Антокольский, Э.Велиев. 16 марта 1954 г.

ровки заветной памяти, живущей в душе поэта, но корневые ценности поэтического существа Вургун, его духовное достояние, неподвластное забвению... Поэт заглядывает сквозь прожитые годы, пройденные пути-дороги, через “вынужденные” песнопения - в далекое былое, его память блуждает по родным долам и горам, и он возвращается к первоистокам своей поэтической природы и колыбели своего творческого “я”. Хотя “Вспомнилось мне...” - поэтический разговор о, казалось бы, простых, обычных картинах и реалиях жизни, это - стихотворение программное; программное именно своей обращенностью к первоистокам и естественным мотивам бытия. Под стихотворением дата - 1936. В канун роковых и трагических событий тридцать седьмого, в предгрозовой атмосфере близящейся кровавой и смертной войны Самед Вургун вспоминает с пронзительной тоской обычные простые радости сельского родного быта - студеный, как лед, катык зимой, айран, прохладный в летнюю жару, по осени - каймак (сливки)...

Конечно, в те годы поэт писал и стихи, непосредственно связанные с глобальными событиями, так сказать, на злобу дня. Но и спустя многие десятилетия, поныне “Вспомнилось мне...” остается для нас неувядающим, совершенным образцом истинной поэзии...

Цели и миссия великой литературы, подлинного искусства - едины, общи, но пути индивидуальной реализации различны. И благо, что это так. Идентичность художественных путей привела бы к удручающей толчее и серятине.

А массовая похожесть - враг искусства. Самед Вургун очень точно указал симптомы этой болезни - шаблонизации:

*Вдруг кладку слова исказит натуга.
Стихи у нас похожи друг на друга.
Одни и те же карты и картины
Не явят взору новые вершины...*

Есть столбовая дорога в литературе - масштабное воплощение эпохи, вдохновенное утверждение подвига человека, его ратного, трудового, творческого деяния, любовь к жизни, к человеку, очарованность миром во всем его неисчерпаемом многоцветьи. Творчество Самеда Вургуня - блестящий пример следования по этому почетному и трудному пути.

Но есть в жизни не только борцы и творцы, но и обездоленные бедолаги, есть беды и невзгоды, большие узлы, эпохальные драмы и противоречия. И литература не может обойти их. Литература не только утверждает и возвышает человека, - она и утешает его, протягивает ему руку милосердия и участия. И, наконец, публичное, художественное слово видит свое назначение и в обнажении социальных язв, в изобличении нравственной ущербности, уродств, в изничтожении пороков и несовершенств оружием сатиры, иронии, смеха - таков путь Мирзы Алекпера Сабира, Мирзы Джагила.

Природа таланта, поэтическая натура, мироощущение Самеда Вургуня были изначально заряжены жизнеутверждающей созидательной энергией - он стремился видеть

*Слева: Сулейман Рустам, Самед Вургун, Владимир Луговской,
Нигяр Рафибейли, Константин Федин, Мирварид Дилбази;
во втором ряду: Джафар Джафаров, Мамед Рагим и Осман Сарывелли*

жизнь только в победительных, светлых тонах, но он не мог не видеть и существования тьмы, вечного противоборства добра и зла, и не устранился от борьбы литературы против мрака, темноты, окопавшейся в сознании и душах людей.

Порой определенное дистанцирование поэта от сатирических жанров истолковывают как его пренебрежительное отношение к сатире как таковой. Конечно же, это несправедливо. Хотя сам поэт скромно писал:

*Читатель! Признаюсь, греха не тая,
Сатира - стихия, увы, не моя... -*

Мы не можем согласиться с этим суждением поэта. Убедительное доказательство сатирического дара Вургун - впечатляющие поэтические фрагменты, бьющие не в бровь, а в глаз:

*Тош, ледащ отпетый трус,
Подведет - не дует в ус,
Мямлит, что - не разберусь,
Свое гнет он потихоньку.*

*На миру, собой кичась,
Храбрецом глядит подчас,
А в беде, в тяжелый час
Улизнет он потихоньку.*

*Заколдован наш герой,
Ранишь - крови никакой.
Между полымем - водой
Прошмыгнет он потихоньку.*

Автор таких острых и разящих строк не мог оставаться равнодушным к сатире. Строки Самеда Вургун о сатирическом смехе, сатирических жанрах занимают важное место в его литературных заветах грядущей смене:

*Еще один заботит нас огрех:
Порой мы предаем забвенью смех.
Читатель ждет: найдется ли шаир,
Творец уничтожающих сатир?
Ведь в наши руки вверенная лира -
Наследие великого Сабира...*

Обратим внимание и на то, что в иных случаях Самед Вургун высказывал тревожащие его душу серьезные, мучительные вопросы, облакая их в парадоксальную, как бы шершавую форму:

*Быть может, горький день - расплата за отрадный,
Быть может, горечь - лишь услады лик обратный?*

Памятник Самеду Вургуну в Баку. Скульптор Ф.Абдурахманов

*Быть может, солнце - ложь, и истинна лишь ночь?
Несметные загадки решить уму невмочь.
К чему сей антураж: туманных философий?
Нам тешит душу смех вослед слезе суровой...*

*Сабир Рустамханлы, Анар, Юсиф Самедоглу,
Закир Фахри, Мамед Исмаил у памятника
Самеду Вургуну в Газахе*

Как прискорбно, что рок прервал жизнь Самеда Вургун на судьбоносном перевале столетия, на важном историческом переходе общественного и политического бытия.

Сколько широких возможностей и горизонтов открыла новая эпоха для того, чтобы поэт мог высказать невысказанное так, как ему хотелось бы, все то, что он унес в сердце своем...

Сколько еще мог написать поэт, ушедший пятидесятилетним из жизни...

Если мы сегодня гордимся богатой творческой сокровищницей, подаренной нам великим поэтом, то к этой гордости примешивается неизбывная горечь от сознания его отсутствия, его раннего ухода...

Отмечая его круглые юбилеи, мы с болью вспоминаем и день прощания с ним, день, когда мы потеряли его...

Я писал эти заметки в октябре 1986 года, по прошествии тридцати лет после его ухода. И обратился к нему самому его же строки, написанные по поводу иной утраты:

*Тридцать лет, тридцать лет прожили без тебя!
Тридцать лет, тридцать лет, как отторжен от нас,
Стал сокровищем в прахе юдоли скорбей,
Но свершенья твои, светясь, пламеня,
Словно солнце, взошли над отчизной твоей.
Будь Эдемом весь мир, не забудется горе...
Мы расстались с тобой в дни рассвета весны...*

Будут сменяться весны и зимы, годы, десятилетия, века... Имя Самеда Вургун будет жить в каждом уголке нашей родины, обходя ее за пядью пядь, передаваясь из уст в уста, от поколения к поколению...

От Баку до Маку, от Дербента до Меренда, от Казвина до Казаха...

Перевод Сиявуша Мамедзаде
Октябрь 1986 - январь 2006

С Сулейманом без Сулеймана

В одном из своих исповедальных стихотворений Сулейман Рустам пишет:

*Мы все когда-нибудь уйдем, настанут дни без Сулеймана.
Поэты новые для вас споют одни - без Сулеймана.
Настанет новая весна, и расцветет в садах гвоздика,
И разольется птичья трель в густой тени - без Сулеймана.
В горах созреет алый мак величиной с живое сердце,
И в вешних водах жаркий день зажжет огни - без Сулеймана.
Но где бы ни собрался вновь междис ценителей искусства,
Уже не смогут обойтись нигде они без Сулеймана!*

Поэт прав. Вот уже более восьмидесяти лет азербайджанскую поэзию невозможно представить без творческого вклада Сулеймана Рустама. И хотя он ушел из жизни двадцать лет тому назад, ни ценители искусства, ни историки и исследователи азербайджанской литературы, ни многочисленные читатели не “могут обойтись без Сулеймана”.

Он вошел в литературу в середине 20-х годов и по праву считается одним из пионеров азербайджанской поэзии советского периода. Из книг, изданных в Баку в двадцатых годах, два поэтических сборника стали событием в литературной жизни: “Песня пьющих солнце” Назыма Хикмета и “От печали к радости” Сулеймана Рустама. Редактором книги Н.Хикмета был Сулейман Рустам. Многие годы спустя он вспоминал, что в те годы с Назымом они были знакомы заочно. Назым Хикмет учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. “Он часто посылал из Москвы свои замечательные стихи для нашего журнала “Маариф ве меденият” (“Просвещение и культура”). Он очень интересовался пролетарской поэзией Азербайджана. Хотел узнать, стихи на какие темы и в каком духе привлекают наших читателей. Очень быстро азербайджанские читатели полюбили талантливого турецкого поэта, революционера и патриота. Мы постоянно переписывались и приглашали его в Баку. Наконец он приехал, начались жаркие литературные беседы с ним. Назым был очень доволен встречами с поэтами, писателями, читателями в Баку. Он очень любил море. По вечерам мы на лодке выходили в море. Мы собрали стихи поэта, опубликованные в нашем журнале, и издали его книгу. Таким образом, первый поэтический сборник поэта вышел в Баку. Он был очень обрадован этим и горячо благодарил нас”, - вспоминает Сулейман Рустам.

Назым Хикмет оплатил эту радость пятнадцатью годами турецкой тюрьмы, когда вернулся на родину и был арестован как коммунистический пропагандист.

Сулейман Рустам

Во второй раз Назым Хикмет приехал в Баку уже в 50-х годах прошлого столетия, встретился со старыми друзьями Сулейманом Рустамом, Микаилом Рафили, Мамедом Рагимом, познакомился с Самедом Вургуном, Расулом Рзой. После смерти Хикмета Сулейман Рустам посвятил его памяти статью “Поэт с пламенным сердцем” и стихи “Назым снова в море”, имея в виду пароход, носящий имя поэта.

В 50-е годы Назым Хикмет написал несколько статей, посвященных культуре, литературе Азербайджана. В статье 1957 года он писал: “У основателей современной азербайджанской поэзии Сулеймана Рустама, Самеда Вургуна, Расула Рзы - общие корни в глубинах родной земли, они - ветви одного могучего дерева, но в то же время существенно отличаются друг от друга”.

Тесную дружбу с азербайджанскими поэтами Назым Хикмет сохранил до конца своей жизни. Он написал проникновенную элегию на смерть Микаила Рафили, а Рафили в стихах, посвященных Назыму Хикмету, вспоминает незабываемый вечер, проведенный с турецким поэтом:

*Ах, как удивителен - этот осенний бакинский вечер.
Ах, какой удивительный человек Сулейман,
с его заразительным смехом.*

(Подстрочный перевод)

Естественно, имеется в виду Сулейман Рустам, который в самом деле обладал удивительным чувством юмора. Назым Хикмет всегда приезжал в Баку вместе с Акпером Бабаевым - своим другом, переводчиком и исследователем. Именно Акпер советовал Назыму, с кем ему здесь встречаться, какие мероприятия, концерты, спектакли посещать. Сулейман Рустам острил на этот счет: Акпер представляет Назыму Азербайджан в своей редакции.

В 20-е годы Сулейман Рустам был одним из наиболее активных деятелей писательской организации Азербайджана. Естественно, он встречался и со многими литературными гостями нашего города. Сохранилась его фотография со знаменитым американским писателем Джоном Дос Пассосом, посетившим в те годы Баку. На другой фотографии мы видим Владимира Маяковского с Гусейном Джавидом и Сулейманом Рустамом.

*Справа: Расул Рза, Сулейман Рустам,
Энвер Мамедханлы, Али Назим*

Стоят слева: Ахмед Джамиль, Ильяс Эфендиев, Расул Рза, Мехти Гусейн, Али Велиев, Осман Сарывелли. Сидят: Сулейман Рустам, Мирза Ибрагимов

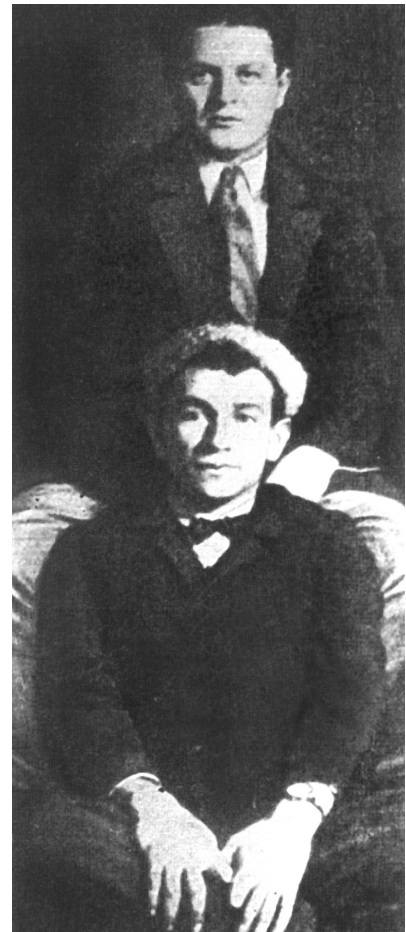
Сулейман Рустам и Джон Дос Пассос

Когда в 1973 году я ездил в Турцию в составе делегации, возглавляемой Константином Симоновым, он подарил мне редкую книгу о знаменитой выставке 1 февраля 1930 года в Москве, посвященной 20-летию творческой деятельности Маяковского и бойкотированной руководителями РАПП. В этой книге нашел отражение любопытный факт: в числе посетителей выставки - 44 студента, 36 школьников, 18 рабочих, 8 журналистов и всего трое поэтов. Один из этих троих - Сулейман Рустам. Когда по возвращении в Баку я сказал об этом Сулейману муаллиму, он был тронут тем, что история как-то зафиксировала этот факт.

Одно из ранних стихотворений С.Рустама называется "Романтика ночи". Романтическое отношение к жизни он сохранил на протяжении всего своего творческого пути, хотя с годами осознавал, что во Временах, в которых ему доводится существовать, не так уж много радостей, зато немало печалей.

Чувство новизны присуще не только содержанию его стихов того периода, но и их форме. Одно из ярких произведений Сулеймана Рустама - новаторские по своей сути стихи о Чапаеве. В этом стихотворении автор вводит в нашу поэзию совершенно новые принципы аллитерации, игры слов. Своей музыкой они передают топот несущейся в бой конницы, сабельный звон. Из-за невозможности адекватной передачи этих строк на русском языке я привожу их в оригинале:

*Çıngıl daşlı çayları Çarayev çapa-çapa
Keçib, biçir çöllərdə çar canavarlarını
Çaray keçir hücumu
Yel kimi cuma-cuma
Çar çaylardan Çarayım*

*Сулейман Рустам и
Назим Хикмет*

Doğsun günəşim ayım

Çar o çapsın, mən çarım, sən çar, qoy biz də çaraq

Çar gələcək günlərin səhərinə yol açaq.

Весьма условный и приблизительный перевод этого отрывка:

Чапаев мчится по степи, проходит реку вброд,

Грядущего он видит жизнь

И скачет к ней - вперед.

Он, глядя вдаль, на стременах

Упруго поднялся,

Пускай услышат клич его

Бойцы в родном краю.

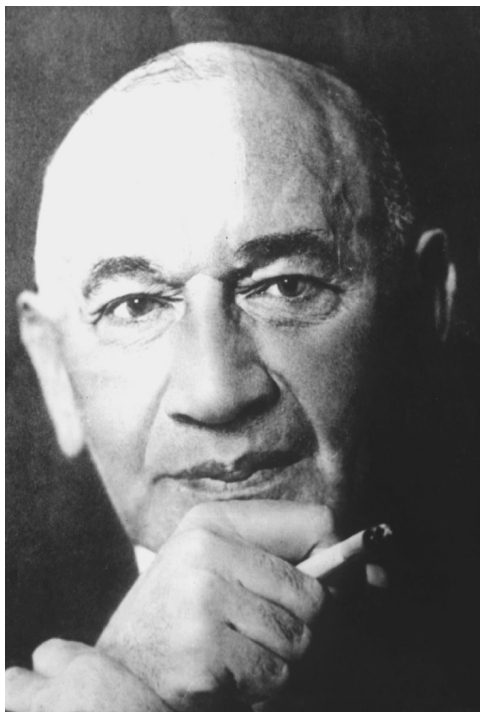
Так в бой, чапаевцы, в огонь!

Руби, круши, вали!

Вперед! Мы - свет грядущих дней

Мы - счастье всей земли!

(Перевод Я.Кейхауз)

Почти забыто имя некогда легендарного героя Василия Ивановича, в лучшем случае он - персонаж анекдотов. Но фильм, посвященный Чапаеву, до сих пор в числе шедевров мирового киноискусства. И стихи Сулеймана Рустама, вошедшие в золотой фонд азербайджанской поэзии, на многие годы пережили славу самого Чапаева.

Очень популярное в годы войны стихотворение Сулеймана Рустама “Мать и почтальон” стало утешением для тысяч матерей, ждущих вестей с фронта, писем от своих сыновей.

Особое место в творчестве поэта занимает тема Южного Азербайджана. В цикле стихов “Два берега”, “Тоска по Югу” он с глубокой болью пишет о трагедии разделенного народа. Патриотические мотивы в этих циклах успешно сочетаются с лирическими.

В гневной отповеди тем, кто на Юге запрещает говорить на родном языке:

*Я же не трогаю твой язык, палач,
И ты не глумись над моим языком.*

(Подстрочный перевод)

в ностальгических строках:

*И снова в сердце ожила тавризская любовь,
Утраченная навсегда, но близкая любовь,
Мне снова вспомнился Тавриз, и замелькали дни -
Те отлетевшие от нас в глухие дали дни.*

(Перевод В.Портнова)

Слева: Мирварид Дилбази, Сулейман Рустам, Бахтияр Вагабзаде,
Чингиз Айтматов и Мирза Ибрагимов

в лирическом признании:

*Горят уста твои, весна, - и вновь зовет меня Тавриз,
Бутоны, соловьи, весна - и вновь зовет меня Тавриз.
Я должен братьев и сестер, и милую мою обнять...
Любовь старинная верна, - и вновь зовет меня Тавриз.*

(Перевод В.Портнова)

- целая гамма чувств, переживаний, воспоминаний. Они и составляют суть цикла “Тоска по Югу”.

В молодые годы Сулейман Рустам писал стихи и верлибром. Он - автор значительных произведений в размере “хеджа”. Но он, больше чем все его видные современни-

ки (за исключением А.Вахида), создал стихи в размере “аруз”. Его газели, написанные в этом традиционном размере и соответствующие всем канонам жанра, отличаются, однако, дыханием реальной жизни, современной лексикой, мироощущением именно наших дней. Во-первых, Сулейман Рустам пользуется более простым и доступным языком, чем поэты-классики прошлого, во-вторых, он привносит в свою любовную лирику элементы легкого и изящного юмора, который присущ был характеру самого Сулеймана Рустама. Весьма “серьезные” любовные газели он неожиданно завершает каким-нибудь шутивным признанием.

Так, например, одну сугубо лирическую газель поэт заканчивает строчками:

*Как только Сулейман видит любимую,
Порежь его палец ножом, он даже не заметит*

(Подстрочный перевод)

Или вот такая концовка:

*Дорогая, не верь тому, что говорят тебе про меня,
Ведь и про тебя каждый день наговаривают Сулейману*

(Подстрочный перевод)

Или вот газель, целиком построенная на шутливой интонации:

*Ты уходишь? Бог с тобой! Разлюбила? Добрый путь!
Я не стану звать с мольбою. Разлюбила? Добрый путь!
Не надейся, что в тоске очи кровью изойдут,
Я пойду своей тропой. Разлюбила? Добрый путь!
Сулейман Рустам навек лишь в поэзию влюблен
Что ж осталось для другой! Разлюбила? Добрый путь!*

(Перевод В. Портнова)

Конечно, в творческом наследии Сулеймана Рустама немало стихотворений, написанных на потребу дня, по неминуемым партийным заказам. Но не этими вынужденными и вымученными опусами остался он в истории нашей поэзии. Поэт живет в памяти людей лучшими своими стихами, которые убедительно подтверждают: несмотря на то, что Сулейман Рустам провозглашал: “Я - сын революции, я сам - Революция”, сердце его было отдано не политическим лозунгам или злободневным социальным темам. Больше всего на свете он в самом деле был влюблен в поэзию как таковую.

Ноябрь 2009 г.

Надгробный памятник Сулеймана Рустама. Скульптор Омар Эльдаров

Поэт, давший имя озеру

Тому назад сто лет, 25 марта в абшеронском селе Кала родился на свет Алмас Ильдырым, поэт злосчастной, скитальческой судьбы. Явился на свет с презумпцией “виновности”, ибо родился поэтом и “виной” его была любовь к “обреченному отечеству”. “Вина” его была в том, что при том режиме любить свою нацию, свой народ считалось опасной “крамоллой”.

Алмас Ильдырым в своих поэтических исповедях мучительно искал ответ на это абсурдное табу.

Он вопрошал сам себя: “Я не могу понять, за что отчизну любящий поэт гоним, как тать?..”. И не находил ответа. “Не промышлял разбоем и не был я абреком, убийств не учинял я человекам”, - сокрушался он и стремился уразуметь причины этих горестей судьбы:

*Почему как изгой я в родимом краю?
Задыхаюсь, как узник в углу беспросветном.
Почему, Господи, я родился поэтом
В этот проклятый век, в обреченном краю?*

В этом-то и было дело. “В проклятый век” родился Алмас Ильдырым, в “обреченном краю”, родился поэтом, осознавшим несправедность эпохи, кабальную обреченность своего народа. Алмас Ильдырым двадцать лет своей сорокалетней жизни был обречен жить на чужбине, и изгнание поэта началось еще на родине: “Я чужестранник в собственном краю”. Помимо эмиграции физической есть и эмиграция духа. Жить в среде, не понимающей тебя, обрушивающей на тебя непропалую хулу и злобу, - равносильно изгнанию в своем отечестве.

И зоилы, которые подвергали критическому огню все написанное молодым, еще не дотянувшим до 24 лет талантливым поэтом, впоследствии, когда Алмас Ильдырым посмертно получил заслуженное признание, стали даже делиться “теплыми” воспоминаниями о нем...

Измученный моральными (пока) гонениями, ядовитыми уколами в печати, на собраниях, поэт перебирается в древний азербайджанский город Дербент, позднее пристегнутый к другой республике, и там, оставаясь верным своему поэтическому призванию, пишет не только о своем народе, но и о трагической доле братских кавказских народов - чеченцев, аварцев, лезгин, славит их героическое прошлое, разделяет их горести. И здесь его не оставляют в покое. Движимый иллюзорными надеждами, он возвращается в Баку - опять ему нет житья, и на сей раз, навсегда простившись с родным городом, он перебирается за Каспий, в Ашхабад. Он пишет в “Прощай, Баку!”:

*Прощай, обитель светлая, прощай,
 Душа полна пронзительной печали,
 И очи слезы горькие застлали,
 Здесь двадцать пять моих лет пролетели,
 Меня терзали беды то и дело.
 Лишь ты в невзгодах обо мне радела,
 Над колыбелью пела ты... Прощай...*

Поэт прощался с селом Кала, где родился, с поселком Шувеляны, где прожил отроческие и юные годы, с Баку - началом литературного первопутка, с бакинскими старинными кварталами - Чемберекендом, Пирвезенли, с древней Девичьей башней - свидетельницей веков...

В часы прощания он сетовал Михаилу Мушфику - другому нашему поэту с трагической участью: судьба как будто предназначила мне обходить все тюркские края. Это был только первый этап долгой "одиссеи" поэта по тюркскому миру, первым знакомством с Туркестаном, еще не разделенным на Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан. А впереди еще были Южный Азербайджан, Анатолия...

Конечно, главной причиной нападков на поэта со стороны пишущей братии были нетерпимость к инакомыслию, то, что он не ввязывался в "классовую борьбу" с достаточным рвением. Но, как ни странно, за некоторыми инвективами просматривалось больше идеологического неприятия, личная корысть, бытовые "интересы". Один из са-

У озера Хазар в Турции

мых рьяных критиков, обрушивавшихся на него в Азербайджане, преследует его и в Туркестане, сей гонитель добирается и в Ашхабад и там пытается вставлять ему палки в колеса. Причина? “Классовая бдительность”? “Идейная борьба”? Отнюдь нет. Оказывается, этот персонаж пылал сердечными чувствами к одной молодой поэтессе, а та благосклонно относилась к Алмасу Ильдыму. Но в результате поэтесса становится женой злопыхателя, а ашхабадская жизнь Алмаса Ильдыма превращается в сущий ад. Там он и построил семью, родился сын. Приходит пора, когда он осознает, что здесь не сможет жить. С помощью тестя он, столкнувшись с караваном контрабандистов, пытается перебраться в Иран. На каком-то отрезке пути они отстают от каравана. Чтобы грудной ребенок не выдал их плачем,

мать всю дорогу кормит младенца грудью; дорога истощает их силы, уже у матери пропадает молоко; молодая чета в отчаянии принимает страшное решение - оставить дитя где-нибудь под скалой и искать спасения самим. Но, пройдя несколько шагов, опомнившись, они бросаются к покинутому крохе и осыпают его покаянными ласками...

Эту душераздирающую историю многие годы спустя поведал тот самый младенец, уже выросший в Турции Азер... Тогда его родители ценой тысяч мытарств перешли границу и сразу попали в руки иранских спецслужб: “ты - шурави”, пришел из Советского Союза, значит, ты советский шпион!”.

Стремясь выбить признание, поэта подвергают пыткам в течение шестидесяти дней. Если бы экзекуторы прочли его стихи, направленные против советского режима, кремлевских гегемонов, то, может, сменили бы гнев на милость. Впрочем, нет, благо, что они не ведали о его поэзии, ведь перу Алмаса Ильдыма принадлежали и такие строки: “Я знаю, трепещет устами Иран, и в нем есть чертоги, достойные пасть...”

Наконец, поэт, вырвавшись из лап безжалостных режимов - пролетарской диктатуры и шахской тирании, пройдя с семьей через трудные дороги, добирается до Турции.

В Турции, в этой братской стране, которую поэт с юности обожал, гордясь своей принадлежностью к тюркскому миру, гордясь славным прошлым тюркства и настрадавшись за эту свою любовь, - он должен был, наконец, обрести покой и творческую свободу. И обрел-таки... Но ведь непросто было забыть Куру и Аракс, и голубой Каспий, просторы Мильской, Муганской степей... Ведь даже уроженцы азербайджанских сел, перебравшиеся в города, зачастую тоскуют по сельскому родному приволью. И эта ностальгия неутолима, неизбежна, и потому ранит все острее и сильнее.

Одно из самых пронзительных стихотворений не только Алмаса Ильдрыма, но и всей азербайджанской поэзии:

*На груди своей взлелеявший меня,
Из слезы своей содеявший меня,
Колыбельной боль посеявший в меня,
Азербайджан, моя мать, горе мне.
По тебе пылать тоской доколе мне?*

*Стал Каабою души, святыней мне.
Без тебя как мыкаться чужбиной мне?
Без тебя Аллах зачем отныне мне?
Азербайджан, златоносный венец мой!
Спит fortuna, слеп мой жребий, конец мой!*

Человек не может жить без надежды. Быть может, поэт питал надежду, что когда-то вернется в Азербайджан, в то же время понимал и иллюзорность этого чаяния. Поэтому в стихах, звучащих как завещание сыну Азеру, он писал:

*Справит край торжественно пиры,
Возликуют в день счастливый все дворы,
Ты дождешься вожденной той поры,
Доживу ли я? Не знаю, вряд ли...*

Увы, поэт не дожил до тех дней.

Родину, по которой тосковал отец долгие годы, суждено было увидеть его сыну, Азеру Алмасу, и, взволнованный этой встречей, он написал стихи, посвященные памяти Алмаса Ильдрыма:

*Издалека Миль, Мугань ты обозри,
На букеты от бакинцев посмотри,
Твое имя на устах у Азери.
Солнцем счастья Азербайджан осиян.
Возвращайся на престол свой и воспрянь.
Боль твоя, отец, теперь во мне кричит,
Мне б когда-то здесь навеки опочить...*

Алмас Ильдым, навсегда расставшийся с родиной, унес с собой Азербайджан в Турцию не только стихами, словом своим и здешней деятельностью. На окраине турецкого города Элазик, где он прожил долгие годы, есть прекрасное озеро. Встарь его называли “Тельджук” (“Маленькое озеро”). Поэт обратился с письмом к Ататюрку, где просил дать озеру название “Хазар гёлю” - Великий лидер уважил просьбу поэта, и озеро получило имя “Хазар”.

И вот ежегодно проводимые турецкими и азербайджанскими поэтами литературные празднества называются “Хазар ахшамлары”. Несколько лет тому назад мне довелось участвовать в таком вечере поэзии в Баку, а два года тому назад меня пригласили в Элазик, там я познакомился и обрел много достойных друзей, и с уважаемым профессором Ахмедом Бураном мы посетили озеро Хазар, обязанное своим именем незабвенному поэту.

Элазик - утопающий в садах прекрасный благоустроенный город. В последние годы этот город превращается в своего рода региональный культурный центр страны. Несомненно, здесь свою весомую лепту внесли и поэтические вечера “Хазар”, и естественно, что на этих празднествах имя Алмаса Ильдрыма поминается с благодарностью.

Жители Элазика бережно и почтительно заботятся о достопримечательностях, связанных с именем нашего поэта. Один из поэтических вечеров был всецело посвящен Алмасу Ильдрыму, доклады, выступления о нем составили солидную книгу, изданную здесь. В том году в канун 100-летия поэта в издательстве “Манас”, возглавляемом высокочтимым другом Булутом Шенером, выйдет книга Алмаса Ильдрыма “от Хазара до Хазара”, подготовленная благородными кропотливыми стараниями другого моего дорогого друга - Энвера Араза. Это самое полное, самое совершенное издание произведений поэта, вышедших в свет в Турции и в Азербайджане.

В обширном предисловии к книге обстоятельно говорится о биографии поэта, анализируется его творчество. В сборник вошли стихи, написанные Алмасом Ильдрымом в Баку, Дербенте, Ашхабаде, Тегеране, Тебризе и в Турции, собранные поэтом в Элазике фольклорные образцы - баяты (их разновидность - “мани”); книгу дополняют стихи азербайджанских и турецких авторов, посвященные поэту, обзор статей о нем, библиография его произведений и книг, даже даны подробные изложения телепередач об Алмаса Ильдрыме. Все учтено - словник, источники, то есть выполнены все требования, предъявляемые к строгому научному изданию. И я хочу выразить глубочайшую благодарность нашим турецким друзьям за этот благородный труд. И рад, что имел честь написать предисловие к этому изданию.

В жизни случаются удивительные совпадения. Родившийся в азербайджанском селе Кала, поэт ушел из жизни в турецком селении с тем же названием - Кала.

Но, к сожалению, до сих пор его последний приют не найден и не выявлен.

У Алмаса Ильдрыма есть и такие строки:

*Танры, ты счел меня недостойным Страны Огней?
Будь рай твоим,
твоей Кааба,
дай пядь Отчизны
на могилу...*

Алмасу Ильдрыму не досталось даже “пяди Отчизны на могилу”.

И все же, слава Аллаху, что на его родной абшеронской земле - в Шувелянах - возведен памятник поэту.

3 марта 2007 г.

Перевод Сиявуша Мамедзаде

Памятник Алмасу Ильдыму в Баку

Чужбина во мне

Некогда Аббас Саххат сказал:

*Нет человека, не любящего родину,
Если ж найдется такой, то нет у него совести...*

Любовь к родине для каждого человека столь же естественна, как любовь к матери. Постоянно твердить о любви к родине не менее противоестественно, как и заверять о любви к матери. Любовь к родине не декларируется просто словами, а проявляется в делах, поступках, борьбе. Любить родину - это значит в трудные мгновения, когда видишь, что ее увлекают в пропасть, оставаться верным своим мыслям, своей вере, не отступать от своих убеждений. Даже если ты остаешься в одиночестве. Не зря Мирза Джалил любил повторять: "Говори тем, кто не слышит тебя".

Последней акцией в любви к родине является необходимость покинуть родину во имя ее. Политическая эмиграция начинается там, где исчерпывают все средства борьбы за родину. И азербайджанская эмиграция в этом смысле не является исключением. Иногда я думаю: отчего в нашей литературе, поэзии, фольклоре - от Деде Горгуда до Ашуга Гариба, от наших баяты до Шахрияра - такое большое место занимают темы тоски, расставания, одиночества, чужбины. Отчего выражение "Я вспомнил", которым вспоминают ушедшее, - наиболее часто повторяющийся рифм, рефрен в нашей поэзии. Отчего лучшие строки нашей поэзии посвящены журавлям - символу чужбины?

Наверное, оттого, что трудно найти азербайджанскую семью, в которой в той или иной форме не было бы изгнанников, живущих на чужбине.

Тайная боль эмиграции, разговоры, тоска по родине, страдания в разлуке с детства преследовали и нашу семью.

*Стамбул в тумане,
В сердце сомнения,
Исчезли мои надежды,
Пропали в одно мгновение.*

(Подстрочный перевод)

Моя мать написала эти строки в 1956 году, во время первой туристической поездки в Турцию. В то время она не только не знала адреса своего брата, с 1929 года живущего в Турции, но ей не было известно, жив ли он. Знала лишь, что он врач. И она бродила по улицам Стамбула, искала глазами вывески врачей - вдруг среди них встре-

тится имя Кямиля. Но не встретила. Дядя Кямиль работал в те годы не в Стамбуле, а в другом турецком городе. И фамилия его была уже не Рафибейли, а Арран.

Род Рафибейли, к которому принадлежала моя мать, после 28 апреля 1920 года рассеяло по всей земле. Часть его была сослана на Урал, в Киргизию, на Алтай, однако большинство Рафибейли переселились в Турцию. Чтобы защитить оставшихся в Азербайджане родственников, они изменили свои фамилии, так появились в Турции Арраны, Сайгыны, Аскераны. И сегодня, после того как большинство первых эмигрантов Рафибейли скончались, их детей осталось в Турции не меньше, чем наших родственников, живущих в Азербайджане.

По доносу нескольких армян в мае 1920 года следователь-армянин провел дознание, в результате которого мой дед, первый министр здравоохранения Азербайджанской Демократической Республики, губернатор Гянджи - Худадат бек Рафибейли - был расстрелян. Офицеры азербайджанской армии Эюб бек и Самед бек Рафибейли с боями провели свои полки через Иран в Турцию. Иранское правительство соглашалось пропустить их, если солдаты разоружатся, однако это условие принято не было. Они всей частью, в полном вооружении присоединились в Турции к армии Мустафы Кемалья Ататюрка, ведущей освободительную войну. Приняв фамилию Сайгын, Самед бек дослужился до звания паши (генерала).

Исследователь периода Демократической Республики, деятельности политических деятелей того времени (опубликовавший всеми правдами и неправдами в 60-е годы в журнале "Гобустан" эти документы) Мовсум Алиев перед моей поездкой в Турцию, где я собирался уточнить ряд имен и событий, дал мне целый список. В нем было имя и Наги Кейкуруна (из рода Шейхзамановых). Мне удалось собрать ряд биографических данных о нем, раздобыть его фотографию. Глава разведки в период Демократической Республики, Наги бек явился автором интересной книги "Воспоминания о борьбе за независимость Азербайджана", изданной в Стамбуле в 1964 году, которую мне подарил мой двоюродный брат Айдын Арран. Факты, изложенные в этой книге, рассказали мне о глубинных причинах несчастий, обрушившихся на наш род. Ряд сведений, приведенных там, в частности работа Берии в разведке, которую возглавлял Наги бек, носят сенсационный характер и должны вызвать интерес читателей. Я постараюсь опубликовать наиболее интересные части книги в других органах печати, пока же приведу лишь несколько цитат. Наги бек писал:

"Как видно из моих воспоминаний, национальное правительство было создано в Гяндже, а не в Баку. В Баку власть и управление было в руках наших противников... Вся тяжесть борьбы за независимость Азербайджана полностью легла на Гянджу... Однако борцы за свободу, видя, что враг сильнее их по численности, попросили помощи у братской Турции и получили ее. И совместными усилиями удалось освободить столицу Азербайджана - Баку - от врагов".

Рассказывая о создании национального правительства в Гяндже и о первых годах азербайджанской независимости, автор повествует о создании там партии "Дифаи".

"В Гяндже народом руководил могучий Алиакпер бек Рафибейли (отец Худадат бека - А.)... В тот период мы получали помощь от нескольких патриотов. Их возглавляли Алиакпер бек Рафибейли, два брата Хасмамедли - Алиакпер и Алиаскер, Насиб бек

Юсифбейли, доктор Гасан Агаоглы. Они как-то вечером пригласили на ужин Ахмед бека Агаоглы, обстоятельно поговорили и приняли решение организовать народ во избежание всяких будущих провокаций со стороны русских и армян. Алиакпер беку было лет 70, он получал пенсию. Это был дворянин высокого роста, широкоплечий, со строгим взглядом, немногословный, с логичной и рассудительной речью, человек культурный и любящий народ. Он взял на себя организацию всех наших патриотических начинаний, будучи в то же время почетным председателем нашей первой в Азербайджане подпольной партии “Дифаи”.

Они опасались провокаций, которые могли организовать армяне при подстрекательстве русских, однако через несколько лет дашнаки руками русских большевиков перерезали все бекские семьи в Гяндже. Когда в 20-е годы большевики объявили о том, что с беками в Гяндже будет покончено, моя бабушка Джавахир ханум смогла переправить двух своих сыновей: одного - в Россию, а другого - в Турцию. Дядя Кямиль хорошо играл на таре. И как-то осенним вечером 1929 года он, взяв с собой только тар, навсегда простился с родной Гянджой, родным Азербайджаном, с матерью и младшей сестрой Нигяр и перешел Аракс, очутился в Иране, а оттуда уехал в Турцию. Там он играл на таре, участвовал в поставленном азербайджанскими эмигрантами любительском спектакле “Аршин мал алан”, в котором исполнил роль Аскера (афишу этого спектакля и фотографии дяди в этой роли мне подарил Айдын во время моей поездки в Турцию). Зарабатывая игрой на таре, дядя Кямиль смог одновременно поступить на медицинский факультет университета. Как-то университет посетил Мустафа Кемаль паша. В честь этого визита студенты дали концерт, во время которого Ататюрк обратил внимание на юношу, игравшего на таре. Тар в то время в Турции был неизвестен или же известен очень мало. Ататюрк поинтересовался именем этого музыканта.

- Это парень из Азербайджана, - ответили ему. - Он зарабатывает игрой на таре и таким образом оплачивает свое обучение.

Ататюрк позвал к себе молодого музыканта, познакомился с ним.

- Турецкая молодежь должна брать с тебя пример, - сказал Ататюрк. - Ты и работаешь, и учишься на заработанные деньги.

Этим воспоминаниями поделился со мной мой ныне покойный дядя. Он проучился в Турции, работал, стал врачом, женился, стал отцом троих детей, скончался и был похоронен там. Турция стала для него второй родиной.

Естественно, что для азербайджанцев, эмигрировавших в Турцию или родившихся там, эта страна не чужая. Но откуда же тогда в стихах, написанных азербайджанцами, живущими в Турции, эта тоска, эта печаль по родине, грусть эмиграции, ни на секунду не затихающее желание увидеть родную землю, слиться с ней? Может, ответ на этот горький вопрос можно найти в знаменитых стихах турецкого поэта Кямаладдина Каму:

*Нет ни желаний, нет ни дел
Раненый мир...
Не я на чужбине,
Чужбина во мне...*

